Эффект Геллера

Бад Лайон Пикфорд

Ури Геллер

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В автобиографической книге знаменитого экстрасенса Ури Геллера, написанной им совместно с писателем Г.Л. Плэйфайром, рассказывается о невероятных историях, происходящих в жизни этого удивительного человека, его уникальных способностях усилием воли сгибать металлические предметы, телепатически угадывать и передавать мысли на расстоянии, воздействовать на часовые механизмы и сложнейшие компьютерные системы… Встречи с крупнейшими политическими деятелями, популярными музыкантами, актерами, спортсменами, звездами эстрады ждут читателей на страницах этой книги, рассчитанной на самую широкую массовую аудиторию.

- УРИ ГЕЛЛЕР
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ЧАСТЬ I
    - Глава 1. Еще раз об Ури
  - ЧАСТЬ II
    - Глава 2. Это Мексика
    - Глава 3. Список-заказ
    - Глава 4. Новые направления
    - Глава 5. Передавая послание
    - Глава 6. Удачи и поражения
    - Глава 7. Небольшое дело
    - Глава 8. Компьютеры и ученые
    - Глава 9. Большой бизнес
    - Глава 10. Геллермания и после
    - Глава 11. Восстановление репутации
    - Глава 12. В борьбе за мир
  - ЧАСТЬ III
    - Глава 13. Синдром Боливара
    - Глава 14. Охотники на ведьм
    - Глава 15. Состояние искусства
    - Глава 16. Волшебство крупным планом
    - Глава 17. Что бы это ни было
  - ЭПИЛОГ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - БЛАГОДАРНОСТИ

УРИ ГЕЛЛЕР
ГАЙ ЛАЙОН ПЛЭЙФАЙР
ЭФФЕКТ ГЕЛЛЕРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мире периодически появляются уникальные люди, которые благодаря их необычайным способностям и деятельности в науке, искусстве или политике способствуют возникновению новой эпохи в жизни мирового сообщества. Они, подобно горной лавине, громогласно заявляют о себе и увлекают за собой миллионы людей в своем неудержимом движении. Именно к таким необычайно одаренным личностям принадлежит Ури Геллер, открывший новую эпоху в парапсихологии. Я рад представить нашей широкой общественности, хотя и с опозданием, его книги «Моя история» и «Эффект Геллера», в которых подробно рассказывается о многих событиях в жизни Ури. Эти книги читаются со смешанным чувством восторга и удивления и с гордостью за то; как многое порой бывает подвластно воле человека.

Необходимо кратко рассказать о появлении Ури Геллера на мировой сцене. У. Геллера — эту сверх новую звезду (supernova) в парапсихологии — открыл и первым стал изучать известный американский специалист в области электроники и медицины д-р Андриа Пухарич, и уже в 1969 году слава об Ури перешагнула границы многих стран и континентов. На Ури Геллера обратил внимание американский космонавт Эдгар Митчелл, директор Института ноэтики, и благодаря его моральной и финансовой поддержке и помощи в 1972 году в Станфордском исследовательском институте в Калифорнии — в этом центре передовой науки — известными физиками Х.Путхоффом и Р.Таргом были проведены тщательные шестинедельные исследования паранормальных способностей У.Гел-лера. Но то, что увидели ученые при исследовании, обескуражило их. В своем заключении, которое они сделали в сообщении на физическом коллоквиуме в Колумбийском университете, они высказались так: «Мы наблюдали определенные явления, которые мы не можем научно объяснить. Все, что мы можем сказать в настоящий момент, так это то, что дальнейшее исследование является безусловно оправданным».

Из сказанного видно, насколько осторожны были ученые в своей оценке способностей Ури Геллера, и их можно понять, так как проведенные ими исследования поставили в затруднение не только их, но и всю мировую науку, поскольку они не укладывались в рамки физических законов. Исследования учеными деятельности У.Геллера приводили к революционным научным взглядам, они требовали пересмотра существующих

научных воззрений, то есть смены научной парадигмы. Последующие исследования, проведенные с У. Геллером в разных странах мира, подтвердили этот первоначальный вывод.

Ури Геллер посетил многие страны мира со своими показательными выступлениями, и ученые почти всего мира, авторитетные специалисты — физики, инженеры, математики, врачи, парапсихологи, иллюзионисты, фотографы и другие — могли лично убедиться в реальности паранормальных явлений. В течение ряда лет способности Ури проверялись в самых различных лабораториях стран мира, и ученые убедились, что все это не массовый гипноз, не иллюзия, не эффект внушения, а реальные психофизические явления. Исследования ученых с У. Геллером были представлены в обширной монографии «Документальные материалы об Ури Геллере. Научные наблюдения паранормальных способностей Ури Геллера», вышедшей в 1976 году в Бостоне под редакцией известного физика Ч.Пана-ти.

Научные материалы, представленные в этой книге, поражают своей необычайностью, и они могут вызвать недоверие у многих ученых. Достаточно хотя бы кратко только перечислить то, что показал Ури Геллер ученым. Ученые убедились — и миллионы людей были этому свидетелями, — что Ури Геллер способен мысленным усилием (!) или в ряде случаев лишь только нежно касаясь пальцами руки активно воздействовать на живую и неживую материю. Он показал реально психоэнергетическую силу мысли и возможность управлять ею по своему желанию. Ури Геллер может:

действовать на расстоянии (дистантно) на металлические и другие по качеству предметы, изгибать, разламывать, разрывать их, даже если они помещены в капсулы или стеклянные трубки;

распознавать изображения, находящиеся в магнитной памяти ЭВМ, на экране телевизора при нулевой интенсивности сигнала, в закрытых двойных конвертах;

указывать местонахождение спрятанных предметов;

определять грань игральной кости, выпадающей после встряхивания в закрытой коробочке;

приводить в движение стрелку компаса;

нарушать работу магнитометра и устройства, создающего электрический ток за счет радиоактивного распада атомов;

считывать мысли у находящегося рядом человека;

впечатывать свое изображение на пленку полностью закрытого фотоаппарата;

изменять по своему желанию: вес груза, находящегося на автоматических весах; показания счетчика радиоактивного

излучения; форму нитиловой проволоки, обладающей особой «температурной памятью» к первоначальной деформации; движение стрелки электроизмерительного прибора;

проводить исчезновение предметов и вновь их восстанавливать на прежнем месте (materialization and dematerialization);

приводить в движение стрелки поврежденных часов и запускать давно остановившиеся часы;

осуществлять на самолете поиск полезных ископаемых золота, нефти, алмазов и т. д.

На вопрос о том, как он выполняет телепатические или ясновидческие эксперименты, Ури Геллер ответил так: «В моем уме экран, подобный телевизионному. Он присутствует всегда, и даже когда я говорю или слушаю. Если я воспринимаю что-то, изображение этого появляется в виде картины. Я не чувствую этого, *я действительно вижу* (курсив У. Геллера. — А.Д.) это».

Следует отметить некоторые особенности выступлений Ури Геллера. Для выполнения психокинетических экспериментов Ури нуждается в присутствии других людей, как-будто бы он подпитывается энергией от них. Кроме того, замечены еще поразительные эффекты — способность обычных людей «заряжаться» от Ури Геллера и последствие его влияния. В результате простые люди получают возможность выполнять такие же действия, какие в высшей степени доступны лишь У. Геллеру и перечислены выше. Специалисты в области физики, профессора Д.Тэйлор («Сверхумственные способности», 1975) и Д. Хастед («Изгибатели металла», 1981), описали в указанных в книгах, вышедших в Лондоне, много достоверных случаев, когда после телевизионных выступлений У. Геллера психокинетические действия выполняли дети. Интересно также, что после выступлений У. Геллера в окружающей среде наблюдается спонтанное изменение разных предметов — изгибаются вилки и ложки, трескаются чашки и стаканы, разрываются кольца и браслеты, цепочки. Эффект последействия — одно из значительных явлений в выступлениях У. Геллера.

Изучая материалы о выступлениях У. Геллера, я часто встречал заключения специалистов, что производимые им феномены, эффекты являются подлинными, настоящими. На английском языке слово «подлинный» обозначается как genuine. Мне думается, что авторы научных исследований допускают одинаковую ошибку: им следовало бы сказать не как они пишут «Uri Geller is genuine», а «Ури — гений!» («Uri is genius!») Добро пожаловать, Ури Геллер!

А. П. Дубров,

доктор биологических наук, член-основатель Международной ассоциации по исследованию проблем психотроники и член Президиума Всесоюзного комитета по проблемам энергоинформационного обмена в природе Союза научных и инженерных обществ СССР

ЧАСТЬ I
Во всех направлениях
(Гай Лайон Плэйфайр)

Глава 1. Еще раз об Ури

«Смотри, — сказал Ури, — вот то, что я делаю».

Он взял кофейную ложечку, которую я предусмотрительно принес с собой, зажал ее между большим и указательным пальцами правой руки и начал слегка поглаживать рукоятку указательным пальцем левой руки.

Я смотрел с таким вниманием, с каким, наверное, никогда в жизни ни на что не смотрел. Десять с лишним лет я ждал встречи с этим противоречивым человеком, о котором так много спорили, из-за которого, казалось, весь мир разделился на два непримиримо враждующих лагеря: один из них называет его величайшим в истории демонстратором паранормальной или психической энергии, а другой пытается доказать, что он всего лишь необычайно искусный шарлатан.

Надо сказать, что это была моя собственная ложка. Я получил ее и еще одну такую же в подарок от голландской кофейной компании несколько недель назад и теперь не спускал с нее глаз в течение трех или четырех минут с момента, когда вручил ее Геллеру, и до тех пор, пока он не вернул ее мне.

«Ты захватил фотоаппарат?» — спросил он, потерев еще немного ложку указательным пальцем левой руки.

Ага, сказал я про себя. Он отвлекает меня. Пока я буду рыться в сумке, искать фотоаппарат, взводить затвор, он совершит быстрые пассы и элементарно согнет ложку при помощи мускулов, без всякой психической энергии.

Этого шанса я ему не дал. Мои глаза неотрывно следили за ложкой, когда я наклонился, чтобы взять камеру. Полуавтоматический фотоаппарат «Олимпус» не требовалось наводить, и с такого маленького расстояния я мог снимать, не глядя в видоискатель.

Меня предупреждали, что Ури не сидит долго на одном месте, что он любит быстро вышагивать по комнате туда-сюда и этим отвлекает внимание людей. Однако он продолжал сидеть на своем велотренажере.

«Мне необходимы физические нагрузки каждый день, иначе я утрачу свою энергию», — объяснил он и в течение примерно десяти минут энергично крутил педали, прежде чем продемонстрировал мне эту энергию.

«Она уже гнется!» — воскликнул он, после того как я сделал второй снимок. *Я* ничего не ответил и щелкнул в третий раз.

Тут он закончил крутить педали, взял ложку и поднял ее почти на уровень плеча.

«Теперь она будет сгибаться до тех пор, пока не согнется до У0°», — заверил он меня.

Ложка, вне всякого сомнения, погнулась, но я все же не мог с уверенностью сказать, что он не помог ей в этом при помощи пальцев. Мне и в самом деле не хотелось утверждать, что-нибудь определенное до тех пор, пока не проявлю пленку, не увеличу снимки и не изучу их тщательнейшим образом.

Я на всякий случай щелкнул еще два раза. Ури не сделал ни одного подозрительного движения и не старался как-то внести меня в заблуждение.

В тот же день, просидев пару часов в фотолаборатории, я смог удостовериться, что угол сгиба у ложки заметнее всего увеличился в промежутке между четвертым и пятым снимками, хотя правая рука Ури и пальцы левой руки не изменили своего положения. Кроме того, я заметил, что ложка продолжала сгибаться и в тот момент, когда я делал свой последний снимок.

Все это было поразительно.

Сразу после демонстрации зрительного психокинеза или физических изменений, вызванных мысленным посылом, Ури вызвался продемонстрировать мне еще один вид своей энергии — телепатию. Он попросил нарисовать что-нибудь в блокноте, а затем попытаться мысленно спроектировать ему этот рисунок.

Я держал блокнот параллельно груди и делал движения ручкой, которые не имели никакого отношения к тому, что я на самом деле рисовал. Это, полагал я, помешает ему угадать, что именно я рисовал по движению ручки и по звуку, производимому ею. То, что я в действительности нарисовал после того, как Ури пришел в нетерпение и попросил меня поторопиться, была маленькая головка и корона с тремя точками над ней. Пока я рисовал, он отвернулся от меня и прикрыл глаза руками. Затем повернулся ко мне.

«Теперь посмотри мне в глаза и мысленно передай мне, что ты нарисовал», — сказал он, пронзив меня взглядом своих больших почти абсолютно черных глаз.

Мне не хотелось долго смотреть в эти глаза.

Поэтому, мысленно воспроизводя рисунок королевской головки, я продолжал медленно водить глазами.

«Я не получаю сигнал», — сказал он, и я попробовал еще раз. После этого он нагнулся вперед, взял свою тетрадь и что-то быстро в ней набросал. «Не думаю, что это правильно, — сказал он, — но это все, что я получил».

В подобном эксперименте важно, чтобы вы увидели воспроизведение своего рисунка до того, как другой увидит оригинал. Иначе несколько быстрых штрихов тонким

карандашом, укрепленном на подушечке пальца, — это все, что необходимо для того, чтобы откорректировать рисунок. Я с удовлетворением отметил, что он не пользовался таким карандашом. К тому же я первым увидел его рисунок, до того как он увидел мой.

Как он и сказал, рисунок был неверным, или не совсем верным. Однако между двумя рисунками были интересные сходства. Он нарисовал три круга: из одного в разные стороны торчали четыре линии, другой был похож на ухо кошки, наконец, последний изображал голову кошки с ушами, глазами и усами.

Голова кошки поразительно походила на мою человеческую голову и по размеру, и по форме. Ури взял мою ручку и сделал на моем и своем рисунках две отметки, наверху и внизу обеих головок. «Если ты измеришь расстояния с помощью миллиметровой рулетки, убедишься, что они полностью совпадают».

Позже я измерил — действительно, так и было. Снова я был поражен. Если это была ловкость рук, это была высококлассная работа.

«Видишь, — сказал он. — Все, что я делаю, я делаю по-настоящему».

У меня не: было причин с этим не соглашаться. Было ли то, что он продемонстрировал фокусом или психическим воздействием на ложку и на сознание, — это было на самом деле. Ложка погнулась, рисунок был хотя бы частично воспроизведен — и все это без помощи каких-либо видимых методов. Существование его психической энергии казалось мне вполне реальным.

И все же….

Хотя мы тачали переписываться с Ури более десяти лет на зад и у нас были общие знакомые, мы ни разу до этого не встречались. Я пристально следил за его карьерой с начала 70-х годов, с: того момента, когда он стал известен за пределами Израиля, и собрал за эти годы большое досье на него в надежде, что когда-нибудь напишу о нем. В середине этого десятилетия мне стало ясно, что он был либо величайшим телепатом, либо величайшим шарлатаном. Как и многие другие, я не знал, кем же; все-таки в действительности…

Прежде чем мне удалось это выяснить, я утерял с ним всякую связь, и в последующие годы все, что я о нем слышал, было слухами, большинство из которых были нелестными: он утратил свою энергию, его разоблачили, он ударился в бега, он сбежал в Мексику и т. д. В то же время говорили, что ему удастся каким-то образом делать большие деньги.

Когда в начале 1985 года я узнал, что он поселился в Англии, я не без внутреннего содрогания думал о встрече с ним. Единственная вещь, которую я в свое время написал о нем, была не очень-то лестной. И вот однажды в апреле Ури совершенно неожиданно позвонил мне из квартиры, которую он снимал буквально в нескольких минутах ходьбы от моего дома. Я был, мягко выражаясь, удивлен. У моего порога находилась самая противоречивая в мире знаменитость — и приглашала меня в гости.

Я с радостью принял приглашение, хотя в голове мелькнуло подозрение. Интересно, думал я, неужели он так сильно нуждается в рекламе, что приглашает к себе домой писателей? Действительно ли он утратил свою энергию и пытается ли он сейчас ее вернуть?

Из брошюры на столе портье в доме, где он снимал квартиру, я выяснил, что рента за проживание составляла 800 фунтов стерлингов в неделю. Портье позвонил по нужному номеру и, не получив ответа, бросил: «Попробую позвонить в другую квартиру!» Оказывается, Ури Геллер и его семья снимали сразу две квартиры! Его месячная квартплата была такой же, как мои расходы за год, а ведь он жил здесь уже в течение двух или трех месяцев.

Он встретил меня как брата, которого сто лет не видел, и сразу же поинтересовался, как идут мои книги, над чем я сейчас работаю и где живу. Мы поговорили об общих знакомых и сошлись во мнении по поводу их деятельности. Я почувствовал, что он проявляет искреннюю заинтересованность, а не простое любопытство. Я спросил: «Чем вы в последнее время занимаетесь?»

«В данный момент я ищу золото, — ответил он, — а до этого…» И он принялся перечислять названия многонациональных корпораций, разведывательных организаций и даже имена одного или двух государственных руководителей. Очень скоро я достиг состояния, которое писатель Рене Хайнес назвал порогом страха, — состояния, когда мозг уже не удерживает информацию об обсуждаемом предмете, более того — отторгает ее.

«Люди постоянно спрашивали меня: „Если ты такой телепат, почему до сих пор не миллионер?“ Что ж, теперь я могу сказать, я стал им!» Я почувствовал, что он не хвастал и действительно говорил правду.

Ему не надо было быть телепатом, чтобы понять, что я на самом деле заинтересован в том, чтобы написать о нем. От тех, кто вращался в литературных кругах, я узнал, что он работал над

продолжением своей автобиографической книги «Моя история», вышедшей в свет в 1975 году.

«Может быть, мы могли бы поработать вместе», — сказал он.

После непродолжительного обсуждения мы пришли к соглашению о том, как мы будем писать эту книгу: он будет наговаривать текст своими словами на диктофон, а я буду выступать в качестве интервьюера и редактора. Затем он будет вычитывать отредактированный текст, делая необходимые поправки. Я напишу отдельный раздел, в котором свяжу историю Ури с новейшими исследованиями в области психологии, а также попытаюсь ответить на вопросы, на которые ему трудно ответить непредвзято, например: «Существует ли он на самом деле? Почему многие убеждены, что нет?» И наконец, как я надеялся, мне удастся ответить на вопрос: «Что все это значит?»

Последнего вопроса можно было бы коснуться, конечно, только в том случае, если бы я убедился, что его телепатические способности действительно существуют. В самом начале нашего сотрудничества я дал ему понять, что после первой встречи я не пришел к однозначному выводу о том, обладает ли он такими способностями или нет. В этой связи я чувствовал, что он совершил величайший акт доверия, пригласив меня работать с ним, особенно после того, как я дал ему понять, что не допускаю по отношению к себе никакой цензуры, хотя и не возражаю против исправления фактических ошибок.

«Я не могу прийти к однозначному заключению после одной единственной демонстрации сгибания ложки и чтения мыслей на расстоянии, — говорил я ему, — кроме вывода, что я хочу больше знать о тебе. Я хочу от начала и до конца перечитать все, что писали о тебе и твои гонители, и твои сторонники. После этого я смогу сделать вывод. Во всяком случае, я на это надеюсь».

Если этот парень просто фокусник, подумал я про себя, он сразу же укажет мне на дверь.

«Давай, действуй», — мгновенно ответил он. После этого я должен был взять обратно большинство своих слов. Ури показал мне одну из своих спален, которая от пола до потолка была забита коробками и ящиками. Здесь были газеты, журналы, книги, аудио- и видеокассеты, коробки с фильмами и черт знает что еще. Для того чтобы все это изучить, с ужасом думал я, мне нужен минимум год.

«Остальное должно прийти в контейнере», — успокаивающе заметил Ури.

Для полной авторизированной биографии Ури Геллера время еще не приспело, решил я. Когда же оно наступит? Лет эдак через 20 или 30 для ее составления потребуется целая команда

писателей, исследователей и несколько лет упорного труда. Но к тому времени материал уже будет храниться в отдельном хранилище типа Собрания Гарри Прайса в Лондонской библиотеке. Уже сейчас собранный материал мог бы занять значительные пространства, а ведь Ури не исполнилось еще и сорока.

Он родился 20 декабря 1946 года в Тель-Авиве. Его родители вынуждены были покинуть свою родину, Венгрию, незадолго до начала второй мировой войны, во время которой Ицхак Геллер служил в еврейской бригаде восьмой армии. Необычайные способности Ури проявились еще в раннем детстве, его мать вспоминает, что столовые ложки гнулись и ломались в руках Ури, когда тому было 4 года, и часто она замечала, что Ури способен читать ее мысли.

Он пошел в школу в Тель-Авиве и, проучившись год в киббуце, поступил в Терра Санта колледж в Никосии (Кипр), куда приехал вместе с матерью и отчимом после развода родителей. Он провел там 6 лет и вернулся в Израиль, когда ему исполнилось 17. Военную службу в армии Израиля он проходил в парашютных войсках, участвовал в Шестидневной войне 1967 года и был ранен в ходе боевых действий. Затем работал инструктором в молодежном лагере, где познакомился с Шипи Штрангом. Эти предприимчивые молодые люди организовали первую публичную демонстрацию телепатической энергии Ури в зале тель-авивской школы в 1969 году. В дальнейшем Шипи Штранг станет для Ури Геллера менеджером, советником в деловых вопросах, страховым агентом и т. д.

Через год с небольшим Геллер становится одной из наиболее популярных личностей в стране. Он даже неожиданно получил что-то вроде рекомендательного письма от премьер-министра Голды Меир. Когда журналисты спросили ее, что она думает о будущем Израиля, она бросила: «Не знаю. Спросите Ури Геллера».

Противоречивые вещи стали высказываться о нем, как только он вышел на публику. 20 октября 1970 г. популярный еженедельник «Хаолам Хазе» на первой обложке опубликовал его фотографию и броский заголовок «Ури Геллер — мошенник».

В августе 1971 года исследователь, противоречивый настолько же, насколько и сам Ури, приехал в Израиль, узнав от своего друга, покойного Ицхака Бентова (он погиб в авиакатастрофе в Чикаго в 1979 г.), о телепатических опытах Геллера. Звали его доктор Андриа Пухарич, изобретатель и исследователь в области медицины с безупречной научной квалификацией и длинным списком патентов на свои изобретения, занимавшийся, в частности, разработкой мини-

аппаратов для людей со слабым слухом. С другой стороны, он занимался изучением необычайно одаренных людей, включая ясновидящих, — Эйлин Гарретт, Гарри Стоуна и Питера Хуркоса и хилера из Бразилии Ариго.

В своей книге «Ури» (1974) он писал, что был настолько поражен увиденным в Израиле, что организовал с помощью астронавта Эдгара Митчелла, совершившего в свое время знаменитый полет на Луну на корабле «Аполлон-14», поездку Геллера в США и серию исследований в лабораториях США и Европы.

Самое детальное исследование было проведено в Станфордском исследовательском институте в Калифорнии позже переименованном в «СИИ Интернэшнл» и упоминаемом им в книге как «Станфорд» или «СИИ»). Здесь физики-лазерщики доктор Харольд Путхофф и Рассел Тарг в конце 1972 года в течение шести недель провели серию тестов и еще одну серию в течение 8 дней в августе 1973 г. Некоторые из них были сняты для фильма СИИ «Эксперименты с Ури Геллером» (1973) и позже были опубликованы в ведущем научном журнале «Нзйче» (18 октября 1974 г.). Подробное популярное изложение этих опытов можно найти в книге Путхоффа и Тарга «Постижение сознания» (1977) и в книге Джона Вильгельма «В поисках супермена» (1976). В обеих книгах содержалась информация из первых рук по поводу тех противоречивых слухов, которые циркулировали вокруг исследований СИИ даже после того, как они были обнародованы, и которые все еще продолжают циркулировать спустя 12 лет.

В том же 1972 году покойный доктор Уилбор Франклин, руководитель отделения психиатрии в Кентском университете в штате Огайо, провел первое исследование способности Геллера гнуть металл.

В октябре 1973 года эти исследования были продолжены исследователем в области психики военно-морских сил США Эл-доном Бердом в Центре сухопутных сил ВМС в Мэриленде. Несмотря на то что исследование не было доведено до конца, доклад Берда, выдержанный в весьма позитивных тонах, был доведен до сведения общественности и стал первым документом такого рода, опубликованным с одобрения министерства обороны. Позже Берд сам научился гнуть металл телепатическим способом и обучал этому других.

Большую часть 1974 года Геллер провел в лабораториях как подопытный кролик. Список людей, исследовавших его (все они сделали положительные отзывы о результатах своей работы), включал: д-ра Томаса П.Кухилла, профессора психиатрии университета Западного Кентукки; профессора А.Р.Г. Оуэна, ныне

декана факультета математики университета Торонто; профессора Джона Б.Хастеда, декана факультета психиатрии колледжа Биркбек Лондонского университета; профессора Джона Г.Тейлора из Лондонского Королевского колледжа, который впоследствии отрекся от своих положительных отзывов; Рональда С.Хоука, исследователя в области психиатрии в лаборатории Лоуренса Ливермора в штате Калифорния.

В июле и августе 1974 года Геллер совершил поездку по Южной Африке, во время которой дал множество публичных выступлений и четыре раза выступил по радио. Д-р Е.Алан Прайс, бывший главный рентгенолог Главного госпиталя Йоханнесбурга, провел полевое изучение знаменитого к тому времени «эффекта Геллера», во время которого Ури выступал в качестве катализатора различных непонятных происшествий в домах жителей. Обобщив в общей сложности 137 свидетельств, д-р Прайс написал длинный доклад, включавший в себя множество документов и статистический анализ, в котором пришел к выводу, что «существует достаточно доказательств того, что эффект Ури Геллера на самом деле существует».

В 1974 и 1975 годах Геллер нашел время для того, чтобы его лично проверили четыре иллюзиониста, каждый из которых пришел к выводу, что его телепатические способности действительно существуют. Мы еще вернемся к их открытиям. Через год его исследовали психолог д-р Тельма Мосс из университетского колледжа в Лос-Анжелесе и д-р Альберт Дюкрок, научный сотрудник телеметрической лаборатории ИНСЕРМ в госпитале Фош во французском городе Тюресн.

Все вышепоименованные исследования были опубликованы в «Документах об Ури Геллере» под редакцией Чарльза Пана-ти, высококвалифицированного психиатра из Колумбийского университета и автора трех учебников и нескольких популярных работ, который некоторое время был научным обозревателем журнала «Ньюсуик».

В течение этого периода «эффект Геллера» стал ощущаться во всем мире. Началось это с поездки Ури в ФРГ в 1972 году, во время которой ему приписывались такие подвиги, как остановка силой внушения эскалатора в универмаге. К этому добавлялись бесчисленные примеры того, что уже становилось его традиционным репертуаром: сгибание ножей, запускание сломанных часов, мысленная передача рисунков.

Это продолжалось в Англии, где Ури участвовал в радио- и телевизионных программах Би-би-си в ноябре 1973 года, которые привели к такому же информационному буму, который возник десятью годами ранее вокруг «Битлз». Геллермания пришла на

смену битломании.

Даже такой рассудительный и серьезный журнал, как «Нью саэнтист», включился в эту компанию, уделив по меньшей ме-* ре 16 страниц и обложку номера от 17 октября 1974 года рассказу на тему «Ури Геллер и наука», который по времени совпал с упомянутой выше публикацией доклада в журнале «Нэй-че».

22 марта 1974 года газета «Дейли мейл» опубликовала результаты опроса, во время которого читателям предлагалось ответить на вопрос: «Обладает ли Ури Геллер психической энергией?» 95 процентов ответили «да».

«Эффект Геллера» распространился в Скандинавии — и даже в большей степени. Во время пресс-конференции журналисты наблюдали за гнущимися в их руках ложками, чувствовали, как шевелятся ключи, зажатые в их руках, смотрели, как Ури воспроизводит то, что они только что нарисовали или задумали нарисовать, и возвращались на свои рабочие места совершенно ошарашенные, обнаруживая, что не могут открыть двери, поскольку ключи больше не подходили к замкам. А ведь Ури к ним даже не прикасался. Во время радио- и телепрограмм, шедших прямым эфиром, заклинивало телефоны от многочисленных звонков слушателей и зрителей, которые спешили сообщить, что годами не шедшие часы вдруг пошли, а ложка или вилка вдруг изогнулась. Жаркие дебаты велись между учеными, которые были убеждены, что «эффект Геллера» заслуживает дальнейшего изучения, и теми, кто отчаянно пытался доказать, что Ури всего лишь фокусник, претендующий на то, чтобы называться телепатом.

Геллермания распространилась со скоростью урагана, захватывая Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, Японию, Латинскую Америку, а также основные европейские страны. Даже появление книги фокусника по имени Джеймс Рэнди, озаглавленной «Шарлатанство Ури Геллера» (1975), только добавило новые штрихи к его популярности. Автору не удалось развенчать легенду о Геллере, как он того хотел, как не удалось ему это и после переиздания переработанного варианта той же книги, вышедшей в 1982 году под названием «Правда об Ури Геллере».

Собственная книга Ури «Моя история» была переведена на 13 языков, после чего последовали приглашения в рекламные поездки по всему миру, и к концу года, когда она вышла (1975), было неясно, когда же наступит конец геллермании, если он вообще наступит.

И все же конец наступил. Наступил так же неожиданно, как неожиданно начался 3–4 года назад. И даже сегодня мы не знаем,

почему это произошло. Одно из возможных объяснений предложено Колином Уилсоном в книге «Феномен Геллера» (1976): «Проводя жизнь в постоянных поездках и выступлениях, у него не было возможности попытаться разобраться в собственном внутреннем мире, где, вероятно, находится источник его энергии. Следующий этап его карьеры, этап самоанализа, должен дать ему такую возможность… Ури Геллер находится сейчас в идеальной ситуации для того, чтобы проверить истинность утверждения, что психическая энергия может быть увеличена за счет внутренней дисциплины».

Уилсон был прав. Период самоанализа действительно наступил — правда, только спустя 3–4 года. Уже к 1976 году карьера Геллера изменила курс. Действительно, временами он напоминал персонажа из книги Стивена Ликока, который «настегивал свою лошадь и мчался, как угорелый, во всех направлениях».

— Что же заставило тебя сменить образ жизни? — спросил я у Ури в первый день нашей совместной работы.

Он на мгновение задумался, а потом ответил:

— Телефонный звонок.

— Чем не начало для книги, — заметил я. — Итак…

ЧАСТЬ II
По всему свету
(Ури Геллер)

Глава 2. Это Мексика

Портье уже начал выносить наши вещи из гостиницы к такси, которое должно было доставить нас в аэропорт. Еще несколько минут и мы с Шипи покинули бы и «Камино Реал отель», да и саму мексиканскую столицу, чтобы отправиться обратно в Нью-Йорк, завершив, таким образом, наше весьма насыщенное путешествие, во время которого мы занимались рекламой и распространением испанского варианта книги «Моя история». Я уже окидывал последним взглядом шкафы и ящики, чтобы не забыть что-нибудь важное, как вдруг в номере зазвонил телефон.

Это был Рауль Астор, глава телевизионной компании, для которой я вчера вечером записал большую передачу.

Ури, — начал он, — я звоню, чтобы сказать тебе кое-что очень важное.

Хорошо, — я взглянул на часы. — Только делай это побыстрее. Иначе я опоздаю на самолет.

Пожалуйста, — продолжал он, — задержись в гостинице, к тебе сейчас должен приехать очень важный человек.

Послушай, Рауль, — сказал я. — Извини, но я не могу никого ждать, потому что не хочу опоздать на самолет.

Ури, выслушай меня внимательно. Ты обязательно должен сделать то, о чем я тебя попрошу — дело очень серьезное!

Я поинтересовался:

— Да о чем, в конце концов, идет речь?

— Понимаешь, жена президента, только что избранного, но еще не вступившего в должность, видела тебя вчера в нашей программе. Один из ее помощников только что позвонил мне и сказал, что она хочет срочно увидеть тебя.

Я поспешил было извиниться и отказаться, но он не дал мне произнести и слова…

— Тебе лучше остаться, — резко прервал Рауль. — Это Мексика. И он стал объяснять, что в их стране президент и его жена — вот кто принимает все решения. Президент, еще не вступивший на пост, не менее важен, и то, что говорит он или его жена, нужно выполнять.

Мы с Шипи провели молниеносное совещание — он быстренько глянул в записную книжку-календарь и сообщил, что до следующего моего официального мероприятия еще десять дней.

— Послушай, — сказал он, — давай встретимся с ней, а улетим завтра. Что еще за проблемы?

Мне очень понравилось мое первое путешествие в Мексику. И

отеле, где мы жили, был прекрасный бассейн, да к тому же и пристрастился к местным деликатесам — тортиллам и гуакамолс. (В то время я еще не был вегетарианцем.) Я представил, какие последствия могли бы быть, если бы я ослушался приказания Рауля, и решил остаться.

Едва Рапуль повесил трубку, как телефон зазвонил вновь. И чей-то голос на ломаном английском языке сказал, что сеньора дс Лопес Портильо уже в отеле и направляется ко мне в номер.

Это случилось так быстро, что я не успел опомниться и не вполне осознал, кто этот мой неожиданный визитер, как услышал глухой и частый звук шагов в коридоре. Я выглянул за днерь и увидел, что на меня надвигается нечто типа военной процессии. Какая-то сплошная масса людей в армейской и полицейской форме, в защитных шлемах и с переносными рациями. Их было человек двадцать — не меньше.

Затем они расступились — как Красное море разверглось перед Моисеем, — и я оказался лицом к лицу с синьорой Кармен Романо де Лопес Портильо.

Она выглядела совсем не так, как я себе ее представлял. Мне приходилось видеть многочисленные плакаты с изображением ее мужа, развешанные по всему городу конституционно-революционной партией, которая успешно правила в Мексике и регулярно избирала своих президентов уже в течение почти 50 лет. Мне представлялось, что жена этого известного человека с умным лицом скорее всего будет пожилой, скромно одетой женщиной, с седыми волосами. Вместо этого я увидел очень яркую, экзотичную и красивую женщину.

Со своими черными вьющимися волосами, большими зелеными кошачьими глазами и ослепительной улыбкой, она вполне могла сойти за не слишком молодую, но хорошо сохранившуюся актрису. На ней было яркое и довольно смело открытое платье, туфли на высоких каблуках и много косметики. Она протянула мне руку, и только тогда, опомнившись от смятения, вызванного, можно сказать, вооруженным вторжением, я наконец сообразил, кто передо мной находится.

Мы пожали друг другу руки, и она вошла ко мне в комнату. К моему удивлению, один из сопровождающих ее мужчин шагнул быстро вперед и закрыл дверь, оставив ее наедине со мной и Шипи. Через окно мне было хорошо видно, что вокруг бассейна ходит множество людей, одетых в военную форму. Мы были окружены.

Она отказалась от предложенного ей стула, села на мою кровать и, не теряя времени даром, объяснила мне, зачем пришла.

«Я видела вас в телевизионной программе, — возбужденно начала она на хорошем английском. — Это было невероятно. Вы знаете, я держала в руках сломанные часы, и они начали ходить. А у сына согнулась ложка, — словом, все это было как фантастика. Боже мой, я всю жизнь мечтала встретить кого-нибудь, вроде вас. Я очень интересуюсь всеми этими вещами. И верю в них. Вы должны остаться в Мексике». Это был приказ, не приглашение.

Мы проговорили два часа. Она хотела знать обо мне все и хотела, чтобы я знал все о ней, о ее семье, ее прошлом, ее отношении к Богу, к религии, ко всем в мире тайнам, начиная с летающих тарелок и кончая согнутыми ложками.

Наконец она поднялась с кровати. Я ожидал, что она сейчас скажет мне «до свидания» и умчится из отеля так же стремительно, как появилась, но вместо этого она издала еще один приказ.

«Вы поедете ко мне домой, сейчас».

Разумеется, мне еще не приходилось разъезжать по мексиканской столице в одной машине с женой будущего президента. Мы решительно вторглись в движение, окруженные мощным эскортом мотоциклистов со включенными сиренами. Она сидела спокойно и постоянно передавала по рации указания своему окружению, которым уверенно руководила. В ее «Форде» были всевозможные отделения для радио, магнитофонов, компакт-кассет, записных книжек, карандашей и ручек, косметики. Большинство из них были расположены на панели у заднего стекла машины. Когда я позже приобрел «Кадиллак», то оснастил машину таким же образом.

Наш президентский кортеж выехал из города, проехал по пригороду и в конце концов остановился около современной ниллы, занимавшей около акра земли и окруженной высоким забором. Несколько полицейских машин уже находились возле ворот виллы.

Когда мы вошли в гостиную, я сразу заметил необъяснимо большое количество музыкальных инструментов, в основном пианино различной формы, размеров, современные и старинные. Их было не меньше двадцати, по крайней мере столько я успел насчитать. Она тут же сообщила мне, что была пианисткой и училась у одного известного американца.

Я в свою очередь сказал ей, что мой лучший друг — известный американский концертный пианист Байрон Джанис, который учился у великого Горовица.

Ее великолепные кошачьи глаза загорелись. «О, — воскликнула она, — вы знаете Байрона Джаниса? Он должен

приехать в Мексику и дать концерт в Беллас-Артесе».

Она провела меня по всему дому и представила своей матери, исключительно приятной пожилой женщине, которая была очень приветлива со мной. Затем она показала мне кабинет мужа, битком забитый книгами. Его самого дома не было. Как выяснилось, он был на службе, являясь пока еще министром финансов уходящего президента Луиса Эчеверриа.

Несмотря на то что мы провели в ней всю оставшуюся часть дня, у нас практически не было возможности поговорить, так как нас постоянно прерывали какие-то официальные люди и слуги, входящие и выходящие с бумагами и документами. Наконец она объявила, что мы должны ехать на ужин к одному из ее друзей.

Как только мы вошли в ресторан, звон ножей и вилок прекратился и воцарилась полная тишина. Назвать синьору де Лопес Портильо сильной личностью — это значит ничего о ней не сказать. Она была не только женой истинного президента, но и сама обладала властью над людьми и, как я успел понять, всегда добивалась желаемого. Перед завершением этого длинного и сбившего меня с толку дня я наконец узнал, какие планы она имела по отношению ко мне. Сегодня, оглядываясь назад и вспоминая, к чему все это привело, я прекрасно осознаю, как удачно поступил, не улетев тогда в Нью-Йорк.

Некоторые латиноамериканцы забывают о своих обещаниях на следующий же день после того, как дают их. Она была не из их числа. И назавтра она по всем правилам этикета представила меня своим детям: юным дочерям, Кармен и Паулине, и сыну, Хосе Рамону, которого близкие звали Пепито. Это был очень яркий и одаренный молодой человек лет двадцати, любитель астрономии, проявлявший живой интерес к современным научным исследованиям, в том числе и к изучению моего феномена.

Были безотлагательно проведены и необходимые приготовления для моей встречи с будущим президентом. Хосе Лопес Портильо, *55* лет, сделал блестящую карьеру адвоката, а затем профессора политологии в Мексиканском национальном университете, прежде чем взял на себя заботы о финансах страны. Несмотря на возраст, он сохранил прекрасную спортивную форму, пробегая милю в день, регулярно плавая и боксируя с грушей. Когда Пепито привел меня в его служебный кабинет, я был поражен четко налаженной системой безопасности и простотой как его внешнего облика, так и обстановки. Он сидел за самым обычным столом, одетый в типичный мексиканский расшитый костюм, без галстука.

«Только не гните ничего в этом кабинете», — сказал он с улыбкой, когда мы поздоровались. Нам дали несколько минут для разговора в присутствии Пепито, который прекрасно говорил по-английски, время от времени помогая отцу найти нужное слово. Синьор Лопес Портильо сказал, что очень рад моему пребыванию в Мексике. Ему самому не удалось увидеть мою телевизионную передачу, но он слышал о ней очень много и сделал вывод, что она произвела большое впечатление на мексиканцев, и в частности на всю его семью. Он добавил, что надеется встретиться со мной еще раз, но лучше дома, чем здесь.

Несмотря на его шутливое указание ничего не гнуть в кабинете, меня не покидало чувство, что это как раз то, чего он от меня ждет. И поэтому, когда я предложил ему провести демонстрацию прямо здесь, он быстро послал за ложкой. Секретари и охрана столпились в кабинете, чтобы тоже немного отвлечься от своих обязанностей.

Я взял ложку и погладил ее, так, как всегда это делаю. Очень скоро она начала гнуться, к всеобщему удивлению и удовольствию. Президент сидел и смотрел, не мигая. Затем попросил принести другую ложку.

Я хотел объяснить ему, что не могу гнуть одну ложку за другой. После того как я сгибаю первую, мне нужно какое-то время, чтобы психологически восстановиться, прежде чем сделать еще раз. Все дело в том, что физическая и умственная энергии, необходимые при этом, истощаются. В тех редких случаях, когда мне все-таки приходится гнуть несколько предметов за короткий промежуток времени, я замечаю, что в первый раз мне это удается на 90°, во второй раз — на 60°, в третий — на 30°, а в четвертый раз предмет может вовсе не гнуться. Для меня согнутая ложка — это что-то вроде визитной карточки и доказательства того, что я — это я. И обычно я проделываю это один раз.

Извините, пожалуйста, господин президент, — начал я, — но я не могу…

Нет, нет, нет, — прервал он. — Я сам сделаю это.

Я обратил внимание на то, что каждый раз, когда я сгибаю ложки перед высокопоставленной публикой, будь то президенты, премьер-министры, генералы или председатели палат, их реакция обычно отличается от общепринятой. Они почти всегда хотят тут же сделать то же самое. Мне кажется, что они думают примерно так: «Я здесь главный человек, почему же я не могу сделать того же?»

Лопес Портильо был не более удачлив, чем все остальные. Он продолжал гладить свою ложку в течение нескольких минут, пока не оставил ее с добродушной улыбкой. Я думаю, ему

действительно очень хотелось, чтобы ложка согнулась.

Я был снова приглашен в его дом — теперь уже самим хозяином, и по этому случаю моя новая знакомая (Манси, как она просила называть ее) выполнила еще два своих обещания. Первое заключалось в официальном приглашении на торжественное вступление ее мужа в должность, назначенное на 1 декабря 1976 года. Другое состояло в представлении моей персоны нынешнему президенту Эчеверриа. Таким образом, не успел я полностью оправиться от удивления, вызванного встречей с человеком, которому вскоре предстояло стать главой большого государства, как мне уже предлагали познакомиться с настоящим президентом.

И снова я ехал в сопровождении такой мощной колонны мотоциклистов и автомобилей, что просто волосы дыбом вставали. На этот раз целью путешествия был Лос-Пинос — мексиканский Белый Дом. Меня ввели в огромный, безукоризненно чистый вестибюль этого великолепного белого здания с блестящими полами и элегантной мебелью, инкрустированной мексиканским орнаментом. Там царила полная тишина, что было особенно приятно в контрасте с шумным путешествием.

Внезапно у меня возникло ощущение, что я одет каким-то неподобающим образом. Вероятно, я должен был быть в галстуке, хотя, как и большинство евреев, я не ношу галстука, и тогда, в Мексике, у меня, кажется, не было с собой ни одного. Более того, у меня не было даже костюма. «Ну ладно», — подумал я, — Лопес Портильо был тоже в открытой рубашке, так что, может быть, это вполне приемлемая форма одежды даже в присутствии главы государства. Так, по крайней мере, я надеялся.

Тишина была нарушена тем, что распахнулась огромная деревянная дверь и меня впустили в кабинет президента. Там я испытал еще одну неловкость. В кабинете находилось несколько человек, и ни один из них не сидел за столом, предназначавшимся для президента. А так как я никогда не видел фотографии Эчеверриа, то, разумеется, не имел ни малейшего представления, который из них он.

«Так, Геллер, — сказал я себе быстро, — используй свои психические возможности и ради Бога подойди к нужному человеку». Кажется, это сработало, так как мне все же удалось найти его сразу. Как это принято в таких случаях, я сказал президенту через переводчика, какая честь для меня быть приглашенным к нему и как сильно я успел полюбить его страну за то короткое время моего пребывания здесь. Я ожидал услышать столь же формальный ответ, но первая же его фраза звучала так:

«Вы можете помочь нам найти нефть?»

Он произнес это с улыбкой, и я решил, что он, возможно, шутит. Предполагаю, что и он тоже подумал, что я шучу, когда услышал мой ответ: «Конечно, господин президент. По крайней мере, я постараюсь, хотя ничего не могу гарантировать». Как выяснилось впоследствии, никто из нас в тот момент и не думал шутить.

Я провел около 25 минут в кабинете президента, и за это время мне удалось согнуть ложку, продемонстрировать сеанс телепатии и, кроме того, оказать ему неожиданную услугу. В какой-то момент он протянул мне старые часы, сказав, что они не ходят уже целую вечность, и спросил, смогу ли я заставить их ходить. По счастью, мне удалось это сделать, и я покинул кабинет, оставив его хозяина в раздумье относительно нашей короткой аудиенции.

Вскоре после этого со мной связался Рене Леон, один из ведущих мексиканских импрессарио, с которым мы молниеносно договорились о проведении моего выступления в самом большом театре города.

Утром в день представления со мной произошел неприятный инцидент. Увы, с такого рода случаями часто приходится сталкиваться людям, которые становятся знаменитостями. Кто-то позвонил мне в отель и быстро заговорил на испанском языке, не обращая внимания на мои протесты и объявления, что я не понимаю ни слова из того, что он говорит. Я тотчас же связался с Манси, и она не мешкая направила ко мне пару крепких ребят из своей охраны, получивших от нее приказ не отходить от меня ни на шаг. Я рассказал им о неожиданном звонке, повторив несколько слов, которые мне удалось как-то запомнить, например слова «бригада» и «бомба», при которых они слегка побледнели.

Тем не менее они беспрекословно подчинились приказу. Представление началось в назначенное время. Но когда я вышел на сцену, то первое, что бросилось мне в глаза, — это масса людей в голубых формах. На каждого зрителя приходилось, судя по всему, не меньше двух или даже трех блюстителей порядка. Перед самой сценой стоял плотный кордон полицейских, держащих наготове оружие. Позже мне рассказали, что на улице вокруг театра, где я давал представление, патрулировали легкие танки. Тем не менее представление прошло успешно, несмотря на гнетущее полицейское присутствие, за которое всю ответственность несла Манси.

Моя демонстрация ей очень понравилась, и спустя некоторое время она дала мне понять, что хотела бы, чтобы я навсегда поселился в Мексике. Мне пришлось объяснить ей, что для меня

это, безусловно, очень большая честь и я искренне благодарен ей за такое предложение, потому что и в самом деле чувствую себя в Мексике как дома и готов оставаться здесь так долго, как это будет возможно. Но есть некоторые объективные сложности. У меня оставались серьезные обязательства, связанные с выходом моей книги на целой дюжине языков. Согласно подписанному договору, я должен был продолжить поездку по многим странам с целью рекламы и распространения книги. Ну и кроме того, я еще не был таким миллионером, чтобы, разъезжая по всему свету, при первой же возможности возвращаться в Мексику, а затем снова срываться с места и покидать эту гостеприимную, но весьма удаленную от Европы страну.

Но Манси, которую я уже немного успел узнать к тому времени, имела уникальный дар разрешения любых проблем. В данном случае она просто велела мне срочно поехать в компанию «Аэромексико» и получить специальную карточку, дающую мне право на бесплатные полеты в первом классе любого рейса в любую точку планеты на самолетах этой авиакомпании.

Я не поверил в это, впрочем, как не поверил и служащий в штаб-квартире компании, заверивший меня, что только министр имеет такую карточку.

Манси это объяснение не устроило. «Поехали вместе», — сказала она. Сев сама за руль, Манси снова отвезла меня в штаб-квартиру компании «Аэромексико», где высказала свои пожелания на весьма выразительном испанском языке. И я через пять минут как нечто должное получил эту уникальную карточку. Взамен я подписал контракт, по которому должен был рекламировать мексиканскую авиакомпанию во всех странах мира, что я делал, расхаживая всюду в майках с надписью «Ури Геллер летает самолетами „Аэромексико“». В таких майках я несколько раз выступал и в крупных телевизионных шоу. Мексика — демократическая страна, но все же в любой, даже самой демократической, как, впрочем, и в недемократической, стране всегда полезно иметь хорошее знакомство с нужными людьми.

* * *

Молва о том, что я стал близким другом семьи Лопеса Портильо, разнеслась очень быстро. Это открыло мне двери самых разных домов. Например, мне была предложена в бесплатное пользование фешенебельная квартира на верхнем этаже небоскреба, с бассейном и всеми прочими прелестями в самом роскошном районе Мехико, который называется Зона Роса.

Владелец дома, как я понял, полагал, что, проявляя такую щедрость ко мне, он сможет установить более тесный контакт с самим президентом. Если бы я был человеком развращенным, испорченным, я, по всей видимости, встретил бы свое тридцатилетие, удалившись от дел в мир роскоши, привилегий и благосостояния. К счастью, я, однако, был другим человеком и предпочитал ложиться спать с чистой совестью.

Впрочем, я со временем и так становился достаточно влиятельной персоной в Мексике, совершенно не пытаясь для этого хоть что-либо сделать. И в самом деле, за те несколько недель, которые я провел в Мексике, я стал обладателем многого из того, ради чего большинству людей приходится вкалывать всю жизнь. Та же карточка бесплатных воздушных полетов, шикарная квартира и, главное, то, что является для каждого мексиканца истинным символом высокого общественного положения, — прямой доступ к семье президента.

Какое-то время я, как челнок, перемещался из своего нового дома в другие страны и обратно, выполняя взятые на себя обязательства. Хотя у меня никогда не было постоянного местожительства с тех пор, как я уехал из Израиля в 1972 году, но все же, прилетая в аэропорт Мехико, носящий имя Бенито Хуареса, у меня было чувство, что я возвращаюсь домой. Правда, один раз в декабре 1976 года, когда я прилетал сюда на инаугурацию президента Лопеса Портильо, я испытал совершенно иные чувства. Со мной, уже начиная с трапа самолета, обошлись как с самым высоким гостем. Никогда не забуду, что я ощутил в тот момент, когда Манси выделила меня из толпы приглашенных на церемонию и приветливо помахала мне со своего места, которое находилось рядом с человеком, вступавшим на самый высокий пост в стране.

Вскоре после того, как президент и его семья переехали в Лос-Пинос, я был вновь приглашен туда, чтобы встретиться с кабинетом министров и продемонстрировать им свои способности. В тот день я лично познакомился со всеми, кто находился в высшем эшелоне власти в Мексике. Мне дали ясно понять, что я нахожусь на особом положении и в любой момент могу получить все, что мне потребуется.

Однажды под утро мне приснился тревожный сон. Где-то вспыхнул сильный пожар, и у меня возникло ощущение, что рядом с ним находится Лопес Портильо и он в опасности. Я немедленно позвонил Пепито, рассказал ему об этом сне и умолял принять необходимые меры предосторожности. Мне кажется, что он не воспринял мои слова серьезно, хотя и передал их отцу. На следующий день сильнейший пожар случился в зале,

где с минуты на минуту должен был выступать президент. На Пепито этот эпизод произвел очень большое впечатление. Думаю, гораздо большее, чем все мои демонстрации сгибания металлических предметов и чтения мыслей на расстоянии.

В другой раз мне самому предоставилась возможность продемонстрировать свои возможности президенту. Одним из любимых занятий президента на отдыхе была стрельба из лука на лужайке в Лос-Пиносе. И как-то раз он спросил меня, смогу ли я, используя свои телепатические средства, направить стрелу точно в яблочко мишени.

«Я, естественно, не смету сделать это никаким другим способом, так как никогда не брал в руки лук и стрелы, — признался я честно, — и даже не умею их правильно держать». Но тем не менее я принял предложение президента, как и всегда, когда я оказываюсь перед брошенным мне вызовом, и поэтому ответил: «Попробую».

Взяв лук и стрелы, я попытался использовать всю силу концентрации, на которую был способен. Мои мысли неожиданно вернули меня к тем школьным дням, когда я вдруг стал достаточно известным баскетболистом в своей школе. Вообще-то я был плохим игроком, несмотря на приличный рост, но со штрафных я мог точно забрасывать мячи в корзину раз за разом. В игре же у меня это получалось только при условии, если никого из соперников не было рядом. Ясное дело, что я был практически бесполезным игроком в школьной команде.

«Бжик» — стрела попала прямо в центр мишени. Я был удивлен не меньше, чем президент, хотя подобные случаи у меня случались и раньше в кругу моих самых близких друзей. Удивительно, но на них они производят гораздо более сильное впечатление, чем все то, что я делал для публики или в лаборатории, где мне всегда кажется, что найдется человек, который обязательно скажет, что Ури Геллер — мошенник. Я мог бы все оставшееся место в книге уделить перечислению подобных случаев, если бы, конечно, мне удалось их вспомнить. Но лучше я расскажу о некоторых из них по ходу повествования.

Что же касается Манси, то мне не нужно было ее ни в чем убеждать. Мы стали самыми настоящими друзьями, и она, не таясь, рассказала мне о своих очень личных переживаниях и беспокойствах, которых, несмотря на богатство и положение, она имела предостаточно. Как и всем, ей нужен был человек, которому она могла бы довериться, и поэтому неудивительно, что постепенно стали расти слухи о том, что я стал для нее больше, чем просто друг семьи.

Я не мог осуждать сплетников. Мы с Манси, действительно,

всегда появлялись открыто, и потом, где бы она ни была, ее всегда окружали представители прессы и официальные фотографы. Так что вряд ли какие-то отношения могли бы быть столь открытыми, как наши. Нам, я считаю, еще повезло в том смысле, что мексиканская пресса относится к своим государственным деятелям с гораздо большим уважением, чем это принято в большинстве других стран.

Когда мы ходили в ресторан, — а было это регулярно — Манси просила ресторанных музыкантов сыграть одну из романтических «мариачи» или нашу с ней любимую песню, в которой были такие слова: «Мы живем, как хотим…» В такие минуты она сидела не сводя с меня глаз, как будто хотела сказать всему миру, что любит меня. Однажды вечером я почувствовал, что она заходит слишком далеко.

«Послушай, Манси, — сказал я. — Если ты хочешь, чтобы я всегда был с тобой, то должна перестать вести себя подобным образом».

В тот вечер, мне показалось, было особенно много любопытных взглядов, которые кидали в нашу сторону люди, сидевшие за соседними столиками.

Ее ответ был типичен для нее: «Меня это не волнует. И ты не спорь с Манси».

Однако она знала, где находится та черта, которую нельзя переступить, потому что слишком гордилась своей семьей, положением мужа и страной, чтобы пойти на неоправданный риск и большой скандал. Став первой леди государства, она энергично, со свойственным ей энтузиазмом взялась за свои новые обязанности, особенно в области милосердия. И считала, что имеет право отдохнуть и расслабиться после тяжелого рабочего дня, что она и делала.

Однажды она пригласила нас с Шипи составить ей компанию в полете на президентском «Сабрелайнере». Тогда мне вообще нравилось летать, а тут к тому же представился столь редкий шанс. Во время полета я решил поговорить с пилотами.

«Вы знаете, — заметил главный пилот после того, как перечислил некоторые технические детали, — эти самолеты были построены по принципу истребителей. Я слышал, что американские летчики делают на них сложные фигуры высшего пилотажа, например бочку».

Я подумал, что было бы неплохо для развлечения попытаться выполнить эту фигуру сейчас, но пилот сказал, что это строжайше запрещено летными правилами. Тогда я вернулся на свое место рядом с Манси, которая записывала в блокнот тезисы для своего очередного публичного выступления, и подождал, пока она не

сделает паузу и не взглянет на меня.

«Как бы тебе понравилось, если бы самолет сделал в воздухе бочку?» — спросил я ее. Она удивленно посмотрела на меня, и я объяснил ей, что это значит.

Манси тут же загорелась этой идеей. «Давай попробуем!» — не раздумывая, сказала она.

«Это твой приказ командиру?» — спросил я.

«Да. Пусть выполняет любым способом», — ответила она нетерпеливо. Я передал ее приказ, которому старший пилот был вынужден подчиниться. Он стал постепенно поднимать нос самолета вверх. Вдруг моторы «Сабрелайнера» стали переворачиваться на спину, что, я думаю, ну никак не предполагалось создателем этой машины. Манси, как и мне, очень понравился этот эксперимент, и на обратном пути экипаж предпринял вторую попытку, во время которой я заметил, что один из пилотов решил использовать предоставившуюся возможность, чтобы преподнести нам урок физики: до начала исполнения фигуры он взял полный стакан воды и держал его до конца эксперимента. Ни одна капля не вылилась из стакана.

Но, увы, не все мои воспоминания о «Сабрелайнере» относятся к разряду приятных. Как-то, когда Манси была в отъезде, ей зачем-то срочно понадобилось увидеть меня. Она позвонила и сказала, что самолет уже ждет меня.

Шипи отправился вместе со мной, что называется, прошвырнуться, и вдруг в полете начались неожиданности. Самолет стало бросать вверх и вниз, как лист, падающий с дерева. К моему полнейшему ужасу, засверкали молнии и заработали сигналы тревоги на борту самолета. На панелях у пилотов зажглись красные лампы: это означало, что отказали оба двига-. теля.

Пилоты сидели, словно окаменев, не говоря ни слова.

Я повернулся к Шипи и сказал: «Мы падаем. Похоже, это конец». Мне в самом деле так казалось. По какой-то необъяснимой причине судорожно я пытался надеть туфли, которые смял в полете. Потом закрыл глаза и молился изо всех сил, неустанно повторяя: «О, Боже, помоги нам!»

Все окончилось так же неожиданно, как и началось. Мы вышли из района грозы, оба мотора вернулись к жизни, и пилоты вновь взяли в руки управление машиной. Никто из них не обратил внимание на мою панику. Этого случая я никогда не забуду и до конца своих дней буду благодарно вспоминать мексиканских пилотов.

* * *

После инаугурации президента Лопеса Портильо я стал видеть Манси гораздо реже, чем раньше. Активное участие в многочисленных общественных комитетах и благотворительных организациях занимало у нее все дни напролет. Мы теперь виделись только вечерами, когда она могла немного отдохнуть, расслабиться, сидя на балете или концерте, или получить удовольствие от шикарного ужина в ресторане. Естественно, нас с Манси стали реже видеть вместе и поэтому пересуды вокруг наших предполагаемых серьезных отношений поутихли. Хотя, как я смог убедиться позднее, все же не прекратились.

Я все чаще уезжал из Мексики по своим делам, связанным с рекламой и распространением книги или с выступлениями на телевидении, а когда возвращался обратно, то предпочитал не слишком напрягаться и проще смотреть на вещи. Мой банковский счет рос неуклонно, и мне теперь не нужно было работать каждый день, как это было в первые годы моей карьеры. Так я незаметно для себя стал сбавлять обороты своей деятельности.

Пора было уже что-то менять в моей жизни. Тем более что мои дружеские отношения с семьей президента, как мне казалось, перестали привлекать столь пристальное внимание окружающих. Однако я ошибался, по крайней мере одного человека они, как оказалось, очень даже интересовали. Причем чисто с профессиональной точки зрения.

Так однажды солнечным утром в мою жизнь вошел Майк.

Глава 3. Список-заказ

Я лениво прогуливался вдоль витрин магазинов в Зона Роза, в нескольких кварталах от моей квартиры. Вдруг совершенно неожиданно, в тот момент, когда я внимательно рассматривал какие-то бешеные драгоценности в витрине ювелирного магазина, которых было в Мехико великое множество, ко мне подошел незнакомый мужчина и остановился.

«Эй, — сказал он, — любезный. Вы Ури Геллер?»

Я предположил, что он узнал меня, запомнив мою внешность либо на сеансе, либо в телевизионной программе.

На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Выглядел он вполне безобидно. Я ответил ему, что да, я Ури Геллер.

«Знаете, мне хотелось бы поговорить с вами об одном деле, которое могло бы вас заинтересовать. Я знаком с вашей работой в Станфордском исследовательском институте. Вы не хотите со мной выпить?»

Его поведение показалось мне дружелюбным и простым. Он ни в малейшей степени не давил на меня. Он поразил меня своими знаниями, неподдельным интересом к парапсихологии. Я сказал, что спиртного не пью, но буду рад выпить с ним чашечку кофе.

Мы направились в ближайшую кофейню, где сели за стол. Когда он сделал заказ, то снял свои блестящие солнцезащитные очки и заботливо положил их в футляр. На мгновение наступила тишина, и я почувствовал, что в этот момент мой новый знакомый думал о чем-то очень для себя важном.

Я поинтересовался, откуда он знает о моей работе в институте.

«Ну, мы многое о вас знаем», — сказал он. Мне, естественно, захотелось узнать, кто это «мы» и чем вызван такой интерес к моей персоне. Я ждал, что он ответит на эти вопросы, и вскоре мое любопытство было удовлетворено. Он, как мне следовало бы самому догадаться, имел отношение к разведывательным службам. Я не помню сейчас точно, как он выразился, но слово «разведка» определенно было произнесено. Он предложил мне показать свое удостоверение, но я сказал, что в этом нет необходимости. (Документ ничего бы не доказал. На 42-й стрит в Нью-Йорке есть магазин, где можно купить любое понравившееся вам удостоверение).

Он снова заговорил о моем обычном репертуаре — от сгибания ложек, чтения мыслей на расстоянии, видения предметов в закрытых коробках и ящиках, до уничтожения

компьютерной памяти. Уже в этом отвлеченном разговоре он сделал пару таких замечаний, которые удостоверили его гораздо лучше, чем любой документ. Он вспомнил о видеокассете, записанной во время моей работы в Станфордском институте и зафиксировавшей момент, когда часы внезапно появились перед нами, словно из воздуха. Результаты некоторых экспериментов, проведенных в то время, не были включены в книгу, и о них могли знать очень немногие люди. Затем он, как бы невзначай, заметил, что «им» известны некоторые подробности моей предшествующей деятельности, о которой никогда не было и не будет публичных упоминаний. (В 1985 году я случайно узнал, что ученые Станфордского института получили на меня досье о работе в израильской разведке. Информация такого рода могла быть предоставлена только при определенном нажиме со стороны весьма влиятельных сил. Возможно, она была получена в обмен на соответствующую любезность с другой стороны. Хотя могло быть и так, что израильская разведка просто захотела быть в курсе моих последних исследований.)

Мы беседовали около часа. Майк, так он просил меня называть его, записал мой домашний телефон и сказал, что хотел бы встретиться со мной еще как-нибудь. Ничего особенного сказано не было, но я почувствовал, что он пытается внушить мне мысль о том, что в дальнейшем мы могли бы быть друг другу полезны. Меня это определенно заинтриговало.

Он позвонил мне дней десять спустя и попросил встретиться в какой-нибудь закусочной недалеко о моего дома. У меня была уже намечена одна встреча на вечер, и я предупредил его, что не смогу уделить ему много времени.

Нам нужна твоя помощь, Ури, — сказал он, едва мы встретились. — Есть некоторые области, представляющие для нас особый интерес, но в которых мы постоянно натыкаемся на какие-то непреодолимые кирпичные стены. Вот мы и подумали, что ты, возможно, мог бы, используя свои способности, помочь, довести до конца некоторые вещи, которые нам уже не под силу.

— Что, например? — спросил я.

Подожди минутку, — он поднял руку, как-будто я прервал его хорошо отрепетированную речь. — Есть и еще одна вещь, весьма далекая от твоих телепатических способностей. Ты осознаешь, какое большое влияние имеешь у нас в стране?

Было не время для ложной скромности и я сказал:

— Да.

Вот и в этом смысле ты тоже мог бы быть нам полезен. И это далеко не все направления, в которых мы хотели бы воспользоваться твоей помощью. Некоторые из них я сейчас

перечислю.

— Тогда дайте мне, пожалуйста, ручку, я запишу их, — сказал я.

— Нет, нет, ничего не надо записывать.

Я попросил его привести хотя бы один пример того, как я могу быть использован. Но вместо этого он прочитал мне целую лекцию о коммунизме, капитализме, стратегической важности Мексики, влиянии Кубы в Центральной Америке и особой роли советского посольства в Мехико. Оно, по его словам, одно из самых больших в мире — крупнейший разведывательный центр, направленный против США и Канады. По имеющимся данным, по крайней мере половина из трехсот сотрудников посольства (это в шесть раз больше, чем количество мексиканцев, работающих в московском посольстве) получили специальную подготовку в КГБ для того, чтобы заниматься военным и промышленным шпионажем под боком у Соединенных Штатов. Резидент КГБ Михаил Музанков, насколько известно, непосредственно отвечал за подготовку террористических актов и организацию революционной деятельности по всей Латинской Америке.

— Обо всем этом и еще о многих вещах мы хотели бы иметь точную информацию, — сказал он в заключение, опять не уточняя детали. Я спросил его, каким образом тут может пригодиться мое влияние на семью президента?

Он снова остановил меня жестом руки:

— Нет, нет, в данном случае речь идет о твоих уникальных способностях.

Я попытался выяснить, о чем мы все-таки говорим:

— Майк, я что-то не пойму, что для вас важнее — мое влияние на президента или телепатические способности?

— И то и другое, — ответил он. — Ури, хочу предупредить тебя — не обсуждай по телефону ни с кем то, о чем я тебе говорю здесь. Даже никому из друзей не говори об этом. А теперь мне нужно рассказать тебе немного о Центральном разведывательном управлении, или «компании», как мы его называем между собой. Так впервые в нашем разговоре было упомянуто ЦРУ. Я заметил, кстати, что Майк никогда не называл его сокращенно по начальным буквам, а только полное название.

Не так уж много среди нас тех, кто целиком и полностью поглощен сбором разведданных. Остальные ищут пути привлечения к этой работе различных специалистов. Хотя, по правде говоря, большинство из нас все же посмеиваются над возможностями использования телепатии и форм психоэнергетики, потому что у нас мало что получалось в прошлом с людьми, вроде тебя.

— А почему же вы думаете, что со мной будет по-другому?

— Мы много о тебе знаем, — и он повторил фразу о том, что я могу им помочь в некоторых вещах. Но прежде чем я ус пел спросить, о каких конкретно вещах идет речь, он уже читал мне следующую лекцию.

— В Израиле, — начал он, — лучшая в мире разведслужба, она находит иголки в стоге сена. Каким образом? Да потому что она не оставляет без внимания ни одной мелочи. Ее сотрудники могут быть на 99,99 процента уверены, что в телепатическом эффекте никакой пользы нет, но оставляют все-таки возможность и для него: а что, если он, действительно, существует? Вот почему «Моссад» все может, — он сделал паузу, словно хотел проверить, не захочу ли я что-нибудь сказать по поводу «Моссада». После этого он как бы невзначай заметил, что один его старый друг в свое время был членом Еврейской организации самообороны, Хаганах; и что он, кстати сказать, настроен произраильски. И тут резко сменил тему разговора.

— Есть в нашей «компании» люди, которым хотелось бы привлечь к работе таких, как ты, — сказал он. — Но все здесь исходит от личной инициативы — никаких приказов сверху на этот счет не поступало. В ЦРУ есть совсем небольшая группа агентов, хорошо осведомленных в вопросах парапсихологии и верящих в ее потенциал. Они уже практически готовы использовать ее возможности в своей работе. Необходимости извещать об этом начальство нет, потому что никто из официального высшего руководства этим не интересуется.

— Если это сработает — так сработает, — сказал Майк, — если же нет, то потеряно будет всего лишь несколько часов.

Время за разговором пролетело быстро, и мне пора было уходить, так как я не хотел опаздывать на намеченное мероприятие. Поэтому мы договорились вскоре встретиться еще раз, чтобы обговорить в деталях так называемый список заказов.

Я, конечно, тогда еще не догадывался об этом, но когда-то мне уже приходилось иметь прямой контакт с представителями ЦРУ. Было это в 1972 году. Как-то вскоре после моего приезда в США мне позвонил человек, который представился ученым из Вашингтона. Он поинтересовался, смогу ли я продемонстрировать свои телепатические возможности прямо по телефону, на большом расстоянии. Я ответил, как всегда отвечаю в таких случаях: «Не знаю, но могу попробовать». Тогда он сказал, что сделал рисунок в своем блокноте и сейчас смотрит на него. Не мог бы я ответить, что на рисунке?

Я тут же ответил ему, что, на мой взгляд, там было нарисовано, и по голосу почувствовал, что собеседник был

доволен. Больше он ни разу о себе не напоминал. Я, конечно, не помню уже сейчас, что было на рисунке, так как подобных экспериментов мне пришлось проделывать тысячи и тысячи.

Несколько лет спустя один мой друг видел этого человека. К тому времени уже бывший агент ЦРУ, он рассказал моему другу о том эксперименте и добавил, что не сомневается в моих уникальных способностях. По его словам, некоторые из его коллег, пристально наблюдающие за моей карьерой, придерживаются такого же мнения.

На нашей третьей встрече Майк наконец-то приступил к делу.

«Я перебрасываю мяч в твою корзину, Ури, — сказал он в привычной легкой и дружеской манере разговора. — Теперь сам выбирай, что у тебя лучше получится и с чего бы ты хотел начать в первую очередь. Мы на тебя не нажимаем».

Если бы кто-нибудь из нас сумел записать «список заказов», который Майк мне предоставил, то он выглядел бы примерно так.

Если меня подвезут в удобное место к зданию советского посольства, то смогу ли я описать некоторые вещи, находящиеся внутри этого здания? Смогу ли определить, где расположен компьютерный центр в посольстве, и при необходимости стереть определенные компьютерные программы в этом центре? Смог бы «прочитать» секретный шифр кода? Смог бы назвать должность и звание людей, входящих и выходящих из здания посольства? Смог бы вычислить шпионскую сеть и их явки?

Мне показалось, что его особенно интересовал именно последний вопрос. Одним словом, это действительно было похоже на список и в нем еще было немало пунктов. Один из них показался мне совершенно утопичным.

«В определенные известные нам дни, — продолжал Майк, — ив некоторые другие дни, о которых мы не знаем, два советских дипломата садятся в самолет „Аэромексико“ с мешками дипломатической почты. Мешки прикованы к запястью этих специально обученных людей. Смог бы ты, — спросил он, — сказать, что в этих мешках — документы, компьютерные дискеты или еще что-то. В состоянии ли ты, используя свои возможности, как-то узнать содержимое этих бумаг?».

Я сказал ему, что это просто бред, бессмысленный и опасный. Мне показалось, что Майк не обиделся. Он только рассмеялся и перешел к следующему пункту. В состоянии ли я сбить с курса небольшой беспилотный самолет, управляемый дистанционно с земли? Я сказал, что это более подходяще для меня и это можно попробовать.

«Давай-ка, Ури, как-нибудь съездим на полигон и попробуем», — предложил он. Я на мгновение засомневался,

серьезно ли это предложение. Как выяснилось позже, он и в самом деле говорил правду.

Затем он перешел ко второму списку, касавшемуся тех вещей, которые я мог бы сделать для него, используя скорее нормальные, чем паранормальные средства, и прежде всего свои контакты с президентом.

Но прежде, чем огласить этот список, он прочел мне еще одну краткую лекцию. Она посвящалась Мексике. Начал он с того, что Мексика хотя и демократическое государство, но не антикоммунистическое, как это, по его мнению, должно быть. Ее нейтральная позиция стала какой-то непонятной и раздражающей. Американское правительство все более обеспокоено советским присутствием в Мексике, в стране, находящейся совершенно в другом конце света от Советского Союза и не имеющей с ним практически никаких торговых отношений, в стране, которая, кстати, имеет со Штатами общую границу протяженностью свыше чем тысяча миль. Ну и вдобавок, Мексика находится прямо под боком у первого коммунистического государства Латинской Америки — Кубы. Майка не устраивало подобное положение дел, и он хотел, чтобы я что-нибудь сделал, чтобы его поправить.

«Ты должен стать настоящим другом президента, — сказал он, — говори с ним столько, сколько можешь. Пофилософствуй на эти темы, постарайся заставить его понять, что он ведет страну к тому, что она будет использоваться как база для разведывательных действий по отношению к Соединенным Штатам». Постепенно Майк стал высказываться более определенно. Жена президента поддерживает тесные дружеские контакты с одним человеком, и мы были бы заинтересованы в том, чтобы эта дружба поскорее закончилась. Он назвал имя человека, которого я знал как одного из многих, желавших поддерживать более тесные отношения с Манси. Он не был мексиканцем, у него была русская или по, крайней мере, славянская фамилия. Занимался он бизнесом, связанным с импортом и экспортом товаров, и приехал в Мексику откуда-то из Европы.

Затем Майк спросил меня, не мог бы я организовать ему приглашение на приемы в посольства социалистических стран. Если нет, то соглашусь ли я взять с собой одну девушку, с которой он меня познакомит, естественно, в том случае, если я сам буду получать приглашения.

Я ответил Майку, чтобы он сразу же исключил этот пункт. Можно было себе представить, какая реакция будет у Манси на мое появление с подружкой под руку на приеме, куда она

специально для меня достает приглашение. Надо сказать, что такое предложение было не очень остроумным со стороны Майка.

Закончив перечисление заданий и попросив меня хорошенько обдумать все эти пункты, Майк вернулся к теме, которая явно представляла для него личный интерес, — парапсихология. Мне показалось, что он и в самом деле озабочен тем, что правительство не выработало никаких серьезных проектов для исследований в этой области, в то время как советские ученые, насколько известно, сейчас изучают эту проблему очень серьезно, как, впрочем, и все прошлые годы, начиная с того времени, когда только-только осела пыль после большевистской революции 1917 года. Он надеялся, что с моей помощью удастся выровнять этот явный дисбаланс, но опять же не вдавался в подробности.

За все это время мы ни разу не упомянули о какой-то возможной оплате за мои услуги. Майк знал, что я хорошо зарабатываю, и, возможно, догадывался (правильно догадывался), что я вряд ли откажусь сделать то, что в моих силах, чтобы помочь стране, столько сделавшей в прошлом, чтобы помочь моей работе.

«Какая у тебя американская виза? — спросил он в тот момент, когда я уже подумал, что наша беседа закончена. Надо сказать, он очень удачное выбрал время для этого вопроса. Может быть, он тоже телепат? Я заметил, что он уже не в первый раз угадывал то, что у меня было в мыслях. Как всякий гражданин Израиля, которому часто приходится бывать в Соединенных Штатах, я провел не одну ночь в американских консульствах по всему миру для того, чтобы получить очередную визу на въезд в США. Бессрочный штамп, разрешавший многократный въезд и выезд, означал бы для меня конец этим мучениям.

„Если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся, звони по этому номеру“, — сказал Майк, не дожидаясь моего ответа. Это был не его номер — я никогда не знал ни его телефона, ни даже его настоящего имени. Телефон принадлежал представителю американского посольства, которого я буду называть Томом Моррисом. Вскоре после нашей встречи я оказался в американском посольстве. Подойдя к охраннику — гвардейскому моряку, я сказал, что у меня назначена встреча с мистером Моррисом. Из-за спины охранника я увидел знакомую картину — огромную очередь желающих получить въездную визу США, широкой лентой опоясывавшую просторный зал консульского отдела. Я подумал, неужели действительно возможно, чтобы я больше никогда не стоял в этой толпе? К моему изумлению, я узнал в одном из тех, кто стоял в очереди, сына бывшего президента Эчеверриа, который так же, как и все простые

смертные, был вынужден ждать своего часа. Я подумал: „Если ты больше не живешь в президентском дворце Мексики, значит, ты уже действительно никто“. Теперь я понял, почему Майк так стремился поскорее воспользоваться моей дружбой с семьей нынешнего президента. Ведь и его срок когда-нибудь кончится.

Моряк-охранник отвел меня к столику, стоящему чуть в стороне от общего зала. Там сидела секретарша. Она сразу же узнала меня и попросила пройти с ней в приемную посольства. Там было чудесно — тихо и пусто. Немного подождав, я оказался в кабинете Тома Морриса.

Мне показалось, что он обрадовался встрече со мной. Он сказал, что очень много слышал обо мне, купил книгу „Моя история“, которую считает весьма интересной. Без всяких проволочек помог мне заполнить все необходимые бумаги, затем вместе с моим паспортом передал их ассистенту, молниеносно исчезнувшему с ними.

Закончив все эти формальности, он, как и Майк, завел со мной просветительскую беседу. На этот раз речь пошла о президентской системе правления Мексики, о власти революционно-конституционной партии и их тонких, трудно уловимых взаимных связях. Я узнал массу новых для меня сведений о том, что происходит в стране, которая официально следует западной форме демократии, но на практике фактически является однопартийным государством, в котором действующий президент имеет власть абсолютного монарха. Правда, только до того момента, пока он сидит в своем дворце. Я уже только что сам имел возможность убедиться в этом.

Помощник вернулся с моим паспортом. Я не утерпел и сразу же посмотрел на ту страничку, где должен был стоять свежий штамп многократной въездной визы. Да, так и есть, он на месте. Американцы сделали мне одолжение, теперь был мой черед.

Мне предложили персональную машину с шофером, но я вежливо отказался, объяснив, что не смогу нормально работать, если кто-то будет дышать мне в затылок. И вообще я предпочитал, как и раньше, всюду ходить пешком. Поэтому мы с Шипи отправились на своих двоих по улице Кальзада де Такубайа в западную часть города, где располагалось советское посольство.

Я никогда раньше не пытался добыть информацию, источник которой находился бы внутри какого-то здания, но я не видел причин, по которым это было бы сложнее, чем любое иное проявление телепатии или ясновидения. Я делал такие упражнения не раз и поэтому здесь тоже быстро нарисовал в своей голове чистый экран и стал ждать проявления на нем какого-то текста или изображения. Иногда эти картинки бывают

четкими и яркими в течение нескольких секунд, и тогда я знаю, что получил правильную информацию. А иногда они слишком быстро приходят и уходят — как правило, это бледные, неясные изображения. В таких случаях я могу угадать, а могу и ошибиться.

На этот раз я совершил несколько продолжительных прогулок вокруг здания посольства в течение ряда недель, собирая все свои впечатления и записывая их в той последовательности, в которой они появлялись. На отдельных листочках бумаги я быстро, стараясь ничего не упустить из виду, наносил все это в виде каких-то каракулей и понятных лишь мне набросков, даже не пытаясь порой вникать в их сущность. Потом я передал их Майку с небольшими пояснениями, которые мог дать.

Майк особенно заитересовался в тот момент, когда я сказал ему о системе шпионских явок. Он, разумеется, не стал мне говорить, что я вывел их на сцену одной из крупнейших шпионских драм века, одним из главных действующих лиц которой был калифорнийский делец по имени Дэлтон Ли. Сейчас он отбывает пожизненное заключение за продажу советским разведслужбам некоторых деталей конструкций суперсекретных спутников связи „Райолит“ и „Аргус“. Он несколько раз бывал в советском посольстве в 1975 и 1976 годах, а 6 января 1977 года посетил его в последний раз. Как бы невзначай он подбросил клочок бумаги через ограду и был в ту же секунду арестован мексиканской полицией.

По официальной версии, он был арестован по подозрению в убийстве мексиканского полицейского, совершенном некоторое время назад. Представитель американского посольства, который якобы случайно оказался в этот момент в советском посольстве, сумел сразу же предупредить о случившемся американские власти. Вскоре были установлены и личность подозреваемого, и истинные цели его деятельности.

Имели ли мои наблюдения непосредственную связь с этим эпизодом? Я не могу утверждать это со всей определенностью. И все же поразителен тот факт, что мексиканская полиция оказалась на месте в нужное время, словно только и ждала этого шпиона, который, естественно, не мог быть арестован американцами в чужой стране. Официально мне об этом ничего не сообщили по вполне понятным соображениям. Как сказал один из моих друзей из разведслужбы, если ты хоть чем-то полезен, то нет нужды говорить тебе, чем конкретно. Если от тебя нет проку, то ты нам просто больше не нужен.

Хотя бывали случаи, когда я мог наблюдать мгновенный результат своей работы. Майк снова завел разговор о том, смогу ли я сбить с курса управляемый с земли самолет. Мне показалось,

что это не больше чем прихоть Майка, но в любом случае для меня это было значительно более веселое занятие, чем болтаться вдоль стен советского посольства и воображать, что там происходит за зашторенными окнами. Поэтому я почти без колебаний согласился попробовать.

Как-то утром Майк заехал за мной в большом автофургоне, переполненном всевозможными пакетами и ящиками. С ним был его коллега, которого он представил мне как Джека. Мы выехали за город, остановились рядом с большим открытым полем — эти двое американцев начали распаковывать содержимое фургона. Если бы там были дети, они, конечно, здорово позавидовали бы этим взрослым дядям, которые собирали модель аэроплана с яркими красными и желтыми полосами на нем. Они, конечно, позавидовали тому человеку, который держал в руках маленькую черненькую коробочку с кнопкой, при помощи которой можно поднять самолет в воздух, заставить его кружиться прямо над головой, наконец, приземлить этот самолет рядом с собой. Возможно, эти дети тогда еще не знали, что управляемые с земли самолеты уже используются военными в некоторых странах. Так что то, во что мы играли, в общем-то были не игрушки.

Джек и Майк сделали несколько проверочных полетов, чтобы убедиться в том, что все в порядке. Они несколько раз заставили самолет пролететь с одной стороны поля на другую и обратно. При этом они убедились в том, что самолет идет точно по прямой линии, что от него и требовалось.

Майк остался доволен состоянием самолета и повернулся ко мне. „Ну а теперь, — сказал он, — сбей его с курса в левую сторону“. Я сильно сконцентрировался и громко закричал: „Пойди влево!“ Маленький самолет начал медленно наклоняться в левую сторону всего на несколько градусов — не. больше чем на десять, но этого оказалось достаточно для того, чтобы изменить направление. Майк, который ни на секунду не выпускал пульт управления из своих рук и не подпускал меня к себе, сначала уставился на кнопки, а потом на самолет, не веря происходящему. Затем они с Джеком запрыгали от радости как школьники-старшеклассники во время баскетбольного матча.

„Эй, ну ты молодец! Справился!“ — кричали они. Мне тоже было приятно, что удача не отвернулась от меня при выполнении этой задачи.

Они, разумеется, захотели, чтобы я повторил все еще раз. Майк опять послал в воздух самолет, и я, выполняя полученные инструкции, во второй раз заставил самолет уйти влево.

Тогда Майк сказал: „А теперь сделай, чтобы он ушел вправо“.

Я продублировал весь процесс, но ничего не получилось.

Самолет продолжал лететь по прямой, пока практически не исчез из вида, и Майк вернул его обратно при помощи управления. Решили еще раз попробовать. Снова неудачно. Не удалось мне также направить самолет ни вниз, ни вверх, и, наконец, последняя неудача постигла меня, когда я попытался снова свернуть его влево.

Мы все согласились с тем, что наш прогулка все-таки отчасти была удачной, и это мне напоминало о том, что единственный способ убедиться в том, что ты способен что-то сделать — как бы утопично это ни казалось, — это идти вперед и пробовать, пробовать. Только этот путь может принести хоть на мгновение подтверждение твоих сил и способности добиваться поставленной цели.

Меня больше никогда не приглашали повторить этот эксперимент с самолетом. Может быть, Майк просто хотел проверить мои способности на этом простом эксперименте. Думаю, что он был значительно более заинтересован в том, чтобы я продолжал свои прогулки вокруг советского посольства, воссоздавая потом картинки происходящего в его стенах.

Тома Морриса со своей стороны очень интересовало все, что делают и говорят президент Мексики и его жена, какие страны они планируют посетить. Но тут наши интересы вступили в резкое противоречие. Я вовсе не собирался шпионить за семьей, которая считала меня своим другом, и никогда не передавал никакой информации кому бы то ни было о членах этой семьи.

Тем не менее я не преминул, пользуясь случаем, намекнуть президенту о том, что в Мексике, на мой взгляд, слишком велико советское присутствие. И так уж получилось, что мое следующее разведывательное задание поступило не от американцев, а от одного из членов президентской разведывательной службы Мексики. Его речь была довольно пространна и туманна. Насколько я понял, все, что он от меня хотел, — это пройти по определенной торговой улице, дойти до магазинчика, который, по его мнению, был связан каким-то образом с нелегальной политической деятельностью и уже по крайней мере с какими-то гораздо более важными делами, нежели продажа фруктов и овощей. Я дошел до рынка, прогулялся по нему из конца в конец. В конце концов добрался до означенного магазинчика, который внешне ничем не отличался от других. Бросив на него внимательный взгляд, я увидел под прилавком стопку книг, на которых я смог, пользуясь своими способностями, прочесть название „Цитатник председателя Мао Цзедуна“, маленькая красная книжка, пользовавшаяся в то время большим спросом у последователей коммунизма китайского направления.

Конечно, такая работа по сбору информации — это очень низкий уровень. Ее никак нельзя было сравнить с тем, что ждало меня в будущем.

Но она, безусловно, имела связь со следующей просьбой от мексиканских секретных служб. Что касается американцев, то, прежде чем я получил от них новое задание, Том Моррис вдруг совершенно неожиданно спросил меня, не согласился бы я переехать жить к нему. Жил он в довольно скромном доме со своей женой и служанкой, и для меня там в общем-то было не так уж много места. Не говоря уж о том, что я, естественно, терял возможность приглашать Шипи и других своих друзей к себе в гости. Словом, я растерялся. Но Том настаивал на своем предложении, объясняя его тем, что, дескать, наступит время, когда мне все равно придется искать себе более безопасное место. А дом иностранного дипломата, безусловно, — одно из самых надежных мест, которое только можно представить в Мехико.

Кроме того, Том попросил меня в будущем обязательно присылать ему открытки изо всех мест, где бы я ни находился. В этих открытках должны быть только слова приветствия и ничего больше. Посылать их нужно в вашингтонский департамент, который занимается дипломатической почтой. Позже я узнал, что это обычная практика в разведывательных службах — самый простой путь всегда знать, где сейчас находится тот или иной человек.

В конце концов я все же согласился на странное предложение Тома, потому что подумал, что этот человек знает, что делает, и раз просит меня о чем-то — это неспроста. Ну и кроме того, ведь это именно он помог мне получить бессрочную и многократную визу, значительно облегчившую мне существование. Словом, я в последний раз нырнул в собственный бассейн на крыше небоскреба в квартире Зона Роза и собрал вещички. С этого момента дом семьи Морриса стал моим новым домом на все время пребывания в Мексике.

Глава 4. Новые направления

Однажды я получил приглашение на светский прием от Хорхе Диаса Серрано, генерального директора государственной мексиканской компании „Петролиум мексиканос“, или „Пемекс“, неустанная работа в которой позволила этому человеку стать одним из самых влиятельных людей страны, дала высокий министерский чин. Мы познакомились с ним в тот раз, когда я был приглашен в Лос Пинос, чтобы продемонстрировать свои способности президенту и членам правительства, одним из которых и был Серрано.

Однако это был больше чем светский прием. И прежде чем рассказать о нем, я вынужден вернуться на несколько лет назад и вспомнить человека, благодаря которому моя судьба и карьера получили новое направление. Его полное имя было Джон Норман Валетт Дункан, но все друзья, естественно, называли его просто Вал. А после того как он получил титул барона, его стали величать „сэр Вал Дункан“. Родился он в 1913 году, во время второй мировой войны служил в штабе генерала (позднее полевого маршала) виконта Монтгомери, под началом которого служил и мой отец, правда в другом звании — сержанта еврейской бригады, прикрепленной к 8-й армии. После войны Джон начал работать в компании „Рио Тинто-Цинк корпорейшен“, где он в конечном счете стал председателем и исполнительным директором. При этом у него хватило времени и на то, чтобы стать директором „Бритиш петролеум“ и Английского банка.

Мы встретились с ним на вечернем приеме, одном из многих, на которые меня стали приглашать после появления в программах Джимми Янга и Дэвида Димблэби на Би-би-си. Именно в это время британские газеты запестрели моим именем.

Вскоре после того, как мы познакомились, он отвел меня в сторону для конфиденциального разговора. „Как долго вы собираетесь ездить по свету и развлекать публику своими представлениями? Почему вы не хотите делать настоящие деньги?“ — спросил он. Я был удивлен. Мне казалось, что я именно этим и занимался. Я был выходцем из бедной и нуждающейся семьи, и поэтому пятизначная сумма банковского счета приносила мне ощущение какой-то достаточной надежности своего положения. К тому же тот успех, с которым шли мои телевизионные представления, давал мне повод надеяться, что мое состояние может когда-нибудь достичь и шестизначной цифры.

Я спросил сэра Вала, что он имеет в виду.

„Вы слышали что-нибудь о лозоискательстве?“

Я понятия не имел, что значит это слово. Вернее, у меня было какое-то весьма смутное представление о том, что есть люди, немного чокнутые, которые ходят с длинными прутьями в руках и ищут воду.

„Я думаю, вы смогли бы стать лозоискателем“, — продолжал сэр Вал и объяснил мне, что я, оказывается, уже занимался чем-то подобным, хотя и на очень невысоком уровне, когда определял те или иные объекты внутри закрытых коробок и ящиков в исследовательском институте. „А лозоискатели, — сказал он, — ищут отнюдь не только воду. Они ищут то, о чем их просят, и причем достаточно часто находят“. Выяснилось, что он сам был лозоискателем. Он предложил мне показать, как это делается. Так я получил приглашение приехать погостить у него дома на острове Майорка — самолет его компании был всегда в моем распоряжении.

Вскоре мы стали большими друзьями. Он потерял жену лет десять назад, и детей, насколько я знал, у него не было. В своем прекрасном доме на Средиземноморье он начал передавать мне все тайны своего ремесла, как это обычно передает отец сыну. Он рассказал мне, как надо правильно держать раздвоенный прут или маятник. Затем решил проверить меня, спрятав что-нибудь в своем доме. Я вышел из комнаты, а он через некоторое время позвал меня, не сказав даже, что именно нужно искать.

Когда-то давным-давно в Израиле по просьбе генерала Моше Даяна мне уже приходилось делать нечто подобное. Но тогда я использовал только свои руки. Поэтому, когда сэр Вал привел в комнату, где мне предстояло начать поиск, я отставил прут и маятник в сторону и стал ходить по комнате с вытянутыми руками, ладонями вниз. Все это было похоже на странный человеческий счетчик Гейгера.

Вскоре я почувствовал давление на одну из своих ладоней. Это напоминало эффект, который вы испытываете, когда пытаетесь соединить два магнита с одинаковыми полюсами, но сделать этого не удается, потому что они отталкиваются друг от друга. Моя рука чувствовала себя, как один из этих магнитов. Мне становилось тепло. Потом я сжал ладонь, оставив один указательный палец, и стал опускать его вниз, совершая круговое движение до тех пор, пока не почувствовал вновь энергию отталкивания. После этого я уже уверенно следовал в направлении, которое указывал мой палец, и вскоре нашел то, что было спрятано. Мой палец работал все время, что особенно понравилось и произвело огромное впечатление на сэра Вала. Он сказал, что нет никаких теоретических причин, по которым я,

человек, сумевший найти обручальное кольцо, спрятанное в доме, не был бы способен отыскать полезные ископаемые, такие, как нефть или золото. А именно это, как он пояснил, и нужно для того, чтобы делать настоящие деньги.

Мы встречались еще несколько раз, в 1974 и 1975 годах. Он сказал мне, что пытался заинтересовать правление „Рио Тин-то-Цинк“ в использовании моих способностей, но не получалось. Мы обсудили с ним еще целый ряд проектов, не связанных напрямую с полезными ископаемыми и минералами, но в которых я тоже смог бы применить свое умение. Но, к сожалению, нашим планам так и не суждено было реализоваться, потому что человек, которого я искренне считаю своим приемным дядей, неожиданно умер в декабре 1975 года в возрасте 72 лет.

Через несколько месяцев после встречи с ним мне предстояло поехать в Южную Африку со своими лекциями. Незадолго до отъезда как-то в беседе со своими друзьями, Байроном и Марией Джанис, я рассказал им о недавней поездке на Майорку, о том, чему меня обучил там сэр Вал. Мария, кстати дочь Гарри Купера, тут же позвонила одному из своих старых друзей по имени Клиф Меннел, возглавлявшему правление компании „Англо-Ваал“, одной из ведущих в Южной Африке по добыче полезных ископаемых. Она посоветовала ему обязательно связаться со мной, когда я приеду. Он так и сделал.

Когда я закончил свои выступления по Южной Африке, он пригласил меня сначала к нему домой, а потом в офис в Йоханнесбурге. Ему хотелось, как он сказал, проверить мои способности. При этом присутствовало несколько, как обычно, довольно скептически настроенных специалистов — геологов. Сначала меня попросили выйти из комнаты на несколько минут, чтобы спрятать небольшой кусочек золота. Затем я вернулся и начал искать этот кусочек, используя тот метод, который уже описывал раньше, и нашел. Это сразу же изменило настроение присутствующих. Они развернули передо мной большую карту с указанием месторождений и попросили показать, где, на мой взгляд, самые большие месторождения угля. Сэр Вал в свое время объяснил мне, что некоторые лозоискатели могли работать с картой точно так же, как и на местности. Поэтому я распростер свои руки и начал двигать ими в воздухе над картой до тех пор, пока не почувствовал магнетического ощущения в одной из своих ладоней. Я осмотрел тот район на карте, куда указывал кончик моего пальца, и направил его на определенное место, которое геологи тут же отметили. Мне даже в голову не пришло заключить какой-либо контракт или хотя бы потребовать оплату за это. Я просто делал одолжение для хорошего знакомого моих

друзей. С тех пор я ничего не слышал об этом случае до того момента, пока семь лет спустя не рассказал об этом случае в интервью одному репортеру из „Ньюсуика“. Он решил связаться с мистером Меннелом и узнать, последовали ли тогда моим указаниям. Судя по всему, да, утверждал „Ньюсуик“ в номере от 28 января 1980 года, потому что Меннел подтвердил, что я указал на карте широкую полосу земли почти на границе с Зимбабве, а по его настоянию там были проведены геологоразведочные работы с целью проверки этого предположения. Вскоре, замечает Меннел, там действительно были открыты огромные запасы угля.

Таким был мой опыт в лозоискательстве к тому времени, когда я был приглашен в дом главы мексиканской нефтяной промышленности.

Бывший президент Эчеверриа, возможно, и шутил, когда спросил, смогу ли я отыскать нефть для Мексики, но когда тот же вопрос мне задал один из коллег Хорхе Диаса Серрано, это уже звучало исключительно серьезно.

„А почему бы нам не попробовать сейчас?“ — предложил я. — У вас есть какие-нибудь нефтепродукты в доме?» Я решил, что в любом хозяйстве, по крайней мере, должно быть смазочное масло. Для меня не важно было, что это за масло. В конце концов сумели раздобыть только большую бутылку оливкового масла с кухни. Я попросил Серрано налить немного этого масла в маленькую ликерную рюмку и спрятать ее в любом понравившемся ему месте. Мы сидели в большой комнате, заставленной прекрасной мебелью, и в ней было можно найти сотню мест, подходящих для того, чтобы спрятать наперсточную рюмочку.

Кто-то из гостей вышел со мной из комнаты и проводил до одной из спален, находившейся на приличном расстоянии от комнаты, так, что оттуда не долетало ни звука. Мой сопровождающий находился со мной до тех пор, пока сам Серрано не пришел за мной, объявив, что можно начать поиск. Я приступил к делу, используя уже ставший привычным метод. Атмосфера вокруг была гораздо более дружеской и непринужденной по сравнению с той, что была у Меннела в Йоханнесбурге, и я практически сразу же почувствовал, что нахожусь на правильном пути. Едва мне удалось поймать сигнал от кончика пальца, я сразу же последовал указанному направлению, не замечая даже, что иду прямо на цветочный горшок. Мой палец, как управляемая ракета, вошел в землю, насыпанную в горшке, и опустился прямо внутрь рюмки, которая была спрятана. Ее содержимое представляло собой уже не чистое масло, а какой-то кусок грязи, пропитанный оливковым маслом.

Раздались бурные аплодисменты, а вместе с ними и всевозможные выражения удовольствия и удивления на испанском языке. Серрано, однако, ничего не сказал. Он быстро взглянул на одного из своих коллег, который тоже сидел молча, и я увидел, как у этих двоих заблестели глаза. Казалось, они говорили друг другу: «Геллер даже не знает сейчас, что он сделал, но мы знаем — вот это куш!»

Вопрос о поиске нефти возник еще раз на одной из очередных вечеринок несколько дней спустя. Там я кому-то подбросил мысль о том, как было бы здорово, если бы Мексика смогла в полной мере эксплуатировать свои нефтяные богатства. Какую выгоду это сулило бы с точки зрения экономических и политических соображений. У Мексики был огромный внешний долг. Он и сейчас остается громадным, приближаясь к 100 миллиардам долларов. А так как США — основной потребитель мексиканской нефти, увеличение ее добычи дало бы значительный козырь в переговорах по ряду важнейших вопросов, затрагивающих интересы двух стран.

Вскоре после этого меня пригласили приехать в один отдаленный район, где уже на месте я мог бы поискать настоящую нефть. *Я* прилетел в аэропорт маленького провинциального городка, где меня ожидал вертолет с несколькими геологами на борту. Сначала они меня доставили в тот район, в котором точно находилась нефть. Там они меня проверили, узнали, могу ли я найти нефть в тех местах, где она действительно была.

Затем мы летали еще по крайней мере час над сушей и над морем в тех местах, где нужно было найти нефть. Геологи отмечали на своих картах все, что я им указывал, протягивая руку в том или ином направлении и говоря: «Здесь есть, а здесь нет». Я использовал свой испытанный метод, хотя, естественно, находясь так высоко в воздухе, не мог все время опускаться вниз и точно ткнуть пальцем на конкретные места. Искать нефть — занятие медленное и утомительное, и если вы точно не знаете, откуда начать поиск, оно становится еще труднее. Все, что я мог сделать для них, — это показать, откуда необходимо начать разработки. И если бы я оказался прав, то сэкономил бы для компании десятки миллионов долларов.

Но лично я от них никаких денег не получил, хотя через некоторое время Серрано трогательно сообщил мне, что мои указания с вертолета оказались очень точными.

Помню, как в 1978 году, примерно год спустя после моего путешествия на вертолете, Лопес де Портильо и Серрано одновременно объявили о том, что Мексика в ближайшее время

может стать крупнейшим в мире производителем нефти. Крупнее даже, чем Саудовская Аравия, благодаря ряду недавно открытых крупных нефтяных месторождений. А сегодня уже общеизвестно, что только в одном нефтедобывающем районе страны нефти в три раза больше, чем во всем бассейне Северного моря.

Денег я опять не получил, да и не просил их. Хотя сегодня мне страшно подумать о том, как могла сложиться моя судьба, если бы я тогда пожадничал. Серрано некоторое время после этого случая еще был претендентом на президентский пост, но так никогда и не стал хозяином Лос Пиноса. Новым главой государства в 1982 году был избран один из его бывших сотрудников — Мигель де ла Мадрид.

Еще четыре года спустя, как я узнал из статьи в «Интернешнл геральд трибюн» от 29 октября 1986 года, Серрано уже пребывал в тюрьме в связи, как писала газета, с обвинениями в мошенничестве и незаконном присвоении 34 миллионов долларов при продаже нефтяных танкеров. А всего за время нефтяного бума в Мексике мимо государственного кармана ушло, по неофициальным подсчетам, более 6 миллиардов фунтов стерлингов — приличный процент от внешнего долга страны. Конечно, я мог рассчитывать на какую-то часть этих денег и они бы мне пригодились тогда, ведь я выплачивал 40 тысяч долларов Байрону Джанису, который одолжил их мне для устройства в Нью-Йорке. Но я и так рассчитался с ним до последнего цента, даже с процентами, зарабатывая прежде всего своими представлениями. И впридачу по ночам спал спокойно, а не мучался кошмарами разоблачения.

* * *

Для любого тщеславного мексиканца высшим показателем значимости является личное знакомство и связи с президентом. Предпочтительно, чтобы у такого человека была фотография или визитная карточка с автографом или посвящением на них. Важность подобного «документа» трудно оценить тому, кто мало знаком с тем, как делаются дела в Латинской Америке. Если вы обладатель такого сомнительного, с точки зрения европейца, «удостоверения», то спокойно можете использовать его так, будто у вас в руках волшебный свиток с надписью «Сезам откройся». Все двери для вас и в самом деле открыты.

Визитная карточка жены президента, так же как и ее фотография, подписанная лично, тоже имела немалую ценность. И очень многие люди из ее окружения мечтали заполучить ее

любой ценой. Как я позже узнал, визитная карточка с персональным посвящением и ее подписью стоила в несколько раз больше, чем если бы она была из чистого золота.

Однажды вечером я был приглашен в очень дорогой и фешенебельный ресторан одним из активно рвущихся к власти дельцов и группой его друзей. Они без лишних предисловий сразу же заговорили о самой Манси, горячо обсуждая, какой она прекрасный человек, и с гордостью сообщив, что приготовили для нее великолепный подарок — какое-то украшение стоимостью в десятки тысяч долларов. Я слушал все это без особого интереса, потому что прекрасно знал, сколько уже Манси и ее муж получили богатейших подарков от посетивших страну глав государств, других высокопоставленных лиц и черт знает еще от кого. Все это они были вынуждены хранить в специальном хранилище.

Манси как-то свозила меня туда. Хранилище было до самого потолка заставлено картинами, шикарными сервизами, коврами, стереоаппаратурой и т. д. Манси абсолютно не волновали эти вещи, и она пользовалась, может быть, только одной или двумя из них.

Я извинился перед сидевшими за столом и вышел в туалет. По правде говоря, мне не столько нужно было в туалет, сколько просто хотелось передохнуть от всего этого лицемерного восхваления Манси, которое предназначалось специально для моих ушей, с тем чтобы все это затем, разумеется, перекочевало в уши Манси.

Итак, я спокойно стоял в открытой кабинке и вдруг заметил, что вслед за мной вошел и человек, пригласивший меня в ресторан. Меня особенно удивило то, что у него в руках был кейс. Увидев, что мы одни в туалете, он подождал, пока я застегну молнию на брюках, а затем открыл кейс и вынул оттуда небольшой кожаный мешочек, очень похожий на те, которыми пользуются обычно в фильмах пираты, чтобы спрятать в них награбленное. Он подал его мне.

«Это тебе от меня, — сказал он, разворачиваясь к выходу. — Посмотришь позже».

Я как-то машинально взял мешок у него из рук и едва не уронил его, настолько тяжелым оказался он в сравнении со своими скромными размерами. А когда вернулся за стол, все-таки не удержался и заглянул внутрь, чуть не выронив его снова, так как увидел, как в темноте сверкнуло золото. В мешке оказался увесистый слиток чистого золота со штампом Швейцарского банка.

Я прекрасно знал, что нужно было взамен: визитная карточка

Манси с ее подписью с соответствующим посвящением. Все оставшееся время за ужином я боролся со своей совестью, а человек, давший мне это, судя по всему, был очень доволен самим собой — настолько, словно он уже получил заветную карточку. Не тут-то было. Когда мы выходили из ресторана, я отозвал его в сторону и вернул ему мешочек, сказав, что он мне не нужен. С тех пор этот человек больше никогда не разговаривал со мной.

Примерно в это время я оказал несколько личных услуг семье президента. Причем таким образом, о котором никогда бы раньше и не подумал. Я стал давать некоторые практические советы по личной безопасности, охране президента. Я ведь кое-что знал об этом благодаря военным занятиям в Израиле, где к вопросам безопасности относятся очень серьезно. В Мексике меня очень встревожил тот факт, что уж слишком неряшливо и небрежно осуществлялись меры безопасности в некоторых местах. Телохранители Манси, к примеру, были чудесные и надежные ребята, но они частенько летали на ее самолете со снятыми с предохранителя автоматами, держа их к тому же дулом кверху. Слава Богу, что мы с ними ни разу не попали в грозу, а то могли быть серьезные неприятности. Но особенно никудышной была служба безопасности аэропорта, занимавшаяся подготовкой президентсткого лайнера к вылету: сколько раз я замечал, что они даже не были вооружены, приступая к осмотру и проверке самолета.

Пепито больше, чем его отец, заботился о безопасности и всегда внимательно выслушивал меня, когда я предлагал что-нибудь для ее усиления. Президент в свою очередь прислушивался к словам сына. И я заметил некоторые позитивные изменения после моих рекомендаций.

Однажды произошла ужасная трагедия, которая заставила. всю президентскую семью, особенно Манси, осознать, насколько важно быть серьезным в вопросе безопасности.

Ее брат, Серино, весьма преуспевающий бизнесмен, был просто болезненно одержим в вопросах собственной безопасности. И в его доме всегда было полно разного огнестрельного оружия. Однажды его сын, подросток, подобрал лежавший без присмотра пистолет и, к несчастью, застрелился. Как я догадался, это было самоубийство, а не случайность.

Каждый раз, когда я ищу в магазинах подарки для своих детей, я думаю о том несчастном мальчишке. Он показал всем, к чему могут привести ребенка окружающие его в избытке деньги, власть и влияние. К депрессии, к одиночеству и к последнему шагу маленького человека, восставшего против мира, созданного

для него родителями.

Я пытаюсь заставить своих детей ценить то, что они имеют, объяснить им, как удачно сложилась их жизнь, чтобы они поняли, что есть еще дети в этом несправедливом мире, умирающие от голода. В 1985 году дети вместе со мной видели по телевизору ужасную сцену голода. Помню, она произвела на них тяжелое и неизгладимое впечатление.

Как-то раз президент показал мне одну вещь, которую я раньше никогда у него не видел. Это был кольт, инкрустированный золотом и серебром, с выгравированным на рукоятке мексиканским гербом. Я не большой любитель оружия, особенно с тех пор, как был ранен на войне, но не мог не восхищаться высоким мастерством любого рода, а это был самый великолепный кольт из всех, которые я видел в своей жизни.

Заметив, как изменилось выражение моего лица при виде кольта, президент Лопес Портильо вынул его из кожаной кобуры и протянул мне. «Он твой, Ури», — сказал он.

Я смутился, и первое, что мне пришло в голову, — извиниться и отказаться от подарка, но вместо этого я вдруг сказал примерно такую фразу: «Синьор президент. Я, к сожалению, не могу взять ваш щедрый подарок, у меня будут сложности на первой же таможне».

В ответ он просто вытащил из кармана свою визитную карточку и написал на ней несколько слов, сказав при этом: «Имея при себе эту визитку, Ури, ты сможешь сделать все, что захочешь. И если кто-то тебя спросит о кольте, просто покажи ему мою карточку».

Я не мог этому поверить. Отказавшись чуть раньше от слитка золота в обмен на примерно такую же визитную карточку, я сейчас одновременно получал сразу две бесценные вещи, не прося ни одной из них. Да, жизнь иногда преподносит нам сюрпризы. Но, даже имея личное подтверждение президента, я должен был получить официальное разрешение на ношение оружия. Разумеется, это тоже было сделано в обход обычных правил. И в конце концов я получил правительственное удостоверение агента по особым делам при министерстве финансов, а с ним и разрешение на ношение оружия.

Интересно, что незадолго до этого события один из моих американских друзей дал мне понять, что было бы неплохо, если бы мне удалось добиться какого-нибудь официального поста в мексиканском правительстве. Полагаю, что он хотел от меня слишком многого, хотя теперь волею случая я стал уже по крайней мере сотрудником одной из секретных служб. Так или иначе, мое восхождение по лестнице мексиканского общества

было именно таким, на какое рассчитывал Майк. И мне при этом восхождении ни разу не пришлось идти против правды и совести и предавать дружбу с семьей президента. *Н* конце концов, никто и не просил меня воровать мексиканские государственные секреты. Просто американцы хотели, чтобы время от времени от меня исходили какие-то не слишком навязчивые советы и предложения, к которым волей-неволей прислушивались мои высокие собеседники. Хотя, мне кажется, что о моей истинной миссии уже многие догадывались.

Во время одной из наших встреч Майк нарушил неписанные правила секретности и как бы между прочим заметил, что мои рекомендации по одному важному вопросу, похоже, были хорошо восприняты.

Тогда же Майк принес большую книгу в голубой обложке и открыл ее передо мной.

«Скажи мне, пожалуйста, какое впечатление производит на гебя этот человек?» — спросил он. Это была черно-белая фотография Андропова, о котором я тогда еще ничего не слышал. Первая мысль, которая пришла мне в голову, что он как-то связан с родиной моего отца — Венгрией. И Майк объяснил, что он был там послом во время советского военного вторжения в 1956 году. Впоследствии он стал главой КГБ.

«С виду — славный малый, — начал я, — спокойный, сдержанный, достаточно приятный в общении, но по натуре жесткий и безжалостный. Доктринер, в некоторых вопросах не гибок». Все это сегодня, наверное, известно. Уверен, что и Майк тогда знал об этом.

Он рассказал мне немного о новом интересном методе, который разработали психологи ЦРУ, позволяющие узнать характер человека и даже в какой-то мере судьбу, изучая лишь фотографию.

Затем Майк вдруг начал задавать мне довольно странные вопросы: «Можешь ли ты читать мысли людей, если они думают на другом языке? Нужно ли тебе для этого находиться рядом с ними? Не болен ли серьезно этот человек? Когда, ты думаешь, он умрет?»

Я слушал его не перебивая, а едва только захотел сказать что-то, как Майк снова продолжил серию вопросов, один из которых заставил меня содрогнуться.

«Нам известно, что ты можешь влиять на компьютеры, Ури, знаем мы и то, что ты владеешь телепатией, — он наклонился поближе ко мне и, понизив голос, как это всегда делается в шпионских фильмах, спросил: — Как ты думаешь, ты не смог бы вызвать смертельную болезнь в человеческом теле? Ну, к

примеру, остановить работу сердца?»

Я промолчал, почувствовав, что начинаю покрываться гусиной кожей. Майк тем временем как ни в чем не бывало стал говорить о колдовстве, черной магии, но потом, видимо, все-таки догадавшись, что я окончательно теряю нить разговора, он переменил тему. На сей раз это была еще одна доверительная беседа, исходящая, как я почувствовал, уже лично от него и не связанная напрямую с полученным заданием.

«Знаешь, Ури, американский конгресс и военные не оценивают возможности психологического воздействия по достоинству. Это происходит отчасти и из-за того, что у нас неважные результаты в этой области. Но здесь есть и обратная связь — как можно изучить предмет досконально и достичь каких-то успехов, если ты не готов вложить в это деньги? Советы вкладывают. Это видно достаточно хорошо даже из открытой литературы. Если читать ее внимательно, то станет ясно, что они занимаются этой проблемой более 50 лет. И, надо сказать, взяли мощный старт, потому что не жалеют на это денег. А мы даже еще и не начали серьезно. Хотя если бы даже и начали, пресса, уверен, тотчас бы поднялась против этого, стала бы требовать, чтобы расходы на исследования были урезаны. Именно неверующие, скептики — те, кто сидит на руководящих постах в газетах, — открыто смеются над нами. И соответственно влияют на ученых, а те в свою очередь — на пра-иительство. Это порочный круг, и он может быть разорван только сверху.

Сегодня, правда, у нас есть и хорошая новость: наш новый президент Джимми Картер — верующий. По крайней мере, религиозный человек, а его сестра Рут фанатично верит в исцелителей. Кроме того, президент сам видел неопознанные летающие объекты и заявил об этом публично. Не стоит забывать и то, что он достаточно серьезный ученый. Словом, он мог бы пойти навстречу нашей идее необходимости крупных исследований психологических феноменов. Нужно только заинтересовать его в этом».

Я, кстати, однажды уже сделал кое-что в этом направлении. Это случилось, когда жена еще не вступившего на пост президента, Розалин Картер, приезжала в Мексику вместе с Генри Киссинджером. Манси, как визави Розалин, организовала официальный банкет для гостей. Самого Лопеса Портильо на нем не было, но я был приглашен, и Манси посадила меня рядом с этими двумя высокими гостями. За нашим столом сидели также Пепито и американский посол вместе с сыном тогдашнего президента Джеральда Форда.

Майк, зная, что я буду на этом приеме, заранее попросил

меня показать им что-нибудь из своего арсенала, например сгибание ложек для госпожи Картер, чтение мыслей для господина Киссинджера. Во время банкета я вел с ними обычный вежливый разговор и ожидал соответствующего момента.

Розалин Картер была естественна и непосредственна. Казалось, она открыта любой идее, связанной с телепатией и психокинезом, так же как, впрочем, к большому моему удивлению, и Киссинджер, хотя он был значительно более осторожен it оценках.

«Не слишком мудро поступают те люди, которые не принимают тот или иной феномен только потому, что ему нет пока объяснения», — заметил он в разговоре со мной. Допускаю, что он сказал это только из вежливости — ведь передо мной был один из самых опытных дипломатов Соединенных Штагов.

Когда принесли кофе, атмосфера наконец-то стала не такой официальной, и я почувствовал, что пришло мое время. Взяв со стола массивную дессертную ложку, я передал ее госпоже Картер с просьбой крепко держать ее одной рукой за выемку.

«А теперь, разрешите мне положить свою руку на вашу, — сказал я, — не бойтесь, я только слегка прикоснусь пальцем». Мне очень хотелось, чтобы она почувствовала, как ложка сгибается прямо у нее в руке. Так и произошло.

Госпожа Картер выглядела удивленно и в то же время обрадованно. Она рассмеялась. Я убрал свою руку: «Дальше держите сами».

Она так и сделала и с широко раскрытыми глазами наблюдала, как ложка медленно, но верно выгибалась вверх до тех пор, пока угол не стал совсем прямым.

«б! — воскликнула она. — Я хочу, чтобы мои друзья в Америке смогли увидеть то же самое, и обязательно нужно показать это Джимми».

И, мне кажется, она говорила серьезно, потому что, насколько я помню, взяла ту ложку как сувенир на память о нашей первой встрече.

Некоторые из приглашенных встали из-за своих столов и подошли к нам, чтобы посмотреть на происходящее. У меня даже сохранилась фотография, которую в этот момент успел сделать официальный фотограф американского посольства. На ней госпожа Картер все еще держит в руках ложку, а я, поменявшись с ней местами, уже оказался рядом с Генри Киссинджером.

«А сейчас, господин Киссинджер, я хотел бы продемонстрировать вам нечто совершенно иное», — сказал я. — Он даже слегка отпрянул от меня, отодвигая свой стул, а затем протестующе поднял руку. «Нет, нет, — сказал он. — Я не хочу,

чтобы вы читали мои мысли. Я знаю слишком много секретов». Он действительно выглядел немного встревоженным.

Я ему объяснил, что хочу только, чтобы он нарисовал что-нибудь, пока я отвернусь, а затем, когда опять повернусь к нему лицом, прикрыл рисунок рукой. Все вокруг с нетерпением смотрели на нас, и Киссинджеру пришлось подчиниться. Через несколько минут он намалевал что-то в блокноте.

«А теперь, — попросил я, посмотрев в его глаза, спрятанные за широкими очками, — начните мысленно перерисовывать тот рисунок, который у вас в блокноте».

Я столько раз проделывал подобные вещи, что не смогу сейчас точно вспомнить, что там было нарисовано. Но помню, что это была одна из моих самых удачных попыток. То, что я нарисовал, прочитав мысли Киссинджера, совпадало не только по форме, но и в размерах. Киссинджер немного побледнел.

«Что вы еще прочитали в моих мыслях?» — «О, мне лучше не говорить об этом здесь», — ответил я. Он сурово взглянул на меня. «Вы это серьезно? — прогремел он своим гортанным голосом. — Что вы имеете в виду?»

Все вокруг нас неожиданно притихли.

А я вдруг вспомнил эпизод, происшедший незадолго до этой встречи в Парагвае, во время моего турне. Как-то я обедал вместе с военной верхушкой страны и с наивным видом спросил, правда ли то, что Парагвай предоставляет убежище некоторым известным нацистам? Я никогда не видел столько вилок, застывших одновременно в воздухе. (Президент Стреснер, кстати сказать, был еще одним из тех политических лидеров, кто сам захотел согнуть ложку после того, как это сделал я.) «Нет, мистер Киссинджер, не волнуйтесь, — сказал я. — Это шутка. Я только прочитал в ваших мыслях изображение на рисунке. Вот и все».

На самом деле я прочитал и еще кое-что, но момент, чтобы признаться в этом, был явно не подходящий.

Киссинджер вздохнул с облегчением. Не берусь даже вообразить, чтобы он сказал, узнав, что я лишь выполняю частную просьбу рядового сотрудника ЦРУ.

«Да, похоже, то, что я о вас знал раньше, это правда, — заключил он. — Мне много приходилось слышать о ваших необыкновенных способностях, но я, по правде говоря, не представлял себе, что они на таком уровне и что вы можете их демонстрировать в таких сложных условиях, на многолюдных приемах. Я думал, что вам необходимо сконцентрироваться, и как можно сильнее. Насколько мне показалось, вы этого даже не сделали».

«О, нет, сделал, — сказал я, — тот момент, пока вы мысленно

набрасывали свой рисунок, был для меня ключевым моментом концентрации». — «Поразительно» — таков был его ответ.

Разумеется, это был научно неконтролируемый эксперимент, но он тем не менее дал Киссинджеру повод для размышления.

Майк был определенно доволен тем, как развивались события на банкете. Задумавшись на мгновение, он спросил меня, как обычно, слегка развязно: «Слушай, а слабо тебе, наоборот, нарисовать что-нибудь, а потом спроектировать этот рисунок в чьем-то сознании? Сумеешь?» — «Конечно. Я делаю это регулярно». — «Давай, попробуем».

Тут я вдруг засомневался, потому что все еще не отошел ото всех этих разговоров о черной магии и тому подобной чертовщине, которые напугали меня. Но решил забыть их. В конце концов, Майк сейчас просил меня не о том, чтобы убрать Андропова.

Майк отвернулся, а я нарисовал то, о чем он вряд ли мог бы догадаться. Турецкий флаг с луной и звездой. Я передал ему блокнот, предварительно перевернув его. Майк тотчас взял ручку и нарисовал прямоугольник с луной и чем-то напоминающим по форме звезду внутри его. Потом он перевернул блокнот обратно и, сверив два рисунка, назвал их практически идентичными.

«Это невероятно», — сказал он.

Люди всегда поражаются, обнаруживая, что могут делать практически то же самое, что и я. Будь то сгибание ложек или чтение и передача мыслей на расстоянии. Обычно это бывает тогда, когда они сами начинают верить в то, что все это в принципе возможно.

Майк снова стал серьезным. «Послушай, Ури, ты сейчас сумел передать свой замысел в мое сознание, не так ли? А не мог бы ты таким образом внушить в сознание человека какую-то определенную мысль? Так, чтобы она заставила его действовать, даже если он не хочет этого? Даже если он, возможно, и не догадывается, что это его кто-то просит сделать? Я говорю о президенте Соединенных Штатов Америки».

Глава 5. Передавая послание

Инаугурация Джимми Картера была назначена на 20 января 1977 года. И Майк сказал, что так или иначе мне обязательно нужно присутствовать на ней. Это единственный шанс, как ему казалось, чтобы я смог стоять близко к президенту и телепатически передать послание, которое задумал Майк. Он сомневался, что можно организовать официальную встречу для обсуждения вопросов телепатии из-за существования так называемого отрицательного фактора. Для нового лидера публичные контакты с телепатами, экстрасенсами или теми, кто занимается этими проблемами, неминуемо нанесут ущерб его имиджу, что особенно нежелательно в самом начале президентского срока. В любом случае на встрече присутствовали бы газетные обозреватели, а это обозначало прямую утечку информации в прессу. Вашингтон не Москва, где правители делают все, что им нравится, а пресса делает все, что ей говорят.

«За приглашение не беспокойся, Ури, — уверил меня Майк. — Считай, что его ты практически уже получил».

1976 год был для меня очень насыщенным и активным. Продолжали поступать приглашения для выступлений, дававших мне возможность повысить свои доходы. Турне по Бразилии, например, принесло мне еще миллион долларов. Первоначально меня туда пригласили лишь для двух телевизионных представлений, но благодаря моему весьма предприимчивому агенту Маркосу Лазаросу я закончил свой приезд в Бразилию грандиозным турне по всей стране с 40 представлениями, одно из которых проводил на футбольном поле в присутствии 12 тысяч зрителей.

Одно из моих телешоу видела жена видного бразильского дипломата Васко Лентао де Куния. Уже долгое время она страдала артрозом и не могла передвигаться без посторонней помощи. В тот момент, когда я делал свою работу: гнул ложки и говорил, что все старые часы телезрителей — настенные, ручные — сейчас пойдут, она подумала про себя, а почему бы я не мог сделать что-нибудь для ее ног. На следующее утро она выпорхнула из постели и танцевала как двенадцатилетняя девчонка. Об этом написал в «Жорнал де Бразил» от 26 июля 1976 года обозреватель Хосе Карлос Оливейра, который, кстати, правильно заметил, что именно она сама, а не я, была «виновницей» этого чудесного исцеления. Что-то подобное случилось в 1974 году, когда одна шведка пыталась убедить меня в том, что я якобы смог во время телесеанса так повлиять на ее

внутриматочную спираль, что она вскоре обнаружила нежелательную беременность.

Еще одним из примечательных зрителей в Бразилии был Лусито Креспи, чей дядя, Нино Креспи, слыл в свое время известным наездником. Как-то он во время скачек в Рио-де-Жанейро лет 40 назад попал в свалку. С тех пор его семья хранила старинный хронометр, который был на нем и сломался как раз во время той свалки. Несколько раз его пытались ремонтировать, но хронометр упорно молчал. К их огромному удивлению, он начал прекрасно работать во время моего выступления на телевидении и ходил после этого еще несколько дней. Оливер сделал по этому поводу следующее заключение: «Мы все Ури Геллеры».

Так или иначе, я уже совсем забыл об обещании Майка, когда в конце 1976 года мне позвонили на квартиру в Манхэттене. Звонила девушка, по имени Люси. Она представилась, назвав полностью имя и фамилию, и попросила встретиться с ней. «А почему бы и нет?» — подумал я. У меня не было никаких возражений, и вскоре мы встретились. Мне она показалась привлекательной молодой женщиной, к тому же, как я понял, сильно интересующейся парапсихологией, специалиста в которой она, похоже, видела во мне. Мы стали видеться довольно часто и проводили вместе много времени. Лицо ее казалось мне знакомым, и, как позже выяснилось, она сопровождала Розалин Картер во время ее визита в Мексику. Но мы ни разу не вспомнили об этом.

Однажды она сильно удивила меня, сказав, что является близкой родственницей семьи Картера. По ее словам, она подробно рассказала обо мне Джимми и он отреагировал с большим интересом и без всякого предубеждения. Прежде чем я смог установить связь между мной, Люси и Майком, она спросила, не хочу ли я присутствовать на церемонии инаугурации в Вашингтоне.

Я ни о чем не просил ее, как, впрочем, и никого другого, потому что не считал возможным набиваться на приглашение. Инаугурация президента — это очень большое событие, на которое любой человек в США хотел бы быть приглашенным. Какие шансы были у меня? Я был просто известным и не совсем обычным участником развлекательных программ, но отнюдь не был звездой и, главное, не был даже американцем. Поэтому можете представить себе мое удивление и радость, когда однажды утором я обнаружил на половике перед дверью своей квартиры аккуратно заиленный конверт.

Я не мог в это поверить. Господин Ури Геллер официально

приглашался в Вашингтон на инаугурацию президента Картера. Так же как и господин Шипи Штранг. Мы посмотрели друг на друга в полном недоумении.

Что это была за неделя! Люси или, быть может, кто-то другой полностью взяли заботу о нас. Из огромного множества вашингтонских отелей для нас были зарезервированы места именно там, где поселили близких родственников президента. Некоторые из них жили на том же этаже, что и мы. И первый человек, с которым я столкнулся, выйдя из номера, был брат Картера — Билли.

«И вы здесь? — прогремел он. — Вы Ури Геллер. Я очень много о вас слышал». И тут же на месте захотел убедиться в том, что все это правда. В его книге вы найдете фотографию, расположенную на полном развороте, — мы с ним вдвоем сидим в коридоре гостиницы и проводим телепатический эксперимент.

Люси была, пожалуй, самой активной из всех присутствовавших. Она надавала мне кучу самых разных приглашений не только на лучшие места во время церемонии инаугурации, но и на бесчисленные балы, приемы и вечера. Один из приемов должен был состояться в Белом доме.

Торжественный парад перед инаугурацией оказался весьма неуютным мероприятием. Было холодновато, но президент Картер настоял на том, чтобы проделать весь маршрут от церемониальной трибуны до его нового дома пешком, что очень обеспокоило сотрудников службы безопасности. Я здорово продрог и уже не раз пожалел о том, что не поддел под куртку какой-нибудь свитер или другую теплую вещь.

Когда в поле зрения появилась вся процессия, весь наш замысел показался посто нелепым. Я мысленно приготовился предпринять что-то неожиданное, так как план Майка направить телепатическое послание главе самого могущественного государства в мире казался мне весьма далеким от исполнения.

Новая президентская чета приветливо махала руками и рассыпала свои теплые южные улыбки окружающей толпе. Одна такая солнечная улыбка была послана в моем направлении, хотя госпожа Картер вряд ли могла узнать меня с такого большого расстояния, но это был явно знак персонального внимания, Наконец они поравнялись со мной, хотя находились все же на приличном расстоянии от меня. Тогда я и сделал свою первую попытку донести до президента как бы зажатую в капсулу и несущую образы телепатического феномена мысль о советском превосходстве в этой области и отсутствии средств, необходимых для исследований.

«Все дело в деньгах, — сказал мне как-то Майк. —

Необходимы дотации для исследовательских институтов». Он не называл мне конкретных цифр, но в моей голове почему-то засела сумма в шесть миллионов долларов. И в своем мысленном послании к президенту я добавил эту цифру. Я попытался донести до сознания президента эту идею, насколько это было возможно с того расстояния, которое нас разделяло. Непосредственный контакт с президентом ожидал меня впереди.

Есть много аргументов, подтверждающих, что телепатия значительно более эффективна при тесном контакте, хотя Рассел Тарг и другие исследователи показывали во время своих экспериментов, что возможна передача мыслей и на больших расстояниях, как от Москвы до Калифорнии. Но я думал, и небезосновательно, что задача, которая стояла передо мной в тот момент, могла быть более успешно решена в непосредственной близости от объекта внушения. Возможно, я был не прав, но в любом случае Майк советовал мне подобраться к Картеру как можно ближе. Пришлось еще немного подождать, потому что у меня не было никакой возможности подойти поближе к президенту во время официальной церемонии, проходившей в огромном зале. Среди всех присутствующих я узнал лишь двоих людей: актера Джека Николсона, как и многие другие знаменитости, пришедшего засвидетельствовать свое уважение новому президенту, и маленькую очень знакомую фигурку, которая попалась мне на глаза по пути в холл. Я подкрался к ней сзади и тихонько позвал: «Манси! Обернись!» Она отпрянула от неожиданности, увидев меня. Я прочел в ее глазах немой вопрос: как, черт возьми, я сумел получить приглашение сюда. Однако времени для объяснения у меня не было.

Наконец наступило время главного события недели торжеств и я оказался в самом знаменитом доме Соединенных Штатов. Это был отнюдь не частный визит. Кроме меня, там присутствовало еще несколько сот гостей. Не успело пройти первое изумление от увиденного внутри Белого дома, как у меня вновь оборвалось сердце. Я понял, что служба безопасности здесь действовала очень четко. Люси все время держалась рядом со мной, успев познакомить меня с несколькими важными людьми, включая одного из ближайших советников президента, но мои мысли в этот момент работали в совершенно другом направлении. Я знал, что это, возможно, мой последний шанс встретиться с президентом с глазу на глаз. Но я видел, что даже Люси с ее родственными связями не могла пройти сквозь вооруженную стену, сооруженную вокруг президента в его собственном доме.

Затем гости внезапно стали выстраиваться в ряд — друг за другом, чтобы лично засвидетельствовать свое уважение семье

Картеров. Я сильно сомневался в том, что сотрудники службы безопасности разрешат мне встать в этот ряд и поговорить с четой Картеров. Но Люси вдруг схватила меня и буквально потащила в конец ряда.

Ситуация напомнила мне мой первый прыжок с парашюта. Я помню зеленый свет, означавший, что следующая очередь для прыжка — моя и что обратной дороги нет. Сейчас со мной происходило нечто подобное. Я попытался сконцентрироваться настолько, насколько это было возможно, и, пожалуй, впервые почувствовал, что вот это и есть предназначение, которое мне предстоит выполнить.

Гораздо раньше, чем я предполагал, передо мной оказались Джимми и Розалин Картеры и их официальная свита. И больше никого. Вот и пришло время, подумал я.

Госпожа Картер сразу же узнала меня и сняла напряжение. «О, Джимми! — воскликнула она. — Это Ури Геллер. Ты помнишь, тот молодой израильтянин, о котором я тебе столько рассказывала».

Выражение лица Картера чуть-чуть изменилось. И потом последовала тишина, после чего я сделал шаг вперед и схватил его руку для пожатия. Я держал ее добрых шесть секунд, смотря сверху в его глаза. Он был ниже меня ростом, ниже даже, чем я преполагал.(Во мне семь футов и один дюйм.) Я попытался передать им свое мысленное послание и сделал для этого все, что мог:

«Телепатический феномен существует. Будь объективен и не имей предубеждения. Вложи деньги в исследования. Шесть миллионов долларов. Догони Советы».

Уверхнапряжение и концентрация мысли сделали эффект моей попытки еще сильнее, чем обычно. Картер даже слегка вздрогнул, и я почувствовал, что он пытается отнять свою руку. «Не перестарайся», — сказал мне мой голос. Последовала известная картеровская улыбка.

«Вы собираетесь решить для нас проблему энергетического кризиса?» — спросил он. Уже во второй раз главы государств настойчиво задавали мне один и тот же вопрос. Я забыл, что ответил тогда, но что касается моего послания к президенту, то почти не сомневаюсь, что оно дошло до него.

Этот случай — один из тех, когда я был абсолютно уверен в том, что поступаю правильно. Моя миссия на этом закончилась. Полагаю, что кто-нибудь из фотографов навечно запечатлел этот эпизод и фотография, наверняка, хранится где-нибудь в вашингтонских архивах.

Люси позвонила после этого мне еще раз или два. Но мы

никогда больше не виделись, и я до сих пор не знаю, подстроила ли она мне эту встречу с президентом или нет. И вообще, кто стоял за всем этим? Неужели это было просто совпадение?

Что касается Майка, то он тоже навсегда исчез из моей жизни — так же неожиданно, как и вошел в нее.

Семь лет спустя в «Нью-Йорк тайме» от 10 января 1984 года появилось сообщение. В нем говорилось о том, что президент Картер приказал в 1977 году провести на самом высоком уровне «всестороннюю проверку исследований Советов в области парапсихологии». Это последовало, как утверждалось в газете, после «личной встречи» президента со мной. (Я никакой информации об этой встрече не давал.) «Секретная проверка, — согласно статье, — была завершена в 1978 году. И хотя не было доказано, что существовал специальный проект о разработке в СССР психических методов ведения войны, о которых предупреждал господин Геллер, но был обнаружен определенный интерес Советского Союза в этой сфере». Официальные представители Белого дома «не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть» утверждения газеты насчет проверки. Не могу этого сделать и я.

В декабре 1976 года я праздновал свое тридцатилетие. Я был вполне доволен жизнью и собой, и для этого в общем-то были основания. Во множестве стран мира мое имя вошло буквально в каждую семью. Я проехал почти по всем городам, о которых мечтал. Я обрел настоящих друзей, и мой банковский счет уже исчислялся семизначными цифрами.

Нападки на меня со стороны скептиков и фокусников заставляли людей еще настойчивее стремиться увидеть своими глазами мои выступления в залах и на телевидении. В придачу к сотням публикаций в газетах и журналах обо мне было написано уже несколько солидных книг. Казалось, все идет как надо. Психологически, однако, это было не совсем так. Сперва я почувствовал легкое недомогание и довольно легко обнаружил его причину. Я всегда был любителем поесть. А тут превратился просто в кошмарного обжору, страдающего от ненормального, постоянного чувства голода. Или, другими словами, ненасытного аппетита. Я пожирал все, что стояло передо мной. Мы часто обедали с Манси в лучших ресторанах Мехико, и тем самым я еще больше подталкивал себя к искушению. К счастью, мы были трезвенниками. И мне страшно подумать, что было бы с нами, если бы мы еще и пили. Но и без этого положение становилось тревожным. К тому же почти ни в одном из ресторанов, которые мы регулярно посещали, нам не предъявляли счет. Реклама того, что жена президента обедает в том или ином ресторане, значила

для их хозяев значительно больше, чем пригоршня песо. А я платил за еду, сгибая ложки во время обедов. В одном ресторане мое произведение — импровизированная огромная согнутая ложка — было вставлено в рамку и повешено на стену. Официанты делали все возможное для того, чтобы угостить нас самыми свежими и вкусными блюдами, и мы им всегда уступали. А когда после поглощения поистине раблезианского количества пищи нам приносили еще десерт, Манси была в состоянии заказать лишь какое-нибудь одно блюдо и то съедала обычно только половину. А я и тут не мог себе отказать, и частенько мне приходилось, извинившись, выходить из-за стола для того, чтобы через некоторое время освободить в желудке немного места, а затем снова с жадностью наброситься на еду.

Дома происходило то же самое. Мне даже приходилось использовать известный метод под названием «два пальца в рот». В конце концов дело дошло до того, что меня постоянно рвало, уже без всякой искусственной помощи, и чем больше я ел, тем более тощим становился. Я пытался обмануть себя, надеясь, что потеря веса — это результат моих ежедневных тренировок — пятимильных пробежек. Даже в тяжелой из-за густого смога атмосфере Мехико я тренировался каждый день. Но все было напрасно.

Вскоре я поехал в Нью-Йорк, туда же из Израиля приехала и Ханна, сестра Шипи. Она довольно часто нас навещала. Увидев меня, она сказала, что я выгляжу просто ужасно. По возвращении в Мексику мне предстояло услышать то же самое от Манси. А Том Моррис заметил, что я напоминаю заключенного из концентрационного лагеря. В довершение всего, как-то раз выходя из машины, я вдруг почувствовал страшную слабость, как будто все силы в один момент покинули меня.

Я схватился за крышку автомобиля и с огромным усилием заставил себя удержаться на ногах. Это был короткий, неожиданный и очень пугающий момент истины, означавший, что я сам постепенно убиваю себя. Именно этот случай разбудил, казалось, уже безвозвратно уснувшую часть моего несознательного разума, которая тотчас же приняла решение предпринять срочные меры по спасению. С этого момента под присмотром Ханны я снова стал есть нормально, как это делаю и поныне.

Почти одновременно с этой моей хворобой мне пришлось столкнуться и с более серьезной проблемой. Президент Мексики с некоторых пор был серьезно обеспокоен тем, какое впечатление производила Манси на окружающих, появляясь вместе со мной в общественных местах. Кончилось все тем, что он велел ей

немедленно изменить образ жизни: перестать одеваться столь вызывающе и так сильно краситься, как она это делала в последнее время. Он запретил ей ходить по ресторанам, привлекая внимание всех тем, что она постоянно появлялась там в моем сопровождении. Короче говоря, ей следовало вспомнить, кто она такая и что собой представляет. Да я и сам беспокоился, замечая все больше любопытных и завистливых лиц за соседними столиками в ресторанах и в театрах. Впервые за все эти годы я почувствовал себя чужаком, и, надо сказать, ощущение это было очень неуютным. Но с Манси ни я, ни ее муж сладить не могли. На все упреки и замечания она неизменно отвечала: «Меня это не волнует». И то, что это волновало всех окружающих, в том числе и ее близких, не имело для Манси никакого значения. Тут уж ничего не поделаешь, такая это была женщина.

Однажды Пепито отозвал меня в сторону. У него явно на душе лежал какой-то тяжелый груз, от которого он хотел избавиться. Не нужно было быть телепатом, чтобы определить это но выражению его лица.

«Послушай, Ури, — сказал он. — У меня есть к тебе разговор. Ты ведь знаешь — ходят слухи. Не появляйся больше на людях с моей матерью. Это плохо для всех нас кончится».

В его голосе не было даже намека на угрозу, но тем не менее я воспринял его слова как сигнал тревоги. Пепито объяснил мне, что прекрасно знает, что у нас с Манси просто дружеские отношения, но их семья не могла подставлять свою репутацию под удар, даже вымышленный. У влиятельных людей всегда есть недоброжелатели. Тем более что до президента Портильо уже добрались злые языки, распространяющие повсеместно сплетни о том, что он, как и большинство крупных политических деятелей Латинской Америки, имел любовницу, которую где-то прятал, хотя я не замечал никаких признаков, подтверждающих это. У них с Манси всегда были ровные, нормальные отношения. Быть может, иногда они как-то отдалялись друг от друга, но я всегда относил это к тому, что оба они, особенно президент, очень много работали и смертельно уставали. Часы досуга Лопес Портильо также любил проводить уединенно — в своем кабинете, он много читал, писал историю своей страны, на которую имел собственный взгляд. Мне казалось, что у президента просто не было времени, чтобы ухаживать за какими-то другими женщинами. По отношению ко мне он всегда был предупредителен и дружелюбен и ни разу не сказал ни слова о том, что ему не нравятся наши отношения с Манси или что он против того, чтобы мы вместе проводили время, когда он занят делами.

Должно быть, он все-таки поговорил с Манси. Мы стали гораздо реже бывать на людях, хотя виделись по-прежнему часто.

Как-то в начале 1978 года она попросила меня поехать вместе с ней и ее детьми отдохнуть на курорт Канкун, расположенный на берегу Карибского моря. Это был поистине романтический отдых. Прогулки по побережью при лунном свете я, наверное, никогда не забуду. Хотя даже во время них я знал, что телохранители Манси где-то поблизости. Боюсь, что, где бы и когда бы мы ни были, за нами постоянно шпионили. Не сомневаюсь, что президенту докладывали буквально о каждом шаге, сделанном его женой. Мы стали, как мне казалось, какими-то заложниками в руках сплетников.

10 февраля 1978 года лондонская «Дейли экспресс» опубликовала небольшую заметку под названием «Сгибая правила приличия для Ури». В ней была помещена моя маленькая фотография и три небольших столбика текста без подписи автора. Статья начиналась так:

«Сенсационные известия из Мексики о сгибателе ложек Ури Геллере. Израильская звезда парапсихологии Геллер завязал теплую дружбу с женой президента Лопеса Портильо по имени Кармен. Эта дружба, как считают некоторые обозреватели, может привести к мексиканскому Уотергейту».

Затем в статье утверждалось, что я и мой ассистент Шипи Штранг сумели стать мексиканцами благодаря услугам первой леди Мексики. Газета добавляла, что таким образом «сеньор Штранг был спасен от военной службы в Израиле». Затем в статье говорилось, что «Геллер и Кармен, пышущая здоровьем в свои сорок с гаком, изрядно удивили мексиканцев, проведя вместе каникулы в Канкуне, где жили в одном отеле и, как утверждают сотрудники отеля, вели себя достаточно интимно». Газета цитирует слова одного из них: «Мы не знали, где их искать». А я, по утверждению газеты, признался, что «очарован ею (то бишь Манси), ее мужем и детьми».

Статья была достаточно аккуратной. Я созванивался в те дни со многими своими знакомыми и неизменно подтверждал то, о чем знало уже все Мехико, — да, мы с Манси очень хорошие друзья. Хотя вполне могу предположить, что какой-нибудь официант или официантка могли быть шокированы поведением Манси. Я и сам не раз говорил о том, что и меня иногда пугало ее поведение. И все же как эта статья попала в Лондон? К чему весь этот разговор о мексиканском Уотергейте? Зачем беспричинно оклеветан Шипи? Ведь даже элементарная проверка фактов подтвердила бы, что он уехал из Израиля совершенно открыто и легально, задолго до того, как стать военнообязанным. Так или

иначе, он наверняка, был бы освобожден от службы из-за того, что в юности перенес очень серьезное заболевание. После отъезда из Израиля он приезжал туда еще не раз, и у него никогда не возникало каких-либо проблем по этому поводу. Судя по всему, это была просто провокация, и мне, конечно, было интересно узнать, кто же ее провернул. Упоминание об Уотергейте натолкнуло меня на мысль о причастности к этому революционно-конституционной партии Мексики, единственной силы, имеющей власть в стране. По всей видимости, ее лидеры пришли к выводу, что дело зашло слишком далеко. И вряд ли можно упрекать их за это. Мои отношения с Манси легко могли быть неправильно поняты, хотя я уже не раз говорил, что в действительности это были самые что ни на есть дружеские отношения. И если бы президент захотел положить им конец, то ему достаточно было только сказать мне об этом, чего он никогда не делал.

Не исключено, что этой информацией газету снабдил кто-то из моих недоброжелателей, которые прекрасно знали, что в Мексике даже косвенный намек подобного рода мог быть достаточным для того, чтобы подвергнуть мою жизнь реальной опасности. Зная теперь о тех грязных приемах, которые они применят по отношению ко мне позже, я не могу исключить и этот вариант.

10 февраля я должен был ехать в Лос-Пинос, но этому не суждено было случиться. «Дейли экспресс» утром того же дня уже лежала на столе президента. К тому же ему заблаговременно был направлен телекс из мексиканского посольства в Лондоне. События стали стремительно развиваться.

В доме Тома Морриса, где я по-прежнему останавливался, когда приезжал в Мексику, зазвонил телефон. Это был Пепито.

«Не приезжай сегодня в Лос-Пинос, — начал он. — Случилась беда.» Отец, по его словам, очень сердит, даже разъярен. «Там написано что-то нехорошее обо всех нас в газете», — сказал Пепито.

Я пытался добиться от него подробностей, но он ничего не мог мне сказать, кроме того, что люди осуждающие говорят о его матери и обо мне. По его голосу я понял, что на сей раз дело действительно серьезное: сквозь его слова я снова услышал как бы вой сирены, предупреждающей об опасности. Теперь уже близкой. Вокруг меня начали разворачиваться события, которыми Пепито уже не может управлять. И телефонный звонок был лишь дружеским предупреждением. Надеяться на его помощь и поддержку здесь уже не приходилось.

Внезапно мне показалось, что все вокруг меня рушится и

чтобы спастись, необходимо немедленно предпринимать самые решительные меры и не мешкая готовиться к отъезду. Моя бесценная карточка компании «Аэромексико» давала мне право не только на бесплатный полет в салоне первого класса, но и на то, чтобы в случае необходимости ссадить с рейса любого пассажира, если для меня уже не окажется места. Можно было на некоторое время задержать вылет самолета, даже если он находится на взлетной полосе. Я, разумеется, раньше не прибегал к подобным вещам, но сейчас пришлось это сделать.

Том Моррис довез нас с Шипи до аэропорта. Если бы не дипломатический номер на его машине, уверен, что он бы закончил эту поездку в тюрьме — столько грубейших нарушений правил он сделал. Мы ехали на красный свет, не обращали внимания на улицы с односторонним движением, проезжали даже по тротуару. Полицейские беспомощно размахивали руками и ругали нас на чем свет стоит. Прохожие останавливались и долго провожали нас своими широко раскрытыми от ужаса и удивления глазами. Должно быть, даже по мексиканским стандартам все это было слишком необычно.

Так или иначе, с грехом пополам мы добрались до аэропорта. У нас даже не осталось времени, чтобы как следует поблагодарить Тома за все, что он для нас сделал. Наконец я с облегчением вздохнул и плюхнулся в кресло самолета, взявшего курс на Нью-Йорк.

Моя совершенно невероятная жизнь в Мексике началась с весьма неожиданного приказа жены президента. Я покидал страну столь же неожиданно, но теперь уже по рекомендации ее сына. Даже когда самолет уже набрал высоту, у меня в ушах все еще стояли его последние слова. Они звучали даже громче, чем ревущие двигатели авиалайнера, увозившего меня от опасности: «Мой тебе совет — уезжай из Мексики, и побыстрее».

Глава 6. Удачи и поражения

В моей нью-йоркской квартире зазвонил телефон. Внизу меня ждал человек из американской таможни, который хотел со мной встретиться. Его удостоверение, по словам консьержки, было в полном порядке. Хотя это еще далеко не гарантия, кто знает, может быть, он кем-то подослан.

В Нью-Йорке любому поневоле приходится быть осторожным. Но я доверился мнению своей консьержки. Кроме того, хотя этот визит и был неожиданным, я догадывался о его возможной причине. Некоторое время назад я прилетел из Мексики, везя с собой дорогой кольт, тот самый, который подарил мне президент Лопес Портильо. Я уже несколько раз абсолютно открыто и легально провозил его в США и никогда не имел никаких проблем на таможне, предъявляя свои документы сотрудника мексиканской службы безопасности. Однако в последний раз таможенник отнес мой кольт куда-то на экспертизу, а затем, вернувшись после долгого отсутствия, объяснил, что пистолет временно останется у них. Якобы необходимо было что-то проверить в документах. О результатах этой проверки мне обещали сообщить позднее.

Пришедший ко мне агент таможни, которого я буду дальше называть Карлом, с виду и впрямь походил на таможенника, что подтверждал специальный знак отличия у него на куртке. Он принес с собой маленький пакет.

«Господин Геллер? — сказал он, когда я открыл ему дверь. — Я пришел, чтобы вернуть ваш пистолет по специальному решению министра юстиции США».

Каким образом министр юстиции был вовлечен в это дело? Было ли естественным то, что конфискованные вещи возвращались владельцу лично в руки — об этом я не имел понятия, как в равной степени и о том, действовал ли Карл по приказу или просто ему самому было интересно встретиться со мной? Как бы там ни было, я пригласил его зайти в квартиру, и мы очень приятно поболтали. Оказалось, что Карл очень интересуется телепатией. Уходя, он объяснил, как его можно найти, и попросил меня сразу же дать ему знать, если мне понадобится помощь любого рода.

И как это нередко случается, помощь мне понадобилась очень скоро. Моя мать жила в то время совсем одна в Израиле, и я хотел, чтобы она переехала ко мне в США, где я мог бы видеть ее гораздо чаще в перерывах между своими выступлениями и турне. Я не хотел становиться американцем или добиваться постоянного

места жительства в этой стране. Просто это было не очень разумно с моей стороны устраиваться где бы то ни было на постоянное место жительства, так как я бесконечно путешествовал по всему свету, выполняя контрактные обязательства. Нью-Йорк был лишь одним из моих временных пристанищ — статус иностранца обязывал меня проводить в США не более шести месяцев в году, а если быть точным — 183 дня. Условие, которое я выполнял неукоснительно. И все же Нью-Йорк был тем местом, которое я посещал чаще всего, и поэтому мне хотелось, чтобы моя мать жила именно там.

Карл пообещал подумать, что можно будет сделать для этого. Через некоторое время он снова пришел ко мне, на этот раз не один, а с человеком, которого я буду называть Доном. Насколько я догадался, он работал в контрразведке Федерального бюро расследований.

Разговор у нас получился долгий и откровенный. Причем в основном говорил Дон. Он был очень увлечен всеми известными паранормальными явлениями, в особенности телепатией, и, естественно, захотел сам убедиться в моих возможностях. Мы сделали ряд совместных экспериментов с рисунками, и он радовался, как ребенок, обнаружив, что у него тоже кое-что получается, когда я внушал ему образ того или иного изображения.

«Слушай, — сказал я ему. — Если тебе понадобится моя помощь в чем-то, то я буду рад оказать тебе любую услугу». Я делал это предложение без всякого сомнения. ФБР — одно из самых уважаемых законоохранительных агентств в мире, и его репутация куда чище, чем у ЦРУ. Я был уверен в том, что они не станут просить меня о чем-то таком, что вошло бы в противоречие с моими собственными интересами и принципами. С ними можно было иметь дело.

Дон выглядел очень довольным, как будто еще до прихода ко мне надеялся, что я сделаю ему это предложение.

* * *

Мне уже приходилось в свое время иметь дело с ФБР, и вот при каких обстоятельствах.

9 августа 1975 года молодой человек по имени Самуэль Бронфман был похищен возле дома своего отца в пригороде Нью-Йорка. Согласно сообщениям газет, с его отца потребовали кругленькую сумму за возвращение сына невредимым. Эдгар Бронфман — глава огромной империи, производящей виски

«Сигрэм», и его старший сын Самуэль должен был наследовать большую долю миллиардного бизнеса.

О похищении сына семье Бронфманов сообщили по почте и по телефону. Кроме того, в качестве подтверждения они получили даже магнитофонную пленку с записью голоса Самуэля. В письменном сообщении говорилось, что младшего Бронфмана поместили в одну из подземных пещер, где-то в округе Вестчестера, и запас пищи у него оставался еще на десять дней. Газеты сообщали, что Бронфман старший пошел на переговоры с преступниками, пытаясь освободить сына за семизначную сумму, но нигде не упоминалось о том, какие шаги были предприняты со стороны ФБР или полиции. Также ни слова не было и о том, что один из членов семьи Бронфманов позвонил мне из Торонто с просьбой помочь, так как они боялись, что, когда они сумеют передать деньги, будет поздно.

Все это происходило задолго до того, как сэр Вал Дункан посоветовал мне попытаться использовать свой природный дар для своего рода лозоискательства. На сей раз я, как и раньше, сказал, что попытаюсь помочь, чем смогу, но, разумеется, никаких гарантий дать было невозможно.

Все необходимые приготовления были проведены очень быстро, и частный вертолет доставил меня в тот район, где, как предполагалось, может находиться в подземном заточении Самуэль.

Сперва меня привезли в роскошный дом Бронфманов и по моей просьбе показали некоторые вещи, принадлежавшие Самуэлю, чтобы я мог установить своего рода внутреннюю связь с ним. Затем мы снова сели в вертолет и несколько часов летали вдоль и поперек всей обширной территории округа Вест-честер, но мне, к сожалению, так и не удалось что-нибудь обнаружить. К концу стало ясно, что моя первая попытка выполнить задание подобного рода терпит полный провал. Меня отвезли в резиденцию Бронфмана в Манхэттене, чтобы я попытался объяснить ему причины своего поражения.

Шикарные апартаменты Эдгара были временно превращены в командный пункт. Там, помимо совершенно отчаявшегося отца и других присутствующих, находился шеф нью-йоркского управления ФБР. Первое, что я увидел, войдя в гостиную, — это большую карту Нью-Йорка, разложенную на подставке. Неожиданно даже для самого себя, не успев даже ни с кем толком поздороваться, я вдруг почувствовал мощный прилив направленной энергии. Я сразу же подошел к карте и уверенно ткнул пальцем в какое-то место в Бруклинском районе.

«Вот здесь он сейчас находится», — заявил я без малейших

колебаний.

И действительно, он был там. Хотя не могу утверждать, что именно я обнаружил Самуэля Бронфмана, потому что к этому моменту один из похитителей сам сообщил в полицию о точном местонахождении молодого Бронфмана. Но случилось это уже после того, как похитители получили требуемый выкуп. Сотрудники ФБР срочно выехали на указанное место и освободили Самуэля, который, по счастью, был здоров и невредим. А 2 миллиона 300 тысяч долларов оказались в руках похитителей.

Потом я выяснил, что ФБР внимательно наблюдало за тем, как передавались похитителям деньги и как новоявленные миллионеры беззаботно направлялись к себе домой. Два похитителя — американцы ирландского происхождения, как предполагалось, были связаны с фондом помощи ирландским террористам. Через некоторое время они все же заметили, что находятся под наблюдением. С испугу они решили, что это мафия послала свою группу боевиков, чтобы отобрать у них деньги, и хотите верьте, хотите нет, отчаявшись, один из похитителей послал свою дочь в местную полицию с запиской, в которой просил защиты. Оба злоумышленника позднее были арестованы и отправлены в тюрьму.

Вот и вся история, достоверно изложенная газетами, хотя выглядит она так фантастично, что, если бы это был сюжет полицейского романа, читатель вряд ли поверил бы автору.

Я не заключал какого-то контракта с господином Бронфманом, но после счастливого завершения всего этого дела решил выслать ему счет на 25 тысяч долларов — сумму, которую, на мой взгляд, он вполне мог бы себе позволить. В то время я получал в среднем по пять тысяч за свои полуторачасовые лекции-демонстрации и поэтому подумал, что 25 тысяч не так уж много для двух-трех дней тяжелой работы, тем более если учитывать, что была полностью доказана правота моих предположений. У меня было очень сильное подозрение, что в тот момент, когда я ткнул пальцем в карту, еще никому не было известно, что Самуэль находится в Бруклине. И ничего удивительного в том, что мне никто не сказал об этом.

Я все-таки получил чек от Бронфмана, как и положено, на запрашиваемую сумму, правда, минус «ноль». Короче говоря, он прислал мне только две с половиной тысячи. Ну пусть это остается на его совести, поскольку контракта никакого не было подписано, а две с половиной тысячи все-таки лучше, чем ничего.

А через несколько лет у меня было любопытное, если так можно сказать, продолжение этого эпизода. Я был приглашен в

один крупный отель в Европе, чтобы обсудить одно соглашение, о котором в силу его личного характера я не могу здесь подробно говорить. Ну разве что только то, что мой клиент был человеком весьма скрытным, как это принято сейчас у европейских бизнесменов. Когда я спросил его об оплате, он написал что-то на уголке салфетки, оторвал его, скатал в плотный шарик и вручил мне. Я развернул маленький клочок бумаги, разгладил его и увидел, что там написано 2,5. Я решил, что это две с половиной тысячи долларов, и кивнул головой, дав понять, что согласен. Собеседник попросил дать адрес моего банка, в который он тотчас же переведет деньги. Через день или два я позвонил в банк, чтобы проверить, сдержал ли он свое слово. Озадаченный служащий банка сказал, что за прошедшие несколько дней две с половиной тысячи на мой счет не поступали. «Было только одно поступление на ваше имя за последнее время, — добавил он, — 250 тысяч долларов».

* * *

Как только Дон услышал, что я предлагаю ему свои услуги, он сказал: «Я знаю, что тебе самому нужна кое-какая помощь, касающаяся твоей матери». По всей видимости, Карл уже успел ему все объяснить.

И Дон, и Карл стали часто заглядывать ко мне в гости. Иногда они приходили со своими женами или коллегами по работе. Стол в моей прихожей нередко был буквально завален наручниками и связками ключей, которые мои гости складывали, чтобы хоть как-то отдохнуть от работы в комфорте моего лома. Мои отношения с сотрудниками ФБР складывались значительно легче и доверительнее, чем с представителями ЦРУ в Мексике.

Однажды Карл зашел ко мне со своим другом из управления но борьбе с наркотиками. Они показали мне массу фотографий каких-то очень неприятных на вид людей, а потом изображение торгового судна. «На днях, — сказали они, — этот корабль — главный поставщик наркотиков — ожидается в порту». Они поинтересовались, не могу ли я сказать что-нибудь, глядя на эти фотографии.

Я сделал все, что было в моих силах, передал свои мысли и впечатления от увиденных фотографий. Но, как обычно, опять ничего не узнал о результатах этого эксперимента. Согласитесь, это огорчило бы любого, и *я* тоже не исключение. Но приходится утешать себя тем, что золотое правило любой разведывательной службы заключается в том, что никому никогда не говорится

лишнего слова сверх того, что ему необходимо знать. Как объясняли сами сотрудники спецслужб, есть только один способ узнать, даешь ли ты какую-нибудь важную информацию или нет. Если да, то тебя обязательно попросят еще о чем-то. Судя по тому, что здесь в Америке, так же как и в Мексике, ко мне постоянно обращались за помощью, вероятнее всего, я все-таки приносил какую-то пользу.

Однажды Дон задал мне вопрос, очень похожий на те, которые входили в «список заказов» Майка в Мексике.

«Если я провезу тебя вокруг квартала, где расположено советское консульство, — сказал он, — сможешь ли ты сказать, что расположено на одном из этажей этого здания?»

Консульство находилось всего в десяти кварталах, на 67-й Восточной улице, и мы отправились туда. Меня позабавило то, что прямо напротив консульства расположился полицейский участок.

Я несколько раз прошелся пешком вдоль дома и обратно, стараясь не попадать в глазок телекамеры, подвешенной возле двери, и, как в Мексике, пытался поймать какую-то информацию при помощи своих телепатических антенн, но ничего интересного не услышал.

В следующий раз я был приглашен на вечер в особняк на Лонг-Айленд Саунд, где хозяином был сотрудник ЦРУ, специализирующийся на советских проблемах, а одним из приглашенных должен был быть советский официальный представитель, которого американская сторона очень хотела склонить к сотрудничеству со своими спецслужбами.

Меня попросили о двух вещах: продемонстрировать перед этим человеком свои способности и по возможности попытаться послать ему мысленный сигнал, побуждающий завербоваться в ЦРУ. Мне это поручение показалось довольно странным, но я не стал задавать лишних вопросов.

Дон пришел с женщиной, но не со своей женой, которую мне раньше приходилось видеть, а с сотрудницей контрразведки. Они вскоре организовали мою встречу с советским гостем — невысоким коренастым мужчиной с совершенно седыми волосами, несмотря на то что он был средних лет. Мне не назвали его имени. Я согнул для него ключ, и было видно, что ему это понравилось. Прощаясь, я дал ему свой телефон с приглашением позвонить, если возникнет желание, но он мне так и не позвонил.

Во время этой встречи я сидел совсем рядом с ним и все время выстукивал, словно азбуку Морзе, свое мысленное послание ему:

«Предай, предай. Тебе будет хорошо. Предай…»

Примерно тогда же Аркадий Шевченко, помощник Генерального секретаря ООН, предал свою Родину и остался в США, после того как в течение двух лет постоянно передавал секретную информацию американским спецслужбам. В своей книге «Порывая с Москвой», увидевшей свет в 1985 году, он написал: «Я был благодарен, что даже в век технических чудес нес-таки никто не может читать чужие мысли».

Некоторые из его бывших коллег в советской миссии, наверное, знают лучше и больше меня обо всех этих вещах. В 1980 году мне позвонил человек с сильным славянским акцентом и попросил провести лекцию-демонстрацию для парапсихологического общества ООН в Дег Хаммарскйолд-зале.

Я удивился, узнав о существовании такого общества, но, как выяснилось, оно существовало на самом деле. У меня сохранились и афиши того моего представления. Вечер прошел очень удачно, несмотря на слишком яркое освещение.

Маленький зал был переполнен. И хотя ООН — многонациональная организация, в основном среди присутствующих выделялись лица явно восточноевропейского типа. Поэтому неудивительно, что, по крайней мере, один из зрителей, которого я узнал, был агентом контрразведки, подосланным кем-то из моих друзей, разумеется, не для того, чтобы смотреть представление, а для того, чтобы следить за публикой.

Фотокамеры щелкали весь спектакль. Затем мне задавали вопросы на всевозможных славянских языках. Возможно, меня снимали на видеокамеру, так как, когда потушили свет, я заметил на заднем ряду мужчину, упаковывавшего очень большую камеру. После окончания представления я снялся на нескольких официальных групповых фотографиях, и корреспондент одной из газет, освещавших этот вечер, впоследствии достал мне одну из фотографий с именами присутствовавших, записанными на обороте. Там было несколько русских фамилий.

В оставшейся части этой главы я опишу несколько не совсем удачных экспериментов. Я сделаю это по двум причинам. Во-первых, потому что не хочу, чтобы у читателей создавалось впечатление, будто бы я в любое время могу с успехом сделать все, что потребуется. А во-вторых, серьезный ученик сможет извлечь из них те уроки, которые извлек я.

Как следователь ФБР, Дон привлекался к поиску похитителей и их жертв. Однажды он позвонил мне из Оризоны и сказал, что отец пропавшего мальчишки обещал оплатить все расходы, связанные с поездкой и оказанием помощи в поисках сына. Я

сразу же согласился. Приехав на место, я объездил вдоль и поперек всю территорию, где, как предполагалось, мог быть мальчишка, Но, увы, не получил никаких сигналов, касающихся исчезновения ребенка, за исключением лишь того, что, по моим предположениям, мальчик был убит и погребен в пустыне. Впоследствии мне никогда не приходилось слышать, чтобы где-то обнаружили его тело.

Последняя просьба, которую я получил от Дона, могла бы, вероятно, привести меня к высшему успеху, если бы в то, что я говорил, кто-нибудь поверил. Поначалу все, что тогда говорил мне Дон, походило на второсортный боевик, но по его голосу я сразу понял, что ему было вовсе не до шуток. И не до проверок и тестов, которыми он мне частенько забивал голову в последнее время. Здесь было дело куда серьезнее. Стало известно с очень большой долей вероятности (похоже, информация исходила от перешедшего на сторону американцев советского специалиста), что один из высокопоставленных сотрудников Белого дома в Вашингтоне уже в течение долгого времени является советским шпионом.

«Можешь ли ты попытаться назвать его имя, хотя бы первую букву, ну, хоть какие-то общие впечатления, что-нибудь, что могло бы навести нас на его след?» — пытал меня Дон.

Сперва мало что получилось, но я сделал все, что мог, и несколько недель спустя пришел к нему с ответом. Когда я назвал это имя, он подумал, что я или сошел с ума, или издеваюсь над ним. Он не воспринял на этот раз меня всерьез. Я убежден, что он никогда не передал имени, которое я упомянул, своим начальникам. И возможно, так никогда и не станет известно, был ли я прав или нет. Очевидно, после этого случая Дон пришел к выводу, что я окончательно потерял свое умение, и поэтому больше ни разу не обращался ко мне за помощью.

ФБР, как вы можете себе представить, не очень много распространяется о связях с людьми, подобными мне. Единственное упоминание в печати из их уст я прочитал 26 января 1986 года в «Интернешнл геральд трибюн», когда заместителя помощника директора ФБР Томаса Х. Брессена спросили, обычное ли для них явление сотрудничать с телепатами? Он ответил: «Я не исключаю этого».

Не исключают этого, насколько я знаю, и его коллеги.

* * *

В июле 1978 года 25-летний житель Нью-Йорка Дэвид

Берковиц был посажен в тюрьму за убийство шести молоденьких привлекательных девушек и нанесение тягчайших ранений еще семи таким же. Вынося приговор в общей сложности на 315 лет тюрьмы, судья выразил свое искреннее желание, чтобы обвиняемый находился в заключении до самого последнего дня своей жизни. Я сомневаюсь, что был в Нью-Йорке в то самое время хоть один житель, который думал иначе, потому что не было в этом городе еще такого преступника, которого так бы боялись и ненавидели. Почти весь 1977 год он, известный всем под кличкой «сын Сэма», буквально терроризировал город.

Карл убедил меня в необходимости помочь в розыске этого головореза. Он познакомил меня с офицером полиции, готовым испробовать любой метод, только бы поймать убийцу. И вот однажды вечером мы выехали на последнее место преступления «сына Сэма» в безлюдном местечке под названием «Переулок любовников», расположенном возле моста Вернадано. По прежде чем мы туда отправились, он показал мне несколько полицейских фотографий предыдущих жертв. Эти несчастные изуродованные девушки до сих пор стоят в моих глазах, и у меня все внутри переворачивается, когда я вспоминаю о них. Словом, меня не нужно было больше ни о чем просить после того, как я увидел эти страшные кадры. Я готов был сделать все, что в моих силах, чтобы помочь в поимке маньяка, ответственного за увиденное мною на фотографиях.

На месте преступления я обошел все вдоль и поперек, пытаясь как можно сильнее сосредоточить свое внимание. Может быть, даже чересчур сильно сконцентрировался. Затем стал собирать свои ощущения и впечатления и дал полицейскому примерное описание убийцы. А кроме того, назвал ему одно слово, которое настойчиво билось в моем сознании: «Йонкерс».

Я почувствовал, что не очень-то помог полицейским. Йонкерс — это огромный район в Нью-Йорке, и там живут, возможно, тысячи людей с чертами, похожими на те, которые я дал полиции.

Позднее я узнал, что полиция все же поймала Берковица, проверяя все автомобили, которые припарковывались и получали соответствующие стояночные талончики в районе преступления во время или незадолго до совершения убийств. Именно так они напали на след убийцы, который, действительно, проживал в Йонкерсе. Выследили его квартиру, где и произвели арест. Для меня слишком был слабым утешением тот факт, что небольшая информация, которую я дал, оказалась точной. Увы, она хоть и была верной, но не настолько определенной, чтобы помочь спасти жизнь, по крайней мере, еще одной невинной девушке. Я очень переживал по этому поводу. Чтобы завершить рассказ об этом

страшном деле, можно добавить, что я узнал, что на разных стадиях поиска преступника привлекались несколько телепатов. Один из них смог дать дополнительную информацию, которая вкупе с моей, возможно, и положила конец преступной деятельности «сына Сэма».

* * *

Более близкий по времени случай, в котором я, как мне кажется, сделал все правильно, за исключением последнего решающего шага, произошел в Риме зимой 1983 года. В ноябре из собственного дома были похищены два члена состоятельной болгарской семьи. В канун Рождества они уже снова оказались дома, но за них пришлось заплатить солидный выкуп. Во время поисков родственники похищенных попросили меня о помощи. Они хотели, чтобы я определил местонахождение двух жертв — женщины и ее 17-летнего сына, и с помощью итальянской полиции я обошел все районы, где они предположительно могли находиться.

Сначала у меня в голове был лишь чистый экран. Затем, когда мы с Шипи как-то бродили по улицам Рима, я получил неожиданный и очень сильный импульс, который указывал мне двигаться на определенную площадь, находившуюся в совершенно другом конце города. Мы срочно направились туда. И как только оказались там, рядом резко затормозил «Мерседес», из него вышла женщина и бросилась к телефонной будке-автомату. Я узнал ее — это была одна из родственниц похищенных. Как выяснилось, ей только что позвонили по телефону и велели прийти в эту будку, чтобы получить от преступников требование о выкупе.

Нечто подобное повторилось несколько недель спустя. Я снова почувствовал настойчивую необходимость идти в определенное место, где должно было что-то случиться. И опять импульс подтвердился. На сей раз никакого телефона там не было. Я постоял некоторое время на тротуаре, думая, что же все-таки мне предстоит здесь увидеть.

В такой ситуации каждый человек вызывает подозрение, но я долго не мог заметить ничего примечательного до тех пор, пока мужчина в белом свитере не прошел мимо меня с правой стороны и не бросил что-то в маленький металлический мусорный ящик. Я внимательно посмотрел на него и сразу же понял, что он имеет к этому делу непосредственное отношение. Пели бы я остался на месте еще некоторое время, то мог бы встретить еще одного

члена пострадавшей семьи, которому позвонили и приказали забрать пакет именно из того мусорного ящика. Там оказалось ухо парня, отрезанное похитителями, пытавшимися таким образом заставить заплатить большой выкуп. Это им удалось. Через неделю жертвы были отпущены. Адвокат семьи заявил, что деньги вымогателям заплачены.

В этом деле было и еще одно совпадение, когда я точно указал на карте место, где этих двух похищенных выпустят на волю. Но при этом я опять же не знал, указывая точку на карте, что именно там должно произойти, только чувствовал, что оно связано с похищением.

В чем же дело? Энергетические силы точно указывают мне определенное место и определенное время, заставляют обращать особое внимание на людей с ничем не примечательной внешностью, делающих то, что выглядит вполне естественно и безобидно, но затем вдруг дают задний ход, когда дело доходит до главной информации, которая столь необходима. Именно так случается у меня каждый раз, когда я имею дело с опасными людьми, похитителями или убийцами. Может быть, инстинкт самосохранения в этих случаях подавляет мои телепатические способности? Ведь если бы стало широко известно о том, что я могу распутать любое преступление, то мое имя тотчас же было бы на верхней строчке в списке тех людей, которым уготована смерть от рук организованной преступности. И не пришлось бы долго ждать. Я был бы уничтожен в самое ближайшее время. Возможно, именно из-за этого в самый ответственный момент следствия я заходил в тупик и в моих собственных интересах было не раскрывать крупных преступлений.

Тем не менее у меня были некоторые удачные попытки в раскрытии небольших преступлений. Один богатый клиент всемирно известного ювелира пришел, чтобы попросить заменить драгоценный камень в одной очень дорогой безделушке. Но пока мастера одного из отделений этой ювелирной фирмы работали, вещица пропала. Ювелир был в отчаянии. Он не хотел звонить в полицию, так как опасался огласки, которая могла нанести ему ущерб гораздо больший, чем финансовый. Вместо полиции он позвонил мне.

Я зашел в мастерскую и стал внимательно изучать окружающую обстановку своими руками, как обычно это делал. И вскоре сказал ювелиру, что драгоценности украл его бывший служащий, которого я подробно описал, даже указал, что вор живет в небольшом городке в нескольких сотнях миль отсюда, сообщив и примерный район его проживания. Ювелир подтвердил, что описанный человек уже был в числе

подозреваемых. Чтобы окончательно убедиться в правильности моих слов, он попросил меня слетать в этот городок, где я, взяв напрокат машину, объездил всю округу и через некоторое время обнаружил подозреваемого, который, как выяснилось, уже успел купить себе ресторан. Мои впечатления полностью подтвердились, и дело было передано известному криминалисту Рою Кону. Больше об этом случае я ничего не слышал.

* * *

Мне не нравится расследовать похищения и убийства. Слишком велико давление от мысли, что отчаявшиеся люди вручают свои последние надежды именно мне. Это, кстати говоря, значительно снижает и шансы на успех.

Другая сторона проблемы заключается в том, что я не имею непосредственного контакта с человеком, следы которого я должен обнаружить. В случае розыска жертв похищения или убийства я обычно получал возможность лишь косвенного контакта, например мог осмотреть и ощупать вещи пропавшего человека, как было в деле Бронфмана. Но, увы, эта информация не всегда бывает достаточной. Как известно, розыскные собаки могут искать только тогда, когда узнают запах разыскиваемого, почуют его след. Оказывается, примерно так же могут работать и телепаты, хотя, конечно, все это очень сложно.

Один из моих клиентов придумал простой, но необычный выход из положения. Глава одной крупной химической компании, чей капитал размещен буквально во всем мире, был сильно обеспокоен волной похищений в его стране и стал очень серьезно относиться к вопросу личной безопасности. Поэтому он обратился ко мне с предложением подписать контакт, по которому в случае его похищения он попытается сконцентрировать внимание в определенные отрезки времени и передаст сигналы бедствия, которые помогут мне обнаружить его. Это предложение поразило меня своей простотой и разумностью, и я сразу же принял его.

С тех пор я заключил несколько подобных соглашений, приняв предложения от глав крупнейших корпораций, включая и главу хорошо известной голливудской компании. Естественно, я искренне надеялся, что никому из моих «застрахованных» клиентов никогда не придется посылать мне телепатический вопль о помощи. Но если бы это произошло, уверен, тот факт, что я мог установить с ними личный контакт, значительно облегчил бы мне задачу. Некоторые из них даже давали мне свои старые

вещи — шарфы, расчески, зубные щетки — как дополнительную помощь для установления контакта. И вы знаете, что меня особенно удивляет во всем этом, — то, что люди, находящиеся на самом верху социальной и профессиональной лестницы, оказываются, как правило, наиболее восприимчивы к тем вещам, которые я делаю. Быть может, эти люди даже осознают где-то в глубине души, что никогда не достигли бы своих вершин, не обладай они определенными телепатическими способностями.

Один из таких клиентов позвонил мне в конце 1985 года и пожелал, как принято, всего наилучшего в Новом году. Я сказал ему, что работаю над книгой, и спросил, не возражает ли он против упоминания в ней его имени? Он рассмеялся. «Если вы сделаете это, — ответил он, — они похитят меня и убьют вас». Поэтому я и не назову имени известного человека, председателя и главного держателя акций одной хорошо известной международной корпорации.

Продолжая беседу с этим богачом, я подал ему одну идею, которая уже не раз приходила мне в голову в последнее время.

«Что бы вы сказали, — спросил я его, — если бы я выступил на пресс-конференции и признался в том, что я полный обманщик, который уже столько лет надувает весь мир?» Мне иногда очень хочется так поступить только для того, чтобы посмотреть, что же случится дальше? И я не сомневаюсь, что получил бы 200 очков вперед в свою пользу, ставших бы лучшей рекламой моей книги о «трюках». Вся проблема заключалась лишь в том, что я не смог бы объяснить технологию их исполнения.

Он снова засмеялся, только на этот раз мягче. «Я продлю с тобой контракт», — сказал он. Из уст этого человека такая фраза звучала истинным комплиментом.

* * *

Сейчас я подхожу к эпизоду, за который мне, действительно, стыдно. Я никогда раньше не упоминал о нем публично и здесь привожу этот случай как пример того, что может произойти, когда телепатическими способностями злоупотребляют. Одновременно он отвечает и на вопрос, который мне задавали много раз: «Если вы телепат, то почему не поедете и не ограбите банк в Монте-Карло?»

Я приехал в Англию в 1975 году для содействия в распространении и продаже музыкального альбома «Ури Геллер», выпущенного фирмой «Полидор». В альбоме были записаны песни

на мои слова, музыку к которым написали Байрон Джанис и Дел Ньюмен. Исполняла песни Максин Найтингейл.

Итак, однажды вечером мы с Шипи направились в лондонское казино, расположенное возле знаменитой Марбл арк, задавшись целью попытаться использовать наши способности за рулеточным столом.

Несколько лет назад мы уже предпринимали попытку заработать деньги подобным образом в Лас-Вегасе. Но тогда мы закончили вечер настолько плачевно, что не смогли оплатить даже гостиничный номер и вынуждены были провести ночь в автомобиле, заклеив стекла газетами, чтобы не замерзнуть.

На этот раз все было иначе. То ли я при помощи своих сил заставлял рулетку останавливаться именно там, где было нужно, то ли просто предчувствовал номера, на которые надо делать ставки. Словом, я не знаю, как это у меня получилось, но в этот раз наши выигрыши стремительно росли. Это была не просто удача — это был один из тех случаев, когда вы полностью застрахованы он неудач и прекрасно знаете об этом.

Мы специально не спешили наживать состояние огромными суммами, чтобы не привлекать к себе слишком много внимания и не подвергать себя риску быть «попрошенными освободить помещение», как говорят в таких случаях. Играли мы очень долго и уже далеко за полночь вернулись в «Черчилль отель» с карманами, набитыми банкнотами. Утром мы подсчитали наши барыши. Получилось что-то около 17 тысяч фунтов стерлингов. Находясь в состоянии какого-то экстаза, мы тотчас решили в самое ближайшее время поехать в Монте-Карло.

На следующий день после очередной бессонной ночи за мной к отелю приехал огромный «Даймлер», чтобы отвезти на телевизионную запись в Ливерпуль. Я решил не оставлять в номере выигранные накануне деньги и взять их с собой. По дороге открыл кейс, чтобы проверить, все ли деньги на месте. И этот момент со мной случилось что-то совершенно необъяснимое и оттого еще более пугающее. Это очень трудно описать, еще труднее, я понимаю, в это поверить. В моей голове словно произошел внезапный взрыв, сопровождающийся каким-то страшным криком. Голову словно обхватило железным обручом и сжимало до тех пор, пока боль стала невыносимой. В сознании билась лишь одна назойливая мысль: «Зачем я использовал свои способности для наживы?» Меня бросало то в жар, то в холод. Я не в силах был сдержать дрожь. Горло пересохло. Я подумал, что схожу с ума. «Все, — сказал я себе. — Это конец Ури Геллера!» Мне казалось, что голову мою сейчас разнесет в клочья.

Я закричал шоферу, чтобы он остановился. Но тот не слышал

меня из-за толстой стеклянной перегородки. Я надавил на нее так сильно, что она лопнула. Теперь он, разумеется, меня слышал.

«Стой, стой!» — кричал я, тряся его за плечо.

Шофер спокойно объяснил, что не может остановиться на трассе, но сделает это на ближайшем съезде с нее. К счастью, съезд оказался очень близко и шофер остановил машину. Он думал, что меня тошнит. Дверь в машине открылась, хотя я не помню, чтобы открывал ее сам. Я буквально вывалился из машины, как будто меня вытолкнул сильный порыв ветра. И вот я уже лежу распростертый на земле с ощущением, что на меня навалилась целая тонна, которая давит меня и превращает мое лицо в плоскую гальку. «Вот оно, — подумал я, — умираю. Уже умер».

Потом вдруг словно погас яркий электрический свет и все прекратилось так же неожиданно, как и началось.

«У вас все в порядке, господин Геллер?» — спросил у меня человеческий голос, склонившийся надо мной. Это был обеспокоенный шофер. *Я* оглянулся и увидел, что мы на станции обслуживания и на нас удивленно уставились несколько человек.

«Оставьте меня одного на минуту», — попросил я. Встал и быстро пошел к газетному стенду, где начал быстро и нервно просматривать газетные полосы, пытаясь скрыть унижение и гадливость, которые только что испытал. Потом вернулся в машину, как собака, поджавшая хвост между задних лап, и сказал шоферу, что мы можем ехать дальше.

Когда мы вернулись на трассу, я открыл окно автомобиля, вытащил из кейса пакет с деньгами и бросил его как можно дальше. Пакет был завязан несколькими тонкими ленточками и поэтому упал не разлетевшись около дороги. Если полицейский патруль обнаружил пакет и принял его за ворованные деньги, то считайте, что так оно и было. А если случайный обладатель этой находки читает эту книгу, то, надеюсь, он сообщит мне об этом. Мне вовсе не нужны деньги обратно, но очень хотелось бы знать, чем все это закончилось.

Впоследствии я научился распознавать заранее предупредительные сигналы, идущие ко мне. Я слышал их несколько раз, когда меня просили сделать что-то нехорошее, некрасивое. И я навсегда извлек из этих случаев хороший урок для себя.

С того ужасного утра на трассе я предпочитал зарабатывать себе на жизнь, трудясь в поте лица.

Глава 7. Небольшое дело

Сколько я себя помню, всегда что-нибудь изобретал или пытался мастерить. Для ребенка из такой семьи, как моя, жизнь в Израиле в 50-х годах была довольно тяжелой. Хотя мои родители и не были бедными, но все же у них никогда не было лишних денег на игрушки, которые мне так хотелось иметь. Помню себя прильнувшим к витрине магазина игрушек в Тель-Авиве, уставившимся во все глаза на выставленный там джип, прекрасно сознавая при этом, что мать не может себе позволить делать для меня такие дорогие покупки. Сегодня, когда большинство современных семей вполне в состоянии раскошелиться на детские электронные новинки, кажется, что уже прошло то время, когда мальчишкам и девчонкам приходилось делать куклы и машинки собственными руками. Как-то, когда мне было лет шесть-семь, отец принес домой несколько старых пуль, разумеется уже использованных во время учений и тренировочных стрельб. Хотя в то время было еще очень далеко до космической эры, я быстро превратил пули в маленькие лунные ракеты, построив при этом и пусковую площадку из деревяшек и эластичных резинок, при помощи которых я запускал их в воздух одну за другой. Они скорее всего оказывались в ближайших кустах или у ограды соседей, но в моем воображении они летели на Луну, к звездам, к другим мирам, о существовании которых, как мне казалось, я уже тогда подсознательно знал.

Мое следующее изобретение было более практичным. Оно из числа тех, которые изобретали многие дети, да и сегодня изобретают. Это был будильник с привязанной к нему на веревочке коробкой. Когда он звонил, коробка опускалась мне на голову и окончательно меня будила.

А вскоре я перешел к уже гораздо более сложным проектам. Наблюдая за тем, как мама устает, работая на педальной швейной машинке «Зингер», я понял, что пришло время ввести в дом новую технологию. Нашел старый электрический мотор, который в свое время был частью вентилятора, и приспособил его к машинке так, чтобы педаль крутилась сама. За свое изобретение я не получил никакой награды, но главное — нехитрое мое приспособление работало и облегчало труд матери. Затем я приделал моторчик к велосипеду. Он, правда, был слишком тяжелым, и все это выглядело довольно нелепо и странно. Но зато я им пользовался каждый раз, чтобы добираться до школы и обратно. (Никакого специального разрешения на мопеды тогда не требовалось.)

Хотя у меня никогда не было необходимой технической подготовки, по крайней мере до армии, но, похоже, я как-то интуитивно разбирался в том, как делаются те или иные вещи. Когда мне перевалило за 20, и я, отслужив в армии, начал выступать со своими программами, то, помню, особенно увлекался тем, что постоянно придумывал какие-то самые невероятные вещи, совершенно не зная, как их можно осуществить.

В конце шестидесятых я зарабатывал очень скромно, в основном как манекенщик для фотографов и на сеансах демонстраций своих возможностей, сгибая ключи и ложки на частных вечеринках в домах моих друзей. На одной из них я и встретил молодого человека по имени Меир Гитлис. У него была небольшая мастерская, и я сразу понял, что он может починить любую сломанную вещь. Он был истинным гением в электричестве, то есть именно тем человеком, который мне был нужен, и вскоре мы стали большими друзьями.

Он восхищался моими способностями, а я его. И в принципе Меир был первым человеком, который серьезно заинтересовался феноменом и делал вместе со мной первые научные исследования по его изучению. Одним из первых вопросов, который он мне задал, был такой: соглашусь ли я на то, чтобы он подключил меня к электроэнцефалографу и попытался изучить работу моего мозга во время телепатических сеансов? Я не помню, открыл ли он для себя что-нибудь интересное или нет. Но как бы то ни было, вскоре мы оба загорелись идеей воплощать мои технические проекты и конструировать новые приборы и различные приспособления.

Наше первое совместное изобретение, что вполне естественно для нас, двоих израильтян, было сделано в области новых систем сигнализации. Насколько я знаю, даже в то время отношение к системе обеспечения безопасности в Израиле было очень серьезным. Да и в других странах многих волнуют проблемы надежных устройств, обеспечивающих защиту жизни и имущества. Это касается очень широкого круга потребителей, начиная от владельцев частных домов и кончая собственностью огромных промышленных корпораций, а также, как я уже упоминал в этой книге, и организации личной охраны президента.

Служба в армии дала мне много полезных навыков в этой области, я получил представление и об основных способах самозащиты, и о глобальных системах защиты государства. Используя эти знания и свою фантазию, я мог снабжать мир все новыми идеями и проектами, на реализацию которых ушли бы

годы и годы. Многие из них до сих пор осваиваются и выпускаются небольшой фирмой Меира «Начшол электронике». Мы с ним никогда не подписывали никакого контракта или соглашения. Просто были настоящими друзьями, которых объединяли общие взгляды. Если бы моя карьера так внезапно не пошла в другую сторону, я, может быть, и до сих пор работал бы как промышленный дизайнер-конструктор, пользуясь вместо обычной чертежной доски своим внутренним экраном. И кто знает, может быть, сумел бы изобрести какое-нибудь невероятное чудо техники… Впрочем, кое-что мне все-таки удалось воплотить в жизнь.

* * *

Может показаться забавным и удивительным тот факт, что в числе первых наших изобретений, вошедших в производство, были приборы, сконструированные для обнаружения подделок. Один из них называется «Диамонтрон» и представляет собой плоскую коробочку размером с маленький карманный фонарик, только вместо лампочки что-то вроде кончика шариковой ручки, торчащей наружу. Оператор включает аппарат, нагревает его до тех пор, пока не зажжется сигнал «готово», после этого помещает кончик прибора на алмаз и мягко надавливает на него. Главное, делать все это очень внимательно и осторожно, и научиться им пользоваться можно всего лишь за несколько минут. Если алмаз настоящий, сигнальная лампочка будет продолжать гореть, к тому же прибор начнет издавать характерный звук.

Секрет этого нехитрого приспособления довольно прост, хотя надо сказать, что его электронная и металлургическая технология, да и само инженерное решение отнюдь не примитивны. Принцип, по которому работает эта штуковина, состоит в следующем: алмаз имеет в своем составе уникальные кристаллические элементы со значительно более высокой термальной проводимостью, чем у любого драгоценного камня. Когда вы нажимаете кончиком «Диамонтрона», вы согреваете алмаз и одновременно определяете уровень теплового прилива в него. Если теплопроводимость камня выше контрольной отметки, то лампа будет продолжать гореть и работает звуковой сигнал — все это значит, что вы рассматриваете настоящий алмаз. Если же нет, значит, фальшивый.

Другое наше изобретение может каждому помочь различить настоящие денежные банкноты от поддельных. Этот прибор, известный под названием «Манитрон», хотя и выглядит внешне

похожим на «Диамонтрон», но работает на совершенно других принципах. Вместо электрощупа, напоминающего кончик авторучки, в него вмонтирован подвижной ролик, которым достаточно слегка провести по поверхности банкноты, чтобы выявить ее истинность. Происходит это посредством сложного и точного анализа соединения химических элементов в деньгах, которое не может определяться визуально. Первый «Манитрон» был сделан для определения подлинности американских бумажных денег, не содержащих ту узкую полоску серебра, которую можно различить на английских банкнотах, поднеся их к свету. В дальнейшем «Манитроны» были сделаны и по индивидуальным заказам разных стран, в том числе и для английского банка. В данном случае прибор определяет состав особых чернил, используемых для надписи номера и серии банкноты. В процессе идентификации банкнот так же, как и при определении подлинности алмазов, действует лампочка и звуковой сигнал.

Одно из наших лучших изобретений — это то, что я называю «Электрической канарейкой», хотя оно и продается под другим названием. Предназначение прибора заключается в определении содержания природного газа в том или ином месте. Обнаружив в атмосфере наличие даже незначительной концентрации газа, прибор начинает излучать красный свет и подавать звуковой сигнал, который становится тем сильнее, чем выше процент отравляющего вещества в воздухе. Ну и конечно, этот сигнал тревоги значительно громче, чем звук, который может издавать любая настоящая канарейка. Я надеюсь, что уже пришло время, когда эти несчастные птицы наконец-то перестанут использоваться на шахтах и рудниках для предупреждения о наличии слишком высокой концентрации газа. Ведь не секрет, что чаще всего они помогали не своими голосами, а собственной жизнью, замертво падая в загазованной атмосфере.

Наша «Электрическая канарейка» удобна еще и тем, что размером она всего с полкирпича. Кстати сказать, небольшие размеры и удобные формы наших изобретений — это большая заслуга Меира, которому сложнейшие схемы самой современной технологии удается разместить в небольшом пространстве. Этот прибор работает на полупроводниках и начинает реагировать на наличие в атмосфере свыше 5 процентов газов, то есть минимальной процентной концентрации, достаточной для возможной опасности слабого взрыва. Используется очень он широко как в домашних целях, так и в производственных и, надеюсь, поможет спасти не только человеческие жизни, но и жизни канареек.

Одно из наших недавних изобретений — это миниатюрный радиационный детектор. После трагедии на Чернобыльской атомной станции в 1986 году мы получили огромное количество заказов на них сразу из нескольких стран.

Кроме того, в последнее время Меир наладил производство сенсорных систем сигнализации, реагирующих на звук. По понятным причинам я не могу подробно описать особенности их конструкции и принципы работы. Скажу только, что они получили общее название «Заблаговременная тревога». Иными слонами, эти приборы предчувствуют появление в доме нежданных гостей задолго до того, как они проникают в помещение. Обычное для многих семей приспособление для поднятия тревоги в доме срабатывает лишь тогда, когда кто-то пытается выставить окно или взломать дверь, а вот с помощью одного из моих приборов, сделанных Главным сенсорным управлением «Начшол», вы сможете обнаружить постороннего еще на дальних подступах к вашему жилищу. Если говорить военным языком, вы успеете любого из нежданных гостей взять на мушку вашего ружья.

Но, пожалуй, среди наиболее удачных изобретений на сегодняшний день следует выделить инерционный сенсор «Джи-Эс», который может быть использован как в маленьких, так и в огромных сооружениях, начиная от обычного дома до гигантских границ, растянувшихся на сотни миль. Как и большинство нашей продукции, этот прибор продается в разные страны, в некоторых из них он делается по лицензии. Со стороны он напоминает обыкновенный ровный забор, но стоит вам подойти по ближе, чтобы получше его разглядеть, как он уже сам вас внимательно изучает. Дежурный оператор, сидящий за пультом монитора в каком-то центральном контрольном пункте, своевременно предпримет соответствующие меры при вашем приближении.

Недавно одна крупная компания, базирующаяся в Хелсингборге в Швеции, купила права на распространение этого инерционного сенсора в Швеции. Естественно, мы не спрашивали, каким образом фирма и ее заказчики планируют использовать наш прибор. В деле безопасности никто не сообщает никому того, что никто не должен знать. И мне остается лишь заметить, что ни одно из наших изобретений не может быть использовано для агрессивных целей. Все они предназначены для улучшения системы безопасности и обороны.

В октябре 1982 года в средствах массовой информации появилось сообщение, что советская подводная лодка была обнаружена в территориальных водах Швеции вблизи от секретной морской базы в Муске, расположенной в двадцати

милях к югу от Стокгольма. Это было весьма непонятное и запутанное дело. Особенно если судить по сообщениям газет. Одни утверждали, что подводных лодок было даже две, а не одна и что шведская сторона использовала подводные бомбы, чтобы заставить подводные лодки всплыть на поверхность. Другие писали, что они бесследно исчезли. А еще через месяц было выдвинуто предположение, что вообще никакой советской лодки и в помине не было. Но одно сообщение показалось мне особенно интересным — в газете «Дейли мейл» от 6 октября 1982 года. В нем говорилось следующее:

> «Незваный гость был загнан внутрь бухты Норсфьорден в Муске при помощи системы противолодочной облавы специальной металлической изгороди, которая была приведена в рабочее положение, как только перископ подлодки удалось обнаружить пять дней назад».

А через четыре месяца тот же репортер Кристофер Мозей дал более подробное изложение этой истории в газете «Тайме» от 5 февраля 1983 года, где сообщил, что министр обороны Швеции подтвердил факт обнаружения системами подводного слежения «неизвестного движущегося объекта длиной в четы-рс-пять метров». Этот же репортер высказал предположение, что «засеченный» объект, по всей видимости, был роботом, посланным с подводной лодки для проверки шведской системы охраны, которая, с точки зрения шведских военных экспертов, сработала успешно.

Я мог лишь развить эти предположения, получив копию брошюры, выпущенной компанией «Стандселькат АВ» из Хельсингборга, которая занималась распространением израильской системы охраны, получившей в Швеции название «Дайрект-Ларм». На обложке этого красочного буклета была фотография советской подводной лодки, наполовину высунувшейся из воды, и рядом с ней два шведских морских корабля. Флаги обоих государств видны очень отчетливо. А на нижней части фотографии — наша изгородь — небольшой отрезок той охранительной системы «Дайрект-Ларм», которая, если верить брошюре, защитила и спасла человеческие жизни, аэропорты, морские порты, военные объекты, убежища, крупные промышленные и даже военные зоны.

Итак, я практически уверен, что это одно из моих сенсорных устройств, сделанных совместно с Мейером, помогло засечь советскую субмарину. Никакого чуда — просто прибор сделал свое дело, только и всего.

* * *

Однако есть еще такие вещи, которые приборы пока что не и состоянии делать. Одно время я работал по найму консультантом в различных фирмах, и мне делали порой весьма странные и сомнительные заказы. Как правило, я настаиваю на выплате задатка за свои услуги вперед до того, чтобы в любом случае быть уверенным, что не теряю время попусту. При этом я всегда предупреждаю клиента, что не могу обещать стопроцентного результата. Таким образом, в тех случаях, когда меня просят сделать что-нибудь противоречащее моим убеждениям или просто противозаконное, заказчик оказывается в очень сложном положении, так как, отказываясь от подобных предложений, задаток я, разумеется, не возвращаю.

Однажды меня наняла одна крупнейшая европейская компания. Дело заключалось в необходимости моего участия в переговорах по заключению крупной торговой сделки. Речь шла о приобретении земли под строительство городских домов с живописными палисадниками. Все это сулило большую прибыль, Но начальная сумма, которую запросил владелец земли, показалась чересчур большой для моих клиентов. И они попросили меня во время переговоров попытаться определить при помощи чтения мыслей на расстоянии ту наименьшую цену, на которую может согласиться владелец земли. Разумеется, невзирая на то, что он сам будет предлагать во время переговоров.

Встреча началась и шла своим чередом, как и планировалось. Я сделал все, что мне предписывалось, и сделка была заключена к полному удовлетворению моих клиентов. Я выполнил свою работу с чистой совестью, понимая, что и продавец сделает на этой сделке большие деньги, даже если сумма оказалась несколько меньше ожидаемой. А покупатели с моей помощью сделали только то, что попытался бы сделать каждый на их месте — разузнать наименьшую сумму, на которую внутренне уже согласился продавец.

Несколько раз меня уговаривали пойти на откровенно бесчестные махинации. Однажды меня наняла одна частная авиационная компания, которая хотела продать кое-что из своей продукции одной африканской стране. Но представитель этой африканской державы оказался куда более смышленым, чем это можно было предположить. Он хорошенько поработал над предложением моего клиента и сделал заключение, что им этот самолет никак не подходит. Сами продавцы прекрасно знали об этом, поэтому-то и хотели, чтобы я изменил, используя свои способности, точку зрения африканца. Но я категорически

отказался, сославшись на то, что мои внутренние силы не позволяют идти мне на этот обман. Так и закончилась моя работа на эту авиакомпанию.

Хочу сделать предупреждение всем, кто обладает телепатическими способностями и пытается их использовать в целях, скажем мягко, не вполне благородных. Помните, ваши способности принадлежат не только вам. Если вы нарушите то, что называется естественным законом, то будете наказаны значительно раньше, чем предполагаете. Я сделал для себя этот вывод после ночной игры в рулетку в Лондоне. Я отношусь к использованию телепатических способностей так же, как и к научным изобретениям. Они должны служить для защиты, ну, может быть, для разведки, которая является неотъемлемой составной частью любой системы защиты. Но телепатические возможности не должны использоваться для нападения.

В 1988 году я совместно с выпускниками Гарвардской бизнес-скул Крисом Гудоллом и Стивеном Кирком (одними из ведущих в Европе специалистов по внедрению новых технологий в производство) организовал Консультационный центр Ури Геллера. Мы предлагаем уникальное сочетание традиционных и нетрадиционных методов обучения и помогаем президентам, директорам и председателям корпораций достичь наивысших результатов, в том числе и «непредсказуемых».

Некоторые из изобретений приходили мне в голову совершенно неожиданно, например во время моих ежедневных пробежек. Какие-то, естественно, рождались и другими, более очевидными путями. Случалось, они возникали и в результате предложений, сделанных другими людьми, которые и не подозревали, к чему это может привести. Хочу привести пример, как иной раз полезное изобретение может появиться на свет.

В мае 1985 года Меир гостил у меня *в* Лондоне. И 26 мая я пригласил к себе многих друзей пообедать. Среди гостей были член парламента Клемент Фрейд и мой соавтор по этой книге Гай Плэйфайр. Во время разговора возник вопрос о химических методах ведения военных действий. И кто-то, по-моему Гай, предложил возможность использования химического оружия в мирных целях, в частности, например, могли использоваться ферменты или другие биологически активные субстанции. За несколько дней до этого по радио была передача о возможном использовании ферментов с воздуха. Ведущий программы, известный ученый Билл Флетчер, высказал предположение о том, что их можно было бы использовать для контроля за потенциально опасными группами людей.

Клементу Фрейду эта идея понравилась. «Она могла бы быть

полезной в Палате общин», — сказал он в шутку. Ни он, ни большинство моих гостей, казалось, не восприняли эту идею достаточно серьезно. И разговор переключился на другую тему.

Меир, чей английский был далеко не блестящим, не стал смеяться над этой шуткой, как, впрочем, и я. В тот же вечер, когда все разошлись, мы перекинулись с ним несколькими словами на иврите и единодушно решили сразу же приступить к работе, ничего не откладывая на потом. По счастью, нам удалось раздобыть магнитофонную запись той радиопередачи.

По словам доктора Флетчера, ферменты играют очень большую роль в жизни животных. Они заставляют муравьев разбегаться при виде опасности, а пчел — собираться для нападения на врага. Даже деревья общаются друг с другом посредством ферментов, посылая друг другу химические послания, в которых предупреждают о приближении вируса. Эти вещества касаются и жизнедеятельности человека, причем самыми разными способами.

Если верить доктору Флетчеру, ферменты, выработанные человеческим организмом, помогли создать ту атмосферу психоза, которая сопровождала массовые выступления Гитлера, когда эмоции одного человека захлестывали разум огромной толпы. Так же возможно, добавлял он, что подобный химический компонент в сочетании с социальным рождает вспышки насилия со стороны обезумевшей, неконтролируемой толпы, что становится большой проблемой для проведения, скажем, футбольных матчей в Англии. Как мне показалось, ученый не слишком серьезно говорил обо всех этих вещах. Закончил он беседу на радио тем, что с легкой иронией предложил начать поиски фермента, который мог бы сделать мужчин и женщин более сексуально привлекательными друг для друга.

Вечером 29 мая, спустя всего три дня после вечера у меня, английская и итальянская футбольные команды («Ливерпуль» и «Ювентус») встречались на стадионе Хейзел в Брюсселе. Еще до того как началась игра, произошел всплеск бессмысленного насилия в масштабах, еще не виданных ранее даже в Англии. Огромное количество молодых людей неистововало на стадионе. В результате панического бегства и различных проявлений насилия 38 человек погибли, большинство из них — итальянцы.

В многочисленных дискуссиях по поводу ужасной трагедии на стадионе было высказано много предложений о том, как усилить контроль за потенциальными хулиганами, были предприняты и серьезные штрафные санкции по отношению к английским болельщикам. Им было запрещено посещать игры за пределами своей страны. Но, к сожалению, намного меньше было

уделено внимания вопросу выявления причин такого поведения толпы.

Возможно, мы с Меиром в силу нашего израильского происхождения особенно внимательно следили за всеми средствами, способными улучшить системы защиты и безопасности, как бы нелепы и удивительны на первый взгляд они ни казались. Мы с ним сейчас вплотную приступили к изучению биологически активных человеческих ферментов и путей их временного подавления.

Что касается предложения доктора Флетчера относительно химических веществ, возбуждающих сексуальное влечение, то мы с Меиром уже какое-то время работали над этой проблемой. Теперь, когда активный ингредиент мускуса выделен и синтезирован, нет необходимости убивать животных, чтобы заполучить его. И может быть, наконец-то появится вскоре столь нужный препарат.

Если брать чисто коммерческую сторону, то я уже создал много различных видов косметики, одеколонов и парфюмерии, обладающих, на мой взгляд, фантастическим запахом, который, надеюсь, привлечет внимание обоих полов и будет доступным для покупателей.

* * *

Не все изобретения так сложны, как те, о которых я рассказал. Последняя моя новинка — солнцезащитные очки, при помощи которых можно увидеть и то, что происходит за вашей спиной. Точнее, когда вы их одеваете, можете, не поворачивая головы, рассмотреть, кто и что находится сзади вас. Прежде всего они предназначались для женщин, опасающихся, что их преследуют незнакомые мужчины. Хотя, конечно, эти очки могут быть использованы и для шпионских целей.

Кроме того, можно упомянуть и серию настольных игр для детей и взрослых, разработанных и выпущенных при участии фирмы «Матубокс тойз». Одна из них называлась «Удача Ури Геллера». В ней можно было выиграть «миллионы» в золотых слитках или всего лишь коллекцию моих согнутых ложек. Для этого участники игры должны провести увлекательный поиск сокровищ и полезных ископаемых, спрятанных на карте Европы. Другая игра называлась «Сгибатель ложек», в ней проверяется ваша смекалка и сообразительность. Третья — «Пошевели своими мозгами» — прежде всего тренирует память.

В последнее время я начал работать и над тем, как можно

использовать компьютеры в телепатических экспериментах как для домашних, так и для более серьезных целей. Здесь мои попытки были основаны на многолетнем личном опыте работы в роли, скажем так, особого рода компьютерного оператора, о чем я подробно расскажу в следующей главе.

* * *

Я никогда не знаю, какие из идей, приходящих ко мне в голову во время ежедневных пробежек, будут воплощены в жизнь. Это решает Меир. Моя работа заключается в том, чтобы запомнить все, что возникает в сознании, и передать это ему.

Я не хочу, чтобы у кого-то создалось впечатление, что я сущий гений, который только бежит трусцой и ждет вдохновения, снисходящего на него с небес. Изобретателю постоянно приходится искать все новые, неизведанные пути в поиске оригинальных решений, кроме того, он должен быть знатоком в той области, в которой работает. Все мои самые удачные изобретения получались тогда, когда я изначально прекрасно понимал реальную необходимость и нужность людям моего детища. Была ли эта такая серьезная вещь, как система безопасности, или менее серьезная, как парфюмерия, делающая вас более привлекательными, или даже просто детские игры.

Есть две еще мало изученные области, о которых я очень часто думаю. Одна из них — океан. Мне всегда казалось странным, что мы так далеко продвинулись в исследовании космоса, даже послали человека на Луну, но пока почти ничего не знаем о трех четвертях поверхности нашей планеты, залитой огромной массой воды. Недавний стремительный рост добычи нефти с морских платформ подсказывает, что морские недра могут оказаться поистине бесценными кладовыми. Речь идет, скажем, о так называемом морском сельском хозяйстве, о добыче драгоценных металлов. Все это станет возможно тогда, когда будут найдены решения проблем сугубо технического порядка. Знаете ли вы о том, например, что море полно золота, и не только морское дно, но и сама вода. В некоторых частях планеты, как, например, на побережье Бразилии, вы можете увидеть его собственными глазами. Пока не существует экономически рационального способа его добычи, но когда-нибудь он будет разработан.

Придет время, и мы найдем пути, которые заставят море работать на нас, и научимся пожинать плоды огромной естественной силы природы, силы морских волн, приливов и

отливов. Мы пойдем путем японцев, которые собирают прекрасные урожаи растущих в естественных условиях моря ламинарий и других морских водорослей, уже сейчас составляющих значительную часть их ежедневного пищевого рациона. Мы освоим и начнем рачительно использовать морскую поверхность, прекратив разрушение наших земных ландшафтов. Научимся строить заводы и аэропорты на морских просторах, чтобы хоть каким-то образом избежать экологической катастрофы на суше.

Другая проблема, ставшая предметом моего пристального интереса и в которую я уже вложил деньги, — это новейшая медицинская техника и технология. Я никогда не занимался телепатическим самолечением, потому что привлеченная при этом сила слишком необъяснима и непредсказуема. Признаться честно, я всегда с большой неохотой использовал энергетическую силу по отношению к любому живому существу.

Правда, в последнее время я трижды попытался воздействовать этой силой на бобовое или пшеничное зернышко, заставляя его пустить росток. Все три раза я делал это в ходе телевизионных программ: в детской передаче Би-би-си «Роланд Рэт» 4 октября 1986 года, в западногерманском телешоу Томаса Готшалька, за которым наблюдали 17 миллионов человек 10 января 1987 года, и, наконец, 7 июня 1989 года в программе АБС «Изучение телепатического феномена», которую смотрели десятки миллионов американских телезрителей. Так же как и во многих других случаях, эта идея принадлежит не мне. Она впервые пришла в голову астронавту Эдгару Митчеллу вскоре после нашей встречи в 1972 году. Мы сидели и болтали с доктором Уилбором Франклином, когда Митчелл вдруг неожиданно достал бобовое зернышке и спросил меня, не смогу ли я заставить его распуститься. Он сам держал зерно в руках, а я, как вы можете убедиться на фотографиях, только сконцентрировал внимание на его руку и мысленно отдал приказ, чтобы семя пустило побег. Когда это произошло, Митчелл и Франклин были в восторге. А я — нет. Этот опыт забрал у меня слишком много сил. Я почувствовал, что не на шутку играю со своей жизнью, чего делать явно не следовало. Я попытался выбросить случившееся из головы и не пробовал повторять подобные вещи в течение следующих десяти лет вплоть до приезда в Японию, о котором расскажу в следующей главе.

Мне часто говорили, что если мне удастся заставить семя расти быстрее, чем это происходит в нормальных условиях, то наверняка смогу и лечить людей, ускоряя естественные регенеративные процессы. Может быть, так оно и есть, но я не

спешу этим заниматься. Хотя недавно встречался с некоторыми крупными исследователями в области нетрадиционной медицины. Они очень хотят провести со мной опыты именно такого плана. Пока я не чувствую, что полностью готов к ним, но когда-нибудь, вероятно, придет время и для этого.

Однажды в Париже я увидел в одном журнале фотографию маленького корейского ресторанчика под названием «Ресторан Ури», Я вырезал эту фотографию и даже вставил ее в рамку, как напоминание об еще одной задумке на будущее — создать сеть небольших ресторанчиков «быстрой здоровой пищи», где люди смогут наслаждаться вкусными блюдами из натуральных продуктов, а не какими-то полуфабрикатами и отбросами. Воочию убедившись, какие результаты принесло лично мне рациональное питание, я хотел бы убедить людей, что это одно из самых главных условий здорового образа жизни.

Мои собственные деловые интересы, таким образом, лежат сейчас в области разработки месторождений полезных ископаемых, деловых консультаций, разработки и внедрения электронных изобретений, промышленного производства, моды, выпуска детских настольных игр и игрушек, организации клубов здоровья и широкой сети отелей и ресторанов.

Что касается непосредственно сегодняшнего дня, то я продолжу исследования нетрадиционных методов лечения. Моя команда будет работать над поиском осуществления всех этих идей. Кто знает, быть может, лишь одна из них будет успешно доведена до конца. Ведь за каждым успехом стоит огромное количество неудач, и этим объясняется то, почему я постоянно перескакиваю с одного дела на другое.

Глава 8. Компьютеры и ученые

Не сомневаюсь, что множество людей по всему свету от Калифорнии, Израиля и Японии до Англии, Швейцарии и Германии искренне надеются, что я никогда больше не окажусь рядом с их компьютерами. Я должен объяснить, почему они так не хотят этого, и начну с повествования одного очевидца моих столкновений с величайшим достижением современной технологии — компьютером.

В марте 1985 года я отправился навестить своего швейцарского адвоката доктора Ульриха Кохли. Надо заметить, что он был не только адвокатом и главой юридической службы «Доктор Кохли и партнере», но еще и полковником швейцарской армии, где он был вторым по должности в танковом полку. Ему едва перевалило за сорок, как он стал заниматься очень крупными делами весьма требовательной международной клиентуры: солидных корпораций, разных финансовых учреждений, работая как по контракту, так и по частным соглашениям. Для полноты картины скажу, что он женат и растит троих детей.

Как-то в разговоре со мной он вдруг сказал: «Я слышал о том, что ты можешь воздействовать на компьютерные диски».

«Ну да», — ответил я небрежно, хотя это вовсе не входило в мой постоянный репертуар.

Доктор Кохли попросил меня показать ему, что я могу сделать с дисками. И после всего увиденного он подробно записал все свои впечатления, которые назвал: «День, когда я весь покрылся гусиными мурашками». А начал он его с короткого предисловия, рассказывающего о нашей десятилетней деловой дружбе:

«Я встретил Ури Геллера совершенно случайно в 1976 году, и сразу же стало ясно, что мы с ним станем большими друзьями. Я каким-то образом почувствовал, что наши умы настроены как бы на одну волну. Позднее не раз случалось, что мы одновременно задумывались над одним и тем же проектом или над каким-то событием, хотя находились за много миль друг от друга.

Однажды вечером мы пошли обедать в цюрихский ресторан „Кроненхалле“. За прекрасно накрытым столом собралось всего семь человек. Владелец ресторана знал, что придет Ури Геллер, и нас очень внимательно обслуживали. Казалось, что все официанты смотрят только на нас.

Во время обеда мы обсуждали много различных тем, и я случайно спросил у Ури, когда он открыл в себе способности

сгибать ложки и ключи? Он стал нам рассказывать о своем детстве, объясняя, что обнаружил свое необычное воздействие на металлические предметы еще когда был маленьким мальчиком. И тут случилось что-то невероятное.

Ури ел салат, держа массивную серебряную вилку в левой руке. Я помню все, как будто бы это было вчера. Пока он рассказывал о своем детстве, вилка в его руке стала неожиданно сгибаться, причем значительно. Это выглядело немного пугающе, даже сам Ури был удивлен. Мы же просто не могли во все это поверить. Тем не менее факт оставался фактом — крепкая серебряная вилка ресторана „Кроненхалле“ была безвозвратно искорежена.

Официанты уставились на все это широко раскрыв глаза и сказали, что напременно вставят эту вилку в рамку и поместят на стену по соседству с выдающимися произведениями искусства. Слово свое они сдержали — вилка и поныне там.

В последующие годы я много раз бывал с Ури в Швейцарии и в Нью-Йорке. Как-то он приехал ко мне в гости в Цюрих. Как раз тогда я набрал новый штат сотрудников, и он решил сделать для них маленькое представление: сгибал кофейные ложки, ключи, ножи для разрезания бумаги, предложил одной девушке нарисовать что-нибудь, пока он выходит в другую комнату, а когда вернулся обратно, то попросил внимательно посмотреть ему в глаза. После этого он сильно сконцентриро-нался и через минуту нарисовал почти то же самое, что и она. Все это, конечно, было удивительно.

Я знал, что Ури способен и на нечто большее, но никогда не просил его развлекать кого-то слишком часто. У нас хватало и серьезных совместных мероприятий, и именно в них я окончательно смог убедиться в экстраординарных возможностях Ури. И тогда, и сейчас он с успехом справлялся с самыми сложными ситуациями, всегда умел принять правильное решение и для себя, и для других. Нам не раз приходилось вести очень трудные переговоры с разными крупными бизнесменами, порой весьма несговорчивыми, и меня всегда поражало, как Ури рано или поздно добивался того, что все происходило именно так, как он задумывал заранее.

Концентрация мысли на чем-то, послание мысленных посланий и телепатическое получение информации — в этой области Ури является непревзойденным мастером. Большинство людей не верят в это, потому что их ум ограничен по сравнению с. Ури и они не могут совладать с этим феноменом.

Один из наиболее удивительных экспериментов, который мы провели с моим другом Ури, произошел в марте 1985 года и

Цюрихе. Все, кто стал тогда свидетелями этого события, были просто ошеломлены. Что касается меня, то, честно признаюсь, что в этот момент я весь покрылся гусиной кожей. И не удивляюсьсь, что у многих сторудников побежали мурашки по телу. Дело было так.

В тот день Ури и Шипи Штранг приехали ко мне в тот момент, когда я возился со своим персональным компьютером. Ури попросил меня дать ему какую-нибудь записанную дискету. Я сперва не понял его желания, подумал, что он хочет прочитать содержание дискеты при помощи своих способностей, и дал ему один из самых важных официальных текстов, над которым только что кончила работать моя секретарша Нарбара. Я подумал, что это хорошая идея — дать ему возможность поработать над чистым и связным текстом.

Ури взял дискету и пошел с ней в мой кабинет — большую солидную комнату с огромным овальным столом для заседаний, стоявшим рядом со старинным гардеробом эпохи Луи XIII. Все не отставая последовали за ним. Ури сел за стол, а мы все встали вокруг и неотрывно наблюдали за его действиями. Нас было четверо: Матиас Мейстер, один из моих помощников-адвокатов, его секретарша Беатрис, Барбара и я.

Ури бережно положил дискету в гибкую прозрачную папку и аккуратно устроил ее перед собой на столе. Все затаили дыхание. Затем Ури сжал руки в кулаки, поднял один из них и поднес к дискете, лежащей в папке. Он так и не прикоснулся к самой дискете. Рядом не было ничего из того, что могло бы подвергнуть опасности мягкий диск. Эту папку мы ему дали сами. Он сделал несколько странных пассов руками над дискетой, и я увидел тот момент, когда он сконцентрировал все свое внимание на объекте. Его глаза заблестели, засверкали, казалось, что он вот-вот разрушит стол прямо на наших глазах. Потом он неожиданно сказал: „Сотри!“ — снова повторил это слово и вдруг отпрянул от стола и неожиданно расслабился. Я быстро взял дискету из папки. „А теперь проверьте, — сказал Ури, — все, что было записано, исчезло“. Мы вернулись в комнату, где был компьютер. Барбара взяла дискету и вставила ее в персональный компьютер Ай-би-эм. Она начала воспроизводить содержание дискеты на экране. Напряжение росло. Я ждал, что должно произойти что-то сенсационное. Мы все уставились на экран, и вот на нем появилась надпись, что информация стерта.

Бабара очень сильно расстроилась, потому что весь ее рабочий день был на этой дискете. Она, естественно, поверила мне и тоже думала, что Ури просто хочет прочитать содержание этой дискеты. А теперь страшно рассердилась и не желала верить

в происходящее, сделала еще одну попытку воспроизвести содержание дискеты на экране, но тщетно. Все исчезло. Дискета была абсолютно пуста и мертва.

Матиас Мейстер, большой компьютерный энтузиаст, тоже попытался заново прокрутить дискету, но при этом обнаружил, что Ури стер не только текст, но и формат дискеты. Для любого флопдиска сначала должен быть сделан формат, только тогда он пригоден для работы в ПК. Но и формат Ури стер начисто, сделав таким образом дискету абсолютно не нужной.

Ури был очень спокоен и полностью контролировал себя. Я чувствовал, что произошло что-то огромное, что-то не поддающееся объяснению, сделанное в момент полной концентрации невероятных способностей Ури, которые позволяют ему делать столько удивительных вещей. Все мы, свидетели этого потрясающего события с дискетой, не сомневаемся, что при этом не было никаких трюков. Я знаю Ури несколько лет и полностью уверен, что все, что он сделал, — это реальность. Он произвел на нас всех такое неизгладимое впечатление этим экспериментом, что мои сотрудники начали спорить между собой, предполагая, что он еще мог сотворить с компьютерами. Кто-то предложил убрать и запирать дискеты каждый раз, как он появляется у меня.

Бедной Барбаре было хуже всех. Ей пришлось заново переписывать весь документ, который стер Ури. Уж она-то точно никогда не забудет того, на что способен Ури Геллер».

Другой человек, ощутивший такое же воздействие на свой компьютер, — это Авраам Мардор, генеральный менеджер Израильской государственной телекоммуникационной компании. Но время моей поездки в Израиль в конце 1984 года он собрал у себя в офисе в Тель-Авиве большую группу людей, где-то полдюжины репортеров и колдунью по имени Далия Пелед, одну из немногих представительниц женского пола в этой профессии, которых я встречал в своей жизни. Он вставил свой демонстрационный диск в компьютер «Колумбия» и попросил меня начать работу. На экране дисплея появилась смешная картинка: очень забавный слоненок.

Еще раз предоставлю другому человеку возможность описать происходившие тогда события. Свидетелем их был в числе многих и Ицхак Окед, репортер газеты «Иерусалим пост», который рассказал об этом в своей газете от 21 ноября 1984 года:

«Геллер взял диск, положил на стол и смотрел на него, сконцентрировавшись, около двух минут, после чего опять вставил дискету в компьютер».

А Авраам Мардор потом заявил: «Я не поверил своим глазам, когда на экране загорелись слова: „Диск поврежден“. Все было

перекручено, не просто стерто, а именно перекручено. Основное содержание программы полностью стало непригодным для работы».

Присутствующий на встрече менеджер международной компании взял дискет себе и объявил, что собирается изучить его, чтобы понять, что же я все-таки с ним сделал. Я никогда больше не слышал о том, выяснил он что-то или нет.

Пару месяцев спустя журнал «Ньюс оф зе уорлд» организовал мне визит в штаб-квартиру лондонской компании «Ванг», Технический персонал не только наблюдал, как я расправляюсь с дискетой, но и сам помогал мне в этом. Вот как описал этот эпизод репортер Стюарт Уайт: «Геллер направил свою руку на диск, внимательно и сосредоточенно взглянул на него и попросил всех крикнуть одновременно „Сотри!“ Когда диск снова был вставлен в компьютер, он отказался дать на экране какую-нибудь информацию».

Присутствовавший на встрече эксперт по электронике господин Клиф Эдварде подтвердил, что он лично проверил диск перед экспериментом и тот был в полном порядке. «Это просто поразительно» — вот его слова, процитированные газетой 17 февраля 1985 года.

Мои опыты с компьютерами, во время которых я полностью нарушал режим их работы, начались еще в ноябре 1972 года. Уже в первый день в Станфордском исследовательском институте произошел случай, который имел далеко идущие последствия. Я принимал участие в долгосрочных экспериментах под руководством и наблюдением Харольда Путхоффа и Рассела Тарга. Во время первого воскресного перерыва в работе я подбросил им мысль о том, что мог бы попробовать согнуть тяжелое медное кольцо, которое Харольд приготовил специально для меня. Кроме того, сказал, что смогу разломать его золотое обручальное кольцо на три части.

Станфордский исследовательский институт, или, как он сейчас называется, Международный Станфордский исследовательский институт, — весьма впечатляющее место. Более двух тысяч человек работают здесь над различными секретными оборонными проектами. Система безопасности налажена в институте очень хорошо даже на самый взыскательный взгляд. Рассел и Хал провели меня по двум зданиям комплекса, но мне так и не удалось увидеть ничего интересного, кроме двух рабочих групп, одна из которых возилась с моделями аэропланов, а другая — с ювелирными украшениями для одежды. Какое отношение все это имело к обороне США, мне совершенно не ясно. Конечно, в институте, наверняка, было

множество таких вещей, которые мне не могли показать, например компьютерный банк, расположенный этажом ниже нашей лаборатории. Он находился в распоряжении Агентства по проектам передовой технологии (Д-ARPA), работавшего на прямую на нужды министерства обороны, самого секретного ведомства страны.

После выходных дней я чувствовал себя в отличной форме. Первое, что меня попросили сделать, — это отклонить иглу записывающего устройства для составления диаграмм на бумаге. Устройство было связано с магнитометром, фиксировавшим даже самые маленькие отклонения в магнитных полях. Я сжал кулаки и закричал: «Двигайся», таким образом пытаясь направить свои энергетические усилия на прибор. Записывающее устройство начало подергиваться. Игла буквально выскакивала и пределы бумаги.

Когда все это происходило, у меня вдруг возникло ощущение, что где-то какое-то еще электронное устройство стало мести себя нервно: один из компьютеров на нижнем этаже с начала забарахлил, а потом и вовсе прекратил работать. По зданию пошли слухи, что все это случилось из-за меня, особенно усилились они после того, как я без всякой подготовки провел показательный сеанс со сверхзвуковым сканирующим устройством, заставив изображение передвигаться по экрану вверх и вниз, согласно моим командам. Как мне показалось, задолго до того, как Тарг и Путхофф стали изучать меня, их самих уже кто-то изучал. К нам в лабораторию по приказу шефа Д-ARPA полковника ВВС США Аустина Киблера была направлена группа, состоящая из трех психологов.

Эту группу возглавлял Джордж Лоуренс, главный психолог этого агентства, отвечавший за секретное кодирование своих исследований. Двое других были Рей Хаймен — психолог и колдун-любитель и Роберт Ван де Кастел — почетный член профессионального парапсихологического общества. (Я тогда еще не знал об этом, хотя он только что вернулся с Парапсихологической конференции в Эдинбурге и все расходы на его поездку были оплачены Д-ARPA. Это говорит о том, что люди ii оборонном комитете США уже и тогда проявляли определенный интерес к телепатии и явлениям подобного рода.)

Как вы поймете, между этим визитом ко мне и моим следующим поединком с компьютером была определенная связь. Надо признаться, что это был далеко не самый успешный мой эксперимент. Я и в самом деле считаю его неудачей по двум причинам: во-первых, мне не удалось до конца осуществить задуманное, а во-вторых, не оказалось свидетелей, которые могли

бы подтвердить происходящее. Поэтому вам придется поверить мне на слово.

А произошло в тот день следующее: одним из результатов моей работы в Станфорде было предложение приехать в Нью-Йорк в штаб-квартиру журнала «Тайм». Я уже был знаком с одним из репортеров — Джоном Уилхелмом, который некоторое время назад сопровождал меня в поездках и видел многие мои выступления, которые описал затем в книге «Поиск супермена». Он предупредил меня заранее, что все в журнале считают меня мошенником и шарлатаном. А научный консультант журнала Леон Жаров даже заключил пари, хотя ни разу в жизни меня не видел. Словом, меня, по-видимому, ожидал враждебный прием.

Так оно и вышло. А 12 марта 1973 года журнал напечатал длинную историю об исследованиях Тарга и Путхоффа — исследованиях, о которых еще нигде не было официальной информации. Хаймен написал свои впечатления и наблюдения о коротком визите к нам. (Но они оказались не очень-то точными: так, скажем, мои темно-карие глаза у него превратились в голубые.) Так или иначе, копия этих заметок без ведома Хаймена, который об этом даже не подозревал, попала каким-то образом в редакцию журнала «Тайм» еще до моего визита к ним. Точно такая же история произошла и с личным письмом Тарга и Путхоффа к издателю «Саэнтифик Американ».

Основываясь на этих подпольно добытых материалах и игнорируя недельную работу своего репортера, который мог бы дать информацию, что называется, из первых рук, «Тайм» поместил статью, не только крайне тенденциозную по отношению ко мне, но и изобилующую непроверенными и неточными фактами. Так, например, журнал утверждал, что я покинул Израиль из-за серьезных разногласий с правительством, чего, разумеется, не было в действительности, в этом легко можно было убедиться, обратившись в израильское консульство. По словам Бенджамина Рона, вице-консула по вопросам науки, «не было никаких причин для официального заявления, что господин Геллер покинул Израиль, находясь в немилости у правительства». Рон в своих ответах прессе 19 декабря 1973 года также отверг утверждение о том, что израильские ученые превозносили до небес все мои достижения и успехи.

Статья в журнале «Тайм» была названа «шокирующей» не кем иным, как основателем современной парапсихологии Дж. Б.Райном, который публично выразил свой протест («Тайм» за 8 апреля 1973 г.) против «непродуманной публикации», охарактеризованной им как «просто беспардонная», после восхваления Тарга и Путхоффа за бесстрашную попытку

подвергнуть проверке «заявление Геллера». «Эти ученые, — писал он, — быть может, не такие уж дилетанты, как может показаться, и они, безусловно, отчаянные смельчаки. Давайте-ка подождем окончательных результатов их работы».

Леон Жаров в общем-то в чем-то был даже и прав относительно меня. В 1984 году, выступая на встрече перед учеными, он сказал, что, разоблачив меня в 1973 году, он помог мне тем самым «молниеносно стать звездой». В 1973 году я не мог, естественно, оценить эту услугу, потому что недоброжелательные статьи довольно сильно раздражали меня в то время, хотя, впрочем, мое негодование длилось обычно недолго.

В начале 1984 года мой друг, сотрудник «Тайм-Лайф», предупредил меня, что материал о парапсихологии, подготовленный в номер «Тайм» за 4 марта, крайне негативно отзывается обо мне и содержит целый ряд дискредитирующих меня сведений. На этот раз я решил ответить на вызов журнала своим способом.

За несколько дней до выхода номера я вышел на балкон своей квартиры на 57-й стрит, посмотрел в сторону здания концерна «Тайм-Лайф» в Рокфеллеровском центре и начал концентрировать свои мысли. Я ничего не знал о том, как идет типографский процесс набора журнала. Я просто посылал сильную блокирующую мысль, повторяя мысленно слова «не дай этому случиться» и представляя, как странички журнала выходят в типографии из-под пресса только с моим именем на всех полосах журнала — колонка за колонкой: Ури Геллер, Ури, Геллер, Ури Геллер.

Я стоял так не менее получаса, пока не почувствовал, что сделал все, что мог. Во что бы я ни вкладывал такое количество времени и усилий, обязательно что-то происходило, хотя и не всегда именно то, что планировалось. То, что произошло с «Тайм», было подробно описано его издателем Ральфом П.Дэвидсоном в обращении к читателям. «Во-первых, — сказал он, — случилась маленькая неприятность у Леона Жарова. Три утра подряд его радиочасы не срабатывали и он, не сумев встать вовремя, опаздывал на работу».

Я, честное слово, не имею к этому никакого отношения, хотя и получил репутацию человека, умеющего вмешиваться в работу часов. «Еще более странное явление, — продолжал Дэвидсон, — произошло со всем комплексом компьютерной множительной системы нашего издания прошлой ночью. На нее словно воздействовали таинственные силы, причем это случилось именно в тот момент, когда в компьютер был заложен очерк о

телепатическом феномене, — обе машины остановились одновременно. Не успели мы перевести дух, как рабочий компьютер Ай-би-эм съел весь текст обзора».

По словам Дэвидсона, образовался необъяснимый разрыв в программе суперсовременного компьютера Ай-би-эм-370/135. Это привело к тому, что весь набранный номер стал безостановочно бродить в блоках памяти и никто не мог извлечь его оттуда. Только через 13 часов после второго ремонта им удалось достать требующийся кусок программы.

Я могу только выразить сожаление по поводу случившегося. У меня всегда была склонность к подобного рода «случайным» совпадениям.

В августе 1973 года, во время моего второго визита в Станфорд, мне представилась возможность провести ряд конструктивных экспериментов, включающих работу с компьютером. Во время нескольких подобных опытов, описанных в журнале «Нэйче» за 18 октября 1974 года, Путхофф и Тарг хотели посмотреть, смогу ли я читать мысли компьютера так же, как человеческие. С этой целью они поместили меня в специально оборудованную комнату в 50 ярдах по коридору от компьютерного зала. Тарг нарисовал на дисплее воздушного змея, а Путхофф находился в это время возле меня. В ответ я нарисовал квадрат с пересекающимися линиями внутри него, и мой рисунок оказался очень похож на оригинал в дисплее, хотя я и не получил никакого мысленного образа, что это именно змей.

Мы поставили еще два эксперимента с использованием компьютера. В первом из них картинка была запрятана в память машины и даже не появлялась на экране. Во втором — рисунок сначала вывели на экран, а затем стерли его. Изображены были церковь и сердце, пронзенное стрелой. Церковь мне не очень удалась, хотя я и воспроизвел часть ее контуров. Что касается второй картинки, то я изобразил стрелу, которая, правда, пронзает плоский квадратный чемодан, а не сердце. Естественно, все эти картинки существовали не только в памяти компьютера, но и в мыслях их составителя, так что я мог попытаться прочитать их и таким образом.

Собственно говоря, технология моих действий во всех случаях примерно одинакова — я как бы «включаю» свой внутренний экран и жду, пока на нем что-нибудь появится. Если появляется четкое изображение и сохраняется где-то в течение десяти секунд, то я почти не сомневаюсь, что нарисовал правильный образ. Но это удается далеко не всегда, и тогда я переношу на листок лишь очертания предметов, при этом нередко неправильно их компонуя, путая низ с верхом и зад с

передом.

Порой, мне кажется, я упускаю «цель» по иным, психологическим причинам. На одном из экспериментов в Станфорде на рисунке была изображена фигура дьявола с трезубцем в руках. Я долго мучился над своим вариантом и в конце концов сделал три рисунка, в которых пытался воспроизвести заданный. Сюжет всех трех был примерно одинаков: табличка, на которой Моисей в свое время начертал свои знаменитые десять заповедей и несколько символов из садов Эдема. Под конец я еще добавил две пары вил, но без всякой фигуры. Ученые, думаю, правильно предположили, что в данном случае моя неспособность воспроизвести рисунок объяснялась противоположной направленностью моих чувств и вместо силы зла и тьмы я изобразил символы добра и света.

Впервые меня специально попросили вмешаться в работу компьютеров в 1974 году, во время моего посещения национальной лаборатории Лоуренса Ливермора в Калифорнии. Это огромное учреждение, где работают семь тысяч человек и создается примерно девять десятых американских ядерных вооружений. Квалификация сотрудников лаборатории, как, впрочем, и сотрудников службы безопасности, здесь очень высока. Пригласил меня известный физик Рональд Хоук.

Он же попросил меня стереть содержание магнитного диска с нанесенной программой или, по крайней мере, как-то изменить его, что я в конечном итоге и сделал в двух попытках из четырех, держа эти диски в руках и слегка их потирая. Когда после этого их попытались ввести в ЭВМ под названием «Хьюлед Паккард-65», они обе были отвергнуты, хотя до моего прикосновения работали исправно. Доктор Хоук написал потом об этом эксперименте, и его заключение вошло в уже упоминавшуюся книгу «Бумаги Геллера».

Конечно, все эти эксперименты нельзя считать в достаточной степени контролируемыми. До сегодняшнего дня мне лишь однажды пришлось принимать участие в строго контролируемом противостоянии с компьютером, и по причинам, которые я объясню позже, мне, честно сказать, не хотелось бы повторять его снова.

Произошло это в Токио 29 марта 1983 года. У меня была договоренность с телевидением Ниппон об участии в многочасовой программе, авторы которой хотели показать как можно больше живого эфирного материала. Они попросили профессора Тошибуми Саката — главу компьютерного управления Токийского университета — представить для программы какой-нибудь интересный эксперимент, связанный с

компьютерами, который можно было бы заснять. Он любезно согласился, но вполне резонно настоял на том, чтобы все проходило под его личным контролем. Эксперимент должен был состояться в университетской лаборатории, где были созданы необходимые условия, которые, разумеется, невозможно было сделать в студии. В конце концов мы согласились снять отдельный сюжет еще до передачи и включить его в программу, вся остальная часть которой шла в прямом эфире.

Элдон Берд, американский ученый из лаборатории военно—морского флота США, вместе с которым я проводил несколько первых контролируемых опытов по сгибанию металлических предметов в 1973 году, приехал в Японию специально к началу этих съемок 28 марта. Вместе с ним я и приехал в Токийский университет.

Специальная, тщательно проведенная программа была уже заложена в Хьюлед Паккард. На экране дисплея были две цветные картинки — одна из которых неподвижно, фиксировано стояла в центре, а другая, напротив, постоянно передвигалась в самых разных направлениях. В мою задачу входило прежде всего остановить движущуюся картинку, изображавшую вид Токио, снятого из космоса. Перед началом эксперимента меня проверили магнитометром на наличие каких-либо посторонних магнитных полей и так делали каждый раз после того, как я выходил и входил в лабораторию.

Итак, я приступил к своей работе, пытаясь воздействовать на компьютер. Сжав руки в кулаки, сильно сконцентрировавшись, я приказал движущейся картинке остановиться. Первая попытка окончилась неудачей, и поэтому я попробовал все повторить снова. Картинка по-прежнему не исчезала с экрана и скользила по нему сверху вниз, только стала передвигаться еще быстрее. Я закричал что было сил, чтобы остановить компьютер, но никакого эффекта не последовало. Тогда я попытался приблизить свои руки к пленке, но и это тоже не помогло. Час за часом я делал все возможное до тех пор, пока не почувствовал, что ничего не получится. Это был не мой день.

Терпеливые японцы согласились на проведение повторного эксперимента на следующий день, и я вернулся в гостиницу в состоянии глубокой депрессии. Я потратил массу своего и чужого времени, извел километры кинопленки и ничего им не показал.

29 марта поначалу события стали развиваться так же, как и накануне. Снова и снова я сжимал руку в кулак и тряс им перед экраном, приказывая картинке остановиться, стереться, исчезнуть, но она возвращалась с приводившим меня в бешенство постоянством, словно насмехалась надо мной. Начали мы

работать, наверное, часов в шесть вечера, а уже далеко за полночь я с досадой хлопнул себя по бедрам и в раздражении воскликнул: «Ничего не получается!»

Последняя попытка: я попросил профессора Саката принести немного воды — не для того, чтобы попить, а для того, чтобы поставить ее рядом с компьютером. Я надеялся, что это может помочь, так как не раз замечал, что мне легче сосредоточиваться, когда вода где-то рядом. Один из ассистентов тотчас же вышел и принес большой чайник с водой, который ему же пришлось и держать, так как он стоял ближе всех к компьютеру. Должно быть, он подумал, что со стороны это выглядит довольно глупо, но тем не менее вида не подал.

Элдон, казалось, устал не меньше, чем я. Он молча сидел подряд два вечера этого изнуряющего и приводящего в ярость бесплодного эксперимента, не принимая в нем никакого участия, только лишь как сторонний наблюдатель — так, по крайней мере, я думал.

Впоследствии он признался мне, что, когда принесли чайник с водой, это было последней каплей, переполнившей чашу его терпения, и он решил сделать мне немое послание такого типа: «Ури, если ты телепат, то сделай это. Я уже устал. Кончай ты с этим делом и пойдем скорее отсюда к чертовой бабушке».

Элдон заметил, что психологические эффекты часто начинают срабатывать уже после того, как прекращается концентрация мысли и энергии, направленная на объект. Он называл это «разорванным эффектом». «Силы концентрируются, концентрируются, — объяснил он мне, — и, если ничего не происходит, они сдаются. В этот-то момент все и получается».

Если бы я вспомнил об этом вовремя, то, возможно, прекратил бы свои попытки на несколько часов раньше, потому что Элдон был абсолютно прав. Пленка прошла еще один контрольный круг, и я подумал: или сейчас, или никогда — и послал последний сигнал на экран компьютера, до боли сжав кулак и потрясая им в воздухе.

Увы, картинка продолжала свой путь. Я в отчаянии отвернулся от экрана.

Спасибо небесам за терпеливость японцев, особенно это касается оператора, который после стольких часов изнурительной работы сумел сохранить самообладание и заснять все происходящее.

В отличие от меня он не прервал своей работы.

«Ури, она остановилась!» — закричал кто-то неожиданно. Оператор быстро придвинул камеру вплотную к экрану дисплея. В телекадрах отчетливо виден тот момент, когда изображение в

последний раз появляется наверху у экрана и вдруг останавливается. В первое мгновение я не мог поверить в то, что случилось, потому что посчитал себя уже побежденным. Ставшая за эти два дня ненавистной картинка все еще виднелась на экране, но теперь она безмолвно застыла. Я сумел остановить ее.

Лицо профессора словно окаменело. Я бросился к нему, крепко обнял, приведя его тем самым в полное замешательство. Но я не мог сдержаться, потому что чувствовал себя как теннисист, выигравший Уимблдонский турнир.

Я вернулся в отель измученный и в буквальном смысле слова еле живой, но безмерно счастливый от такого неожиданного исхода событий. Для профессора Саката и его помощников основная работа только начиналась. На следующее утро Элдон рассказал мне, что происходило после того, как *я* покинул лабораторию.

Они вернули пленку обратно и попытались выяснить, что же произошло. В конце концов они пришли к выводу, что два байта как бы поменялись местами и машина, не зная, как на это реагировать, посчитала, что во избежание неприятностей следует остановить программу. Оператор пытался снова и снова запускать пленку, но она неизменно останавливалась в одном и том же месте.

«Это, конечно, не так впечатляюще, как тогда, когда тебе удалось стереть часть программ, но все-таки все равно очень эффектно. Ты остановил машину, и она после этого уже не смогла сделать то, что ей предписывалось».

Никто не мог отрицать случившегося, так как миллионы японцев видели все это 31 марта по телевидению. Как бы там ни было, я остановил машину. Это помогло мне войти в хоро-агую форму, и во время той части программы, которая шла в прямом эфире, я сумел заставить прорасти семя красной редиски и продемонстрировать довольно необычный вариант сгибания металла — при помощи двух маленьких детей я слегка потер ладонью металлическую клюшку для игры в гольф, затем поднял ее повыше в воздух и держал так до тех пор, пока она не развалилась пополам прямо перед камерой. Кроме того, во время передачи ведущий с удивлением обнаружил, что отскочила одна из металлических пуговиц на его пиджаке.

В октябре 1985 года я был приглашен в Сан-Диего на ежегодную встречу, проводимую Организацией молодых президентов — очень престижной группой бизнесменов и общественных деятелей со всего света. Там в присутствии нескольких сотен специалистов мне была предоставлена возможность продемонстрировать свои способности в

единоборстве с последней моделью персонального компьютера Ай-би-эм.

Кроме меня, на эту встречу — ежегодную сессию — были приглашены такие выдающиеся люди, как бывший президент США Джеральд Форд, известная представительница партии зеленых ФРГ Пэтра Келли, нефтяной магнат Т.Бун Пикете, председатель правления «Американ экспресс» Джеймс Робинсон, а также Генри Киссинджер и Александр Хейг.

Вот в такой незаурядной компании я уже в четвертый раз был приглашен в качестве докладчика на этот семинар. У каждого выступающего своя тема, хотя никаких твердых установок никто не дает — в принципе можно говорить на встрече о чем угодно. Единственное требование — не пользоваться бумажками, что я, впрочем, никогда и не делал. В предыдущие годы после лекции я показывал этой аудитории одну и ту же программу. И поэтому в этот раз решил продемонстрировать что-нибудь новенькое.

Сначала я заставил двигаться стрелку корабельного компаса, сконцентрировавшись на ней при помощи группы молодых женщин из зала. Затем заставил распускаться семя редиски, держа его в своей руке и потирая несколько минут. Оба этих опыта снимались местным телевидением, о чем я заранее попросил для того, чтобы огромная аудитория могла наблюдать на огромном экране все, что происходит на самой сцене. Семя принес в закрытом пакете один из организаторов встречи и вручил мне на глазах зрителей. Все видели, как оно пустило росток после того, как я воздействовал на него своей энергией.

Ну и наконец я перешел к компьютерам, которые были принесены из другой части здания в зал. На встрече присутствовали несколько представителей компании Ай-би-эм, которые заняли места прямо передо мной, чтобы проследить и за своей дорогостоящей аппаратурой, и непосредственно за мной. Я взял семь или восемь мягких дисков, которые они мне приготовили, и начал с ними работать. Длилось это довольно долго. Люди из Ай-би-эм, похоже, находили все это мое занятие забавным, особенно после того, как после пяти и шести попыток я так ничего и не смог поделать с дискетами. Причем сами представители фирмы выходить на сцену и менять дискеты в компьютере отказывались. Это приходилось делать кому-то из аудитории. Позже я узнал, что им было приказано кем-то из руководства не подходить ко мне близко, пока я выступаю.

Минут через двадцать я решил предпринять еще одну попытку при помощи группы женщин-добровольцев. Я попросил одну из них подержать в руках дискету, а сам дал обычную команду: «Сотри». После этого снова проверили содержимое

дискеты на экране: первые строчки текста пошли без изменений, но затем экран замигал и строчки внезапно остановились, так же как это произошло в Японии. Раздались громкие аплодисменты и крики: «Ого, да у него получилось!»

Я подошел к сидящим рядом сотрудникам Ай-би-эм. «Ну, что скажете?»

«На экране ничего нет», — только и смог выдавить кто-то из них.

Впоследствии один из организаторов встречи сказал мне, что задействованные компьютеры были затем перевезены в штаб-квартиру Ай-би-эм в Атланту для тщательного изучения.

Как-то раз, когда семинар уже подходил к концу, я выходил из лифта в отеле в тот момент, когда в него входил председатель Организации молодых президентов Дуглас Глант в сопровождении двух приглашенных на семинар гостей — генерального директора министерства иностранных дел Израиля Дэвида Кимше и Генри Киссинджера, который тут же вспомнил меня по встрече в Мексике.

Мы все очень спешили, и поэтому я успел только дружески поприветствовать Киссинджера.

Когда двери закрылись, Киссинджер сказал Гланту: «Это был Ури Геллер? Я всегда верил в его способности».

14 января 1986 года я был приглашен в западногерманский журнал «Хор Зу», который читают около 12 млн человек. Там в присутствии нескольких экспертов по компьютерам меня попросили воздействовать на компьютерную пленку, к которой я не мог прикоснуться руками, так как она была закрыта пластиковой крышкой. Я начал работать как обычно, и результаты появились значительно быстрее, чем в Японии. Возможно, потому что меня не снимали в этот момент и я не был так напряжен. На экране дисплея появилась надпись: «Пленка не в порядке».

Несколько месяцев спустя уже работники редакции мюнхенской газеты «Абендзайтунг» стали свидетелями «эффекта Геллера» в работе с компьютерами. На этот раз меня попросили стереть запись мягкого диска. Как сообщила газета в номере от 12 января 1987 года, мне удалось выполнить это задание.

«Все в Америке заложено в компьютере», — сказал мне довольно взволнованно астронавт Эдгар Митчелл, после того как увидел несколько моих демонстраций в Станфордском исследовательском институте в 1972 году. Сегодня действительно вся или почти вся важнейшая информация записана на дискетах или пленках. И если люди, подобные мне, могут вмешиваться в работу компьютеров, то ученым следует серьезно над этим

задуматься. Правда, на меня как на подопытного кролика, боюсь, они уже не смогут рассчитывать по целому ряду причин.

Во-первых, мне кажется, свою лепту я уже внес. Когда Андриа Пухарич приехал в Израиль и помог организовать мой первый визит в США, я сразу же предложил американским ученым свои услуги. Провел десятки экспериментов за период с 1972 по 1975 год, переходя из одной научной лаборатории в другую, ничего при этом не имея, за исключением небольшой суммы на самые необходимые расходы. Я делал все, о чем они меня просили. И в результате Чарльз Панати смог составить трехсотстраничную книгу о «проблемах научных исследований паранормальных способностей Ури Геллера», которую он назвал «Бумаги Геллера». В создании этой книги участвовало двадцать человек, четверо из которых были известными колдунами. Каждому нашлось, что сказать по этой проблеме. (Многие, конечно, могли бы сообщить автору значительно больше, чем сообщили, но это уже совсем другая история.)

Никто из этих людей не получил за это награды. Напротив, большинству из них пришлось столкнуться с резкой критикой и неприятием их работы. Например, Хал Путхофф был обвинен в том, что за несколько лет до этого прошел курс наукологии. А Рассела Тарга чуть не списали из науки лишь за то, что его отец был владельцем магазина, в котором продавались работы по астрологии. Вот на таком уровне строились гипотезы наших противников, которым ничего не стоило обвинить меня во всех смертных грехах, не удосужившись даже хоть раз заглянуть мне в глаза. Во-вторых, мне совершенно не нужно, чтобы кто-то постоянно доказывал, что я гений или, наоборот, шарлатан. Я обыкновенный человек и вовсе не нуждаюсь в том, чтобы кто-то ставил на мне научное клеймо, подтверждающее мой общественный статус. С некоторых пор стал проще относиться к той шумихе, которая затевалась вокруг меня, и даже находил все это забавным. Я ни на кого не подавал в суд за клевету. Наверное, мне нужно было сделать это раньше, но тогда я не мог позволить себе нанять хорошего адвоката. Не сомневаюсь, что я выиграл бы процесс. Сейчас я могу позволить себе любого, самого высокооплачиваемого в мире адвоката, но почему-то нахожу эту затею бессмысленной и не нужной.

Меня по-прежнему интересуют люди, и мне доставляет огромное удовольствие наблюдать за реакцией различной публики на то, что я делаю.

Например, все летчики, военные и полицейские, с которыми я встречался, как правило, безоговорочно верят тому, что я показывал. Как, впрочем, и самые высокопоставленные люди. С

другой стороны, наиболее скептически настроены те, кто по натуре и роду своих занятий прежде всего должны были бы быть заинтересованы в исследованиях и использовании такого рода способностей человеческого мозга, — врачи и психологи. Что касается колдунов, то они относятся ко мне по-разному.

Есть вещи, которые я не могу делать, я есть такие, которые я попросту не буду делать. Хотя из-за того, что меня часто просили демонстрировать те вещи, которые я отказывался делать, еще больше вырос барьер подозрительности между мной и учеными. Я не собираюсь вдаваться в подробности по этому поводу, но все же должен немного пояснить, что имею в виду, и просто перечислю ряд случаев, не упоминая даже фамилий людей и названия стран, где они происходили.

Однажды меня пригласили в большой исследовательский институт в большом прибрежном городе, где меня попросили провести телепатический опыт — попытаться обращаться с дельфинами. Две недели я проходил курс изучения звуков, издаваемых китами и дельфинами, затем меня попросили телепатическим путем передать эти шумы и звуковые сигналы дельфинам, для того чтобы изменить поведение дельфинов, которые находились либо в специальном бассейне, либо в большом отгороженном сеткой пространстве на побережье океана. Поначалу дело шло удачно и у меня установилось хорошее взаимопонимание с этими прекрасными и умными животными. Я обнаружил, что могу даже передавать им мысленно какие-то распоряжения, направляя их движения в ту или иную сторону. Дельфинов выпускали в открытое море, и мне удавалось приказом вернуть их обратно. Все это время я хорошо видел и прекрасно знал, что и как нужно делать. Этот процесс почему-то напомнил мне тот случай, как в Мексике я управлял направлением полета авиамоделей.

В институте мне не объяснили, в чем состоит основной замысел проектов, в которых они попросили меня участвовать. Но постепенно я сам понял, в чем его суть. Этот проект имел кодовое название «дельфин-камикадзе». Дельфины должны были готовиться к нападению на корабли и подводные лодки с бомбами, прикрепленными у них на голове, в том числе и с ядерными боеголовками. Естественно, дельфины-камикадзе должны были погибать, разлетаясь на кусочки вместе с кораблем-целью, который предполагалось взорвать.

Позднее я выяснил из одного независимого источника, который, кстати, не знал о моей причастности к этому эксперименту, что раньше в подобных опытах использовались бомбы-присоски, чтобы дельфины могли после выполнения

задания успеть отплыть в безопасное место. Однако эти опыты были прекращены после того, как один дельфин, который при выполнении тренировочных заплывов с холостыми зарядами показывал очень хорошие результаты, после того как впервые получил настоящую бомбу, быстренько сбросил ее в море. И правильно сделал. Большинство невольных участников этого эксперимента сразу же перестали в нем участвовать, как только узнали о его реальных целях. И я, разумеется, тоже.

Я с интересом прочитал на первой полосе газеты «Санди тайме» от 9 апреля 1989 года, что Союз обществ защиты животных возбудил уголовное дело против военно-морских сил США, объявив противозаконной программу испытаний над дельфинами. В статье также утверждалось, что дельфинов обучали не только охранять подводные лодки с ядерным оружием, но и нападать на противника. Сами животные при этом нередко подвергались физическим истязаниям и доводились до голодного истощения.

Позднее я был вовлечен в еще более тревожный эксперимент, опять же не имея поначалу никакого понятия о его настоящей сути. Как выяснилось позже, цель опытов, проводимых на специальной экспериментальной базе, состояла в изучении изменения поведения людей под воздействием телепатического внушения. Среди тех, кто подвергался опытам, были заключенные, люди с психическими и умственными отклонениями, а также студенты, решившие подзаработать. Продолжалось все это два месяца, в течение которых передо мной стояла задача работать с пациентами в трех различных направлениях: во время сна, после пробуждения и под гипнозом. Я не имел возможности разговаривать ни с кем из этих пациентов и мог только наблюдать за ними из соседней комнаты через специальный проем в стене.

В процессе экспериментов мне приходилось выполнять целый ряд заданий: будить людей ото сна, внушать в их сознание какие-то определенные мысли, побуждения, навязывать те или иные действия, заставлять выдавать необходимую информацию.

Я так и не узнал, насколько успешными были эти опыты, потому что в какой-то момент понял, насколько опасно и безнравственно вторгаться в сознание других людей, вмешиваться в их мыслительный процесс, — и я прервал эту работу.

В одном очень несложном опыте, который мне в целом хорошо удался, меня использовали как человеческий детектор лжи. Я должен был сказать, говорит ли пациент правду или лжет. Причем просили это сделать в трех разных ситуациях — в личной беседе, по телефону и на магнитофонной записи. Я почувствовал,

что удачнее действую тогда, когда идет непосредственный, живой разговор. Это был скорее оборонительный, а не агрессивный тип эксперимента, и поэтому я не возражал против него.

Примером иного свойства может послужить случай, когда меня привезли на большую свиноферму, в загон для крупных свиней, и попросили попытаться остановить работу сердца одного из животных. Хотя в то время я еще не был вегетарианцем, но тем не менее не имел ни малейшего желания делать подобные вещи. Поэтому я провел в лаборатории, ничего не предпринимая, несколько дней, а затем покинул ее.

Конечно, меня интересовал вопрос, могу ли я сделать это в принципе? Думаю, что смог бы, если бы достаточно попрактиковался и потренировался, хотя, разумеется, ни при каких обстоятельствах не стал бы этого делать. Вспоминая о том, как мои телепатические силы восстали против той глупой рулеточной авантюры в Лондоне, не берусь гадать, что произошло бы со мной и с моей жертвой, если бы я хоть раз попытался использовать свои способности для прямой агрессии, нападения, убийства.

Когда меня тестировали в национальной лаборатории Лоуренса Ливермора, один из сотрудников службы безопасности — Рон Робертсон из Комисии по атомной энергии поинтересовался, мог ли кто-нибудь, вроде меня, вызвать ядерный взрыв или, скажем, сделать так, чтобы что-то в реакторе неправильно сработало. «Для этого всего-то и нужно сдвинуть на тридцать сантиметров в сторону предмет в полсантиметра длиной и меньше четырех граммов весом» — так процитировал мне его слова Уилхелм Вильгельм, упомянув об этом в связи с сообщением о ничем не объяснимых взрывах бомб на борту американских кораблей во Вьетнаме, заметив при этом, что в Стэнфордеком институте мне уже удавалось передвигать предметы весом до полутора граммов.

Через некоторое время меня пригласили в столь же секретное учреждение в другой стране, где один человек, который, насколько я знаю, не имел никакой связи с ливерморскими учеными, попросил меня сделать именно то, о чем так интересовался Робертсон. Ядерные боеголовки были настоящие, хотя, конечно же, они не были заряжены. Во время эксперимента боеголовки были отгорожены от меня экраном — так, чтобы я не мог видеть, сумел ли я воздействовать на них или нет. И потом мне об этом никто ничего не сказал.

Возможно, вы уже поняли, почему я с некоторых пор больше не служу делу науки. У меня осталось очень много друзей среди ученых. И когда-нибудь я обязательно осуществлю несколько

важных экспериментов в таких областях, как медицина, изучение телепатии и воздействие на металлы. Но с некоторых пор я не могу всецело доверять науке, и мне надо быть абсолютно уверенным в настоящих, конкретных целях и мотивах тех людей, которые меня исследуют. Я, к сожалению, никогда не могу быть до конца уверенным в том, что знаю, на кого они работают.

Не поручусь, что отныне откажусь от всех научных исследований, но убежден, что никогда не буду иметь дело с исследованиями, оплачиваемыми из казны правительства любой страны. По опыту знаю, что они в большинстве случаев носят антигуманный характер.

Мне кажется, я сослужил определенную службу в деле научной пропаганды парапсихологических явлений. Во-первых, десятки серьезных ученых проявляют сегодня особый интерес к телепатическим вопросам, который, возможно, и не возник бы, если бы не проведенные мной исследования этого феномена. Это не бахвальство, а то, что мне говорили сами ученые.

Во-вторых, многие люди обнаружили в себе такие же способности, как и у меня. И их жизнь в результате стала богаче. Они сами также мне не раз об этом говорили.

Так или иначе, я, думаю, внес свой вклад в научные исследования. А теперь, как вы увидите, у меня в жизни просто возникли другие приоритеты.

Глава 9. Большой бизнес

Моя первая встреча с миром большого бизнеса произошла в 1973 году, когда я познакомился с сэром Валом Дунканом и услышал от него о том, что я мог бы делать «настоящие деньги, используя свой природный дар и необычайные способности в промышленном поиске месторождений нефти и драгоценных металлов». Но с тех пор прошло немало лет до той поры, когда было суждено сбыться его советам и предсказаниям.

Началом послужило письмо от японского бизнесмена, которое я получил утром одного из последних дней уходящего 1982 года. Его автор, о котором я ровным счетом ничего не знал, хотел, чтобы я прилетел в Токио как можно скорее (все расходы оплачиваются) по причинам, не вполне ясным из текста письма. Что-то привлекло меня в этой идее, быть может некий налет таинственности, и поэтому я принял предложение и отправился в Японию.

У японцев свои собственные представления о том, как делать большие дела. И в первое время я не совсем понимал, зачем нужен в Токио. Автор письма хотел только, чтобы я встретился с его друзьями. Так, по крайней мере, он сказал. И первым, кого он мне представил, был Райончи Сасакава. Это человек во многих отношениях примечательный. Основу своего будущего состояния он заложил, выигрывая пари на гонках спортивных судов. Затем сам взялся за строительство кораблей и в конце концов стал одним из ведущих кораблестроителей Японии. Как, кстати сказать, и одним из самых щедрых филантропов. В 1962 году он организовал Японский промышленный кораблестроительный фонд, который, помимо множества других своих функций, является сегодня и крупнейшим неправительственным вкладчиком на нужды всемирного здравоохранения. В последние десять лет фонд выделил более двадцати миллионов долларов для проведения кампаний борьбы против оспы, потери зрения, проказы и тропических заболеваний.

Наша встреча в его офисе носила очень неформальный характер. Там я познакомился со всей прелестью традиционной национальной церемонии чаепития, на которой ни разу не было упомянуто о делах, о том, что господин Сасакава или кто-нибудь из его друзей хотели от меня. Затем я был приглашен на обед в ресторан вместе с большой группой заинтересованных людей.

Многие из приглашенных на обед были главами ведущих японских корпораций, и скоро стало ясно, что это не просто какая-то встреча друзей. Началась она по всем правилам. Мы

расселись вокруг низкого стола и не спеша оценивали достоинства артистически приготовленных блюд. Один из гостей вежливо заметил, что я не ем ничего мясного. Пришлось объяснить ему, что я вегетарианец. Мне показалось, что это почему-то его заинтересовало. И позже вечером именно он отвел меня в комнату для конфиденциального разговора.

Прежде чем поведать о нем в подробностях, я должен объяснить, что далеко не все могу включить в книгу из-за того, что подписал ряд договоренностей, обязывающих меня не упоминать те или иные вещи. Хотя имена большинства моих крупных клиентов-нанимателей широко известны, они не будут названы мной.

Господин Д. — так я буду называть человека, который пригласил меня на частный разговор, — был главой многонациональной компании с ежегодным оборотом в 1 млрд долларов, занимающейся очень широким спектром деятельности, начиная от гражданского машиностроения и кораблестроения до добычи полезных ископаемых.

«Насколько я понимаю, вам приходилось работать на компанию по добыче полезных ископаемых?» — спросил он. По всей видимости, он видел статью в «Ньюсуике», где было упомянуто об одном из моих первых опытов (кстати, неоплаченном) в этой сфере. Потом спокойно добавил: «Я бы очень хотел найти золото в Бразилии».

Господин Д. вкратце рассказал мне о стране, которую я и так знал достаточно хорошо, но все же кое-что в его информации было для меня новым. Я не удивился, узнав, что он имеет там крупные вклады во многих отраслях, так как с начала века существовал постоянный поток эмигрантов из Японии в Бразилию и узы между двумя странами были достаточно тесными. Крупнейшая в мире японская колония находится сейчас именно в Бразилии, где практически любая компания, основанная на японском капитале, имеет прямые связи со своими бывшими соотечественниками. Его компания не стала исключением, хотя была не самой крупной, но зато одной из самых быстро развивающихся в своей отрасли.

Многие люди хотели найти золото в Бразилии, и многие уже нашли. Первой столицей страны, насколько известно, был город Оуро Прето — Черное золото, что говорит само за себя. Но времена, когда золото буквально лежало под ногами, на самой поверхности, давно ушли в историю, и сегодня перед его добытчиками стоят огромные проблемы. Гигантская территория Бразилии наполовину покрыта почти непроходимыми тропическими лесами бассейна реки Амазонки. Бесчисленные

притоки этой реки заходят в семь или восемь стран, и многие латиноамериканцы, не щадя своих жизней, преодолевая бесчисленные трудности, странствовали по Амазонке в поисках золота.

Господин Д., разумеется, не интересовался продиранием сквозь амазонские дебри и тяжелыми путешествиями по руслу реки. Он думал о крупных промышленных разработках новых месторождений. Но для того чтобы их начинать, необходимо было определить первоначальное место поиска, что требовало очень больших капиталовложений. Обширный район, который он имел в виду, располагался вдоль реки к югу от Манауса и был очень сложен для обычной геологической разведки из-за своего капризного ландшафта. Люди, подобные мне, как он рассчитывал, могли бы сберечь уйму денег и времени, указав точно, где имеет смысл начать проверочные бурения. Господин Д. назвал мне сумму, которую он приготовил, чтобы вложить в это дело, и спросил меня, не заинтересован ли я в том, чтобы за него взяться. Конкретной оплаты за мои услуги мы не обговаривали, и в итоге я ответил ему, что подумаю. Мы договорились встретиться с ним еще раз, когда он будет в Нью-Йорке.

* * *

Вскоре он приехал и, как обещал, позвонил мне из отеля «Плаза». На нашей второй встрече он не стал терять время на формальности и сразу же приступил к делу.

А теперь о вашем котракте, — сказал он на своем аккуратном английском языке. — Какая бы сумма вас устроила? Вы уже решили?

Нет, — ответил я, — но я подумаю об этом.

Хорошо, а почему бы вам прямо сейчас не поехать в Бразилию, и я дам вам 60 тысяч долларов, — сказал он. У него оказалось заранее приготовленное письмо-соглашение по этому поводу, напечатанное, как я заметил, на простой бумаге, так же как и все соглашения подобного рода, которые мне приходилось подписывать в своей жизни.

Я не люблю обсуждать денежные вопросы, предпочитаю их поручать своим адвокатам. Конечно, это было не так уж плохо, что мне предложили пятизначную сумму и бесплатное путешествие в страну, которую я уже знал и любил, но я вовсе не собирался продавать себя дешево. Тем более прекрасно понимал, что для корпорации господина Д. это сэкономило бы десятки миллионов долларов, неизбежно потраченных бы им на

многочисленные разработки в очень отдаленных и труднодоступных районах страны совершенно наугад до тех пор, пока необходимое по качеству золото будет найдено в количестве, достаточном для открытия крупного добывающего предприятия.

— Дайте мне подумать до утра, — сказал я. — Хотя в любом случае, мне кажется, вы должны сделать мне более серьезное предложение, чем это.

Я не был жадным. 60 тысяч долларов — немалая сумма. Но я заработал гораздо больше за предыдущую поездку в Бразилию.

Я предвидел, что господин Д. согласится и на более высокую сумму контракта, но все же его следующие слова не могли не удивить меня — не меняя выражения лица, он произнес: «А пятьсот тысяч долларов вас устроят?» Цифра возросла в восемь раз всего за пару секунд.

«Мне в любом случае хотелось бы обдумать ваше предложение», — настаивал я. Господин Д. сказал, что уезжает завтра, но я все равно не стал спешить с окончательным решением.

После нашей встречи я позвонил своему адвокату, который жил недалеко от отеля «Плаза». «Послушай, — сказал я ему, — мне бы хотелось взяться за это дело, но не с наскока, за один короткий визит в Бразилию, а более основательно. И потом, как ты думаешь, мои услуги в данном случае стоят миллион долларов?»

Адвокат знал систему расценок гораздо лучше, чем я, ему уже неоднократно приходилось подписывать для меня самые невероятные контракты. «Ты недооцениваешь себя, Ури», — вот, что он мне ответил.

Я попросил его срочно связаться с господином Д. и через некоторое время он перезвонил мне.

«Я сделал все, как ты хотел, Ури, — сказал он. — Запросил миллион, и он согласился, не торгуясь, правда, с выплатой в шестилетний период вместо четырех лет. Но после успешного окончания работы тебе будет выплачен еще один миллион».

Первоначально предлагаемая цена подросла очень быстро, за какие-то несколько часов она увеличилась более чем в тридцать раз. Мой адвокат считал, что это лучшая сделка, на которую я мог рассчитывать в этой ситуации. Контракт был подписан, и миллион долларов в назначенное время аккуратно перекочевал на мой счет в банке.

* * *

Мы прилетели в Рио-де-Жанейро, где нас ждал частный самолет, чтобы доставить до Манауса через всю Бразилию. Преодолев эти две тысячи миль, мы еще раз пересели — на сей раз в маленький аэроплан с пропеллером, и через несколько часов наконец-то приземлись на взлетной полосе, едва ли обозначенной на какой-нибудь другой карте мира, за исключением той, которую я получил для работы. Как называлось место, куда мы прибыли, я так и не узнал.

Леса Амазонки и в самом деле приводят человека в душевный трепет, как никакие другие на земле. Это чувствуешь, пролетая над ними на маленькой высоте. Попробуйте представить себе, как сверху выглядит небо, полностью закрытое облаками? Огромная масса белой заты заполняет все пространство вплоть до самого горизонта, куда ни посмотри с высоты в несколько тысяч футов. Амазония — это колоссальное зеленое облако с маленькими, узкими щелями — притоками, которые прокладывают свой путь в неисследованные районы, чтобы снова затем выйти уже к другому берегу той же Амазонки, в отдельных местах более широкий, чем пролив Ла-Манш.

Когда вы вплотную приближаетесь к земле, зеленое облако вдруг превращается в массу отдельных деревьев самых причудливых форм и размеров, каждое из которых отчаянно борется за место под солнцем и вносит свой посильный вклад в обеспечение планеты кислородом. А уже на земле вы попадаете в совершенно иной мир. Горизонт внезапно сжимает буквально до нескольких метров свободного пространства перед вами, а лес вокруг настолько непроходим, что без острого бразильского мачете не пройти и шагу, на каждом из которых к тому же вас может ожидать неожиданная встреча с какой-нибудь экзотической птичкой, животным или рептилией.

Когда-нибудь я, возможно, вернусь в эти края, чтобы посмотреть на затерянные города и несметные сокровища, которые, по слухам, припрятаны в этих амазонских лесах.

Но на этот раз я не был туристом. Корпорация господина Д. проделала такую гигантскую работу и понесла столько затрат, уж конечно, не для того, чтобы показать мне прелести джунглей. Меня ждала тяжелая работа.

Магнетическое восприятие вещей на расстоянии, о котором я уже не раз рассказывал, требует очень интенсивной концентрации, причем в течение довольно продолжительного периода времени. Это страшно утомительный процесс. Куда более изнуряющий, чем любая лекция или выступление в телевизионной программе. Прежде чем посетить район, предназначенный для разведки, я тщательно изучаю карты

местности, запоминаю главные очертания ландшафта, чтобы быстрее и точнее узнавать места, над которыми предстоит пролетать. Время от времени я провожу короткие сеансы лозоискательства прямо над картой, как учил меня сэр Вал Дункан. Используя, правда, при этом не маятник, а только свои руки, ладонями и кончиками пальцев ловя едва заметные магнетические ощущения. Иногда они приходят быстро, иногда нет. Но так или иначе в конце концов нахожу «нулевые отметки», как я их называю, и тогда отмечаю эти районы карандашом, раз за разом повторяю эту процедуру днями и даже неделями, чтобы окончательно убедиться в том, что мои ощущения и впечатления постоянны и одинаковы, а значит, верны.

Когда мне удается этого добиться, я чувствую себя очень уверенным и уже без колебаний отмечаю те районы, над которыми необходимо в первую очередь сделать облет и снова пройти пешком дюйм за дюймом, определяя точные места промышленной разведки. Но, увы, далеко не всегда мои ощущения на карте постоянны, и тогда я просто иду по местности до тех пор, пока не появятся хоть какие-нибудь признаки наличия или, наоборот, отсутствия в этом месте того, что я ищу. Одним словом, на сегодняшний день мне, к сожалению, еще не удалось открыть легких путей поиска тех или иных богатств по первому требованию, не вставая из домашнего кресла.

Я бы с удовольствием сказал, что удачлив на все сто процентов и никогда не ошибаюсь, но в действительности практически невозможно составить точное соотношение моих успехов и неудач.

Раскопки на территории в несколько сотен квадратных миль в джунглях — занятие не из легких. И от тех, кто на них решился, они могут потребовать десятки тысяч часов работы, десятки или даже сотни миллионов долларов. И нет ничего удивительного, что такие люди, как- я, очень нужны господам Д., которые готовы платить сумасшедшие деньги за то, чтобы я им сказал, где стоит, а где не стоит начинать такие раскопки. Вскоре корпорация господина Д. приступила к разработке месторождений в районах, отмеченных мной на картах. И ряд из них, я надеюсь, уже дает им золото.

* * *

В 1985 году на связь со мной вышел Питер Стерлинг, предприимчивый австралиец, чья горнодобывающая компания «Занекс» в Мельбурне, опередив конкурентов, первой сумела

получить в аренду один из самых многообещающих в мире районов по добыче драгметаллов и других минеральных ископаемых — Соломоновы острова.

Золото было найдено здесь еще в 1568 году, всего через год после открытия островов испанцем по имени Альваро де Менданья, назвавшего архипелаг в честь царя Соломона. Однако лишь четыре века спустя началась серьезная промышленная разработка и добыча золота на этих отдаленных островах, наиболее известный из которых — остров Гуадалканал — расположен в 1200 милях к северо-востоку от Австралии. Итак, фирма «Занекс» одержала победу в споре за открытие первой шахты на этих островах 9 ноября 1985 года, опередив в сложной борьбе несколько крупнейших международных корпораций. В заявлении, сделанном для держателей акций компании, Стерлинг сообщил, что «компания в настоящее время сочетает обычные способы разведки новых месторождений с принципиально новыми».

Продолжая, он отметил, что, посоветовавшись со мной (точнее, была упомянута одна из моих фирм, а не мое имя), было принято решение расширить зону поиска фирмы «Занекс» и включить в нее еще один малоизведанный остров, где вскоре были обнаружены знаменитые алмазы, получившие название «кимберлитовых» [Кимберлит (по названию одного из островов) — богатая алмазосодержащая глинообразная порода, получившая среди шахтеров название «голубая земля» и «голубая руда». — **Примеч. переводчика**.]. Один из алмазов, извлеченных из месторождения в той местности, которую я указал на карте, был впоследствии изучен учеными Мельбурнского университета, по словам которых «этот образец указывает на очень высокую перспективность добычи алмазов в данном районе, где, по всей видимости, расположены крупные залежи». Стерлинг полностью подтвердил их предположение в интервью газете «Файненшнл тайме» от 18 ноября 1986 года, в котором также говорилось, что «Стерлинг был весьма доволен тем, что подключил к работе Геллера», и что начальные стадии исследования дали очень обнадеживающие результаты.

Сразу же после поездки в Сан-Диего, которую я описал в предыдущей главе, я полетел в Гуадалканал на церемонию открытия месторождения, после которой меня ждала и очень трудная работа. Остров, как я обнаружил, не вполне соответствовал тому, что о нем написано в туристских рекламных проспектах. На нем и в самом деле было немало пляжей и пальмовых деревьев, но климат там был настолько жаркий и тяжелый, какой мне, пожалуй, раньше и не доводилось встречать.

Кроме того, остров буквально кишел всякого рода опасными представителями дикой природы, начиная с ядовитых коралловых змей и кончая малярийными комарами. Пришлось глотать какие-то пилюли, чтобы защитить себя от последних. И дважды я чуть не наступил на коралловую змею во время моих ежедневных пробежек, которые я продолжал, невзирая на жару и влажность.

Торжественное открытие шахты рудника «Маву» было достаточно необычным. Лента была перерезана сэром Питером Кэнилореа, первым премьер-министром Соломоновых островов со времени обретения независимости от Британии в 1979 году. Во время церемонии он держал ножницы в одной руке и ложку, которую я для него согнул, в другой!

Сгибание ложки на этот раз оказалось для меня сложным испытанием. Начать нужно с того, что ее оказалось не так уж просто найти. Островитяне вообще с большой неохотой расстаются со своими металлическими предметами, особенно с ножами. В конце концов кто-то притащил кривую ложку, явно из фамильных вещей, ибо возраст ее был, по крайней мере, не меньше ста лет. Ложка оказалась солидной и крепкой. Я работал с ней по крайней мере десять минут. Пот катил с меня градом. Смилостивившись над моей репутацией, ложка наконец начала сгибаться в тот момент, когда я ее вручил сэру Питеру. К концу церемонии, в течение которой он не выпускал ложку из рук, она согнулась на сто градусов.

Моя работа по разведке алмазных месторождений оказалась очень утомительной. Мы часами летали над несколькими островами, и я указывал те места, где сегодня плотно работают геологи «Занекса», очень удивленные и ободренные точностью моих первоначальных предсказаний. Питер Стерлинг сказал мне, что, по его подсчетам, я сумел сократить разброс предполагаемых месторождений в соотношении трехсот к одному, а даже это уже полностью оправдывает расходы фирмы на мое участие в этих работах. В довершение всего Питер Стерлинг первым из моих клиентов дал мне открытое рекомендательное письмо. Вот что он написал:

«Я подтверждаю, что „Занекс“ начинает разработку месторождений именно в тех районах, которые были указаны Вами на Соломоновых островах. Наиболее интересный из обозначенных районов на сегодняшний день — остров Малаита, где, руководствуясь Вашими инструкциями, мы уже начинаем прокладку рудников по добыче золота и алмазов. Кроме того, подтвердилось наличие алмазоносной „кимберлитовой“ породы, что сулит богатые перспективы развития алмазных приисков в

дальнейшем. Другие районы также будут исследованы в соответствующем порядке».

Я очень расстроился, когда узнал впоследствии о том, что Питер Стерлинг попал под огонь жесточайшей критики со стороны своих коллег и держателей акций компании за его сотрудничество со мной, в результате чего ему пришлось продать свою долю в фирме «Занекс».

Вскоре после открытия шахты на острова прилетел самолет с международной инвестиционной оценочной комиссией для детальной инспекции рудника с целью обложения его специальным налогом. Поначалу Питер Стерлинг представил им меня как своего друга, случайно оказавшегося на островах, но затем, естественно, меня «разоблачили», тем более что мы вместе возвращались обратно в Австралию и во время полета я, как обычно, развлекал пассажиров сгибанием ложек. Надеюсь, им понравилось мое представление, как и то, что за несколько месяцев моей работы на фирму «Занекс» ее акции поднялись на сто процентов.

Во время следующего перелета по маршруту Сидней-Бристоль я провел еще несколько импровизированных опытов. А случилось это так.

Одна из стюардесс принесла мне записку от незнакомого мне человека по имени Джон Ховард, в которой он просил подарить для его троих детей мою фотографию с подписью на память об одном из телешоу, которое им очень понравилось. Питер Стерлинг объяснил мне, что это хорошо известный австралийский политик. Тогда я передал Ховарду через стюардессу мое предложение познакомиться. Мы встретились, я как водится, согнул ему ложку, дав ему самому убедиться в том, что процесс продолжается и в его руках. После этого он вдруг спросил меня: «А что вы думаете о моем будущем?»

«У меня есть предчувствие, что в один прекрасный день вы станете премьер-министром Австралии», — ответил я сразу же. Потом Питер сказал, что Ховард был избран лидером оппозиции и имел реальные шансы стать главой страны.

Возможно, мне следовало бы упомянуть здесь, что у пассажиров нет причин для волнений, когда я иной раз гну в самолете ложки. За пятнадцать лет я пролетел миллионы милей по всему свету и не нанес никакого ущерба ни одному самолету.

Единственный неприятный эпизод, который произошел со мной в воздухе, был в 1979 году, когда я летел в Будапешт навестить своих венгерских родственников. Когда мы приближались к аэропорту Ферихеги, пилот сообщил, что куски резины от шасси нашего самолета были обнаружены на взлетной

полосе Мюнхена, откуда мы вылетали. Мы вынуждены были вернуться обратно в Мюнхен и несколько раз медленно пролетели над контрольной башней, откуда эксперты при помощи мощных биноклей рассмотрели состояние шасси и подтвердили, что они повреждены. Взлетная полоса уже была покрыта специальной пеной, и нам было приказано готовиться к аварийному приземлению. Это, конечно, наиболее опасный момент, но, к счастью, приземление было произведено нормально. А затем мы пересели в другой самолет и благополучно прилетели в Будапешт. Подобная вещь может случиться с каждым, кто летает так же много, как и я. Поэтому, думаю, нет причин для паники только из-за того, что я нахожусь на борту самолета.

* * *

Только я решил немного отдохнуть от разведки нефти и минералов, как мне позвонил Тони Хаммонд, горный инженер, пристально наблюдавший за моей карьерой с начала семидесятых годов. Он очень верил в мои способности и был убежден в том, что использование моего потенциала в области обнаружения нефти и минералов только началось. Тони представил меня своему коллеге Деннису Томасу, владельцу международной консультационной фирмы «Хантер персонал», в распоряжении которой полный банк данных по найму и распределению нескольких тысяч геологов и инженеров. Именно ему принадлежит идея создания Ассоциации Ури Геллера. Концепция Ассоциации очень проста и заключается в соединении моих способностей со знанием и опытом ведущих геологов и инженеров во всем мире. Этот уникальный союз обычных и необычных талантов необходимо использовать для планомерных исследований, разведки и определения месторождений нефти и залежей минералов в любом уголке земного шара. С приближением конца двадцатого века во всем мире возрастает беспокойство в связи с повсеместным истощением запасов полезных ископаемых и неуклонным наращиванием их добычи. Но пока еще огромные пространства на земле остаются неисследованными, есть немало нераскрытых нефтяных и минеральных природных хранилищ.

В то же время по ряду объективных причин в мире практически не существует какой-то единой программы по исследованию и разведке полезных ископаемых. Во многих труднодоступных регионах значительно осложнено материально-

техническое обеспечение геологоразведочных работ и весьма невелик процент возможных открытий новых больших месторождений. И здесь, убежден, наша команда могла бы значительно облегчить задачу поиска и сократить затраты на его ведение. Она готова браться за проекты в любом регионе мира и под водой, и на суше, включая даже самые негостеприимные пустыни, горы и джунгли.

Предположим, какой-нибудь проект готов к работе — и тут за дело берутся сотрудники Ассоциации Геллера. Они начинают осмотр местности. Вся историческая, геологическая и горнорудная информация добывается, изучается и обсуждается задолго до того, как начинается непосредственная работа. Присутствие заказчика предусматривается во время всей работы, особенно это приветствуется на начальных ее стадиях. Наши услуги прежде всего рассчитаны на организации, которые занимаются разведкой крупных месторождений, включая национальные и местные министерства топливной и горнодобывающей промышленности, и на государственные и частные компании, заинтересованные в развитии этих отраслей.

Я закончу эту главу рассказом об одном из самых необычных когда-либо подписанных мной соглашений, которое было заключено в 1984 году и не предавалось огласке до сегодняшнего дня.

Я был в Японии, где купил когда-то маленький домик для отдыха с видом на гору Фудзи. И только я собрался насладиться короткой передышкой в работе, как раздался загадочный звонок от некого господина Ли, звонившего и: Сеула, столицы Южной Кореи.

Он спросил меня, не хотел бы я принять участие в телевизионной программе Корейской системы телерадиовещания, по замыслу напоминающей ту передачу, которая состоялась в 1983 году на Ниппон-Ти-Ви.

По его словам, гонорар за мое выступление будет самым большим за всю историю их компании, находящейся под контролем правительства.

Я уже признавался не раз, что хочу увидеть в этом мире, как можно больше. А Сеул в двух часах лету от Токио, и поэтому я принял предложение с удовольствием. Господин Ли добавил под конец разговора, что мной в Корее интересуются не только на телевидении, но никаких деталей не сообщил.

Итак, я оказался в Сеуле, где меня встретил господин Ли. Как я выяснил, он не имел никакого непосредственного отношения к телевидению. Из его визитной карточки следовало, что он основатель и президент Всемирной религиозной объединенной

миссии — организации, ничего не имеющей общего, я хочу это подчеркнуть, с движением, организованным его соотечественником Сан Майунг Муном. Как вскоре стало ясно, Ли имеет весьма тесные контакты с властями страны. Он дал мне понять, что есть не вполне обычное дело, о котором меня хотели попросить. «И если вы успешно справитесь, — добавил он, — получите миллионы. Небо будет вам пределом».

Я был заинтригован, и волнение мое усилилось, когда он еще раз позвонил мне в отель, произнеся лишь одну короткую фразу: «К тебе зайдут познакомиться очень важные люди».

Это уже не было похоже на военное вторжение, как приход Манси в Мексике в 1975 году. Но тем не менее сразу стало ясно, что пришедшая делегация также весьма высокого уровня. Двое мужчин были одеты в военную корейскую форму и выглядели очень представительно. У одного из них в руках оказался большой пакет. После того как мы представились друг другу, он вытащил из этого пакета несколько армейских карт и разложил их на столе. Для того чтобы ввести меня в курс дела, они немного рассказали о состоянии дел между Южной и Северной Кореей.

Уже свыше тридцати лет после того, как в 1953 году закончилась корейская война, отношения между двумя Кореями складывались отнюдь не мирно. Северокорейский вождь Ким Ир Сен никогда не делал секрета из своих честолюбивых намерений вновь объединить две части полуострова. И его режим постоянно вел подрывную пропаганду в этих целях. С самой пропагандой южнокорейцы могли бы и смириться, но их не могло не беспокоить то, что Северная Корея форсированно завершила подготовку к всеобъемлющему вторжению на территорию Южной.

Я слушал его внимательно, мысленно интересуясь тем, что же в конце концов они хотят от меня получить в этом сугубо политическом вопросе. Вскоре он дошел и до этой темы.

«Стало известно, — продолжил кореец, — что со стороны Севера было прорыто несколько подземных тоннелей в 150-мильной демилитаризованной зоне, разделявшей две страны. Три таких тоннеля уже обнаружены. В момент обнаружения одного из них в 1974 году последовал взрыв, приведший к смерти американского морского офицера — капитана Роберта Баллинджера, который при осмотре попал во взрывную ловушку».

Третий тоннель был обнаружен в 1978 году при помощи одного перебежчика. Несмотря на все усилия организованных специальных патрулей, за последние пять лет больше ничего не удалось обнаружить. Возникло много непредвиденных сложностей. Тоннели были очень узкие и прорыты глубоко под землей. Кроме того, их поиск был затруднен и небезопасен в силу

того, что концы тоннеля были до поры до времени как бы запечатаны, очень тщательно спрятаны. По плану противника они должны быть открыты только тогда, когда наступит время вооруженного вторжения.

«Дело, как вы понимаете, для нас очень серьезное, — сказал один из офицеров. — Если поможете найти хотя бы один из этих тоннелей, то станете национальным героем нашей страны. Вы будете одарены высшими почестями республики Кореи и получите 10 миллионов долларов».

Прежде чем я успел оправиться от удивления и, к счастью, лишь про себя подумать: «Оставьте почести себе, а мне давайте только деньги», — офицер вытащил лист бумаги, который вручил мне. На листке сверху было написано: «Временное расписание». А дальше следовало:

18 сентября, 9.00–11.00 — прибытие в (прочерк)

11.00–13.00 — работа по обнаружению.

13.00–14.00 — обед.

14.00–16.00 — работа по обнаружению.

Похожее расписание было составлено и на последующие два дня, в течение которых я должен был побывать еще в трех местах, а последняя встреча предстояла снова в Министерстве национальной обороны.

Что мне оставалось делать? Я уже принял предложение телевизионной компании Кореи, зная, что, помимо этого, будут и какие-то дополнительные услуги. Конечно, я никак не ожидал, что все это приведет меня к одной из самых горячих точек «холодной войны», к работе в зоне, формально числящейся как «демилитаризованная», а на самом деле в любой момент способной стать местом крупнейшего вооруженного конфликта. Но обо всем этом мне было поздно беспокоиться, так как соглашение, даже помимо моей воли, было уже практически заключено. Правильнее сказать, речь здесь шла даже не о соглашении, не о предложении, а скорее напоминало высокий приказ. И кроме того, какой нормальный человек отказался бы попытать счастье за предложенные мне десять миллионов долларов? Особенно если учитывать тот факт, что я мог быть полезен стране, которую уже успел полюбить.

Прежде чем повезти меня в демилитаризованную зону, мои военные гости решили устроить мне небольшую проверку. Мы сели на машину и около часа ехали от Сеула по какой-то разбитой дороге, остановившись в конце перед строем каких-то жутких бараков. Собственно, сами по себе они ничего особенного не представляли, но вот запах был отвратительным. Стояло такое кошмарное зловоние, что я чуть не упал в обморок и, естественно,

поинтересовался, что же, черт возьми, здесь происходит? Солдат вежливо объяснил мне, что мы находимся на птичьей ферме, оттого и запах. Потом он рассказал и о том, зачем мы сюда приехали.

Ферма, по его словам, была расположена на поверхности использованного рудника по добыче серебра, в котором было шесть тоннелей. Их месторасположение известно. От меня требовалось указать эти тоннели, сделав отметки на земле при помощи баллончика-пульверизатора с краской, который мне выдал какой-то человек в штатском. Насколько я понял, это был сотрудник Корейского агентства по организации национальной безопасности.

В нормальных обстоятельствах я ни за что не принял бы вызов подобного рода, хотя, впрочем, чувствовал, что и здесь не обязан доказывать кому-то, на что я способен. Но этот случай был особый. У корейцев действительно возникли серьезные проблемы, и с их стороны совершенно логично было выяснить, стоит ли обращаться ко мне за помощью. Особенно учитывая, что оплата за эту помощь выражается восьмизначной цифрой. Поэтому я все же приступил к работе, несмотря на невыносимые условия. Тошнотворная вонь куриного помета не давала нормальной возможности для полной концентрации моих телепатических способностей. Но я тем не менее начал, как обычно, ходить взад-вперед, словно обшаривая раскрытыми ладонями землю в надежде ощутить сигнал — магнетический толчок, который подскажет мне, что я целюсь прямо в центр мишени.

После двух часов весьма неприятной работы я почувствовал, что больше ничего не могу. Я выпустил из пульверизатора краску в тех местах, где, по моим расчетам, находились тоннели, но, честно говоря, у меня не было ощущения, что я справился с заданием успешно. Все мои мысли в тот момент сводились к одному — поскорее выйти отсюда и надышаться свежим воздухом. Человек из агентства по организации национальной безопасности выглядел, однако, очень довольным. Он показал мне карту, на которой были помечены шесть тоннелей, и сказал, что я точно указал два из них. Это сообщение очень вдохновило меня, особенно если учитывать присутствие мощной оппозиции в лице кур.

Таким образом, я прошел испытание и на следующий день побывал с визитом в министерстве обороны, после чего, не откладывая, начал настоящую работу по обнаружению тоннелей.

Мы стартовали с армейской вертолетной базы в сопровождении американского полковника из специальной команды по нейтрализации тоннелей. Похоже, он даже не

удивился, узнав, что меня пригласили для исполнения этой миссии. Как оказалось, он много слышал обо мне, горячо интересовался моей работой в Станфорде.

Мы пролетели над прекрасным стадионом, построенным к Олимпийским играм 1988 года, и направились на север. Очень быстро мы оказались в совершенно другом мире. В том, который, я надеялся, больше никогда не увижу после моей службы в армии Израиля. Перед нами была «зона войны». Никто, слава Богу, не стрелял, но я знал, что это могло произойти в любой момент. Видимо, по этой причине мне велели одеть военную форму.

Когда мы подлетали к границе, между американским и корейским пилотами возник небольшой спор. Последний не хотел лететь слишком близко к границе с воздушным пространством Северной Кореи. Он считал, что мы и так сильно рискуем, потому что в последнее время участились случаи, когда северяне открывали огонь по любому летящему с юга объекту и нередко сбивали его.

За три дня мы облетели и объездили демилитаризованную зону вдоль и поперек. Иногда мы продолжали поиск пешком, оказываясь так близко к границе, что я видел бинокли, настроенные на меня, и пулеметы, нацеленные в мою сторону. С наступлением темноты с той стороны начинали светить огромные прожектора, а из мегафона раздавался поток разъяренной пропаганды. Атмосфера напряженности и ненависти постепенно стала угнетать меня. И хотя каждую ночь меня доставляли обратно в великолепный сеульский отель, где все было создано для комфорта гостей, все равно было очень трудно расслабиться и отвлечься даже на короткое время.

Меня неотступно преследовали мысли и вопросы, не дававшие покоя: «Зачем нужен этот барьер между людьми сейчас, в 1983 году? — удивлялся я. — Почему мир все еще вынужден делиться на группы, которые норовят уничтожить друг друга?»

Работать было очень тяжело. Я не мог избавиться от ощущения, что все еще хожу по куриному помету и крысиным трупам, как это было во время моего первого испытания. Тем не менее, я получил кое-какие впечатление и ощущения и соответственно отметил их на картах.

Во время моей прощальной встречи с гостеприимными хозяевами корейский генерал пригласил меня еще раз приехать к ним весной, чтобы продолжить работу. Но я по многим причинам не собирался этого делать. Главная из них заключалась в том, что я считал всю эту затею бессмысленной с точки зрения безопасности Южной Кореи, так как не мог понять, что могло решить обнаружение одного или двух тоннелей. Ведь совершенно

ясно, что, для того чтобы предотвратить угрозу наступления, необходимо найти все тоннели…

Я не знаю, почему больше я не получал никаких известий из министерства национальной безопасности. Но зато точно знаю, что никто до сих пор так и не выслал мне чек на десять миллионов долларов.

Глава 10. Геллермания и после

10 сентября 1983 года западногерманская газета «Бильд» вышла с заголовком на первой странице, набранном аршинными буквами: «Новая лихорадка Ури Геллера: 1000 погнутых вилок». Статья начиналась так: «Не начал ли гнуться ваш столовый прибор в четверг вечером, когда Ури Геллер снова появился на германском телевидении?».

Первый взрыв явления, которое английская пресса впоследствии окрестила «геллерманией», произошел в ФРГ в начале 1972 года, когда я впервые посетил эту страну перед поездкой в США.

Как вы помните, мне удалось тогда проделать несколько необычных вещей, таких, как остановка эскалатора в магазине и кабельного вагончика фуникулера прямо в воздухе. В январе 1974 года произошла повторная «эпидемия» лихорадки Геллера после моего появления в телевизионном шоу Уйма Телке, во время которого, как писали, «начала гнуться вся Западная Германия», так же как за два месяца до этого вся Великобритания, а впоследствии и еще двадцать с лишним стран.

С эпидемией удалось справиться лишь в начале 1978 года, когда газета «Нью саэнтист» от 6 апреля 1978 года, основываясь на некоторых данных, о которых я расскажу чуть позже, объявила, что «миф Геллера окончательно разрушен».

Тем не менее он, кажется, вновь возродился из пепла, невзирая на то, что с 1975 года моя деятельность заметно изменилась, вобрав в себя целый ряд новых направлений, возможно в ущерб публичным выступлениям, которых я за последние пять-шесть лет действительно провел не так уж много. Хотя, если судить по грудам газетных вырезок, скопившихся у меня, интерес к ним по-прежнему не ослабевает.

Мое появление в 1983 году на западногерманском телевидении в шоу-программе Томаса Готшалка было вполне типичным. Студентка из Хельборна держала наручные часы своей матери перед экраном во время моего представления, и они, не ходившие до этого тринадцать лет, начали тикать. В Фрей-бурге были возвращены к жизни еще более старые часы. Их хозяин во время второй мировой войны был на фронте, и эти часы остановились во время ожесточенного боя. С тех пор он хранил их как талисман. И вот, сорок лет спустя, они вновь заработали.

Правда, были и другие случаи: один немец, боюсь, очень пожалел, что включил телевизор во время моего шоу. На следующий день этот житель Западного Берлина пришел в

полицию с жалобой на то, что я согнул в его доме свыше пятидесяти ножей и вилок и птичью клетку. «Я хотел бы получить компенсацию», — заявил он.

Для того чтобы добиться таких результатов, мне вовсе нет необходимости появляться на экранах телевизоров или на сцене. Как я не раз убеждался, эффект воздействия на публику через газету бывает ни чуть не меньшим. Так, например, в нью-йоркской газете «Стар» от 14 апреля 1984 года читателям предлагалось выяснить: «Обладаете ли вы поразительными способностями самого неподражаемого человека в мире?» Было бы точнее, если бы газета спросила так: «Выясните, в какой мере в вас развиты те же способности, какие есть у Ури Геллера». Вот в этом случае это была бы правда. Мои способности поразительные и выдающиеся не больше, чем у любого другого. Просто я использую их значительно чаще. И когда могу, охотно показываю другим, как это делается.

В газете предлагалось проверить наличие энергетических сил тремя путями. Во-первых, читатели должны были положить свои сломанные часы, будильники или какие-нибудь приборы, работающие на батарейках, на мою фотографию в газетах и сконцентрироваться в течение 15 минут, начиная с трех часов дня в воскресенье. По желанию можно было положить рядом ключи или кухонные приборы. После этого они должны были взять в руки карандаши и постараться нарисовать на специально отведенном чистом пространстве в газете телепатический образ, который я буду проектировать на них.

«Ваш мозг и ваша воля создадут энергию, способную на чудеса», — сказал я читателям «Стар» и добавил, что я сам буду в отведенное для эксперимента время на борту реактивного самолета на расстоянии в 30 тысяч футов от одного побережья до другого.

Вот типичный ответ читателя:

«Моя семья решила, что я спятил, так как они не верят в телепатические силы. Поэтому мне пришлось подняться в спальню для проведения эксперимента. Я положил две пары сломанных наручных часов и ложку на фотографию Ури. Одни часы начали тикать сразу же, а другие пошли примерно через 15 минут после окончания эксперимента. Я взглянул на ложку — она согнулась посередине. Теперь моя семья на знает, что думать».

* * *

Группа людей в Пенсильвании положила не менее 15 пар

сломанных часов на мою фотографию, и коллективным усилием они заставили ходить 4 из них, при этом согнув пару ложек и разломав пополам одну вилку. Одна женщина из Техаса вернула к жизни свои ходики с кукушкой. В Северной Калифорнии семидесятилетней даме удалось запустить шесть часов из одиннадцати, в том числе те, которые не ходили 35 лет. Но, пожалуй, больше всех преуспела психолог из Флориды, сообщившая, что стрелки всех ее одиннадцати старых часов двигались во время эксперимента и к тому же согнулся ключ. В одной семье телепатическим внушением починили радиоприемник, магнитофон и часы. В другой — четверо часов, освещаемое зеркало для макияжа и тостер.

Газета продолжила этот грандиозный эксперимент, предложив трем читателям из провинции Нью-Йорк и Нью-Джерси прийти в редакцию, чтобы встретиться со мной и показать свои способности при свидетелях. Всем троим удалось согнуть ложки под углом в 90˚. Две ложки продолжали гнуться сами по себе после того, как их положили на стол. А корреспондент газеты Томми Рейнхолд подтвердил, что все это время я не дотрагивался до них и даже не подходил близко.

* * *

Миссис Бонни Харнден прислала описание своих довольно любопытных впечатлений во время эксперимента:

«Я почувствовала сильный прилив энергии и покалывание, пронизывавшее меня с головы до ног. И с этого момента я твердо знала, что у меня все получится. Ручка ложки, которую я держала, действительно загнулась. А я сидела, смотрела на нее и никак не могла поверить, что это на самом деле произошло».

* * *

Телепатические эксперименты тоже принесли интересные результаты. Картинка, которую я нарисовал на небе, изображала простую лодку с мачтой и треугольным парусом. Из 855 читателей, приславших свои рисунки в редакцию, 64 человека нарисовали лодку, а еще 195 человек нарисовали отдельные части лодки и что-то относящееся к ней. Но самого удивительного успеха добилась 16-летняя девушка из Ла Миранды, штат Калифорния, которая произвела почти точную копию моего рисунка. Она рассказала о том, как это вышло:

«Я была одна на кухне, когда открыла газету с фотографией Ури Геллера, и еще ни о чем не успела подумать, как изображение парусной лодки буквально вспыхнуло в моем сознании. Сначала я не придала этому значения. Но образ лодки продолжал возвращаться ко мне, и через два дня я его отправила в газету».

Еще один массовый эксперимент подобного рода состоялся в Англии при помощи читателей газеты «Ньюс оф зе уорлд», которым предстояло 3 февраля 1985 года в 15.30, собрав вокруг себя столовые приборы и сломанные часы, соответствующим образом настроиться и сконцентрироваться на моей фотографии. А вот второй эксперимент мы решили изменить: вместо того чтобы попытаться повторить мой рисунок, читатели должны были определить, в каком месте я нахожусь в это время. Я выбрал Стоунхендж — древний каменный амфитеатр, построенный, по мнению специалистов, свыше трех тысяч лет назад. Это, вероятно, самое известное после Биг Бена место в Англии. Поэтому, конечно, не было ничего удивительного в том, что полторы тысячи читателей угадали совершенно правильно. Здесь могло быть простое совпадение. Тем не менее мы с журналистом Стюардом Уайтом были приятно удивлены и количеством точных ответов, и присланными в редакцию откликами. Вот как он написал об этом в газете от 10 февраля:

«Эффект Геллера начался прямо у стен Стоунхенджа. Когда Геллер начал концентрироваться в 15.30, три девушки проходили вдоль круговой ограды. Одна из них, 25-летняя Донна Смит, сказала мне: „У меня такое чувство, что Ури должен быть где-то здесь“.

Вытащив „Ныос оф зе уорлд“, она показала мне двое сломанных часов, прижатых к фотографии Геллера. Донна сказала: „Я собираюсь попробовать починить их, но, как вы видите, они не работают“. Буквально через минуту она закричала: „Боже мой, я не могу поверить, это невозможно!“

Обе пары часов начали тикать. Она уверяла нас, что они не работали целую вечность».

Похожие истории происходили по всей Британии. Одна из них произошла в поезде с хорошо известной ведущей музыкальных программ Энн Найтингейл. В ее версии события развивались следующим образом:

«У меня есть старые часы, которые после очередного ремонта соглашаются ходить только в том случае, если завести их на полный завод и затем долго трясти. Но все равно через некоторое время они снова останавливаются. Я постоянная читательница „Ньюс оф зе уорлд“ и решила проделать с ними этот эксперимент.

Часы были заведены до упора, но тем не менее не шли, когда я садилась в поезд. Сидя в вагоне-ресторане, я узнала время у мужчины, расположившего напротив меня. Он сказал, что уже 15.30, и я постаралась быстро сконцентрироваться. Я думала о фотографии Ури Геллера, держа часы в руке, и вдруг они пошли. Я горю желанием рассказать всем моим слушателям в ближайшее воскресенье о том, что часы и до сих пор продолжают работать. Это невероятно».

* * *

Увы, не все происходит гладко во время подобных экспериментов. Миссис и мистер Холт из Гайда описали удачный случай сгибания ножа, но, к сожалению, в то же время их стиральная машина вышла из строя и из нее полилась вода. До 15.30 она прекрасно функционировала, а затем категорически отказалась работать.

Журналисту Стюарду Уайту, надо сказать, и самому не повезло:

«Мой магнитофон и магнитофон другого корреспондента нашей газеты стали вдруг выделывать необъяснимые вещи. Мой самостоятельно выключился. А из другого в этот же момент абсолютно непостижимым образом вообще выскочила магнитная лента».

Он сделал вывод: «Кажется, нет ничего невозможного, когда рядом Ури Геллер».

Слава Богу, действие этих сил не всегда разрушительно. Во время интервью в оксфордской студии Би-би-си в ноябре 1986 года ведущий программы Дэвид Фримен достал маленький транзистор, который не работал, по его словам, двадцать лет. Несмотря на то что он только что вставил новые батарейки, радиоприемник не издал ни звука, только едва слышно потрескивал. Я пообещал, что постараюсь отремонтировать его. И слушатели программы стали свидетелями того, как я это сделал.

Еще один заслуживающий внимания положительный результат был зарегистрирован во время массового эксперимента, который я проводил для газеты «Сан» в 1987 году. Как сообщалось на первой полосе номера от 28 августа, «В Британии продолжались всеобщие „перегибы“, после того как Ури Геллер своей сверхъестественной силой вовлек миллионы читателей „Сан“ в гигантский эксперимент». В дополнение к обычному набору последствий — ложки и вилки гнулись, а сломанные часы начинали ходить — очень значительное событие произошло в

одной семье из Эшфорда, в который пятилетний мальчик с рождения не говорил ни слова. Итак, в 15.00 — время начала эксперимента — ребенок вдруг начал разговаривать со своей матерью. Какие лучшие доказательства могут быть относительно положительного влияния телепатического эффекта.

Так старый миф о Геллере продолжал существовать девять лет спустя после объявления о его полном разрушении. И здесь я должен сказать, что его существование вообще никогда не зависело от настроения популярной прессы. Наиболее важные и весомые заключения были сделаны в «качественных» изданиях, которые, несомненно, внесли свой вклад в развитие этой проблемы. Обзорные статьи обо мне печатались в «Саэнс ньюс», «Саэнс дайджест», «Попьюлар фотографи», «Нью са-энтист» и «Дер Шпигель», крупные статьи появлялись в «Бизнес уик», «Форбс», «Эсквайр», «Физике тудей», «Нэйче» и в журнале американской медицинской ассоциации «Тудейз хелс». Моя деятельность освещалась даже такими специальными изданиями, как журнал по защитной технологии «Комбат армс», в австралийском деловом журнале «Райджес» и «Компьютер уорлд», в приложениях ко многим ведущим газетам мира, начиная от «Уолл стрит джорнэл» до «Файненшнл тайме».

* * *

Я испытывал мучительное внутреннее противоречие накануне отъезда в Италию на первые публичные выступления вне Израиля в 1971 году. Дело в том, что этому предшествовала кошмарная история, связанная с широко распространенной поддельной фотографией, на которой я был изображен в компании Софи Лорен. Я уже писал подробно об этом инциденте, дав ему исчерпывающие, на мой взгляд, объяснения. Тем не менее мои противники продолжали бесконечно вспоминать этот случай как пример моей предполагаемой бесчестности. Поэтому я был искренне благодарен человеку, из-за которого, собственно говоря, и влип в эту переделку, но который в то же время нашел в себе мужество публично признать свою вину. 20 декабря 1985 года он сделал следующее заявление:

«Всем, к кому это может относиться!

Я, Рени Хирш, взявший в свое время на себя роль временного покровителя Ури Геллера, полностью отвечаю за создание фотомонтажа Ури Геллера и Софи Лорен и появление этой фальшивки в израильской прессе. Ури не имел ни малейшего представления об этом, до тех пор пока не увидел фотографию на

первой странице газеты. Я сделал это поле того, как Софи Лорен отказалась фотографироваться на встрече с Ури, которая действительно имела место. Что касается Ури, то если бы он знал заранее, то был бы, безусловно, против такого дурацкого фокуса. Я полностью осознаю ущерб, который нанес Ури в начале 70-х годов, и очень об этом сожалею.

Рени Хирш».

Спасибо тебе, Рени, за то, что ты соскоблил немного грязи с мифа Геллера. Разумеется, я встречался с Софи Лорен, которая очень благожелательно принимала меня у себя дома, но, к сожалению, отказалась фотографироваться у кого-либо, кроме своего личного фотографа, не оказавшегося в тот момент под рукой. Любая знаменитая актриса в ее положении поступила бы точно так же.

Я на всю жизнь запомнил эту историю не только из-за скандала — в день встречи с Софи Лорен я впервые осознал, что благодаря своим необычным способностям у меня открывается возможность войти в мир знаменитых и прекрасных людей.

Вскоре во время поездки по Западной Германии в 1972 году я использовал эту возможность на полную катушку. В Израиле не очень-то часто сталкиваешься со «сливками общества», и об их жизни я в основном знал по иллюстрированным журналам и знаменитым фильмам о Джеймсе Бонде, которые я очень любил и пересмотрел по нескольку раз.

Во время недолгого пребывания в Германии я не только подружился со многими замечательными людьми, но и пережил увлекательное любовное приключение с одной весьма значительной особой. Это случай преподал мне урок на всю жизнь.

У нее было все: она была сказочно богата, по-настоящему красива и имела очень большие связи. Она была в восторге от моих загадочных способностей, а я — от всего того, чем обладала она. Мне не пришлось тратить время на теоретическое изучение того, как веселятся люди из высшего общества в Западной Германии. Мы путешествовали на ее стареньком «Феррари» от одного сверкающего празднества к другому, и я встречал там всевозможных знаменитостей, включая двух моих кумиров — футболистов Мюллера и Беккенбауэра. Она возила меня в дорогие рестораны, где банками заказывала черную икру столь же небрежно, как я, бывало, просил стакан воды. А потом совала мне под столом пачки банкнот, чтобы все видели, что расплачиваюсь я.

Купаясь в ее плавательном бассейне под сопровождение

музыки группы Муди Блюз, нередко составлявшей нам компанию, и наблюдая за неторопливыми движениями слуг, готовящих очередное изысканное блюдо, я чувствовал себя новым членом очень избранного круга. Но, едва вкусив удовольствий и роскоши, я вдруг отказался от этого своего невольного членства. Вот как все это произошло.

Однажды она повезла меня в свой фамильный замок, который выглядел прямо как из сказки. И я не представлял себе, что люди могут жить в таких местах в реальной жизни, а не в диснеевских фильмах. Но ее семья жила там, и жила веками. Этот замок должен бы стать новой декорацией для нашего романа. Вместо этого поездка привела меня к финальному занавесу.

А виновато во всем оказалось мое пристрастие к спорту. В замке не было бассейна, зато нашелся старый пыльный стол для настольного тенниса. Я быстренько установил его с помощью одной из служанок. Но, как назло, мы нигде не могли найти ракеток. Служанка сказала, что когда-то они были на чердаке. Я вызвался пойти туда и поискать, пока она протрет стол.

С факелом в руке я поднялся по ступенькам и обнаружил то, что можно обнаружить на чердаке старинного замка: груды коробок, кромешную темноту и огромное количество пыли. Я посветил факелом во всех направлениях, но не увидел ничего похожего на теннисные ракетки.

Один угол чердака, на беду, привлек мое внимание. Там были всевозможные регалии: медали, обмундирование, трофеи и несколько фотографий в рамках. Я наткнулся на маленький музей третьего рейха. Приглядевшись к одной из фотографий, я разглядел двух мужчин и девочку, сидящую у одного из них на коленях. По возрасту она как раз подходила к теперешней моей знакомой, а один из мужчин, судя по всему, был ее отец. И совершенно никаких сомнений не было в том, кто второй мужчина.

Как описать чувство израильтянина, который обнаруживает, что живет под одной крышей с человеком, имеющим отношение к подобным вещам? Она ни в чем не была виновата и не могла отвечать за то, что сделал ее отец, получая при этом награды из рук хорошего друга — фюрера. Она принадлежала к новому поколению обновленной и изменившейся страны, которая тепло приняла меня и помогла сделать имя. Мне не хотелось копаться в темном прошлом, но, как бы то ни было, настало время двигаться дальше.

Я позвонил капитану Эдгару Митчеллу и сказал, что готов выехать в США. Именно он и Андриа Пухарич были главными инициаторами и организаторами моей поездки в Америку. Но кто

знает, когда бы я туда выбрался, если бы не эти случайно обнаруженные мной фотографии.

Этот эпизод научил меня тому, что на чердаках даже самых уважаемых членов общества независимо от того, насколько они богаты и знамениты, можно порой найти то, что они хотели бы скрыть от посторонних глаз. Это заставило меня быть осторожным даже с прекрасными людьми. Тем не менее я должен честно признаться, что, по мере того как я сам становился человеком респектабельным, мне все больше хотелось, чтобы все об этом знали. И вот в какой-то момент я стал таким же азартным транжирой, каким раньше был обжорой. Для начала мне пришлось заиметь изготовленный по спецзаказу «Кадиллак», разумеется, для того, чтобы показать своим друзьям, чего достиг. Затем мне пришлось приобрести золотые часы фирмы «Ролекс», бумажники и кейсы фирмы «Гуччи», шелковые рубашки по сто фунтов стерлингов каждая, около двухсот галстуков «Гермес», которые никогда не надевал, и так далее вплоть до носков ручной работы. Я завалил все углы своей квартиры дорогими подарками себе самому и Ханне, делая их точно, с такой же ненасытностью, с какой пожирал плитку за плиткой швейцарский шоколад во время периода моего обжорства. К счастью, мое транжирство окончилось так же внезапно, как и обжорство, но на сей раз уже не по моей инициативе.

В 1979 году я наконец женился на Ханне, с которой знаком был уже почти двенадцать лет, с той самой поры, как мы впервые встретились, когда я выздоравливал от ран, полученных во время Шестидневной войны 1967 года. Мне кажется, мы были словно помолвлены каким-то провидением, хотя никто из нас никогда не заводил разговоров о свадьбе. Все произошло само собой естественно и просто, а главное — вовремя. Я стал уставать от суеты, от беготни из аэропорта в гостиницу, оттуда на телестудию или в театр, а потом снова в гостиницу и снова в аэропорт, чтобы летать куда-то еще и прокручивать весь этот круг заново. Я стал терять связь с нормальной жизнью и простыми вещами, которые всегда так были важны для меня. А кроме того, я терял связь с самим собой и мне просто жизненно необходимы были уединение и покой.

Свадьба была очень простой и скромной — без публичного оглашения и многочисленных гостей. Я сразу понял, что у меня самая великолепная жена на свете.

Однажды, где-то на юге Франции, мы проходили мимо одного из самых дорогих и роскошных магазинов, напичканных всевозможными штучками от Пьера Кардена, Ив Сен-Лорана и т. д. и т. п. Я вдруг решил, что нам нужен чемодан, и мы зашли

внутрь. Я попросил великолепный чемодан, изготовленный фирмой «Гуччи», затем еще один, потом другой и так до тех пор, пока не скупил чемоданы всех размеров, которые были в магазине.

Ханна взглянула на меня открыто и застенчиво, как свойственно ей. «Зачем мы покупаем все это? — спросила она. — Только для того, чтобы все увидели нас в аэропорту с дорожными чемоданами „Гуччи“? Кому и что ты хочешь доказать?»

Я взглянул на нее, и вдруг мы оба дружно рассмеялись. Больше ничего не нужно было говорить. Так закончился мой «покупательный» кутеж. Отныне мы дарили друг другу простые, недорогие подарки ко дню рождения. Я носил мои любимые рубашки с короткими рукавами до тех пор, пока они откровенно не изнашивались. Мне больше ничего и никому не нужно было доказывать. Я езжу на своем «Кадиллаке» 1976 года и сегодня, десять лет спустя, и за это время накатал лишь 26 тысяч миль пробега (сам пробежал за те же годы наверняка больше).

После десяти лет почти непрерывных выступлений я чувствовал себя измотанным, изношенным человеком. Мне хотелось отгородиться от всей мышиной возни и раствориться в своем мирке, где мы с Ханной могли бы обосноваться и начать нормальную семейную жизнь. Я был достаточно обеспечен, чтобы провести остаток своей жизни не работая. Теперь я мечтал вернуться в свою скорлупу и хоть ненадолго испытать душевный покой. К тому времени я уже приобрел несколько домов в небольшом квартале в Мехико, квартиру в Тель-Авиве, загородный домик в Японии, похожий скорее на кирпичную хижину, чем на привычный дом, и тайное укрытие в Европе. Кроме того, у меня были дом и квартира в Нью-Йорке и Коннектикуте, которые я купил для своей матери. Мы с Ханной попеременно жили то там, то здесь, жили комфортабельно, но просто. Ежедневные занятия бегом, плавание и хорошая доняя пища благостно отразились как на физическом, так и на душевном состоянии. Я какое-то время держался на особой вегетарианской диете и, обнаружив, насколько положительно влияет она на мои телепатические способности, поклялся остаться верным ей навсегда. И поскольку Ханна вскоре стала лучшим вегетарианским кулинаром в мире, мне совсем не трудно было выполнить свою клятву.

Когда Колин Уилсон колесил со мной по Испании, собирая материал для своей книги «Феномен Геллера», опубликованной затем в 1976 году, он как-то предрек мне, что следующим этапом моей жизни станет глубокое самоизучение. В то время я даже не задумывался об этом. Но он оказался совершенно прав.

Я, разумеется, не стал полным отшельником. Время от времени выступал в телевизионных шоу, давал газетные интервью и заключал деловые соглашения, некоторые из которых я уже описывал. Но теперь я радовался тому, что их стало меньше, а перерывы между ними — больше. Диву даюсь, как некоторые звезды сцены, такие, например, как «Роллинг стоуне», могут вести свою бешеную гонку уже в течение двадцати с лишним лет. Мне за глаза хватило и тех пяти-шести лет знаменитости, проведенных в таком темпе.

Самый печальный день в моей жизни настал 22 октября 1979 года. Мы с Ханной совершали обычную пробежку вокруг футбольного поля на Вилла Боргезо в Риме, когда моя секретарша примчалась из нашего отеля с трагическим известием о том, что несколько часов назад в Тель-Авиве скончался мой отец.

Странно, но я ничего не почувствовал в тот момент, когда он уходил из жизни, хотя за три года до этого мне снилось именно то место в комнате, окна которой смотрели на Средиземное море, где он так долго болел и умер…

Я заранее знал, что Ханна родит мне сына и дочь, именно в том порядке. В больнице в Нью-Йорке специалист, проводивший Ханне сканирование во время беременности, сказал нам, что скорее всего родится девочка. Но я знал, что он ошибается, и сказал об этом. Вскоре пришла пора вести Ханну в больницу. По дороге я включил радио и услышал голос Элтона Джона, поющего песню «Даниэль». Мы восприняли это как хорошее предзнаменование.

Тем не менее роды были трудные. Когда мы с Шипи с нетерпением ждали в больнице, ко мне подошел врач и сказал, что если Ханна вот-вот не начнет рожать сама, ему придется делать кесарево сечение. Позднее я узнал, что причина затруднения состояла в так называемой проблеме отрицательного резус-фактора, то есть, иными словами, кровь Ханны оказалась несовместима с кровью Даниэля. Мне сказали, что это может привести к болезни ребенка, а иногда даже к его смерти.

«Если есть какая-то возможность применить ваши способности, — сказал врач, — то сейчас самое время для этого».

Я сконцентрировал настолько сильно, насколько мог, и закричал: «Откройся! Откройся! Откройся!»

Из-за двери выглянули головы любопытных, заинтересовавшихся тем, что происходит. «Просто очередной заждавшийся будущий папаша, — должно быть подумали они. — Они иногда ведут себя очень странно».

Спустя пять минут доктор Масуд Катами — врач, принимавший роды, — вышел ко мне и сказал: «Боже мой, Вы

сотворили чудо!» «Большинству детей резус-фактор приносит много неприятностей, — сказал он корреспонденту из нью-йоркской „Стар“ в интервью 31 марта 1981 года. — Но Даниэль был действительно в прекрасной форме. Меня это сильно удивило». Он не собирался прямо говорить, что мои способности как-то повлияли на ход событий, но тем не менее косвенно признал это. «Это было похоже на чудо, — добавил он, — мы встретились с довольно редким и удивительным случаем».

Со вторым «чудом» он столкнулся двумя часами позже, когда Ханна уходила из больницы с ребенком на руках, написав расписку о снятии ответственности с администрации в связи с ее столь необычным ранним уходом.

Позже Ханна вспоминала забавный эпизод, который произошел с ней в Израиле задолго до нашей свадьбы. Она шла на вечеринку со своими друзьями из родного городка Дживатаима. Шел сильный дождь, и ей пришлось перепрыгивать через огромную лужу, образовавшуюся вокруг решетки водостока. Один из ее друзей заметил темный предмет, застрявший в решетке, и попросил Ханну посмотреть, что это. Она выловила из лужи пластинку с записями Элтона Джона песни «Даниэль».

Конечно, бывают разные совпадения. Со мной они случаются гораздо чаще, чем можно было бы ожидать. Бывают среди них и самые обычные. Например, в 1985 году я обратился в две разные конторы с просьбой позаботиться о продаже квартиры и дома моей матери. Квартиру купила женщина с напевной корейской фамилией Хонг, и почти одновременно дом был продан другим агентом человеку с такой же, согласитесь, довольно необычной фамилией. Другие совпадения более необычны. Возьмите хотя бы случай с Питером Стерлингом, который в апреле 1985 года прилетел из Австралии в Лондон, чтобы обсудить со мной одно важное дело.

Он велел своей секретарше заказать номера в гостинице для себя, жены и троих детей. Та, разумеется, много раз делала это раньше и как обычно позвонила в гостиницу, где они всегда останавливались. Все номера были заняты. Тогда она обратилась в другой отель. Тоже все занято. По всей видимости, в Лондоне проходила какая-то крупная конференция.

Секретарша терпеливо продолжала искать гостиницу и сделала более двадцати звонков, прежде чем смогла найти подходящие места для семьи Стерлингов в гостинице, где они никогда прежде не останавливались. Так получилось, что у нее не оказалось моего адреса.

Через несколько дней Питер позвонил мне и сообщил, что он в городе и собирается подъехать ко мне. *Я* дал ему адрес дома, по

которому находилась моя квартира. Вход в него располагался по боковой улице, и ее название было ему незнакомо. *Я* заверил Питера, что любой лондонский таксист знает дорогу и охотно довезет его.

Через пять минут раздался звонок в дверь. Как выяснилось, Питер вышел из своей гостиницы, остановил проезжающее такси, забрался в него и, только после того как машина тронулась, дал водителю мой адрес. Водитель тотчас развернулся на 180 градусов и высадил его на том самом месте, где Питер поймал машину.

В телефонном справочнике Лондона около 850 гостиниц, и, может быть, это тоже чистая случайность, что его секретарша нашла ближайшую к моему дому гостиницу, расположенную буквально в соседнем здании, только с другим названием улицы и другим телефонным коммутатором. Так или иначе, визит Стерлинга был очень запоминающимся. А вот как описывает еще одно происшествие жена Питера, Мерлин, его, по-моему, уже сложнее назвать простой случайностью:

«Питер попросил Ури согнуть большую монету, чтобы привезти ее в Австралию и показать маловерам и скептикам. Мы обошли несколько магазинов и вернулись с изумительным серебряным совереном 1890 года выпуска. Монета обошлась нам в 25 фунтов стерлингов. На одной стороне была изображена королева Виктория, а на другой-святой Георгий с драконом. Монета была увесистой — три миллиметра толщиной и четыре сантиметра в диаметре. Эддон (Берд), коллекционер старинных монет, сказал8 что, по его мнению, она слишком хороша, чтобы ее гнуть. Это не остановило Питера, и он отдал соверен Ури, пообещавшему постараться выполнить его просьбу».

Мерлин дальше подробно описывала, как мы все ходили в индийский ресторан, где бурно обсуждали возможности телепатических сил. А под конец рассказала, как они с Питером зашли ко мне попрощаться накануне своего отъезда:

«Уходя Питер спросил Ури, удалось ли ему согнуть монету. Ури сказал: „Нет, где она? Я сейчас это сделаю“. Мы втроем стали ее искать. Ури выглядел расстроенным и озабоченным. Он взял свой пиджак и проверил все карманы. И тут он вспомнил, что забыл наш соверен в ресторане. Мы стояли в прихожей и обсуждали потерю монеты, как вдруг сильный шум в кухне напугал нас, он был похож на звук разбившегося стакана.

Мы бросились на кухню узнать, что это было, но там никого не было, а вход был только со стороны прихожей, так что мы бы видели, если бы кто-то входил и выходил. Питер и Ури быстро осмотрели помещение и, не заметив ничего необычного,

вернулись ко мне озадаченные.

Я же под действием какой-то невидимой силы вдруг направилась прямо к раковине — в ней лежала согнутая монета.

Мужчины подбежали ко мне, и мы все запрыгали от радости по поводу внезапного и столь чудесного возвращения монеты. Я помню, Ури посмотрел на нее и сказал: „Хорошо, что она уже согнута. Теперь мне не нужно этого делать“».

Глава 11. Восстановление репутации

В 1984 году я получил приглашение от Денни Шалема, одного из ведущих израильских импресарио, на четыре сценических выступления. Стоило все хорошенько обдумать, прежде чем решиться его принять. Пять лет моего добровольного самоотречения от публичных выступлений укрепили меня психологически так же, как физически и духовно. И теперь я был готов встретиться с моими соотечественниками — впервые за 12 лет. Кроме того, это была хорошая возможность для Ханны провести хоть немного времени со своими родителями. Ну и, наконец, мне хотелось показать Израиль Даниэлю и его маленькой сестренке Натали, которая родилась в 1983 году.

Тем не менее я знал, что могут возникнуть проблемы. Как сказано в Библии, «никакой пророк не принимается в своем отечестве» (Евангелие от Луки, гл. 4, строфа 24). А в израильском характере, надо признать, есть еще одна маленькая червоточинка, вызывающая зависть к любому, кто завоевал успех за границей. Я не хочу сказать, что таких людей, как музыканты Ицхак Перльман и Пинхас Цукерман, актер Топол и режиссер Менахем Голан, не принимают у себя на родине, но я неоднократно уже испытал ощущение отчуждения и знал, что такое бывает по отношению не только ко мне, но и ко многим другим известным израильтянам, добившимся славы или удачи где-то за рубежом. Не могло не волновать и то, как отреагирует на мои демонстрации новое поколение, и то, что подумает обо мне старшее поколение.

Меня все еще мучили некоторые сомнения и тогда, когда самолет уверенно проскрежетал по взлетной полосе аэропорта Тель-Авива. Но через несколько минут я понял, что не стоит беспокоиться. Хотя моя официальная пресс-конференция была назначена на следующий день, вся израильская пресса пришла меня поприветствовать.

«Какие чувства испытываешь, когда возвращаешься домой героем?» — спросил меня один репортер. Я был так ошарашен вопросом, что не помню своего ответа.

Он задал тон всей пресс-конференции, придав совершенно другой оборот и остальным средствам массовой информации, которым Денни Шалем объявил, что все билеты на оба моих представления в трехтысячном зале Манн-аудиториум в Тель-Авиве, так же как и в залах Иерусалима и Хайфы, уже проданы. Корреспонденты, к моему удивлению, обращались со мной как с героем-победителем и не задали ни одного недоброжелательного вопроса. Я недоумевал, что же случилось со всеми моими

хулителями, которые буквально из кожи лезли вон, чтобы уничтожить меня 14 лет назад.

Если верить сообщению в прессе, десять ведущих фокусников страны заняли места в первом ряду во время моего представления в Тель-Авиве. Без сомнения, они надеялись подловить меня на использовании трюков из их привычных арсеналов. Если так, то можно представить себе их удивление, когда они увидели, что у меня явно ничего не спрятано «в рукавах», тем более что рукавов у меня вообще не было. Впервые в жизни я делал то, чего, уверен, никогда не видела публика в Манн-аудиториум, да еще облачившись в рубашку с короткими рукавами и в теннисные шорты!

После представления, которое прошло прекрасно, ко мне в гримерную зашел очень неожиданный посетитель. Это был Ронай Шачни, президент израильского Общества содействия искусству магии, который незадолго до этого довольно резко критиковал меня, увидев в телепрограмме. Очевидно, он изменил свое мнение, так как первыми словами его, сказанными мне, были: «Ури, я снимаю шляпу перед вами. Вы выступили потрясающе». После этого он подарил мне медальон с гербом их общества. Зачем он мне его дал? Считал ли он меня величайшим иллюзионистом или все же настоящим телепатом?

Денни Шалем договорился со мной лишь о четырех выступлениях. Но спрос был так велик, что дело закончилось тридцатью. К тому времени, когда я вылетал в Лондон в феврале 1985 года, у меня скопилось 113 газетных вырезок обо мне из всех ведущих израильских газет и журналов и 99 % из них были положительными. Я взял их с собой. Израильтяне могут гордиться своими возвращающимися знаменитостями.

Один человек, чей вклад я особенно ценил, был Ури Авнери — владелец и издатель популярного еженедельника «Хаолам Хазе». В этом журнале 20 февраля 1974 года была помещена огромная обзорная статья обо мне, которая, как выразился один из моих критиков, «создана для того, чтобы навсегда положить конец карьере мистера Геллера». Она целиком и полностью состояла из вымышленной и лживой информации, включая «интервью» с моими родителями, которое они никогда не давали, пространные и недвусмысленные заявления Ханны, из которых она не произнесла ни единого слова, и ничем не подтвержденные утверждения, что Шипи якобы помогал мне, делая знаки из зрительного зала.

Поскольку эта статья была сфабрикована самыми ярыми моими недоброжелателями и впоследствии на нее ссылались так часто, как будто она была научно обоснованным разоблачением

моего мошенничества, а не типичным примером второсортной сплетни, мне особенно приятно привести здесь несколько отрывков из колонки «Личный дневник мистера Авнери», помещенной в газете 21 ноября 1984 года и основанной на его наблюдениях и впечатлениях его жены Рахиль.

«Верите ли вы в телепатию? Что значит верите? Я живу с ней бок о бок», — начал он. Его жена, как он пояснил, умела «красть» его мысли еще до того, как он их произносил. «Вот почему я хотел встретиться с Ури Геллером. Мне было интересно, что происходит, когда встречаются два телепата?»

Он немного рассказал о том, как мы встретились у него дома, заметив, что я пришел один специально, чтобы встретиться без посторонних с ним и его женой. Шипи, моего знаменитого «сообщника», в то время в Израиле не было. Он уехал по неотложному делу в Европу и должен был вернуться только к концу моих выступлений. Мистер Авнери подметил и то, что я не ношу часов. (Местный специалист по компьютерам Джозеф Аллон много лет утверждал, что я пользовался часами для того, чтобы в их отражении видеть рисунки, которые делаются у меня за спиной.)

«Вдруг он (Ури) попросил у меня ложку. Он взял ее и начал нежно поглаживать — через несколько секунд ложка стала медленно загибаться вверх. Ури положил ее на стол и оставил в покое, а она продолжала сгибаться у нас на глазах до тех пор, пока не согнулась на 90°.

Затем Ури попросил меня нарисовать что-нибудь. Он закрыл глаза, а я держал бумагу так, чтобы ему не было видно рисунка. Я нарисовал пароход с тремя трубами. Он тоже что-то нарисовал, но потом, казалось, сдался. „Я точно не знаю, что там у вас, — сказал он. — Я не совсем уверен“.

Он показал мне свой рисунок. Там тоже был корабль, но вместо моих труб были нарисованы три иллюминатора».

«После этого, — продолжает мистер Авнери, — я попросил Ури провести эксперимент с моей женой. И он предложил ей задумать название столицы любого государства. Я сам решил присоединиться.

У меня не было ручки, поэтому я пошел в другую комнату, нашел ручку и написал слово „Токио“ в своей записной книжке. Ури спросил Рахиль, какой город она выбрала? И она сказала: Москва. „Нет, — сказал Геллер, — значит, я ошибся“.

Я расспросил свою жену, и она призналась, что тоже получала сигнал: „Токио“, но, несмотря на это, решила написать „Москва“. Итак, я не верю в телепатию. Но тогда я не верю и в электричество. Я не верю, что кто-то может сидеть в Лондоне, а я

сижу здесь в Тель-Авиве и слышу его, хотя нет никакого провода, связывающего нас. Абсурд, не правда ли?»

Так или иначе, «Хаолам Хазе» в прошлые годы всеми силами старалась нанести ущерб моей репутации, поэтому я был несказанно удивлен телефонному звонку от ее бывшего редактора Эли Тавора через некоторое время после моей встречи с издателем газеты. Он пришел ко мне в гостиницу и, казалось, хотел загладить свою вину за нападки на меня, которые велись его изданием в начале 70-х годов. Он сделал несколько весьма примечательных признаний о том, как выпускалась газета в то время.

Он не помнил, кто написал эту злополучную статью 20 февраля 1974 года, но не стал отрицать, что вполне возможно, что автор сам ее состряпал, никогда не встречаясь ни с моими родителями, ни с Ханной. Это было вполне в их духе писать статьи, основанные на чистой выдумке.

Сам он тогда искренне верил во всю чепуху, которую печатал обо мне. Его скептицизм, добавил он, во многом был вызван давлением со стороны других людей. Теперь, однако, весь его скептицизм был направлен против своего собственного бывшего отношения ко мне, которое, по его признанию, было предвзятым. Позже он подтвердил сказанное в письме от 20 января 1986 года.

«Я изменил свое мнение о вас, — писал он. — Сегодня я убежден, что вы обладаете уникальными способностями, позволяющими вам проделывать трюки, которые я не в состоянии объяснить».

В начале поездки со мной произошло одно из тех дурацких совпадений, которые часто случаются со мной, когда я еду куда-то. Началось все в аэропорту Цюриха, где я стоял в очереди на таможенный досмотр у стойки, предназначенной для пассажиров компании «Эл-Ал».

Я, как обычно, немного поболтал с человеком, стоявшим рядом со мной в очереди. Но после досмотра больше его не видел. Через неделю, когда у меня выдалось свободное утро, я решил совершить сентиментальную прогулку по тем местам Тель-Авива, которые помнил с детства. И конечно, пришел туда, где был мой первый дом.

Я почувствовал острое, почти непреодолимое желание войти внутрь и, поднявшись по ступенькам, постучал в дверь. Мужчина, который открыл дверь, был не меньше меня удивлен, увидев меня. Это оказался тот самый мой попутчик по аэропорту.

Он пригласил меня зайти в дом, и я показал ему место на балконе, где на цементе двадцать лет тому назад было нацарапано мое имя. Оно и до сих пор там.

Тем временем мое изнурительное турне по Израилю продолжалось, и одно из представлений проходило в городе Беершеба. Хотя все билеты были раскуплены заранее и вечер прошел очень успешно, он напомнил мне об одном неприятном инциденте, происшедшем в этом городе четырнадцать лет назад.

В декабре 1970 года я дал свое первое представление в Беершеба. Я не могу вспомнить ничего особенного о том выступлении, таких у меня были тысячи. Но вскоре после него студент по имени Ури Голдштейн заявил, что его ввели в заблуждение афишей, на которой была дана реклама представления. Афиша обещала демонстрацию телепатических сил, а, по мнению студента, в действительности на сцене было показано обыкновенное колдовство. Поэтому он направился в местный суд и подал иск на организаторов моего турне — фирму «Со-лан» и, конечно, на меня.

Суд заслушал и поддержал его иск, выплатив ему компенсацию в размере цены билета плюс судебные издержки, что вместе составило несколько американских долларов. Представители фирмы «Солан» присутствовали на суде, я же вызван не был и об этом случае узнал из газеты, которая сообщала, что кто-то из зрителей выплатил этот штраф, а в конверт с квитанцией об уплате добавил короткое ироническое послание и все это отправил в суд. Текст этого письма можно целиком найти в книге Джона Уилхелма «В поисках супермена», в которой он, правда, ошибочно указывает, что оно было послано мной.

В связи с этим конфликтом у меня возникли некоторые вопросы, которые я решил прояснить, ознакомившись с подробностями этого дела в 1984 и 1985 годах. И надо сказать, что я проверял их гораздо тщательнее, чем это сделал бы любой из моих критиков. В конце концов, я смог получить документальное свидетельство того, что иск был рассмотрен в мое отсутствие. Для тех, кто хочет проверить, регистрационный номер дела 3772/70.

Для того чтобы убедиться, не навесили ли на меня за эти годы еще каких-нибудь преступлений, которые я, разумеется, не совершал, мне пришлось потребовать специальное заключение Национального управления расследований израильской полиции. Оно датировано 2 декабря 1984 года и гласит: «По вашему запросу присылаем ваш лист обвинений». В нем указано мое имя, фамилия, дата рождения и внизу вписана еще одна-единственная строчка: «Никаких преступных действий не зарегистрировано».

Я никогда раньше не отвечал ни одному их моих персональных критиков. Но тем не менее провел тщательные

исследования, чтобы изучить наиболее настойчивых из них, используя при этом информацию службы новостей, рассказы репортеров, сведения, полученные через частных сыщиков и адвокатов в Северной, Центральной и Южной Америке, в Японии, Европе и Израиле. Все они, помогая мне, действовали исключительно в рамках закона, в полном соответствии с Актом о свободном обмене информацией.

Этого, увы, нельзя было сказать о моих противниках. Один из них, например, пытаясь инкриминировать мне в 1985 году невыплату налогов, заполнил фальшивую декларацию о доходах на мое имя («1099») и представил ее Внутренней службе по государственному налогообложению США. При этом ему откуда-то была известна точная сумма, полученная мной за очередное заморское турне. Но к его великому огорчению, я в этом не сомневаюсь, я не подлежал к уплате налогов в США, потому что никогда не был постоянным жителем.

Так или иначе, у меня скопилось огромное количество разной документации из газет, журналов, радио и телевизионных программ, пресс-конференций и частных бесед. Многие свидетельства я получал из совершенно неожиданных источников и, конечно, благодарен всем своим добровольным помощникам, большинство из которых я даже не знаю, за то, что они помогли мне собрать такой ценный архив. Когда я недавно переезжал из своего дома, то взвесил все это хозяйство и оказалось, что его вес составляет уже около 100 килограммов.

Мне жаль этих «охотников за ведьмами», как я называю своих недоброжелателей, хотя, с другой стороны, нужно сказать им большое спасибо за то, что они в течение последних 15 лет совершенно бесплатно вносят неоценимый вклад в создание и упрочнение мифа Геллера.

Я заметил любопытную вещь и с годами все чаще в ней убеждаюсь — когда таких людей, как я, обвиняют обмане, то обвинение это принимается всеми на веру, без всяких доказательств, каким бы сомнительным ни был их источник. Разоблачения эти подхватываются даже теми людьми, которые по своему профессиональному долгу должны были бы предварительно проверить все факты, во всем как следует разобраться. Я говорю прежде всего об ученых. Но, разумеется, и не только о них.

Вот недавний пример того, как это все делается. В январе 1986 года мне позвонил из США мой приятель и сказал, что Рассел Тарг только что публично разоблачил меня как плута, обманщика и даже вора. В подтверждение он привел небольшую цитату из этого нелепого обвинения, высказанного якобы во

время официальной встречи.

Все это настолько не походило на манеру Рассела, которого я прекрасно знал, что я тут же позвонил ему, чтобы из первых рук получить информацию о том, что же в действительности произошло на упомянутой встрече.

«Это фальшивка, сфабрикованная от первого до последнего слова», — сказал он. Тарг и в самом деле был на такой встрече, где сказал лишь о том, что у него лично никогда не было удачных опытов по сгибанию металлических предметов, что было истинной правдой. И он об этом уже не раз писал. Все остальное было просто клеветой, перед которой и в этом случае не остановились мои неугомонные ругатели.

Странно и другое — результаты лабораторных, контролируемых экспериментов, обработанные и проанализированные учеными, в том числе и психологами, и затем опубликованные в серьезных и уважаемых научных изданиях, почему-то производят значительно меньшее впечатление на моих критиков, чем скандальные, клеветнические измышления в популярной прессе.

Не менее удивительно и то, что некоторые люди не хотят верить даже в очевидное, в то, что они видят собственными глазами. Или, поначалу поверив, затем под давлением других меняют свое мнение.

Профессор Джон Тейлор, как вы, наверное, помните, попросил меня сделать несколько экспериментов в его лаборатории, основанных на различных видах сгибания металлических предметов. Все опыты были зафиксированы приборами и подробно описаны самим Тейлором. И вдруг через некоторое время он заявил, что, судя по всему, я мошенник, только на основании того, что я не согласился повторить их еще раз в условиях, предложенных для ужесточения контроля каким-то фокусником. А отказался я, потому что понял: это процесс бесконечный, сделаю все я во второй раз — кому-то опять покажется, что система контроля была не достаточной, и он предложит свою — третью. И так далее.

Немало людей, упоминавшихся в этой книге, страдают недугом, который Брайан Инглис называет «оборотничеством». Иными словами, встречаясь со мной, они говорят одно, а у меня за спиной — совершенно иное. В 1986 году газете «Мэйл оф санди» удалось собрать высказывания самых знаменитых из них — бывшего президента Картера, Генри Киссинджера, Клифа Меннела, Хорхе Луиса Серрано, представителей корейского министерства обороны. Что я могу сказать обо всем этом? Пожалуй, только то, что это наводит меня на мысль о

существовании во мне еще одного дарования — способности вызывать в людях полную или частичную потерю памяти.

По счастью, иногда у таких людей наступает и прозрение, они вдруг вновь начинают вспоминать все, как было на самом деле. Я уже упоминал о статье в «Нью саэнтист» от 6 апреля 1978 года, где было торжественно объявлено о полном и окончательном разрушении мифа о Геллере. Человек, чьи свидетельства были положены в основу этой публикации, — бывший менеджер Яша Кац, с которым я расстался в 1974 году из-за того, что меня перестали устраивать финансовые условия нашего контракта. Это в общем-то извечная проблема, рано или поздно возникающая между исполнителем и его антрепренерами.

Отдельные высказывания Яши были помещены в журнале «Скептикал инквайер» в 1978 году. Самое злобное и изощренное из них состояло в том, что якобы мы с Шипи, скрываясь от израильских властей, нашли убежище в Мексике, которая не имеет с Израилем договора о выдаче политэмигрантов. И еще, что мы разыскиваемся военной разведкой в связи с уклонением Шипи от службы в армии. Полная чепуха. Да если бы кто-то из нас и в самом деле разыскивался, то теперь было самое время схватить меня, ведь мой приезд в Израиль в ноябре 1984 года широко анонсировался всеми газетами. Я ежедневно появлялся на сценах всех крупнейших городов страны, и мои выступления были хорошо разрекламированы. Ну и, наконец, я провел несколько пресс-конференций, на которых каждый мог задать интересующий его вопрос. Что касается Шипи, который присоединился к моему турне чуть позже, то он также был доступен всем желающим задавать ему любые вопросы…

Представьте себе мое удивление, когда вскоре после прибытия в Израиль *я* прочитал в газете «Ма'Арив» от 9 ноября 1984 года, что Яша заявляет сейчас следующее: «Я никогда не утверждал, что он шарлатан». Это по отношению ко мне. Еще больше я удивился, услышав о том, что он хотел помочь мне в организации турне и что в рекламной афише его имя находится рядом с именем Денни Шалема.

Я встретился с Яшей и объяснил ему, что готов простить его за нанесенные мне в прошлом обиды, но тем не менее хочу восстановить справедливость. Вот небольшой отрывок из данных им в присутствии адвоката Моше Бен-Хаима письменных показаний, подписанных 10 декабря 1984 года:

«Я знаю Ури Геллера с 1971 года. Подтверждаю, что вся информация, данная мной в 1977 году о нем, его родственниках и о господине Штранге, не имеет под собой реальной основы и по сути своей была ложной. Признаюсь, что все сказанное мной

тогда было следствием финансовых разногласий между нами. Мне казалось, что Геллер должен увеличить процент моего долевого участия в прибыли от выступлений.

Специально хочу отметить тот факт, что люди, заинтересованные в нанесении вреда Ури Геллеру, нашли меня в 1977 году и вынудили сделать заявление, направленное против него. Под их нажимом я согласился и оклеветал Ури Геллера, сообщив прессе недостоверную информацию.

Это неправда, что Ури Геллер выехал в Мексику в поисках убежища из-за того, что его искали израильские власти. Насколько мне известно, никаких розысков не было. Не было и причин для их возбуждения.

Ложью являются и мои слова о том, что Геллер плут и мошенник, который обманывает зрителей, когда выступает на сцене или вне ее. Неправда и то, что в обмане каким-то образом помогал ему и я сам.

Еще раз хочу отметить тот факт, что люди, желавшие во что бы то ни стало навредить Ури Геллеру, незаконным способом использовали меня для клеветы на этого человека».

Похожая история произошла у меня и при встрече со своей бывшей подружкой Айрис Давидеско, с которой мы также пришли к примирению после ее хотя и не публичного, но вполне меня удовлетворившего объяснения. «Я любила тебя, Ури, — сказала она, — и была очень обижена, когда ты меня бросил. Чтобы как-то отомстить, сделать тебе больно, я стала говорить о тебе то, что хотели услышать твои недоброжелатели. Ни на что большее я оказалась не способна».

В феврале 1985 года я уехал из Израиля, предельно изможденный, как физически, так и душевно. Это было, наверное, самое изнурительное турне в моей жизни. И я даже дал клятву, что никогда больше не соглашусь на такую насыщенную программу. Но, несмотря на все это, мне, конечно, было очень приятно, что меня так тепло принимали дома, что мне удалось помириться со многими людьми, с которыми в свое время развела меня судьба.

Жизнь полна совпадений, и, похоже, чаще всего они подстерегают меня в аэропортах и самолетах.

Я стоял в зале ожидания в аэропорту Тель-Авива, когда заметил смотрящего на меня и улыбающегося мужчину примерно моего возраста. Я сперва подумал, что он просто узнал меня по выступлениям, и вежливо кивнул ему головой. Тут нас позвали на посадку, и вскоре мы уже взлетали. Едва погасла надпись: «Пристегните ремни!» — я вдруг почувствовал легкий шлепок по плечу. Обернувшись, я увидел того мужчину из зала ожидания,

сидевшего, как теперь выяснилось, прямо сзади меня.

Ури, — обратился он ко мне. — Посмотри на меня внимательно. Не узнаешь?

Да, я видел вас в аэропорту, — сказал я.

— Еще раз посмотри, ну, неужели ты не помнишь меня?

Лицо его казалось мне смутно знакомым, но я по-прежнему терялся в догадках.

Если бы не я, ты не летел бы сейчас на самолете.

Что вы имеете в виду?

Неужели ты не помнишь, как ты едва не утонул, когда тебе было десять лет?

Ави! — воскликнул я. — Ну, конечно, теперь я тебя вспомнил!

Я тогда учился в киббуце в Хадзоре неподалеку от Ашдода и однажды вместе с другими ребятишками пошел купаться на море. Я тогда почти не умел плавать и, конечно, понятия не имел, какое сильное там подводное течение и что делать, если вдруг попадешь в него. Так со мной и произошло. Я так испугался, что в ужасе вцепился в парня, который был ко мне ближе всех. Это и был Ави. Я едва не утащил его за собой вниз. Но, к счастью, он оказался сильнее меня и был хорошим пловцом. Ему удалось вытащить меня на пляж. И он, разумеется, был прав, говоря, что я вряд ли сейчас летел бы на самолете или еще на чем бы то ни было, если бы не он.

Мы с ним вспомнили детство, общих друзей и, прощаясь в аэропорту Хитроу, договорились не терять связь. Ави летел в Канаду, где он сейчас живет, и я попросил его написать специально для этой книги небольшое воспоминание об одном необычном эпизоде, который произошел с нами почти тридцать лет назад. Ави его тоже, как оказалось, хорошо помнил и 10 июня 1985 года прислал мне длинное письмо, из которого я хочу привести небольшую выдержку, предназначенную прежде всего для тех, кто еще верит в то, что я научился всем трюкам у Шипи, только-только родившегося к моменту описываемых событий:

«Был теплый летний день, мы шли по пешеходной дорожке от столовой к новому бассейну. Слева простирался неоглядный зеленый газон, а справа холм, поросший молодыми соснами.

Ты вдруг снял часы с запястья и протянул мне с таким видом, словно хотел, чтобы *я* оценил их. Я решил, что это, наверное, подарок от твоего отца, и с искренним восхищением воскликнул, что часы великолепные. А ты неожиданно сказал: „Смотри, что я могу сделать с ними“.

Я внимательно наблюдал за тем, как ты взял часы в руку и крепко их стиснул. Стрелки часов стали как-то странно ходить: то

резко прыгали вперед, то вдруг устремлялись вспять. Мне показалось, что это какой-то фокус, и я сказал: „Знаю, знаю, ты крутишь колесико!“

Ты засмеялся и повторил все снова. Теперь я четко видел, что ты не трогал кнопку, но все равно думал, что ты все-таки как-то меня разыгрываешь. Честно сказать, я и в этот раз тебе не поверил. Конечно, я должен был поразиться и восхититься тем, что ты продемонстрировал, но, как вообще свойственно двенадцатилетнему мальчишке, я небрежно проронил: „Ну и что!“

Мы немного еще постояли и пошли в класс. Вот и все. Ни ты, ни я не относились к этому серьезно, не понимали, что это может значить для тебя и для всех людей. Тогда самым главным тебе казалось просто показать: „Смотри, что я могу сделать!“

Абрахам Сеттон.

Виктория, Би-Си, Канада».

Мой приезд в Лондон в феврале 1985 года тоже можно считать результатом подобного совпадения. Дело обстояло приблизительно так.

Когда к конце 1984 года Даниэлю исполнилось три года, у нас с Ханной состоялся серьезный разговор о том, что пора нам определяться, где мы будем жить постоянно, где наши дети пойдут в школу. Дальше уже невозможно было возить его и Натали по всему свету из одного дома в другой, как это было до сих пор. Вопрос этот оставался открытым до того момента, когда британский бизнесмен Ричард Брзнсон пригласил меня на торжественный перелет из Лондона *в* Нью-Йорк, открывающий историю его новой авиационной компании «Вирджин Эр-лайнс».

Как и можно было ожидать от владельца процветающей компании грампластинок, Ричард Брэнсон не поскупился и устроил подлинное шоу во время проводов в аэропорту Хитроу, так что я был предельно изнурен еще задолго до того, как мы поднялись в воздух. С трудом пробравшись к своему креслу на Боинге-747, я рухнул в него, даже не заметив, кто сидит рядом со мной.

Только в середине полета я обратил внимание на своего соседа, которым оказался очень забавный и симпатичный бородач с веселыми и лукавыми глазами. Он представился. И хотя я ничего раньше не слышал об этом человеке, меня сразу привлекла его фамилия — Фрейд, такая же, как девичья фамилия моей матери. Семья моей матери, как я уже упоминал, была родом из Вены, и, по рассказам, ее отец был то ли двоюродным, то ли троюродным братом Зигмунда Фрейда, хотя мне сейчас сложно установить точную степень родства. У моего спутника никогда не было подобных трудностей, поскольку он был родным

внуком основателя психоанализа.

У нас с ним сразу возник контакт и завязался легкий и приятный разговор о вкусной еде, хорошей музыке, породистых лошадях и женщинах — словом, обо всем, в чем он, как выяснилось, весьма неплохо разбирался. Я пригласил его заехать на пару дней в гости к моей матери в Коннектикут и только там окончательно узнал, кто он. Со мной рядом в самолете сидел Клемент Фрейд, член Британского парламента от либеральной партии, известная и популярная личность на радио и телевидении, автор нескольких книг. Стоило мне только упомянуть в разговоре о том, что я сейчас нахожусь в некотором смысле на распутье в поисках нового постоянного местожительства, он немедленно предложил Англию. «Это цивилизованная страна», — уверял он меня.

Меня его аргументы убедили полностью. Кроме того, я ведь и сам получил английское образование на Кипре и ничего лучшего не мог желать своим детям. У меня было много надежных друзей и связей в Лондоне, ко мне в целом хорошо относились британские средства массовой информации, сделавшие в начале семидесятых годов гораздо больше, чем кто-либо другой для создания моей репутации и мировой международной известности. Ну и, наконец, немаловажным фактом было то, что мое небольшое секретное укрытие находилось в Европе, не так уж далеко от Британии. А тут еще я посмотрел по телевидению очередную передачу о росте преступности и наркомании среди нью-йоркских школьников и окончательно решил, что все дороги, похоже, ведут в Лондон.

Клемент Фрейд рассказал мне, как добиться от британских властей получения статуса постоянного жителя, хотя и намекнул при этом, что не берется оказать мне какие-то особые услуги, в чем я в общем-то и не нуждался. Через некоторое время, пройдя все необходимые официальные процедуры, моя семья получила разрешение на постоянное жительство, и мы обосновались на верхнем этаже одного из лондонских домов, выходящих окнами на верхушки деревьев в Гайд парке. Мы с Клементом стали друзьями и вскоре после моего приезда в Англию купили вскладчину скаковую лошадь, назвав ее, кстати, Спунбендер (что значит Ложкосгибательница). Мы доверили ее очень известному тренеру Тоби Болдингу. В первой из своих скачек наша лошадь пришла шестой, а во второй была уже третьей. 26 ноября 1986 года я впервые сам пришел посмотреть ее в деле. Эта скачка состоялась в 15 часов 30 минут в Хантингдоне. За день до этого в прессе появилось сообщение, что я якобы собираюсь оказать своей лошади телепатическую помощь с трибуны.

Обозреватель газеты «Сан» известный эксперт по лошадям Тимплгейт сказал, что он предпочитает доверять своему опыту и объективным показателям, по которым явным фаворитом скачек является Джем под седлом наездника Причера, и они должны одолеть любые телепатические силы Геллера.

Моя лошадь начала слабо и держалась на восьмой позиции из девятнадцати до самого последнего препятствия. Но как только лошади вышли на финишную прямую, она показала всем, на что способна, постепенно обгоняя соперников и продвигаясь вперед. В итоге наша Спунбендер закончила дистанцию второй, уступив победителю лишь пару футов. А фаворита Джема что-то вообще не было видно в поле зрения.

Я был даже рад в какой-то степени, что моя лошадь была второй, а не первой. Если бы она выиграла, я уверен, мне тотчас же выдвинули бы обвинение в том, что я как-то мысленно ее стимулировал, или отравил других лошадей, или, может быть, наслал на них какую-то порчу. Второе место было вполне почетным, и, главное, я увидел то, что моя лошадь не нуждается в помощи экстрасенса для того, чтобы когда-нибудь одержать победу.

Как-то раз в 1985 году Клемент Фрейд пригласил меня в свой загородный дом на благотворительную вечеринку с лотереей. Я решил продемонстрировать свои методы достижения победы при помощи магического числа «11». Я попросил продать мне лотерейные билеты под номерами 11 и 121 (11 раз по 11). Первый из них выиграл большой набор фарфоровой и фаянсовой посуды с изображенными на ней портретами деятелей либеральной партии. А второй завоевал высший приз — огромное количество самой великолепной выпивки и еды. Я все это вернул устроителям лотереи, потому что не хотел слишком далеко заходить в подобных вещах.

Это вообще мой счастливый номер — 11, он меня постоянно сопровождал в 1985 году. Когда Андриа Пухарич был в Лондоне проездом на какую-то конференцию, я заказал ему номер в гостинице Ройал-Гарден рядом с моим домом. На следующий день я решил навестить его.

«Вот забавно, — сказал я, когда приехал к нему. — Ты остановился в том же номере, что Байрон и Мария Джанис, которые были здесь на прошлой неделе, — 1105».

Вскоре еще один мой друг позвонил из США и попросил зарезервировать номер в любой гостинице, где-нибудь поблизости от меня. Я снова позвонил в Ройал-Гарден, и, как потом оказалось, номер ему достался опять же 1105. А спустя еще неделю все повторилось еще раз уже с совсем другим человеком.

Четыре раза подряд!

Я стал чувствовать себя немножко параноиком. Может быть, моих друзей специально селили в один и то же номер, чтобы прослушивать их разговоры? Я даже поговорил об этом с хозяином отеля. Он уверил меня, что это чистое совпадение.

В декабре того же года я смотрел передачу Би-би-си — трансляцию аукциона, средства от которого шли на счет Фонда по изучению лейкемии. Что-то подтолкнуло меня принять участие в розыгрыше золотого браслета с рубинами. Я тотчас же позвонил на аукцион и назвал свою цену, а вскоре услышал, что именно я выиграл браслет. И конечно, вы догадались номер лота, по которому разыгрывался приз, был 11.

Еще одно случайное совпадение, которое меня позабавило, было связано одновременно и со счастливым числом, и с моей фамилией, которая в общем-то совсем не сложна для произношения или написания. И действительно, в тысячах заметок обо мне на протяжении многих лет до января 1986 года я ни разу не видел ошибок в печатных материалах. Но вот мне в руки попался журнал Общества психических исследований, в котором было опубликовано письмо старого друга Брайана Инглиса. И там есть такая фраза: «В этих условиях Геллер (в строчком английском написании три буквы „л“ напоминают единицы и составляют число 111) предполагает заниматься…»

Глава 12. В борьбе за мир

Теплым вечером в июне 1986 года вереница автобусов поднималась по горной дороге южной части Испании. Конечным пунктом эскорта была роскошная вилла, занимавшая территорию в пять раз больше, чем государство Монако. Пассажирами автобуса были почти четыреста человек гостей, приглашенных на виллу по случаю дня рождения ее хозяина и его юного наследника. Тем временем с 285-фунтовой яхты, стоявшей на якоре у Марбеллы, сновал туда-сюда вертолет, привозя самых почетных и именитых гостей.

Это был необычный прием. Один из самых богатых и влиятельных людей планеты отмечал одновременно пятилетие сына и свое собственное пятидесятилетие. Список приглашенных, по всей видимости, мало отличался от рейтинг-листа «Кто есть кто на Ближнем Востоке». Большинство гостей были арабами. Прилетели сюда и многочисленные посланцы Ближнего Востока. Кроме них, на прием были приглашены знаменитости и, разумеется, близкие друзья виновника торжества из других регионов мира.

Автобусы свернули на дорогу, вдоль которой в два ряда стояли солдаты караула, одетые в средневековую форму и держащие в руках большие старинные пики. Затем автобусы припарковались перед огромной виллой, где хозяин уже ожидал гостей, чтобы их поприветствовать. По крайней мере, для трех гостей это была первая встреча с ним.

Хотя знали они об этом человеке очень много. Владелец колоссальной триады нефтяных компаний Саудовской Аравии, он, как говорили, был счастливым обладателем двух миллиардов фунтов стерлингов. Его благосостояние ежедневно увеличивалось приблизительно еще на миллион фунтов стерлингов, и он четко знал, как их потратить. Помимо этой роскошной испанской сельской виллы, у него было одиннадцать не менее роскошных домов по всему свету. Приемы, которые он устраивал, приводили в шок всех газетчиков, писавших для светской хроники, непостижимыми суммами суперзатрат на их проведение. Его яхта «Набилла» стала знаменитой после съемок очередного фильма о Джеймсе Бонде под названием «Никогда больше не говори слово „никогда“.

Среди гостей, выходивших из автобусов и выстраивавшихся в ряд, чтобы пожать руку господину Аднану Хашогги, были американец еврейского происхождения Байрон Джанис и два израильтянина — Шипи и я. Вы можете спросить, что мы делали

на этом блестящем собрании элиты арабского мира? Разрешите мне объяснить.

Около года назад мы с Байроном разговаривали о путях, при помощи которых люди, подобные нам, — музыканты и популярные исполнители, выступающие на сцене, — могли бы использовать свой талант на то, чтобы объединить людей и повернуть их умы и помыслы в направлении мира, а не войны. Мы оба чувствовали, что могли бы сделать больше, чем просто развлекать публику во время приятного вечера тем искусством, которым владеем. Но как и с чего начать? Ну, скажем, развязать войну значительно проще, согласитесь, а вот как человеку наладить всеобщий мир? Впрочем, у меня была одна мысль.

„Нравится нам это или нет, Байрон, — сказал я, — но многие регионы мира управляются очень сильными и влиятельными личностями. *Я* не вижу возможностей для установления настоящего мира до тех пор, пока они не соберутся вместе и совместными усилиями не разрушат те препятствия, которые держат их на расстоянии друг от друга“.

Мы составили список людей, которые могли бы, на наш взгляд, тем или иным способом повлиять на умы и сердца народов. И первое имя, пришедшее нам в голову, было имя Аднана Хашогги. Мы решили поскорее связаться с ним и начали интересоваться, как это можно сделать. Однако выйти на него оказалось делом весьма нелегким. Создавалось впечатление, что этот человек был постоянно в пути. В конце концов мы написали ему письмо, спрашивая, нельзя ли с ним встретиться. Полтора месяца никакого ответа не было, но затем Байрону позвонил человек и представился как один из ближайших помощников Хашогги.

С какой целью вы хотели бы встретиться с ним? — спросил он.

Мы хотели обсудить кое-какие вопросы, — сказал Байрон. — У нас есть предложения к господину Хашогги.

Я понимаю, — сказал помощник. — А что конкретно вас интересует?

Байрон перешел прямо к самому главному:

— В мире много проблем, и нам кажется, что вместе мы могли бы определиться, что можно сделать в ближайшее время для их решения.

Тон голоса помощника сразу же изменился.

— Мы всегда готовы к этому, — ответил он и торжественно объявил о намерении пригласить нас на день рождения господина Хашогги. Вот так просто все и произошло.

Вскоре пришли и официальные приглашения на наши имена.

Я все-таки решил еще раз позвонить, чтобы спросить, не хотели бы они получить какую-то информацию обо мне, потому что немного беспокоился о том, знает ли Хашогги, что я израильтянин. „Не беспокойтесь, ничего не нужно, господин Геллер“, — ответили мне. — Мы знаем о вас все».

* * *

Я стряхнул нафталинные шарики с парадного френча, который не одевал с тех пор, как был членом жюри пышного представления «Мисс планета» несколько лет назад.

На этот раз я стал одним из немногих израильтян, удостоенных чести лично засвидетельствовать почтение одному из самых богатых людей мира — знаменитому арабу из Саудовской Аравии.

Пока наша очередь продвигалась по направлению к Хашогги, я вспоминал тот день, когда стоял в похожей очереди в Белом доме, чтобы передать свое мысленное послание Картеру. Сейчас мне, возможно, предстояло отправить еще одно такое послание.

Подошла моя очередь. Помощник что-то шепнул на ухо Хашогги. И после секундной паузы мы, обменявшись быстрыми взглядами, пожали друг другу руки. У меня сразу же возникло чувство, что передо мной человек огромной доброты и тепла. Но момент был, конечно, неподходящим для разговора о мире на планете.

Меня, как и других, привели в огромный стеклянный павильон, специально построенный по случаю торжества. Все было как на съемочной площадке в Голливуде. Музыканты играли на сцене, столы накрыты, — словом, все было готово к торжественной церемонии. Все самые прекрасные женщины мира, блистающие новейшими моделями из лучших ателье и салонов, казалось, были на этом празднестве. Здесь можно было увидеть столько поистине не имеющих цены драгоценностей, сколько, пожалуй, не увидишь во всех витринах Бонд-стрит или Пятой авеню. Изумруды размером в мячик для гольфа, колье, состоящие из россыпи шести, семикаратных алмазов, самые немыслимые украшения из всех драгоценных камней, извлекаемых из недр планеты, — все это можно было лицезреть на приеме. Над куполообразным потолком здания летали аэростаты, шампанское текло, как вода в реке Иордан. Шум стоял невообразимый. Несмотря на мой достаточно богатый опыт визитов и приемов на самом высоком уровне в Мексике, Западной Германии и других домах президентов, диктаторов и министров, должен признаться

откровенно, ничего подобного я не видел.

Хотя помощник Хашогти предварительно заручился нашим согласием продемонстрировать свои возможности (Байрону — на рояле, а мне — с железными предметами), было совершенно очевидно, что это совсем не подходящий случай для представления любого рода. Это был огромный веселящийся муравейник, а вовсе не встреча для каких-то показов. Среди знаменитостей, которых я узнал в тот вечер, были Брук Шилдс — друг семьи Хашогги, Ширли Бесси, исполнившая только поздравительную песенку «Хеппи берсдей ту ю», и собственной персоной агент 007 — Шон Коннери. Он жил по соседству с хозяином виллы и приехал поздравить его вовсе не в роли секретного агента, но тем не менее его присутствие только усиливало иллюзии, будто я нахожусь на съемочной площадке Голливуда во время съемки очередной серии фильмов про Джеймса Бонда.

В первый час пиршества не было и намека на присутствие хозяина, и мы решили расслабиться и вволю насладиться жизнью. Но вскоре ко мне подошел помощник и, взяв меня за руку, сказал, что со мной хотела бы встретиться жена господина Хашогти. Я подумал, что это уже первый шаг в правильном направлении.

Все мои ожидания того, как может выглядеть жена миллиардера из Саудовской Аравии, не имели ничего общего с тем, что я увидел в действительности. Передо мной была восхитительнейшая итальянская леди примерно моего возраста, которая приветствовала меня ослепительной улыбкой, с которой сравниться могла бы разве что Софи Лорен.

«О, Ури Геллер! — воскликнула она. — Я так много о вас слышала. Проходите и садитесь, пожалуйста, вот сюда».

Я был так ошеломлен ее красотой, что едва не потерял дар речи. Она сразу же вручила мне дорогую ложку и попросила показать, что я могу с ней сделать. Я предложил ей самой держать ложку и внимательно следить за тем, как она по моей команде начнет сгибаться вверх. Так и случилось. Она была очень довольна.

После этого помощник повел меня знакомиться с другими высокими персонами — членом королевской семьи Файзал и прочими столпами арабского общества — шейхом таким-то и принцем таким-то. Все они, естественно, люди, обладающие значительной властью, так же как и хозяин дома, произвели на меня прекрасное впечатление, какое всегда остается от людей с большой душой и добрым сердцем. В них не было никакой заносчивости или высокомерия.

Мне удалось согнуть еще пару ложек в этом стремительно

несущемся кабаре, и я, надо сказать, уже достаточно устал, когда наконец неутомимый, но тоже изрядно употевший помощник снова отыскал меня и привел в личную комнату Аднана Хашогги. Я молил Бога, чтобы у меня хватило сил по крайней мере на то, чтобы согнуть еще одну ложку, если это вдруг понадобится, а главное — сделать то, зачем я здесь находился, — передать послание.

К моему огорчению, Хашогги в комнате не оказалось. Там был его сын, с которым мы немного поговорили. Мне показалось, что он был весьма заинтригован, услышав, что я из Израиля. С трудом удержался, чтобы не спросить его, первый ли я израильтянин, которого он видит в жизни? Потом почему-то решил рассказать о том, что среди моих родственников есть настоящий араб. Мать моей жены была какое-то время замужем за палестинцем, уехавшим вместе с дочкой после развода в Рийяд, где они живут и по сей день. Вот так вышло, что у меня появилась родственница-арабка — сводная сестра моей жены, с которой мы поддерживаем дружеские отношения.

Не успел я начать рассказывать эту достаточно сложную историю, как господин Хашогги наконец-то вошел в комнату и вторично за вечер поприветствовал меня. Атмосфера вокруг царила сердечная и доброжелательная. Как я и ожидал, первое, о чем он меня попросил, разумеется — согнуть очередную ложку. Но это была просьба, от которой я, конечно, не мог отмахнуться. К счастью, все прошло успешно. Ну и, естественно, Хашогги тотчас же захотел проверить, не могу ли я и его научить делать то же самое?

За несколько минут разговора я очень устал и почувствовал себя предельно истощенным, но не оттого, что гнул ложки, а потому, что все это время посылал Хашогги мысленное послание, заключавшееся лишь в одном слове: «Мир».

Хотя мы перебросились буквально несколькими фразами, я был уверен, что до него дошел мой импульс. Когда мы расставались, он сделал то, что, убежден, еще ни один сановитый саудовец никогда не делал с израильтянином, — подошел ко мне и крепко расцеловал в обе щеки.

Я почувствовал, что выполнил свою миссию. Настало время уезжать, и я направился к выходу, еще не вполне осознав, что произошло, и вдруг столкнулся с едва ли не единственным человеком, с которым был знаком задолго до этого вечера. Им был продюсер телевизионной компании Эн-би-си Робин Лич, который был очень удивлен, увидев меня. Пару лет назад он снимал интервью со мной для своего сериала «Образ жизни богатых и известных», но сейчас он записывал пример образа

жизни человека, куда более богатого, чем я. Не успел я сообразить, что к чему, как увидел перед самым лицом телекамеру, направленную на меня, и микрофон, который Робин уже подносил ко мне со словами: «Что вы думаете о сегодняшнем вечере?»

Я не помню, конечно, какие именно слова я произносил, но смысл их сводился к следующему:

«Как вы можете задавать мне такой банальный вопрос? Что вы хотите, чтобы я рассказал? Что это великий вечер, что еда и шампанское великолепны? Посмотрите на людей вокруг меня? Неужели вы не видите, что я, израильтянин, нахожусь среди тех, кого принято считать моими врагами, — здесь египтяне, иорданцы, палестинцы, шейхи и принцы, даже члены королевской семьи. И знаете ли вы, что Аднан Хашогги на прощание крепко обнял и расцеловал меня в обе щеки? Все барьеры между нами были разрушены в тот момент, когда он сделал этот дружеский жест. Итак, я среди так называемых врагов. Но все, что я чувствую, — это ощущение мира, любви и единства. Вот главное впечатление от этой встречи. Любой может широко отпраздновать свой день рождения, но пригласить на него „врагов“ — это совсем непросто».

Эти мои слова вовсе не переоценка того, что произошло. Порой можно разрушить барьеры одним правильным жестом. Когда такая крупная политическая фигура, как президент Египта Садат, прилетел в Израиль и только ступил на землю страны, с которой воевал несколько лет назад, всем стало ясно, что влияние этого шага поистине неоценимо, хотя в тот момент он еще не сказал ни единого слова. Ненависть между египтянами и израильтянами стала очень быстро рассеиваться. И не от того, что он что-нибудь заявил, а от того, что он реально сделал.

Можно переделать мир в лучшую или худшую сторону, казалось бы, самыми простыми жестами и намерениями, если к ним прилагается сила и влияние. Вспомните, как поп-певец Боб Джелдоф ни с того ни с сего передал 50 миллионов фунтов стерлингов голодающим африканцам. Это были не просто деньги, но изменение в отношении человека к другим людям. Вот в чем главное достижение. Это, конечно, было движение души, но и работа ума одновременно. Ведь важно создать прецедент. И если ему это удалось, то и любому другому должно быть подвластно. Все, что для этого необходимо, кроме возможностей, — воображение.

Ровно через год после приема у господина Хашогги я узнал о курьезном последствии моей встречи с ним и передачи ему моего молчаливого послания. Осенью 1986 года группа

телевизионщиков Эн-би-си снова приехала снимать меня дома для своей программы, привезя с собой копию того материала, который она сделала на дне рождения. После того как я уехал с вечера, телевизионщики взяли интервью и у хозяина дома, у которого спросили, имеется ли у него вот в такой торжественный день — пятидесятилетие — какое-нибудь пожелание ко всей нашей планете. Он ответил, что да и что его можно выразить одним словом — «Мир».

С огорчением узнал в 1989 году, что Хашогги оказался замешан в противозаконных махинациях бывшего президента Филлипин Маркоса и его жены. Насколько я мог убедиться, вполне возможно благополучно устроить свою жизнь, не будучи втянутым ни в какие нелегальные аферы, и я надеюсь, что миролюбивые стороны характера Хашогги — те стороны, которые я видел, — в конце концов возобладают.

* * *

Я с интересом недавно прочитал мнения ученых, которые занимаются изучением людей, склонных к фантазии. Они обнаружили, что эти люди имеют куда больше способностей в области телепатии, ясновидения и предсказывания, чем те, кто не проявляет склонности к фантазированию. Было также установлено, что такие люди хорошие гипнотизеры, хотя они, как правило, вполне нормальные люди и живут такой же полноценной творческой и личной жизнью, как и те, у кого не слишком развито воображение. Сколько себя помню, я вечно чего-то выдумывал, сочинял и фантазировал. Даже тогда, когда был совсем маленьким мальчиком, у которого почти не было покупных игрушек. Я уже рассказывал о своих первых детских экспериментах в космических путешествиях, когда я запускал маленькие ракеты, сделанные из старых пуль, к Луне и звездам. Задолго до того, как первый спутник был запущен на орбиту в 1957 году, я проектировал специальные костюмы для космонавтов со всеми необходимыми приспособлениями для кислорода и тепла, протеинов и жидкостей — словом, все вплоть до самых мелких деталей.

Когда я учился в колледже Терра Санта на Кипре, я часто развлекал класс игрой своего воображения. В конце семестра наши учителя часто просили нас сочинить какой-нибудь рассказ или историю. Я быстро стал в этом жанре самым удачливым. Один из моих друзей по классу — Джозеф Чарльз хорошо помнил мои космические фантазии даже через двадцать лет. «Они у тебя

всегда были про ракеты и про людей из других миров, — рассказывал он, когда мы с ним встретились в 1985 году в Лондоне. — Ты рассказывал про летающие тарелки, маленьких космонавтов, и твои истории иногда длились по два или три часа. Если ты не успевал закончить рассказ до звонка, то спокойно мог продолжить его с того же места, на котором остановился, и через день, и через неделю. Жаль, что я их тогда не записывал». (Я позже все-таки сумел написать сам один из них в романе «Пампинн».)

Кстати, игрой воображения можно отчасти объяснить и некоторые несуразицы и несоответствия в книге Андриа Пухарича «Ури», вышедшей в 1974 году. Он включил в нее много материала о сверхземных силах, которые, по его предположению, контролировали меня. Хотя многие страницы книги — это точный и правдивый пересказ реальных фактов, многие читатели были основательно сбиты с толку, введены в заблуждение, читая страницы, посвященные космическим фантазиям. Признаюсь, что и мне они доставили немалые затруднения. Нельзя забывать, что весь этот фантастический материал был получен под гипнозом, и я, конечно, не могу отвечать за все, что рисовало мое воображение в этом состоянии. Одна из причин, по которой я решил написать книгу «Моя история», заключалась в том, что мне хотелось изложить собственную версию происходящих событий, хотя нужно подчеркнуть, что существует лишь малая доля вероятности в том, что моя энергия имеет какую-то внеземную связь. Но, несмотря ни на что, мы с Андриа остались близкими друзьями, и я никогда не забуду, как много он сделал для меня и моего успеха.

Я рад, что сегодня ученые проявляют все больше интереса к, казалось бы, ненаучным явлениям, таким, как воображение и фантазия, но вас, наверное, удивит то, что я уже не хочу знать, к каким открытиям и выводам могут прийти ученые, исследуя эти проблемы. В молодости, когда я только обнаружил в себе способности делать вещи, которые другие люди находят необычными, я принял все это как дар природы, как какой-то особый талант и не задавал себе лишних вопросов, а попросту использовал его, не думая о научных объяснениях того, как это я могу заставлять двигаться стрелки часов или угадывать то, о чем думают другие люди.

Потом настало время, когда мне было любопытно узнать, как же эти вещи делаются. Но стоило мне начать всерьез работать с учеными в 1972 году, как я обнаружил, что существует некий защитный барьер между мной и теми, кто желает узнать, как работают мои энергетические силы, как мне удается использовать

их. Барьер возник для того, чтобы не допустить никаких объяснений. И каждый раз, когда кто-то проделывал небольшую дырочку в этом барьере и начинал ковыряться дальше, чтобы подвести подо все это какую-нибудь научную теорию, я чувствовал себя под угрозой. Мне было страшно от мысли, что Хал Путхофф, Рассел Тарг или Уилбор Франклин подойдут ко мне однажды и скажут: «Эй, Ури, мы, наконец, выяснили, как ты делаешь это». Мне это вряд ли доставит радость, ведь мой защитный барьер в таком случае будет полностью уничтожен. Это не значит, что я не собираюсь больше показывать свои способности тем ученым, которые просят меня об этом. Я очень уважаю этих людей и восхищаюсь ими, но мне не хочется, чтобы они вторгались слишком глубоко в мою сущность и копошились там в поисках ответов на свои вопросы.

Я не хочу загромождать голову теориями и научными выкладками. К тому же все равно эти теории будут отвергнуты, затем вокруг них развернется ожесточенная борьба и т. д.

А я, знаете ли, предпочитаю пробежаться по парку и насладиться природой, что значительно приятнее и полезнее, чем забивать себе голову различными теориями о тайнах жизни. Мне гораздо больше нравится творить и оживлять эти тайны.

* * *

Фантазии играют очень важную роль в эволюции человечества со времен самых далеких наших предков, которые еще охотились за мамонтами. Человеческий род отличается от всех других живых существ своим уникальным путем развития и небывалой скоростью, с которой все это происходит.

Сегодня еще живы люди, родившиеся до того, как первый аэроплан поднялся в воздух. Они могут даже вспомнить, как им рассказывали, что полет предмета, который тяжелее воздуха, научно невозможен, давая им при этом все необходимые технические объяснения и доказательства. Мы, разумеется, забыли имена тех ученых, которые обосновывали невозможность, но мы помним имена Лэнгли, Сантоса-Дюмона и братьев Райт, не ставших подавлять свое неуемное воображение и в итоге заставивших фантастику стать реальностью. То же самое и с космическими путешествиями. Самые образованные профессора убеждали нас, что не может быть и речи об этом всего за год до момента выхода спутника на орбиту.

Первые современные Олимпийские игры были проведены в 1896 году, незадолго до того, как взлетел первый в мире

аэроплан. Тогда один американец, по имени Роберт Гаррет, бросил диск на 95 футов и завоевал золотую медаль. В 1960 году, за год до полета в космос Юрия Гагарина, другой американец, по имени Альфред Ортер, бросил диск в два раза дальше. Если мы можем развиваться как физически, так и умственно столь стремительно, преодолевая гигантские расстояния в эволюции всего за семьдесят лет, иначе говоря, за время, равное приблизительно по продолжительности одной человеческой жизни, то что еще ждет нас впереди?

Я предвижу два сценария развития событий. Попробую их описать по порядку.

Пройдут тысячи, а может быть, и миллионы лет, и наши тела постепенно изменятся. На них будет меньше волос, руки и ноги станут менее сильными, потому что мы ими не будем пользоваться так интенсивно, как раньше. Головы увеличатся в размере, особенно лбы, так как возрастет объем полушарий нашего мозга, и, возможно, мы дойдем до такого состояния, когда умственные извилины станут намного важнее для выживания, чем конечности и примитивные чувственные органы. Двигаясь в этом направлении еще дальше, я вижу будущего человека и вовсе без того, что мы называем сегодня телом. Мы откроем новые пути, чтобы видеть без глаз, передвигаться без ног и продлевать свой род, не пользуясь архаичными способами своих пращуров, то есть нас. В конце концов мы вообще перестанем быть мужчинами или женщинами, а станем лишь разнозарядными полями сознания, которые смогут безгранично путешествовать во времени и пространстве.

Второй сценарий совершенно иной. По нему всего через два или три столетия мы будем вынуждены покинуть нашу планету, сделав ее совершенно непригодной для обитания, и начать где-то в новом месте все заново. Лишь небольшая привилегированная часть человечества сможет убежать с Земли. Оставшиеся же загрязнят все до полной погибели или просто уничтожат друг друга. Спасшиеся счастливчики адаптируются, приспособятся к новой окружающей среде и создадут свою новую цивилизацию, но и над ними все время будет висеть дамоклов меч будущего: куда приведет их эволюция — к Создателю или к очередному саморазрушению? Этот же вопрос стоит сейчас и перед нами, что ж, выбор в наших руках.

* * *

Настоящая телепатическая сила заключается, разумеется, не

в том, чтобы угадывать судьбу по кофейной гуще или читать ее по картам. Убежден, что ей еще суждено сыграть свою немалую роль в нашей борьбе за выживание.

Сомерсет Моэм написал однажды, что деньги — это и есть то «шестое чувство, которое дает нам возможность наслаждаться пятью другими». Думаю, он был не прав. Шестое чувство — это не деньги, а наши психические, телепатические возможности. И они действительно помогают нам наслаждаться другими чувствами.

Вы можете пользоваться вашим шестым чувством, не понимая этого, даже отгонять мысль о его реальном существовании, предпочитая думать, что здесь сработала чистая интуиция, а там произошло простое совпадение. Если вы человек верующий, то используете свое шестое чувство каждый раз, когда молитесь. Моление — это и есть сконцентрированная энергия души, использованная в особых целях. И если бы не было никакого результата, люди давно перестали бы молиться и веровать.

Мне никогда не нужно было учиться тому, как использовать телепатические способности. И других я никогда специально не учил этому, просто показывал людям все, на что способен. Тысячи людей на нашей планете теперь знают о существовании особой энергии и имеют доказательства ее прямого воздействия — повторенные рисунки, согнутые металлические предметы, часы, которые пошли вновь.

Но я по-прежнему совсем немного могу сказать о том, как мне все это удается. Если у меня в руках ложка, то я просто приказываю ей согнуться, несмотря ни на что. Тихо говорю ей: «Согнись, согнись, согнись!» Некоторые ученые, такие, как Элдон Берд, Тельма Мосс и Джек Хоук, разработали свои методы обучения других этому приему, хотя их методы заметно отличаются от моих и в них применяется интенсивное визуальное наблюдение, когда вы как бы «видите» выходящую из вашего тела силу и направляете ее в ложку, которая при этом нагревается и становится гибкой.

Когда я передаю слово или рисунок при помощи телепатии, то у меня перед глазами возникает мысленный телевизионный экран, посредством которого я и передаю сигналы своему собеседнику, принимающему информацию. Когда образ начинает исчезать с экрана, то я обычно знаю, что он уже дошел до адресата. А в том случае, когда я, наоборот, принимаю от кого-нибудь информацию, происходит нечто похожее. Я опять же смотрю на свой чистый экран и ожидаю появления на нем какого-нибудь образа. Если образ появляется и задерживается хотя бы на 10–15 секунд, то мне ясно, что я правильно распознал переданное и можно переносить изображение на бумагу. Почти всегда мне

удается точно передать форму и размеры оригинала, хотя в деталях я могу и ошибиться.

Вы можете попробовать сами сделать это дома, внимательно смотря на какую-нибудь несложную картинку и пытаясь передать ее содержание вашему партнеру, находящемуся с вами в одной комнате или даже в соседней. Кроме этого, вы можете попытать счастья и в экспериментах передачи мыслей и впечатлений на расстоянии. Этот эксперимент проводили в свое время в Станфордском исследовательском институте Путхофф и Тарг. Он заключается в том, что один человек приходит в определенное время на определенное место, а другой пытается описать все свои впечатления о том месте, где находится его партнер. Если вы научитесь концентрироваться и держать под контролем ваш разум и мысли, то все это очень просто. Сложность, на мой взгляд, состоит как раз в том, что многие люди просто не верят, что могут это сделать.

Я развлекал людей со сцены, показывая им свои телепатические способности, прежде всего для того, чтобы они поняли, что имеют такие же силы и способности. Через тысячу лет, если мы к тому времени будем жить на планете, то, наверное, посмотрим на тех, кто жил в двадцатом веке, так, как сейчас смотрим на своих предшественников, живших в пещерах, которые терли палочки, чтобы добыть огонь и приготовить себе пищу. Через тысячу лет телепатические и паранормальные явления и способности людей покажутся нам такими же примитивными, как эти пещерные люди, разжигающие костер.

Какие мы получим возможности, если научимся осуществлять контроль над телепатическими силами и пользоваться ими с пользой для себя? В этой книге я рассказал, что сумел сделать, используя свои способности в течение последних пятнадцати лет, хотя не знаю, можно ли сказать, что я использовал их с полной отдачей. Но, может быть, через десять лет я напишу совершенно другую книгу, в которой расскажу о новых достижениях.

* * *

Хороший пример того, что может случиться, если телепатические сиды будут действовать бесконтрольно, был подробно описан писателем Дотсоном Рейдером в его статье под названием «Очаровательный вечер с Ури Геллером», появившейся в 1976 году в мартовском номере журнала «Эсквайр».

Для нас обоих это был обычный вечер. Начался он с ужина в «Сингрем Билдинг» на Парковой авеню, во время которого Рейдер

вдруг заметил, как по столу начала двигаться солонка. Она сама по себе медленно ползла по белой скатерти, по абсолютно ровной поверхности стола, и приблизилась к самому краю. В тот момент я смотрел совершенно в другую сторону и не видел происходящего. Затем мы вернулись в мой номер, чтобы продолжить разговор, и тут, действительно, я тоже стал свидетелем того, как различные вещи, находившиеся в комнате, начали передвигаться.

Во-первых, со стола, рядом с которым сидел Рейдер, соскользнул нож, который почему-то не упал вниз, а, пролетев через комнату и стукнувшись о стену, в конце концов, рухнул на пол. Затем откуда-то появилась ложка и с ней произошло то же самое. Следующим был кусок штукатурки, упавший прямо возле Рейдера. Очевидно, он откололся от потолка. Потом настала очередь складного металлического метра, с шумом просвистевшего по комнате. В конце вечера мой гость был уже в полном смятении. Я отвез его домой. А когда он выходил из машины, ключ от входной двери дома согнулся прямо у него в руках, и пришлось просить у портье другой, чтобы попасть в дом.

Он приехал ко мне еще через пару дней. Пока я принимал душ, он взял нож и спрятал его под кушетку, на которой сидел, надеясь, что таким образом сумеет предотвратить его непредвиденные полеты. Так оно поначалу и получилось, но когда мы вышли в коридор, то с удивлением обнаружили, что нож лежит прямо перед дверью лифта. Я сказал ему, что привык к подобным вещам, и это была правда, хотя, конечно же, в присутствии Рейдера происходило гораздо больше необычного, чем всегда. И естественно, ничего из того, что случилось, не было вызвано моими преднамеренными действиями. Ну, посудите сами, зачем бы это мне расшвыривать свои вещи по дому, даже подсознательно, да и, честно сказать, мне далеко не всегда удается добиваться перемещения объектов по желанию. Необычность поведения предметов в данном случае была во многом вызвана телепатическими способностями самого Рейдера. Тот бразильский журналист, который говорил, что мы все в какой-то степени «Ури Геллеры», был прав.

Когда-нибудь мы сможем телепортировать объекты и даже людей, так же как сегодня передаем изображение и слова телексом. Нас еще не приучили верить в космос и время, но когда-нибудь мы научимся осуществлять полный контроль над своим разумом и всеми его проявлениями, и тогда у нас не будет никаких психологических и телепатических барьеров. Даже сегодня некоторые барьеры не так уж непреодолимы, как это может показаться на первый взгляд. Кое-что возможно. А по

большому счету — все возможно.

* * *

И все-таки, вероятнее всего, в ближайшем будущем на меня продолжатся нападки и всевозможные разоблачения со стороны тех людей и даже целых обществ, которые поставили перед собой цель спасти человечество от паранормальных явлений, да и вообще от любого проявления религиозных чувств и верований.

По утверждению одного моего едва ли не самого настойчивого разоблачителя — Мартина Гарднера, «люди, переставшие верить в Бога, ищут какую-нибудь замену религиозным чувствам, и паранормальные явления являются для них как раз тем путем, который приводит к вере в сверхъестественные силы без приложения их к традиционной религиозной точке зрения». Он жалуется, что средства массовой информации искусственно поддерживают этот интерес и подогревают его, тем самым помогая «мячу катиться» дальше.

Он и его коллеги не понимают, что они сами делают значительно больше, чем кто-либо другой, для того, чтобы мяч катился дальше. Они исключили собственно религию из своего антирелигиозного крестового похода и перешли в наступление исключительно на парапсихологию. Но этим они только возбудили всеобщий интерес к телепатии. Насколько мне известно, каждый раз, когда они думают, что окончательно расправились со мной на всеобщее благо, тем самым, напротив, лишь смазывают маслом колеса моей рекламной машины. И в самом деле, они время от времени оказывают мне хорошую услугу.

Один недавний пример. 30 июля 1985 года «Санди тайме» опубликовала письмо члена британского Комитета научных исследований в области паранормальных явлений, мягко говоря, не слишком лестно отзывавшегося обо мне. Все это прочитал глава крупной компании по добыче полезных ископаемых и, не мешкая, прилетел в Лондон, покрыв расстояние в несколько тысяч миль, чтобы подписать со мной деловое соглашение, на что я, разумеется, с радостью согласился.

Еще одним хорошим примером того, как отрицательные, критические публикации принесли весьма положительные результаты, может послужить четырехнедельная кампания, затеянная против меня серией статей в «Мейл оф Санди» под такими заголовками: «Добро пожаловать, мистер Геллер, кого вы собираетесь обдурить?» (5 октября); «Как Ури перекручивает

правду об известных людях» (12 октября); «Заткнись или раскошеливайся, мистер Геллер» (19 октября); «Давай, давай, Геллер, раскошеливайся!» (26 октября).

Как сообщила «Дейли мейл», все это тотчас многократно увеличило спрос на первое издание этой книги и моментально подняло ее в десятку бестселлеров на соответствующий период. С тех пор, как я поселился в Англии в 1985 году, редкая неделя проходила без упоминания моего имени в газетах, журналах, на радио или по телевидению по всему миру. Это больше, чем я мог бы при желании сделать для саморекламы, даже если бы привлек для этого какое-то специальное агентство, чего я, кстати, никогда не делал.

* * *

Я надеюсь, что мои критики продолжат работу. Несмотря на все их усилия, а может быть, отчасти и благодаря им, магия и тайна Ури Геллера выживет, как выживала уже 15 лет, потому что в мире гораздо больше тех людей, которые верят в феномен Ури Геллера, чем тех, которые не верят.

Я, конечно, не могу обойти вниманием главное действующее лицо в создании моей рекламы. Этого человека зовут Джеймс Рэнди. Он столько сделал для популяризации моих идей и моего имени, так самоотверженно занимался этим все годы, что меня иногда даже спрашивают, а не оплачиваю ли я его услуги? (Он и в самом деле заработал на мне в 1978 году 272 тысячи фунтов стерлингов, получив премию за свою антителепатическую пропаганду.)

Он не раз широко заявлял о конце моей карьеры, занимаясь этим все время, сколько я его помню. И мне всей жизни не хватило бы, чтобы ответить на все обвинения и клеветнические домыслы, которые он писал, высказывал и распространял обо мне. Хотя мне приходилось порой делать это, когда он заходил слишком далеко и речь шла о наиболее крупных фальсификациях.

Рэнди признался репортеру Конни Вудкоку в «Санди тайме» от 26 декабря 1976 года, что он написал книгу обо мне с одной целью — чтобы сокрушить меня. «С огромным удовольствием и гордостью, — пишет репортер, — он потрясает своей книгой и самодовольно заявляет, что навсегда вывел его (Геллера) из строя».

Рэнди заявил в радиопрограмме Лонг Джон Небель WMCA 22 марта 1977 года радиослушателям: «Вы уже не услышите о

Геллере, потому что он больше не в состоянии показывать свои фокусы».

Три года спустя он с завидным упорством продолжал настаивать на своем, уверяя корреспондента, который с ним беседовал для журнала «Омни» в апреле 1980 года, что я уже полностью разоблачен и дискредитирован.

На самом деле Рэнди сам уже слишком близко подошел к той черте, за которой его ждала безработица. Вот что сообщила канадская газета «Торонто сан» 5 ноября 1974 года:

«Великолепный Рэнди, знаменитый колдун, чуть не погиб вчера от недостатка кислорода, по собственному желанию оказавшись внутри огромного сейфа в редакционном здании газеты „Сан“.

Всемирно известный чародей был вытащен оттуда в бессознательном состоянии спустя 9 минут 35 секунд после того, как забрался в него под пристальным вниманием журналистов, которым он решил показать, как можно сломать сейф изнутри. Дело едва не кончилось смертельным исходом».

Сам себя Рэнди окрестил после этого случая «профессиональным мошенником», не забыв и меня, весьма уважительно отозвавшись обо мне как об «очень хорошем колдуне».

Он, должно быть, был немало удивлен, узнав о моем участии в телевизионной программе Эн-би-си «Магия и чудо» 8 февраля 1983 года. В этой передаче мне в конце концов уделили столько же времени, сколько и ему. Хотя первоначально она целиком посвящалась Рэнди и должна была называться «Искатель чудес». (На этой передаче мы так и не встретились, так как нас снимали по отдельности.) В одном из эпизодов программы меня попросили назвать то, что я считаю истинным чудом. Я, не задумываясь, ответил: «Рождение ребенка».

Убежденный холостяк и признанный агностик, Рэнди единственным словом прокомментировал мой ответ: «Непотребство». В этом и заключается фундаментальная разница между его отношением к жизни и к человеку и моим. Один известный обозреватель позже сказал моему другу, что «Ури Геллер выставил Рэнди перед зрителями ужасным злодеем».

«Мы могли быть хорошими друзьями, ты и я», — написал Рэнди в одной из своих книг.

7 июня 1989 года меня пригласили принять участие в телепрограмме Эн-би-си «Исследование психических энергий жизни», которая напрямую транслировалась из Лос-Анджелеса, Десятки миллионов наблюдавших за программой зрителей стали свидетелями редкого зрелища — мы с Рэнди впервые сидели

рядом на одной сцене. Продюсер Рон Лайон сказал мне, что Рэнди был активно против моего присутствия на телешоу, но Рон настоял на своем, и так мы сошлись лицом к лицу. Человек, который на протяжении пятнадцати лет неутомимо вещал миру о моем бессилии, бездарности, полном банкротстве, о том, что я скрываюсь в Мексике от правосудия, и о том, что «вы больше никогда ничего не услышите об Ури Геллере», теперь вынужден был сидеть со мной бок о бок и просматривать серию видеоклипов о моем отнюдь не нищем доме и пятиакровом поместье, лодке, вертолете и, что самое важное, о моей семье.

«Мы творим историю, — сказал я, указывая на человека, который давным-давно поставил на мне крест. — И вот мы теперь на одной сцене. Вы в это не верили, а я верил!» Раздался взрыв хохота и аплодисментов находившейся в студии аудитории. Я почувствовал, что это сразу же поставило Рэнди на место.

Как всегда во время подобных шоу, вскоре люди начали звонить в студию, рассказывая о тысячах невероятных вещей, которые происходили с их часами, ложками, ключами и так далее. Рэнди сделал все, что было в его силах, чтобы доказать, что он и его единомышленники могут делать точно такие же штучки, как и я, даже показал аудиокассету, на которой он делал и говорил практически то же самое, что я обычно говорю, когда подбиваю зрителей самих попробовать починить часы или согнуть вилки и ложки в собственном доме. Количество телефонных звонков увеличивалось. «Что вы скажете на это?» — спросил у меня ведущий программы Билл Биксбей. «Мой ответ очень прост, — сказал я. — Каждый так может делать, потому что все мы обладаем психической энергией, и вы обоснованно доказали это», — обратился я к бедному старому Рэнди, чей комментарий выразился лишь в тяжелом вздохе: «Верно!» — когда мы уже вышли из студии. Рон Лайон позвонил мне на следующий день и сообщил, что Рэнди сказал ему после шоу: «Я должен передать Геллеру — последний удар остался за ним». На этот раз, по мнению моих друзей и даже противников, я выиграл очередной раунд.

И в самом деле, это был не день Рэнди. Когда он вернулся в свою гримерную сразу после шоу, туда зашел незнакомый человек и обратился к нему по имени.

— Вам что-то надо от меня? — спросил Рэнди, по всей видимости предполагая, что этот человек хотел попросить его автограф. Но тому ничего не нужно было, напротив, он сам принес с собой кое-что для Рэнди:

— У меня повестка в суд по поводу возбужденного против вас иска, — сказал мужчина.

— О, — сказал Рэнди. — Я ждал, что она меня найдет, но думал, что эта бумага действительна только в Мэриленде.

— Нет, сэр, — ответил служащий. — Эта повестка действительна по всей территории страны.

И с этими словами он удалился.

Началось все это с интервью, которое Рэнди дал журналу «Твилайт зоун» в июне 1988 года. В нем из его уст прозвучало несколько вызывающе скандальных, но абсолютно голословных заявлений относительно меня и моего друга Элдона Берда, работавшего раньше в лаюораториях военно-морских сил США, ученого-исследователя. Он, как вы помните, одним из первых изучил мои силы и подготовил благоприятное научное заключение. По утверждению Рэнди, мы с Элдонбм якобы развернули кампанию по шантажированию его, но самым потрясающим по своей лживости было обвинение Элдона в том, что он провел шесть лет в Вашингтонской тюрьме за совращение малолетних.

И это было только начало. Через некоторое время в том же 1988 году Рэнди добавил какие-то потрясающие подробности к своему сюрреалистическому сценарию на встрече общественности в так называемом Комитете по научным исследованиям в области паранормальных явлений (CSICOP). Элдон, как он выразился, в течение десяти лет разыскивался вашингтонской полицией как «магазинный похититель-совратитель», а сейчас признался в предъявленном обвинении и был отпущен на поруки.

В действительности факты говорят совершенно о другом, и эта история, пожалуй, даже более мистическая. В 1986 году Элдон действительно имел короткое и абсолютно беспочвенное столкновение с представителями закона, был задержан, а его дом был подвергнут обыску, в котором приняли участие десятка два блюстителей порядка, включая полицейских Мэриленда и Вирджинии, почтового инспектора и даже следователей из военно-морской разведки. Они обшарили весь дом и забрали многие его личные вещи, которые затем, разумеется, были ему возвращены. Одновременно такая же тщательная проверка была проведена и в его офисе, где тоже не было обнаружено ничего криминального. Похоже, Элдона проверяли на благонадежность. Спустя какое-то время один частный детектив, принимавший участие в этом деле, признался ему, что он стал жертвой какого-то доноса, но не известно, чьих рук это дело.

Что мог натворить Элдон, чтобы заслужить такое обращение, удивлялся я. И моя память возвращает меня назад, в 1984 год, когда один человек, выдававший себя за Ури Геллера, был арестован как советский шпион. Естественно, я был ошеломлен

таким известием и хотел поинтересоваться, какое я имею ко всему этому отношение, но, к счастью, один мой приятель из отделения контрразведки ФБР позвонил мне и сказал, чтобы я не беспокоился: человек и вправду был арестован за шпионаж и упорно называл себя Ури Геллером, но не имел ко мне никакого отношения. Я так и не мог раскрыть эту маленькую тайну, но чувствовал, что моя дружба с Элдоном могла рано или поздно заинтересовать секретные службы военно-морской разведки. Работая в Военно-морском центре по наземному оружию, он имел доступ к особо секретным документам, и спецслужбы, естественно, интересовались его связями кое с кем из наших общих друзей, в том числе с Байроном и Марией Джа-нис уже проводилась работа с целью выведать, не разболтал ли Элдон что-нибудь из того, что могло нанести ущерб национальной безопасности. А обо мне они, должно быть, думали, что я тайный агент Израиля, что-то вроде Джонатана Поллар-да, который отбывал пожизненное заключение за продажу военно-морских секретов Израилю.

Элдон был в конечном счете отстранен от работы под тем предлогом, что он пользовался служебным телефоном, расположенным в его офисе, для ведения личных бесед. Создалось впечатление, что это единственное, что они смогли обнаружить из компрометирующих его фактов, а ведь искали-то, безусловно, что-то определенное, судя по тщательности обысков и в доме, и в офисе. Что же их интересовало? Боюсь, что одной из действительных причин того, что он потерял свою работу, было его активное участие в парапсихологических исследованиях и придание этого факта широкой огласке. В большой статье в «Вашингтон пост» (9 августа 1986), к примеру, он описал феномен сгибания металла как «столь повсеместное явление, что оно требует безотлагательного изучения». Или что-то другое смутило военно-морское ведомство?

Как бы то ни было, когда, помимо многочисленных собственных проблем, накопившихся у Элдона, появились еще и злобные выступления Рэнди, который с характерной для него жестокостью убийцы пытался расправиться с Бердом, то ему ничего не оставалось, кроме как подать в суд за клевету, чтобы очистить свое имя от грязи. Так он и сделал, предъявив иск в 18 миллионов долларов против Рэнди, CSICOP и журнала «Твилайт зоун» в Окружной суд штата Мэриленд (дело R-89-636).

Что касается меня, то я прекрасно знал, что Рэнди повсюду распространял ложные слухи о том, что я-де шантажирую его, но игнорировал эти заявления до тех пор, пока они не появились в печати. В результате уже упоминавшейся публикации я потерял

возможность очень выгодного контракта с председателем одной компании, который предполагал воспользоваться моими услугами, но затем отказался от своих намерений. Я всегда говорил моим противникам, что они могут говорить обо мне, что им захочется и как угодно долго, но все-таки Рэнди переступил все существующие границы. Это переполнило чашу моего терпения.

Вот почему, хотя и не прошло еще двух месяцев после того телевизионного шоу в Лос-Анджелесе, Рэнди снова пришлось иметь дело с представителем судебных органов. Этот человек успел поймать Рэнди накануне его отъезда во Флориду, где он собирался выступать на сцене Общества американских фокусников, и вручил ему свидетельство предъявления ему иска в размере 13,5 миллионов долларов, который я подал в Нью-Йоркский окружной суд (Дело BR/ENT CH-1-89-CIV-3385).

Спустя месяц я был снова вынужден прибегнуть к подобному шагу из-за публикации очередного интервью Рэнди в августе 1989 года в японском журнале «Дни Японии», в котором были предъявлены еще более серьезные обвинения в мой адрес. Теперь Рэнди утверждал, что я несу персональную ответственность за смерть Уилбора Франклина, физика, который работал со мной в Кентстейтском университете в 1972 году. Причиной его преждевременной кончины было, по медицинскому заключению, обострение приступов диабета, которым он страдал многие годы. Но, по версии все того же «сверхвеликолепного» Рэнди, Уилбор покончил жизнь самоубийством после того, как я был «разоблачен» в мошенничестве. Неужели он и в самом деле надеялся, что это будет рассматриваться как неоспоримый факт?

6 июня 1989 года радиопрограмма национального вещания вела параллельную запись телевизионной беседы со мной и Рэнди. Я обратил внимание на то, что он вообще ни разу не упоминал моего имени, называя меня только «израильтянин». Отдавал ли он себе отчет в том, что после всех его выступлений, в которых мое имя фигурировало так часто, его нынешнее поведение было настолько нелепым, что он скорее помогал мне, чем дискредитировал меня? Или он пытался найти выгоду в том, что кое-кто из израильских политиков в последнее время широко критиковался, и я в связи с этим мог подвергнуться нападкам со стороны ассоциации?

Да, Боже мой, кого это волнует? Я выразил свою точку зрения на высказывания оппонентов в нескольких словах для «Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт» (5 декабря 1988 года): «Меня абсолютно не заботит, что эти люди обо мне думают. Я миллионер». Гораздо важнее, конечно, что я здоровый и счастливый человек. А деньги

— это лишь дополнительная награда.

Нет, Рэнди, мы никогда не могли быть хорошими друзьями, даже просто приятелями. Вы как-то обронили в интервью газетному репортеру, что восхищаетесь мной так же, как Адольфом Гитлером, то есть нашли возможность поставить мое имя в один ряд с именем убийцы миллионов людей и еще с одним человеком — Джимом Джонсоном, повинном в массовом самоубийстве религиозных фанатиков в Гайане. Вы распространяли в мае 1986 года заявление о том, что я якобы шантажировал и позорил вас, что уже само по себе является абсурдным, потому что я никогда не прибегаю к подобным действиям.

Завершая полемику с Рэнди, я позволю себе еще раз повторить его же собственные слова, которыми он охарактеризовал себя в телевизионной программе «Пи-Эм магазин» 1 июля 1982 года: «Я шарлатан, плут, вор и лгун». И к этому нечего добавить. Никто его не тянул за язык.

Я никому не бросаю вызов, не противопоставляю себя другим, не спорю ни с кем и даже не защищаю себя от кого-либо. Любое частное мнение, даже резко отрицательное, не может перевесить мнения сотен тысяч, возможно и миллионов, людей, которые испытали хоть немного настоящего чуда в своей жизни, увидев, что могу я, и осознав, что и им кое-что подвластно.

Я сегодня в состоянии позволить себе невиданную роскошь — отправить всех своих недоброжелателей и «охотников за ведьмами» куда подальше, потому что у меня есть дела поважнее того, чтобы вступать с ними в бесконечные пререкания. Жизнь постоянно предлагает новые возможности и бросает мне новые вызовы. Именно ради этого я и сохраню свою энергию.

Мне удалось обеспечить себе безбедную жизнь, с наилучшей пользой использовать свои природные способности. Я могу проводить время со своей женой, детьми, близкими друзьями. Могу посвящать досуг рисованию, писательской деятельности и наслаждению природой.

Единственное, что меня огорчает, — это то, что мой отец не смог увидеть своих внуков.

Я неустанно благодарю Бога за то, что он мне дал: здоровье семьи, любовь и мир. Я молюсь каждый день за то, чтобы мое тело и разум оставались здоровыми. Прошу у Всевышнего, чтобы к нам пришел лучший мир.

Многому я обязан и моему необычному дарованию, которое ни наука, ни даже я сам не можем объяснить. Но феномен Геллера тем не менее уже является реальностью, которую больше нельзя отрицать.

Почти десять лет назад я закончил свою первую книгу словами: «Люди могут принять мою историю или нет. Третьего не дано». То же самое я могу сказать и об этой книге, которая называется «Эффект Геллера». Вы свободны в выборе: можете принять или отвергнуть этот эффект. Но я думаю, что вы не станете отрицать его существование.

ЧАСТЬ III
Кто же он, Ури Геллер?
(Гай Лайон Плэйфайр)

Глава 13. Синдром Боливара

«Ури Геллер — мошенник. Маги раскрывают секреты телепата-шарлатана»

Этот заголовок появился на обложке сенсационного номера еженедельника «Хаолам Хазе» от 20 октября 1970 года, и спустя несколько месяцев после первого публичного выступления Ури в Израиле там началась антигеллеровская кампания.

Она основывалась на следующем предположении: шарлатаны могут выполнять любые ловкие трюки, Геллер может выполнять любые ловкие трюки, значит, Геллер — шарлатан.

«А кем он еще может быть?» — так думали многие тогда и продолжают думать сейчас.

Геллер начал свою карьеру на эстраде 15 лет назад и никогда не стремился к тому, чтобы просто развлекать публику. Его публичные выступления шли по одному и тому же сценарию все эти 15 лет, в течение которых профессиональные фокусники демонстрировали, что они тоже могут взглядом гнуть ложки, запускать часы и воспроизводить рисунки, сделанные зрителями. Фокусники признавали, что Геллер является необычайно искусным манипулятором как толпы, так и отдельных людей, придумавшим оригинальные, доведенные до совершенства номера. Марчелло Труцци, один из самых добродушных ранних критиков Геллера, предложил Обществу американских магов присвоить последнему титул «Фокусник года» и этим ограничить его критику.

Другие были не столь же великодушны. Им казалось, что заявление Геллера о том, что он демонстрирует самое что ни на есть волшебство, навлекает дурную славу на искусство фокусов. Их оскорбленные чувства хорошо выразил фокусник Джеймс Рэнди «Великолепный» в своей полемической книге «Магия Ури Геллера», вышедшей в 1975 году: «…я горжусь своей профессией. Я даже испытываю ревность к ней и негодую по поводу любого проституирования этого искусства. На мой взгляд, Геллер позорит ремесло, которым я занимаюсь. Хуже того, он искажает образ мыслей, формирующийся в головах юного поколения. И этого нельзя прощать». Известный астроном Карл Саган приветствовал книгу Рэнди, охарактеризовав ее как «очаровательную и остроумную анатомию обманов и надувательства Ури Геллера». Леон Жаров писал в журнале «Тайм», что эта книга «является сокрушительным ударом по псевдонаучной парапсихологии». Мартин Гарднер со страниц

журнала «Саэнтифик американ» призвал «всех, кто уважает правду, снять шляпу перед этой книгой».

По другую же сторону баррикад некоторые сочувствующие члены научного общества заинтересовались молодым израильтянином, который время от времени демонстрировал свое искусство в лаборатории так же успешно, как на эстраде или в телевизионной студии. Он не был похож ни на кого из тех, кого за сто с лишним лет привыкли видеть они и их предшественники. Звезды парапсихологии прошлого отдавали себя служению науке с 1870 года, когда медиум Дэниель Д.Хоум более трех лет является добровольным объектом исследований одного из ведущих ученых того времени — Уильяма Крукса. Позже неополитанку Еусапию Палладино почти 30 лет исследовали более 50 ученых, включая и нобелевских лауреатов. Леонора Пипер из Бостона предложила свои постоянные услуги членам Общества исследований психики, которые публиковали доклад за докладом, содержащие информацию, получаемую от нее, когда та находилась в состоянии транса. Был еще австриец Руди Шнайдер, работавший в гараже и посвящавший большую часть своего свободного времени удовлетворению прихотей разных ученых, изучивших его психокинетическую энергию.

Геллер был другим. Хотя с 1972 по 1974 год он провел значительную часть времени в лабораториях, ему очень скоро надоело быть подопытным кроликом в человеческом облике. Сидеть прикованным датчиками к различным аппаратам и выслушивать приказы совершенно не отвечало его темпераменту. Он любил развлекать и чувствовал себя в своей тарелке только тогда, когда стоял перед зрителем, он не хотел до бесконечности дожидаться возвращения на эстраду, туда, к чему он стремился.

Это стали понимать некоторые ученые из числа его сторонников. Профессор Джон Г.Тейлор из Лондонского университета, описав несколько случаев, происшедших в его собственной лаборатории на его собственном научном оборудовании, заявил в 1975 году, что «существование эффекта Геллера показывает, что невозможное с научной точки зрения может иметь место».

* * *

Однако вернемся к началу антигеллеровской саги и к той уже упомянутой трехстраничной статье в израильском журнале, положившей начало ей в 1970 году. Статья была анонимной, однако в большинстве своем она состояла из цитат некоего мага

по имени Эйтан Айялон, который заявил, что «все израильские маги единогласно объявляют охоту на Ури Геллера», и далее объяснил почему.

Было три причины. Во-первых, Геллер слишком далеко зашел, утверждая, что он гениальный медиум. «Не он первый среди „магов“ сделал такое заявление», — напоминал Айялон. Выступления Дэвида Бергласа, известного мастера ментальной магии и иллюзионизма, сопровождались в Израиле афишами, на которых, как и в случае с Геллером, было написано, что во время них используется телепатия и парапсихология. Бергласа можно было бы простить, поскольку он никогда не заявлял ничего подобного о себе, но Геллера — никогда. Он слишком далеко зашел.

Вторая причина объявления «охоты» была серьезнее: он вмешивается в политику Израиля. Широкую известность, например, приобрел короткий ответ премьер-министра Голды Меир на вопрос о будущем страны: «Не знаю, спросите у Ури Геллера». А недавно Геллер встретился с министром транспорта (позже — премьер-министром страны) и взглядом погнул для него несколько ножей. «Он сломал авторучку Шимона Переса, не прикоснувшись к ней, — делился секретами журнал, добавляя: — Мы получили сообщение, что на этой неделе Ури Геллер приглашен продемонстрировать свои способности перед Моше Данном». Короче, «телепат-обманщик» становился «угрозой для нации».

Была, однако, третья, главная причина, побудившая Айялона и его коллег начать охоту на Геллера. «Мы несем из-за него убытки, — признался Айялон. — Поэтому мы решили нанести ответный удар». Они сделали это, не попытавшись раскрыть его секреты, а натаскав пару юнцов по имени Эдди Мур и Нурит Пай, высупавших в качестве лжемедиумов. Айялон даже отрастил «мистическую» бороду и подавал себя так, будто он несколько раз одурачил зрителей с помощью «штучек» Геллера.

«Ури Геллер „исчезнет“, — пророчил Айялон. — Мы объявили ему ультиматум: если в течение двух недель он не прекратит свое мошенничество, мы раскроем все его секреты». Ему не хотелось бы этого делать, однако это был вопрос спасения израильтян.

Геллер подтвердил, что он встречался с Шимоном Пересом. «Его авторучка погнулась и переломилась в его кармане», — рассказывал он мне. Рассказал он и о встрече с генералом Даяном, о чем он никогда не говорил в подробностях до тех пор, пока герой Шестидневной войны был жив.

«Он позвонил мне и сказал, что хотел бы встретиться, и

пригласил пообедать с ним в ресторане „Белый слон“ неподалеку от городка Заала, в котором он жил. Для меня это была большая честь, потому что Даян был всеобщим идолом в то время.

Я продемонстрировал ему свои способности. Для начала он сделал рисунок, и я повторил его. Затем я нарисовал, а он повторил. Потом я согнул ключ, после чего мы обсудили потенциал подобных способностей. Он был очень заинтригован. Я помню, как блестел его единственный глаз. Потом он сказал, что хотел бы встретиться со мной снова, но в более безлюдном месте. Между прочим, счет за обед оплатил я.

Две или три недели спустя он снова позвонил мне и пригласил к себе домой.

— Встреча будет приватной, — сказал он, — только вы и я.

Я отправился к нему домой. Показав мне коллекцию археологических находок, он сказал:

— Послушай, Ури, я спрятал фотографию в этой комнате. Я хочу, чтобы ты сделал две вещи: найди ее и опиши до того, как увидишь.

Я проделывал такие вещи с кольцами, браслетами, но не с фотографиями. Я сказал ему, что у меня может не получиться, так как я волнуюсь, а я действительно волновался. И все же я начал ходить по комнате, держа руки так, как я их обычно держу, и в конце концов остановился у книжной полки, на которой стояло около сорока книг. Я указал на одну из них.

Здесь, — сказал я. — В этой книге.

Правильно, — тут же ответил он, рассмеявшись. — Что изображено на ней?

Я попросил его мысленно описать фотографию мне, что он и сделал, после чего я получил о ней полное представление. Затем я попросил у него карандаш и бумагу.

— О, нет, — ответил он. — Я не хочу, чтобы ты отрывался от моего взгляда. Не надо рисовать, просто опиши.

Я никогда не забуду этого: я расстроился, потому что думал, что он относится ко мне с подозрением. Так или иначе, спустя минут пять я сказал:

— Это фотография израильского флага.

Он буквально разразился хохотом и рухнул в кресло.

— Вы смеетесь от того, что я прав, или от того, что я ошибся? — спросил я.

Он предложил мне открыть книгу и посмотреть самому. Я открыл книгу, но не смог обнаружить никакой фотографии. Тогда он взял у меня книгу, раскрыл ее на странице 201, на которой было изображено небольшое фото главной башни аэропорта Лод, часть крыши, флагшток и флаг Израиля.

— Ты доказал свои способности, Ури, — сказал он мне. — Больше не надо ничего показывать. Тебе не надо больше ничего гнуть. Итак, что ты можешь сделать для Израиля?»

Геллер не стал пересказывать последовавший затем двухчасовой разговор, заметив только, что Даян интересовался «очень важными вещами» и продемонстрировал гораздо больший, нежели сам Геллер, интерес в потенциальном использовании психической энергии в военных целях.

«Кажется, он смирился с тем фактом, что я больше заинтересован в том, чтобы стать богатым и знаменитым, чем в том, чтобы стать медиумом супер-шпионом», — сказал мне Ури. Столь же скупо рассказывал он о своих встречах с Голдой Меир и шефом израильской военной разведки генералом Аароном Яривом. Однако из того, что известно о методах израильских спецслужб, трудно предположить, что Геллер без его ведома не подвергался бы доскональной проверке хотя бы одним из названных двух деятелей.

* * *

Геллер не исчез в 1970 году, как то предсказал Эйтан Айялон, и народ Израиля не высказывал стремления избавиться от него. Тем не менее «охотники за ведьмами» отказывались сложить оружие. «Хаолам Хазе» возобновил свои нападки в номере от 14 марта 1973 года, в котором редактор Эли Тавор обозвал Ури «отъявленным мошенником» из-за поддельной фотографии, на которой Геллер был изображен вместе с Софи Ло-рен. Рени Хирш, бывший жизнеописатель Ури, признался, что всю ответственность за эту фотографию несет он один. Спустя две недели журнал напечатал давно обещанную статью, в которой раскрывался секрет того, как Ури гнет металл, и в которой излагалась теория «засекреченной химии», бывшая популярной в кругах «охотников за ведьмами» до тех пор, пока ни кто иной, как Джеймс Рэнди, не признался, что любая субстанция, способная размягчать металл, слишком вредна и должна быть изъята из продажи в «волшебных» магазинах.

20 февраля 1974 года «Хаолам Хазе» предпринял наиболее решительную попытку спасти Израиль от «угрозы Ури Геллера».

Это была статья, целиком перепечатанная на английском языке из книги Рэнди и подававшаяся так, как будто это был официальный доклад Израильской академии наук. На самом деле от начала и до конца статья была нагромождением ошибок и неточностей. Значительная часть ее основывалась на заявлениях,

приписываемых Ханне Штранг, которая убеждала меня, что ничего подобного не говорила и даже не встречалась с автором статьи. Сам Эли Тавор сейчас признает, что вся статья была чистой выдумкой.

Даже британская пресса, в целом честно и объективно освещавшая начало карьеры Геллера, внесла свой вклад в возникновение шумихи вокруг его имени. 15 января 1974 года некий Ричард Херд писал в «Дейли мейл», что он побывал в Израиле «с целью развеять легенду, которую Ури Геллер сочинил о самом себе». Для начала он поведал, что Ури Геллер родился в Венгрии и в десятилетнем возрасте был перевезен в Израиль с отцом, который умер в 1957 году. Там его мать вышла замуж вторично и якобы родила сына от отчима Геллера. (На самом деле Ури родился в Тель-Авиве. Его отец скончался в 1979 году, и хотя его мать действительно вышла замуж повторно, у нее больше не было детей.) Продолжая путать факты, м-р Херд утверждал, что «никто не помнит, чтобы Ури делал что-то необычное до тех пор, пока он не начал служить в парашютных войсках». Это неудивительно, поскольку в то время Ури находился не в Израиле, а на Кипре, где его, например, хорошо помнит его учительница миссис Дженни Агротис. Вот что она пишет в журнале «Ньюс оф зе уорлд» за декабрь 1973 года: «Ури Геллер был моим учеником на Кипре в течение 5 лет. Несмотря на совсем юный возраст, он изумлял друзей по колледжу Терра Санта своим искусством, например тем, что гнул вилки. То, что он рассказывал им про вещи, которые могут быть и будут подвластны ему, казалось, находило свое подтверждение. Я бесконечно верю ему, он выдающаяся личность во всех отношениях, с великолепным умом, и, безусловно, не каждому выпадает счастье иметь таких учеников».

Останься мистер Херд дома, он мог повстречаться с несколькими старыми друзьями Ури Геллера по школе, живущими в Англии, как это без труда сделал я десять лет спустя. Они многое могли бы тогда рассказать. Я вернусь к этому в свое время.

Я привел короткие примеры того, как в самом начале освещалась деятельность Геллера в прессе, чтобы показать, что его травля велась с помощью ненадежных методов. По большей части это были догадки, слухи, неприкрытая ложь и совсем немного достоверных фактов. Действительно странно, почему, как уже указывал Ури, информация из таких источников, как, например, журнал «Хаолам Хазе», принималась без колебаний, в то время как научные статьи в журналах типа «Нэйче» с ходу отвергались, несмотря на высокую профессиональную репутацию

авторов.

Когда же пришло время усложнить легенду о Геллере, основной вклад в это по иронии судьбы сделал человек, который открыл его и представил Западу: доктор Андриа Пухарич.

К моменту, когда он познакомился с Геллером, Пухарич уже имел длинный список работ как в области чистой науки, так и в парапсихологии. Он имел более 50 патентов на свои открытия в области биотехнологии и написал две замечательные книги — «Святые грибы» и «По ту сторону телепатии». Его исследования всякого рода необычных явлений и предметов выдвинули его как идеального человека, способного объяснить тайну Ури Геллера.

В книге «Ури», написанной им в 1974 году, содержались замечательно изложенные страницы, содержащие обильные факты из первых рук, тонкие наблюдения, смелые догадки и глубокие умозаключения. Однако тут и там встречались страницы, которые, казалось, заимствованы из фантастической повести А.Е.Ван Фогта, где нас убеждали в том, что Геллер не простой ребенок с Ближнего Востока, а посланец космической цивилизации «Девять». Пришельцы общаются с нами через Ури с помощью магнитофонных записей, которые стираются после первого же прослушивания. Колин Уилсон, наиболее непредубежденный из всех комментаторов Ури, назвал все это «невероятным невозможным». Так же думало и большинство других. Даже Ури, по его словам, пришел в замешательство.

Проще всего можно было бы объяснить подобные заявления тем, что Пухарич выжил из ума («крыша поехала»). Однако, как и в случае с «объяснениями» чудес Геллера, которые давали некоторые из его преследователей, они не стоят того, чтобы тратить на них время. Пухарич, которого я встречал несколько раз, является человеком необычайного ума. За долгие годы научных исследований его мысли блуждали на далеких орбитах, где они приводили его к практическим и успешным открытиям, как, например, миниатюрные изобретения для людей с ослабленным слухом, приносившие ему немалый доход в течение длительного времени. Если же его мысли случайно и заводили его туда, куда остальные из нас не могут случайно проникнуть, то то же самое можно сказать и о многих других изобретателях. Эдисон, к примеру, твердо верил в возможность общения с мертвыми и изобрел для этой цели специальную машину. Тесла, на гении которого во многом основывается современная электронная промышленность, был уверен, что энергию можно извлекать из космоса и передавать сквозь земное ядро в любую точку поверхности Земли. Элемент «сумасшедшинки» является существенным компонентом образа мысли удачливого

изобретателя.

Вся информация о цивилизации «Девять» поступала от Геллера, когда тот находился в состоянии гипнотического транса. Пухарич является опытным гипнотизером, который длительное время использовал гипноз для повышения способностей своих подопечных, и Геллер, безусловно, был прекрасным объектом для гипнотического воздействия. По рассказам Ури, в раннем детстве он фантазировал о космических путешествиях, космических кораблях и далеких цивилизациях, а подростком превратил эти фантазии в рассказы, которые очаровывали его одноклассников и учителей. Ни он, ни я не можем сказать, каким образом эти фантазии пришли ему в голову или что их породило. Факт в том, что они были и, как и следовало ожидать, под воздействием гипноза Ури рассказал о них.

* * *

Пухарич и до этого получал достаточно материала о «внеземном происхождении» от других объектов исследований, а не только от Геллера, поэтому странно, что он ничего не говорит о собственной роли в возникновении цивилизации «Девять». Факты, «полученные» от представителей цивилизации «Девять», сами по себе могли бы составить интереснейшую книгу, однако их прямая увязка с тем, что делал Геллер на заре своей карьеры, не принесла пользы ни Ури, ни автору книги. Для опровержения «внеземной гипотезы» Ури потребовалось определенное время, хотя он и попытался сделать это как можно быстрее и как можно лучше в своей книге «Моя история».

Книга Пухарича добавила изрядную долю скептицизма тем, кто в 1974 году считал, что Геллер был слишком хорош, чтобы быть именно таким. Я был одним из тех, кто так думал.

* * *

О существовании человека по имени Ури Геллер я впервые узнал в 1973 году, после того как прочитал статью о нем в номере журнала «Тайм» от 12 марта. В то время я находился в Бразилии, где изучал состояние местной психиатрии и собирал материалы для своих книг «Летающая корова» и «Неопределенная граница». Я находил факты, которые по-настоящему захватывали мой ум, и мало интересовался экзотической персоной, которая гнула ложки, тем более что, по словам «Тайм», это был всего лишь модный

фокусник. Затем в июне 1973 года в почтовом ящике я обнаружил экземпляр журнала «Психика». В нем было напечатано пространное интервью с Геллером и статья Алана Вугана, который гораздо доскональнее изучил свой предмет, чем научный обозреватель «Тайм» Леон Жаров. По словам Вугана, Геллеру были подвластны почти все известные явления парапсихологии. Я был заинтригован. Однако неожиданно на память мне пришел один из многочисленных случаев из богатой событиями жизни Ури. Вот как он его описывал:

«Один из экспериментов, которые я проделывал с Пухаричем, состоял в том, что он попросил меня совершить бестелесное путешествие в Бразилию. Я прибыл туда и спросил у прохожего, в какой город я попал. Он ответил: Рио-де-Жанейро. Потом ко мне кто-то подошел и сунул в руку новую банкноту достоинством в одну тысячу крузейро. Эта банкнота была зажата в моей руке, когда я вернулся на кушетку в кабинет Пухарича, — как доказательство того, что я действительно побывал в Бразилии».

Все это происходило в доме Пухарича в Оссининге, штат Нью-Йорк, 24 марта 1973 года и показалось мне весьма необычным по многим причинам, не говоря уже о полной неправдоподобности телекинеза из США в Бразилию и обратно. Я написал в «Психику» о некоторых несоответствиях в изложении Геллера, начав с того, что банкноты достоинством в 1000 крузейро вышли из обращения после введения «нового крузейро» в 1967 году. Далее я продолжал:

«Вряд ли банкнота достоинством в 1000 крузейро могла бы оставаться новой в Рио на протяжении 5 лет. Обычно такая банкнота распадается на части в течение нескольких месяцев и ее надо склеивать скотчем. Более того, жители Рио обычно не дают на улицах деньги иностранцем. Иногда они делают как раз противоположное».

В конце своего послания я выразил надежду, что Пухарич поможет мне разгадать тайну телекинеза через пространство и время. Он мгновенно пообещал это в том же номере журнала, в котором было опубликовано мое письмо (декабрь 1973 года), обнародовав серийный номер банкноты и заметив, что ему понравился мой подход к этому случаю. Мне не составляло труда выяснить, что банкнота была напечатана и поступила в обращение в апреле 1963 года. Банк Бразилии официально подтвердил, что примерная продолжительность жизни такой банкноты до момента, когда она поступает в переработку, составляет максимум 9 месяцев.

Я также выяснил, что в том же 1963 году Пухарич был в Бразилии, и мне подумалось, не могла ли эта банкнота каким-то

образом быть напечатана для него, а позже обнаружиться в складках его софы. Я скурпулезно описал мои открытия. Это был мой первый письменный вклад в психологические исследования, опубликованные по меньшей мере трижды: в «Нью саэнтист» (14 ноября 1974 г.), «Джорнэл оф зе Сэсайэ-ти оф Физикел Рисеч» (июнь 1975 г.) и, с моего разрешения, в книге Рэнди «Магия Ури Геллера» (1975). Стремясь произвести как можно более сильное впечатление скептицизма, я подытожил:

«Этот эпизод свидетельствует о том, что дальнейшее изучение парапсихологических возможностей Геллера может привести к совершенно нормальному объяснению того, как он совершает свои „чудеса“».

Рэнди горячо поблагодарил меня за «прекрасно проделанную работу», и в течение некоторого времени я был достаточно популярен в CPR, пока с моим коллегой Морисом Гроссе мы не разочаровали многих его членов своими сугубо позитивными докладами о любых формах парапсихологии в связи с делом о полтергейсте Энфилда в 1977–1978 гг.

Собственная версия Ури бразильского эпизода в письме ко мне, датированном 21 марта 1978 года, выглядела так:

«Объясню Вам как можно точнее, что произошло. Деньги появились в моей руке, когда я очнулся от гипнотического сна. Насколько я помню, находясь в этом странном гипнотическом состоянии, в которое привел меня Пухарич, я прогуливался по какой-то улице Рио. Я чувствовал себя потерянным и одиноким. Я остановил проходящую мимо парочку и попросил денег. Не помню точно, кто дал мне эти деньги, но, когда это произошло, я проснулся на кровати в Оссининге. И это чистейшая правда. Сейчас я думаю, что, быть может, Пухарич загипнотизировал меня так, что это событие показалось мне настолько реальным, а потом всунул мне в руку деньги. По моему убеждению, все это действительно произошло, и я не думаю, что у Пухарича была какая-то заинтересованность в том, чтобы сфабриковать этот случай. Мне действительно больше нечего Вам сказать. Странные вещи происходят, и это была одна из таких вещей».

Я упомянул этот эпизод, чтобы предъявить его как мандат человека, который, насколько я могу полагать, первым дал критику Геллера на основе оригинальных исследований и неоспоримых фактов. Надеюсь, что это будет иметься в виду, когда я стану описывать мои дальнейшие исследования и новые заключения.

Настаивать на том, что странные вещи происходят, очень нелегко. Как вы это докажете? В большинстве областей науки вы формулируете гипотезу и проверяете ее, и только в том случае,

если достаточное число людей, проверив ее независимо от вас, придут к тому же результату, она может считаться доказанной. Однако в психиатрической науке этот метод не срабатывает. Множество знаменитых ученых, начиная с Уильяма Крукса, исследовали случаи, казавшиеся очень странными в их время, но, несмотря на то что их слова не подвергались сомнению в любых других случаях, их открытия в области психиатрии с ходу отвергались. Почему?

«Ах, — говорят фокусники, — да потому что их обманывали фокусники. Рука руку моет. Мы знаем, как он или она наклоняет стол, гнет ложку или читает мысли, но мы не скажем вам, потому что никто не имеет права продавать профессиональные секреты». Примем слова фокусников на веру, хотя это вряд ли имеет смысл, коль скоро фокусники являются профессиональными обманщиками, которых часто обманывают их же собственные коллеги и даже, как будет показано ниже, неспециалисты.

Так или иначе, когда фокусники проводят несколько дней, пристально изучая Ури Геллера, и приходят к выводу, что его психическая энергия действительно существует, это должно вызвать особый интерес.

Первым фокусником, который провел тщательное самостоятельное исследование Геллера, был датчанин по имени Лео Лесли, чья книга «Ури Геллер: мошенничество или факт?» вышла в 1974 году. Ей было уделено меньше внимания, чем она того заслуживала, частично потому, что не было английского перевода, частично потому, как я понимаю, что не было принципиальных выводов автора.

Лесли, являвшийся советником по фокусам в Национальном музее Дании, был приглашен государственной телекомпанией для участия в организации телешоу Геллера в Копенгагене в январе 1974 года. У него была возможность без ведома Геллера использовать способы контроля, таким образом сводя на нет наиболее очевидные методы надувательства публики. Некоторые из этих методов были достаточно бесхитростными. Например, он организовал так, что Геллер постоянно находился в фокусе телекамер с момента его появления в студии и до выхода передачи в эфир. «Как показывает опыт, — замечал он, — только за несколько секунд до начала прямой трансляции фокусники начинают лихорадочно проверять свое оборудование».

Одному из телеоператоров было приказано постоянно следить за руками Геллера. Лесли и трое его помощников наблюдали за ним весь вечер «живьем» и на мониторах и признавались, что не заметили ничего подозрительного ни до, ни во время представлений. Лесли также настоял на том, чтобы

никто из ассистентов Геллера не входил в студию.

Перед началом представления Геллер, к своему неудовольствию, узнал, что он него хотят, чтобы он погнул или разорвал металлические бретельки на бюстгалтере полногрудой фотомодели.

Он отказался, сказав, что это дурной тон. Лесли преподнес ему еще один сюрприз в виде груды часов, которые он предварительно привел в такое состояние, что никто, казалось, не сможет заставить их идти. После выступления Геллер сказал Лесли, что он приложил бы больше усилий, если бы знал, что у этих часов случаются перебои в работе.

Номер с воспроизведение рисунка прошел, как обычно, с успехом. Рисунок слона в анфас был запечатан в конверт и вручен фотомодели, которая спрятала его у себя на груди, тут же забыв, по-видимому, что на нем было изображено. Тем не менее Геллеру удалось нарисовать то, что Лесли впоследствии охарактеризовал как очертание слона, если смотреть на него сзади. Он подтвердил, что рисунок Геллера полностью совпадал с размером оригинала, который был затем извлечен из конверта перед телекамерой.

В ходе передачи Геллер также согнул и сломал вилку, однако Лесли пожаловался, что ему не удалось не отрываясь наблюдать за этим процессом. После представления этот недостаток был с лихвой восполнен. Несмотря на то что Лесли клялся, что он сам является фокусником, Геллер устроил для него персональную демонстрацию.

Для начала он провел сеанс телепатии, во время которого он и Лесли сидели спиной друг к другу, помощник же Лесли в это время наблюдал за обоими. Лесли мысленно представил цветок и начал рисовать на листе бумаги, стараясь при этом не издавать никаких посторонних звуков. Помощник заметил, что Геллер тоже начал рисовать цветок. Более того, он начал рисовать первым. Для Лесли этого было достаточно.

«Я вынужден был признать свое поражение, — писал он, — Ури читал мои мысли».

После этого Лесли достал предварительно приготовленный им ключ, покрытый слоем эмали и никеля, который защищал его от действия кислоты. Предварительно он экспериментировал с сулемой, обнаружив, что не может воспроизвести «феномен, который хотя бы частично был бы похож на геллеровский». Геллер мгновенно определил, что с ключом что-то не так.

«Вы с ним что-то сделали, — произнес он. — Я не могу добраться до металла».

«Я облизал губы, — пишет Лесли. — Ну вот ты и попался.

Все-таки все дело в химикатах». Лесли взял ключ. «Пока я сидел и смотрел на него, защитный слой вдруг начал трескаться, а спустя секунду кусочки никеля стали отваливаться словно банановая кожура, а сам ключ начал гнуться у меня в моих пальцах».

Лесли и его коллеги вынесли полностью оправдательный приговор:

«Мы получили документированное подтверждение его способностей гнуть металл и читать мысли на расстоянии». После продолжительного обсуждения всех возможных способов он пришел к выводу: «Не может быть и речи об обмане».

Чтобы окончательно убедиться в этом, Лесли узнал имена и адреса некоторых зрителей, звонивших на телестудию, и в течение нескольких дней вел за ними наблюдение. Посетив некоторых из них, он с удовольствием убедился, что кое-кому удавалось гнуть металл и получать телепатические сигналы почти так же, как это делал Геллер. Последней каплей, после которой улетучились остатки его скептицизма, стал малолетний сын Лесли, заявивший отцу, что он «может гнуть чайные ложки». Как только мальчик убедил своего скептически настроенного отца, Лесли пригласил к себе знакомого фокусника, у которого был счетчик Гейгера. И хотя Лесли-младший не смог погнуть ложку в присутствии незнакомого лица, счетчик тем не менее дал показания, когда мальчик пристально смотрел на ложку. Ни одному из двух фокусников не удалось проделать то же самое.

Вот окончательный вердикт, который вынес Лео Лесли после почти 16 встреч с Геллером и многочисленных обсуждений его выступлений:

«Должен подчеркнуть, что после увиденного и услышанного мной во время наблюдений за Ури Геллером ничто больше не может поколебать моей уверенности в том, что он обладает настоящей психической энергией».

Если бы Лесли сделал отрицательный отзыв, его бы, вне всякого сомнения, цитировали направо и налево. Однако в данном случае его полностью проигнорировали. Четыре года спустя «Тайм» опубликовал письмо некоего Джона Уоррела, убеждавшего в том, что в будущем никто из профессиональных фокусников не должен привлекаться к изучению способностей Геллера. К тому времени уже были опубликованы работы по меньшей мере четырех фокусников — Лесли, Уильяма Е.Кокса, Абба Диксона и Артура Зорки.

Кокс, член-корреспондент Американского общества магов с сорокалетним стажем работы иллюзионистом, описал эксперимент, для которого он специально нарушил ход своих карманных часов с помощью кусочков алюминиевой фольги. Часы

пошли почти сразу после того, как Геллер прикоснулся к ним. Откинув крышку часов, Кокс обнаружил, что пластинки фольги сдвинулись. Непостижимо, каким образом Геллеру удалось это.

Зорка, председатель Комитета оккультных исследований Общества магов Атланты, послал официальный доклад в исполнительный комитет своего общества с заявлением, что он и Диксон провели собственный опыт с Геллером, на котором никто не присутствовал. Вилка с нейлоновой ручкой буквально взорвалась в руке Геллера. Кроме того, Геллер в точности воспроизвел рисунок собаки, о которой думал Зорка. (Геллер с удовольствием узнал, что позже Зорка в память об этом событии дал имя Ури одному из своих щенков. Собака в дальнейшем взяла несколько призов.)

«Насколько нам позволяет судить наш коллективный опыт, ни один из известных способов иллюзионизма не может дать подобных эффектов в условиях, которые были предложены Геллеру», — заявлял Зорка в своем докладе. 3 июня 1975 года, на следующий день после их встречи, Диксон написал вежливое письмо Геллеру, в котором он предлагал сотрудничество в проведении следующих тестов.

«Вы доказали мне, что все, что Вы делаете, делается честно, — писал он. — Я убежден, что те, кто назовет Вас фальсификатором, сами плуты».

Реакция их коллег-фокусников была интересной. Джеймс Рэнди, находившийся тогда в рекламной поездке в связи с выходом своей антигеллеровской книги, сделал письменное заявление, которое, по словам Зорки, содержало не менее девяти фактических неточностей на девятнадцати печатных строчках. Рэнди дошел до того, что убеждал, будто Геллер сам написал доклад и заставил фокусников подписать его.

Зорка ответил открытым письмом (6 января 1976 года), в котором решительно отвергал домыслы Рэнди. Его стоит немного процитировать, поскольку в нем содержится характеристика методов деятельности «охотников на ведьм».

* * *

«Рэнди понял, что полемика весьма прибыльна. Он также понял, что, чем больше будет вестись спор вокруг дела „Рэнди против Геллера“, тем больше экземпляров книги будет распродано.

Я рассматриваю заявление Рэнди в контексте его попыток дикредитировать меня. Я отношусь к этому спокойно. Его

заявление лишено оснований не потому, что Рэнди плохо „рыл“, чтобы обнаружить их, а потому, что они просто отсутствуют.

Мне не нравятся неприкрытые коммерческие нападки на серьезных ученых и исследователей, к коим я себя отношу, которые действительно ищут ответы на вопросы, связанные с проблемой парапсихологии.

Его недавние лживые выступления по делу Геллера лишают его всяческого уважения со стороны честных исследователей паранормальных явлений. Это относится прежде всего к ученым с заслуженной репутацией, которые тестировали Ури Геллера. Кроме того, Рэнди вообще посмеялся над теми учеными, которые углубленно изучают парапсихологию.

Притязания Рэнди на то, чтобы быть „крестоносцем“ бедной неинформированной общественности, весьма сомнительны. Если бы он действительно был заинтересован в информировании общественности, его бы интересовали обе стороны медали».

* * *

Чтобы подсыпать соль на раны, шесть членов общества, в которое входил Зорка, написали Геллеру письмо, в котором отмежевывались от доклада своего коллеги, считая его всего лишь «мнением достаточно неопытных исследователей». (Они не присутствовали при опытах, описанных в этом докладе). То же общество по стечению обстоятельств только-только присвоило Зорке звание «Маг года».

«Я совершенно убежден, что, уличи я и м-р Диксон Геллера в каком-либо подвохе и сообщи мы об этом, в этом бы сомнений не было», — парировал Зорка.

Он и Диксон, должно быть, чувствовали то же самое, что должны были бы рано или поздно почувствовать наиболее честные исследователи Геллера. Эти чувства выразил латиноамериканский реформатор XIX века Симон Боливар:

«Тот, кто служит делу революции, должен переплыть море».

Глава 14. Охотники на ведьм

В США, так же как и в Израиле, антигеллеровская «охота на ведьм» началась сразу же после его появления на сцене, и основная цель ее была той же: не допустить, чтобы Геллер стал объектом серьезного научного изучения, спасти общество от него.

О начале этой компании подробно рассказывает непосредственный свидетель событий, репортер журнала «Тайм» и автор книги «В поисках супермена» (1976) Джон Л.Уилхелм. Он называет имена главных «охотников»: Мартин Гарднер, колумнист «Саэнтифик американ», фокусник-любитель и ярый критик всего, что он считал лженаукой; фокусник Джеймс Рэнди; тогдашний коллега Уилхелм, редактор отдела науки «Тайм» Леон Жаров, ставший впоследствии редактором совместного издания «Тайм-лайф» журнала «Дискавер».

В своей книге Уилхелм цитирует Гарднера: «Вера в оккультизм создает условия для возникновения демагогии. Я думаю, именно это произошло в Германии накануне прихода к власти Гитлера». Гарднер, по мнению Уилхелма, считал, что это произойдет снова. Стефан Канфер, автор статьи «Психология» в мартовском номере «Тайма» за 1974 год, был еще откровеннее. По словам Уилхелма, Канфер был совершенно убежден, что «СИИ должно быть уничтожено», поскольку сводит любые исследования к паранормальным явлениям. «Именно так зарождался фашизм», — говорил он.

Вскоре Уилхелм пришел к выводу о том, что отделить справедливую критику в адрес Геллера от выпадов в его адрес «защитников моральных устоев» так же сложно, как и верно оценить выступления сторонников Геллера. «К сожалению, — писал он, — в своих спорах обе стороны руководствовались в основном личными пристрастиями». Например, Рэнди с ходу отверг свидетельства Тарга и Путхоффа, полученные в СИИ, хотя и не присутствовал лично ни на одном из экспериментов. «Я не верю, что подобные вещи могут происходить при наличии всех необходимых условий для эксперимента», — утверждал он.

Сигналом к началу официальной охоты на Геллера в Америке послужила статья Леона Жарова в «Тайм» от 12 марта 1973 года.

Завершив свои исследования с Геллером в Станфордском исследовательском институте, Путхофф и Тарг 28 декабря 1972 года написали письмо издателю «Саэнтифик американ» Джерарду Пилу, в котором спрашивали, могут ли того заинтересовать их открытия. Копия письма каким-то образом попала к Жарову, как, впрочем, и доклад сотрудника министерства обороны Рея

Хаймана, который он написал после посещения СИИ и отправил своему старому другу Мартину Гарднеру в тот же «Саэнтифик американ» (из источников, не вызывающих сомнение, я выяснил, что сам Гарднер не передавал этот доклад Жарову).

К тому времени, по словам Уилхелма, «кружок» из Гарднера, Рэнди, Жарова и других «вовсю трубили о Геллере и распускали о нем всяческие слухи».

Уилхелм с завидной проницательностью предугадал начало «охоты» в Америке. 18 января 1973 года он сообщил Геллеру, что Жаров считает его мошенником, и даже заключил пари. Это было еще до того, как Жаров впервые увидел Геллера. Впервые они встретились в феврале того же года в редакции «Лайф-Тайм» в Нью-Йорке.

В тот же день и Рэнди впервые увидел Геллера, и его опубликованные воспоминания об этой встрече по меньшей мере являются противоречивыми. С одной стороны, он говорит, что сеанс телепатии, данный Геллером, «самый неинтересный и бесхитростный» из тех, которые он когда-либо наблюдал. С другой, по словам Уилхелма, он называет Геллера «необычайно умным» и «хорошим фокусником», у которого «прекрасные номера».

* * *

Крестовый поход во спасение Америки от угрозы темных сил получил дополнительный импульс после учреждения в 1975 году психологом Полем Куртцем и социологом Марчелло Труцци Комитета по научным исследованиям аномальных явлений. Его соучредителями стали Гарднер, Хайман, Жаров и Рэнди, ставшие дополнением к энергичным сторонникам антигеллеровских книг Рэнди — Айзеку Азимову и Карлу Сагану. Во вступительной статье в своем журнале Комитет заявлял:

«Вы интересуетесь аномальными явлениями, такими, как Бермудский треугольник, НЛО, снежный человек и т. д.?.. Объяснение этих и других загадочных вещей вы найдете в журнале „Скептикал Инквайрер“. Этот динамичный журнал достаточно смел, чтобы дотошно исследовать заявления тех, кто по-настоящему верит в существование аномальных явлений, а также шарлатанов. Выводы журнала иногда сделаны с юмором, часто рассудительно и всегда очаровательно».

О себе Комитет сообщал следующее:

«Наиболее серьезные из нас задаются вопросом, что же происходит? Что стало причиной этого взрыва интереса даже

среди рассудительных людей к разного рода аномальным явлениям? Неужели мы отходим от научных идей рационализма, беспристрастного рассмотрения факта и трезвого эксперимента, которые сделали из современной цивилизации то, чем она является сегодня? До сих пор ответы на эти вопросы давали журналисты. Но сегодня есть ученые, которые берут инициативу в свои руки».

* * *

Первая же серьезная попытка Комитета провести тщательное исследование неординарного явления окончилась конфузом. Объектом исследования стал французский психолог и профессиональный статистик Мишель Гокелин, который вывел статистическую зависимость успеха людей в той или иной области деятельности от расположения планет в момент их рождения. Необычайная история о том, как Комитет, проведя тщательное исследование, пришел к тем же выводам, что и Го. келин, но отказался их опубликовать, детально изложена одним из его членов — астронавтом Деннисом Роулинсом в октябрьском номере журнала «Фейт» за 1981 год. Неудивительно, что его профессиональное разоблачение обличителей привело к выходу из Комитета, а также к уходу оттуда нескольких наиболее активных и влиятельных членов, таких, как покойный Ричард Камманн и ветеран английской психиатрии Эрик Дж. Дингвалл.

Задолго до этого Комитет оставил один из его соучредителей Марчелло Труцци, основавший собственный журнал «Зете-тик сколар» (в первом номере журнала за 1978 год содержалась наиболее ценная «фундаментальная библиография» Геллера, содержавшая 192 наименования). Позже он создал свою собственную исследовательскую группу, Центр по исследованию аномальных явлений и вскоре завоевал уважение многих из тех, кого исследовал. Хотя лично меня Труцци убеждал в том, что совсем не верит в психическую энергию любого вида, он показал, что цивилизованное сотрудничество скептика и верующего вполне возможно.

С другой стороны. Комитет вскоре прибегнул к доселе неизвестным методам научных исследований, достигнув замечательных образчиков «беспристрастной проверки». Рэнди, для которого преследование Геллера стало делом принципа, заполонил собой научные лаборатории, редакции газет и созвал конференцию по парапсихологии, убеждая всех, что он может гнуть ложки и читать мысли на расстоянии, и пытаясь обмануть

людей, которые были совершенно не подготовлены к такому поведению. Он ездил по США с лекциями-демонстрациями, во время которых не уставал повторять: «Я не могу делать то, что делает Геллер». В 1981 году он учредил ежегодную «Награду Ури за успехи в парапсихологии», вручавшуюся за «самые глупые и иррациональные потуги в области парапсихологии». Первоначально ее спонсором была фирма «Омни», затем журнал «Дискавер», однако сегодня награда уже не вручается, вне всякого сомнения, в результате фиаско тех или других в 1983 году, о котором будет коротко рассказано.

Рэнди даже удалось сорвать исследовательскую программу, внедрив парочку молодых фокусников, Стива Шоу и Майка Эдвардса, в парапсихологическую лабораторию, основанную покойным Джеймсом С.МакДонеллом, пионером аэрокосмической промышленности. Здесь, как описывает «Скептикал Инквайрер» (лето 1983), они в течение двух лет пытались дурачить исследователей, выставляя себя телепатами типа Геллера. Рэнди раскрыл этот обман, окрещенный им «Проект Альфа» на пресс-конференции в январе 1983 года, и в 1985 году лаборатория была закрыта.

Публика начинала верить, что если парапсихологов можно так легко обвести вокруг пальца, то ни одно из открытий, сделанных ими, не может восприниматься серьезно. Затем случилось неизбежное: Рэнди и Жаров сами попались на удочку. Вскоре после завершения «Проекта Альфа» в газетах появилась небольшая заметка исследовательской группы «Арчес проект» из Миннеаполиса, в которой сообщалось об учреждении фонда в размере 217 000 долларов для финансирования программы исследований эффекта сгибания металлов под руководством Денниса Стиллингса, которому следовало передавать все материалы.

Это был розыгрыш, что ясно дал понять Стиллингс в своем собственном пресс-релизе. Такая награда не учреждалась. Стиллингс напечатал всего две копии и послал их Шоу и Эдвардсу, будучи уверен, что они окажутся у Рэнди. Так и вышло.

1 апреля 1983 года в «Дискавер» появилась заметка об одной из наград имени Ури, подписанная Рэнди:

«К сведению „Медтроникс Корпорейшн“ из Миннеаполиса, которая внесла 250 000 долларов в фонд „Арчес проект“, учрежденный для наблюдения за людьми, которые гнут ложки. Мистер Стиллингс после этого оказал финансовую поддержку известному молодому человеку, который гнет ложки и который оказался замаскированным фокусником — участником „Проекта Альфа“».

Стиллингс просто не мог в это поверить. Рэнди не только клюнул на эту приманку, но он еще умудрился допустить четыре ошибки в короткой информации: несуществующий фонд увеличился с 217 тысяч до 250 тысяч долларов. «Медтроникс Корпорейшн» не имела к нему ни малейшего отношения, в ее названии была допущена орфографическая ошибка. Стиллингс не предлагал финансовой помощи Шоу, Эдвардсу или еще кому-нибудь.

Стиллингс вновь продемонстрировал, что фокусники могут быть одурачены так же легко, как и простые смертные. Маклер по имени Рейд Бекер написал Рэнди, что некоторые из его клиентов были встревожены сообщением о том, что «Медтроникс» связалась с исследованиями в области психики, и выразили пожелание получить подробную информацию. Рэнди в своем ответе беспардонно заявил, что название «Медтроникс» всплыло благодаря Стиллингсу, и посоветовал Бекеру обратиться за разъяснением к нему.

В этом не было необходимости, поскольку это был сам Стиллингс, подписавшийся именем «Бекер».

«Мой собственный проект, — писал Стиллингс, — был разработан как простой, недорогой эксперимент, копирующий эксперимент Джеймса Рэнди („Проект Альфа“). Мы пришли к полному подтверждению результатов, полученных в ходе „Проекта Альфа“, а именно: некоторые, а может быть и все люди могут быть одурачены рано или поздно… Итак, зная это, что нам делать дальше? *Я* предлагаю, чтобы все мы вели себя как цивилизованные люди…»

Многие могут поинтересоваться, какое отношение имеет все это к тому, что называется «научным исследованием паранормальных явлений?» Доказывать, что людей можно обмануть, вряд ли необходимо, поскольку все, кто посещает шоу иллюзионистов, знают это. Доказать, что некоторые люди могут сгибать ложки ловкостью рук, еще не значит доказать, что он делает то же самое. Уильям Джеймс в «Американ Мэгэзин» писал (октябрь 1909 года): «Если мы взглянем на обман как на исторический феномен, мы обнаружим его подражательный характер. Каждый следующий обманщик подражает предыдущему, однако первый обманщик подражает тому, кто был честным. Вам не удастся придумать новый трюк, как не удастся придумать новое слово, не имея предыдущей основы».

Его слова прямо относятся к таким, как Геллер. Многие фокусники подражали ему, но кому подражал он, когда впервые согнул ложку? Позже я вернусь к этому вопросу.

Но прежде я должен разобраться в побудительных мотивах,

которыми, возможно, руководствовались наиболее заметные члены Комитета.

Это легче сделать, если рассматривать эту организацию не как научную, а как политическую, связанную с Американской гуманистической ассоциацией через психолога Пола Куртца, члена Совета директоров Комитета и редактора его органа — журнала «Гуманист».

Гуманизм является заслуживающим уважения философским движением, корни которого уходят в эпоху Ренессанса, когда все внимание было сконцентрировано на человеке, его потенциальных возможностях. В США корни этого движения мы находим в работах таких социальных реформаторов и критиков американского образа жизни, как Феликс Адлер и Ирвин Беб-бит. Первый гуманистический манифест был опубликован в 1933 году и был переиздан сорок лет спустя с предисловием Куртца. В статье 14 этого документа читаем:

«Гуманисты твердо убеждены, что существующее общество, имеющее стяжательский характер, показало, что оно не отвечает чаяниям людей и, значит, требует радикальных перемен. Следует ввести социалистический и кооперативный экономический порядок, что сделает возможным равноправное распределение средств к существованию».

Ни Маркс, ни Энгельс не смогли бы выразиться с такой же простотой, и хотя Американская гуманистическая ассоциация выступала за это еще более решительно, нежели идеологические отцы коммунизма, необходимо подчеркнуть, что они делали это вполне законным образом и в своей деятельности не прибегали к недемократичным или подрывным методам. Тот факт, что она избежала повышенного внимания к себе со стороны печально известного Комитета по расследованию антиамериканской деятельности во главе с сенатором Маккарти, говорит, по-моему, в пользу этого.

И все же даже беглого взгляда на страницы «Гуманиста» вполне достаточно, чтобы увидеть, что он постоянно выступал с нападками на все, что могло показаться отклонением от материализма в марксистском толковании, иногда используя при этом язык, заимствованный у «Правды», когда та пишет о капитализме. Целью стали все существующие религии, начиная от иудаизма и кончая дзен-буддизмом. Комментируя с позиций гуманистической партии открытия в области квантовой механики, журнал пытался доказать, что они не приведут к пересмотру материалистической концепции окружающего мира-. Что же касается парапсихологии, то в статье о покойном профессоре Дж. Б.Райне и его отделении в Университете Дьюк

был сделан намек на то, что пионер академической парапсихологии был психически ненормальным человеком.

Подозрения о том, что Комитет не питает более интереса к каким-либо научным исследованиям, возникли во время его конференции в 1983 году в Буффало. По словам моего друга, присутствовавшего на этой конференции, между Куртцем и Деннисом Роулинсом произошел любопытный диалог. Роулинс хотел выяснить, куда идут деньги, получаемые от 18 тысяч подписчиков журнала (стоимость одной подписки — 16,5 доллара), издаваемого Комитетом, в то время как стало абсолютно ясно, что его исследовательская деятельность прекратилась. После некоторой паузы Роулинсу было сказано, что все вырученные деньги (около 300 тысяч долларов) пошли на производство журнала и организацию различных конференций. «Это, — заметил мой друг, — было полной чепухой».

И все же не так абсурдно по сравнению с убеждением, которого твердо придерживался Комитет и его патрон — Американская гуманистическая ассоциация: растущий интерес к оккультизму ведет к возникновению фашизма. Действительно, нацисты умело и успешно применяли на практике традиционные магические ритуалы, символику и пропаганду с элементами мистики, однако к власти они пришли в основном благодаря умелой организации и грубой силе. И сегодня в Западной Германии существует широкий интерес к оккультизму, однако нет и намека на серьезную опасность возрождения фашизма в этой стране. Этот широкий интерес существует и в других странах Западной Европы, особенно в Ирландии, где возможным диктаторам пришлось бы немало потрудиться, прежде чем захватить власть, учитывая, что в этой стране не существует вооруженных сил, за исключением нескольких канонерских лодок.

С другой стороны, не случайно, что самый старый «долгожитель» среди современных диктаторов — албанский руководитель Энвер Ходжа запретил в своей стране все виды религии. Нельзя отделаться от подозрения, что Комитет и гуманисты хотят того же, если судить по опубликованным материалам, о которых я уже упомянул. Серьезные оккультисты, по крайней мере те, которых я знаю, используют свою энергию для того, чтобы проложить пути, которые приведут их к лучшему пониманию загадок природы, жизни и творчества. Профессиональный скептик всегда пытается заверить других в своей непредубежденности. Мартин Гарднер писал: «Современная наука в отношении к любой сумасшедшей гипотезе прежде всего должна относиться по-человечески, без раздражения и злобы».

Однако сам он не проявил такой терпимости, более того, в книге «Фантазии и заблуждения во имя науки» (1957) он разносит любые альтернативные гипотезы вне зависимости от того, были ли они сумасшедшими или нет. Стефен Канфер, автор уже упомянутой статьи в мартовском номере журнала «Тайм» за 1974 год, закончил свое шестистраничное обличение парапсихологии призывом к «доскональной проверке этого феномена теми, кто ничто не принимает априори». Интересно, почему он сам не попытался сделать это?

По иронии судьбы в то время, как гуманисты и Комитет делали все для того, чтобы стереть паранормальность с лица Америки, ситуация в коммунистических странах развивалась в другом направлении. В СССР и других славянских государствах, таких, как Польша, Чехословакия, Болгария, в меньшей степени — Венгрия и Румыния, существует жгучий интерес к явлениям парапсихологии. Взрыв этого интереса произошел недавно и в Китае. (Марчелло Трущи, посетивший Китай и рассказавший об этой поездке достаточно объективно, получил выговор на одном из собраний Комитета только за то, что съездил туда!)

Советские исследователи придумали новую научную дисциплину — гелиобиологию — изучение влияния солнечной и космической радиации на биологические системы. Широкое признание и официальное одобрение этой дисциплины вызвали интерес ко всем невидимым глазом взаимодействиям, будь то электрические, магнитные или психические. Русские ввели новую терминологию, предпочтя «биоинформационную передачу» телепатии и ясновидению, «биофизический эффект» — психокинезу и «экстрасенса» — медиуму. Они отвергают спиритуальную трактовку этих явлений, однако признают факты и изучают их с таким же энтузиазмом, как и их западные коллеги, на сколько я могу судить по собственному опыту.

Болгария — это единственная страна в мире, где есть государственный институт по изучению явлений парапсихологии. Кроме того, в этой стране есть ясновидящая на государственном уровне — слепая женщина по имени Ванга Димитрова, умершая в 1985 году (так в тексте, но это не соответствует действительности, Ванга здравствует. — **Примеч. ред**.). В ее родном городке Петриче, недалеко от границы с Грецией, построена гостиница для посетителей. По приезде они получают кусочек сахара, который должны на ночь положить под подушку. Когда подходит их очередь, они отдают сахар Ванге, который она прижимает ко лбу и держит так некоторое время, после чего в деталях рассказывает о прошлом, настоящем и будущем клиента. В течение нескольких лет Вангу изучал доктор Георгий Лозанов,

директор исследовательского института методов внушения в Софии, который, к сожалению, не обнародовал свои открытия. Немногое поведал он мне и во время нашей часовой вежливой беседы, кроме того, что убежден в способности Ванги к ясновидению, так же, впрочем, как и все болгары, которых я встречал в этой стране.

Польское психотроническое (psychotronic) общество, куда входят 4 тысячи членов, является крупнейшим в мире. Во время лекции, которую я читал на ее конференции в Варшаве в 1983 году, я насчитал в аудитории более § 00 человек, самое большое количество, когда-либо присутствовавшее на событии такого рода. Во время одного из перерывов молодой польский медик испугал некоторых из нас тем, что поставил диагноз прошлого и нынешнего физического состояния каждого из нас без какого-либо осмотра или опроса.

Интерес к явлениям нематериального порядка, имеющий в Чехословакии длительную историю, существует и поныне. Во время конференции, которая проводилась в Братиславе в новом здании штаб-квартиры профсоюзов в том же 1983 году, я завел речь о Викторианском столе споров, после чего участники из нескольких восточноевропейских стран потребовали дополнительной информации и немедленных практических инструкций. Им захотелось вернуться в отель и подвигать столик туда-сюда. Молодой советский ученый сообщил нам, что уже присутствовал при подобных демонстрациях у себя дома, где подобные вещи считаются обычным времяпровождением в выходные дни.

В Советском Союзе по меньшей мере два человека сделали карьеру, демонстрируя парапсихологические способности примерно так же, как это делает Ури Геллер. Покойный Вольф Мессинг посредством публичных выступлений донес телепатию и ясновидение во все уголки страны, а после его смерти эта роль перешла к Тофику Дадашеву, на которого бегло смогли взглянуть западные участники конференции в Праге в 1973 году.

Во время встреч с советскими и восточноевропейскими учеными, большинство из которых являлись профессиональными учеными, я ни разу не сталкивался с сомнениями по поводу существования парапсихологического феномена. Их отношение к этому можно суммировать следующим образом: «Вокруг нас происходит что-то интересное. Давайте выясним, что именно». С другой стороны, на так называемом свободном Западе принято следующее отношение: «Вокруг нас происходит что-то опасное. Надо положить этому конец».

Грязь засасывает. Через 15 лет разного рода «разоблачений»,

примеры которых я привел, бытовало мнение, что с Ури Геллера сорвана лживая маска. Меня убеждали в этом лично те, кто это лучше знал, неизвестно, правда, из каких источников информации. Вроде бы кто-то что-то где-то прочел…

Геллер ни разу не был уличен в мошенничестве, не было доказано с абсолютной точностью, что он обладает настоящими парапсихологическими способностями. Возможно, это никогда не удастся доказать, и я подозреваю, что Ури этим доволен.

Были времена, где научное доказательство новой гипотезы являлось честной процедурой. Вы ставили эксперимент, публиковали результаты и ждали, когда кто-нибудь другой повторит его. В последние годы некоторые важные новые открытия были приняты на веру слишком быстро, например «двойная спираль» молекулы ДНК или «эффект Джозефсона», который сыграл важную роль в начале самой стремительной в истории технологической революции. Нобелевские премии вручались сразу, как только становилось ясно, что никто не собирается опровергать истинность этих открытий.

Почему же не получили наград Путхофф, Тарг или кто-то еще за открытие «эффекта Геллера»? На то есть много причин, главная из которых заключается в том, что никто не мог точно объяснить, что представляет собой этот эффект. Единственное, что можно было утверждать, так это то, что, как только Геллер появляется в лаборатории, там должно произойти нечто необычное. За такое открытие награды не жди. Как заметил однажды Тарг: «В мире науки никого не интересует, что, возможно, произойдет. Слова „возможно“ явно недостаточно».

Нельзя ожидать от человеческого мозга, самой сложной вещи в природе, такого же предсказуемого поведения в лабораторных условиях, как поведение, например, спирали ДНК. В любом эксперименте на выяснение парапсихологических способностей участвуют минимум два мозга: подопытного и исследователя. Если психическая энергия на самом деле существует, можно ожидать, что она подвержена любому мало-мальскому влиянию и может проявиться только тогда, когда для этого созданы подходящие условия. Вполне возможно, что исследователь осознанно или нет пользуется этой энергией во время эксперимента. Более того, почти неизбежно, что ни один эксперимент не может быть повторен, поскольку ни мозг экспериментируемого, ни мозг экспериментатора не могут находиться в одном и том же состоянии более одного раза.

Один из убежденных критиков парапсихологии — профессор К.Е.М.Хансел заявил в 1983 году в телевизионном интервью: «Если кто-то действительно является телепатом, то он должен

легко продемонстрировать это другому человеку. Мне было бы достаточно, если бы я несколько минут поговорил с человеком, а потом спросил у него, о чем я думаю». Такой аргумент (к тому же от профессора психологии) просто нелеп. Представьте, что вас просят, скажем, влюбиться с первого взгляда. Что бы произошло, если бы мы схватили на улице первых попавшихся мужчин и женщин, усадили бы их друг против друга и приказали бы им немедленно проникнуться глубоким чувством друг к другу? Во многих случаях ничего бы не произошло. Тем не менее нет недостатка в доказательствах, что люди влюбляются с первого взгляда и остаются вместе до тех пор, пока их не разлучит смерть. Тот факт, что многие люди не удостаиваются такого счастья, еще ни о чем не говорит.

То же самое можно сказать и в отношении того, что существует недостаток в доказательствах существования так называемого парапсихологического феномена: телепатии, ясновидения, предсказания и психокинеза. Как заметил Уильям Джеймс в эссе, которое было написано им за год до кончины и в котором он описывает великое множество документированных подтверждений существования этого феномена, «первое различие между исследователем парапсихологических явлений и неинформированным человеком заключается в том, что первый понимает сходство и типичность феномена, в то время как второй, менее информированный, думает, что все это происходит настолько редко, что просто недостойно внимания».

Существует еще одна причина, почему неспециалисты предпочитают игнорировать позитивное доказательство существования парапсихологического эффекта.

Те, кто отрицают существование парапсихологии, могут быть разделены на два лагеря: искренне сомневающиеся и сомневающиеся «неэксперты». Первые достаточно разумно считают этот феномен настолько неправдоподобным, что требуют исключительных доказательств перед тем, как рассмотреть его. Сомневающиеся «неэксперты» не допускают даже мысли о существовании этого феномена, поскольку в принятой ими модели мира для него не находится места. Таким образом, любое доказательство его существования не может быть рассмотрено даже теоретически, его надо просто отбросить.

Здесь, как указывал Артур Зорка, заключается противоречие, которое выпятил Ури Геллер. С одной стороны, мы имеем длинный список высококвалифицированных ученых-профессионалов, которые изучили его в лабораторных условиях и пришли к выводу, что он, по крайней мере, достоин дальнейших исследований. С другой стороны, есть нечестные скептики,

которые не только никогда не исследовали его, но и считают бессмысленной любую попытку изучения людей, подобных Геллеру.

Три века назад Иоханнес Кеплер предупреждал своих коллег — астрономов: «Не выплескивайте вместе с водой ребеночка», когда речь шла об астрологии, «двоюродной сестре астрономии». «Вера в эффект созвездий стоит на первом месте перед опытом, — писал он. — Это настолько очевидно, что может отвергаться только теми, кто никогда их не изучал… То, что небеса влияют на людей, ясно как Божий день, но как именно — остается загадкой».

Однако истина может быть найдена, если искать ее с той же настойчивостью, с какой «упорная курица ищет зерно в навозной куче».

Такой подход разделяют большинство сегодняшних профессиональных парапсихологов. Я встречался со многими из них и не знаю ни одного, кто не проявлял бы озабоченности по поводу того огромного количества навоза, который был вывален за сто с лишним лет, прошедших с начала исследований этого явления, не только лжемедиумами, но и некоторыми лжеисследователями. Эти последние, в свою очередь, были разоблачены историком Брайаном Инглишем, в чьей богатой фактурой книге «Скрытая сила» (1986) говорится, что каждое «срывание маски» в истории парапсихологических исследований, начиная с Даниэля Хоума и кончая Ури Геллером, делалось не «упорными курочками», а «детоубийцами».

Несколько примеров того, как пытались уличить Ури Геллера в мошенничестве, уже были приведены в этой книге — и им, и мной. Другие войдут в следующую книгу. И тот факт, что он сумел выдержать эти нападки, является убедительным доказательством как реальности его способностей, так и надуманности обвинений в его адрес. Я приведу последний пример, иллюстрирующий всю глубину падения тех, кто пытался покончить с Ури.

* * *

Как я уже писал, делались попытки воспрепятствовать обнародованию результатов первого серьезного научного исследования Геллера, проведенного в 1972 году Харольдом Путхоф-фом и Расселом Таргом в Станфорде, еще до их опубликования. Делалось это с помощью непроверенных слухов, безосновательных предположений и анонимного использования

личной переписки. Впервые публично результаты исследования стали достоянием публики 9 марта 1973 года в виде фильма под названием «Эксперименты с Ури Геллером», показанного в Колумбийском университете. К тому времени в печати уже находился номер «Тайм» от 12 марта со статьей «Фокусник и „мозговой центр“», полной резких нападок и «обличений».

Как только исследование вышло из лабораторных стен, Джеймс Рэнди набросился на него в книге «Магия Ури Геллера».

В своей следующей книге, «Мошенничество» (или: вздор, трюк, ерунда), он попытался оклеветать Путхоффа и Тарга и скомпрометировать результаты их исследований — ни на одном из которых он не присутствовал, — ссылаясь на Зева Прессмана, профессионального фотографа, снимавшего фильм в Станфорде.

Имя Прессмана, утверждал Рэнди, было вставлено в титры фильма «без его ведома и согласия». Целый кусок в фильме был якобы специально доснят и вставлен в ленту, Прессман «ничего не знает о том, что вышло под его именем, и открещивается от той части фильма, о которой он не знал».

Если бы это была правда, то это было бы весьма серьезно и Прессман был бы обвинен в соучастии в заранее запланированном мошенничестве. Но это была неправда. Прессман решительно отклонил домыслы Рэнди во время двух публичных выступлений, ни одно из которых не было упомянуто в переизданной в 19&2 году книге Рэнди. «Я снял фильм, — говорил Прессман, — и мое имя фигурирует там с моего ведома и согласия… Ничего не доснималось и не вставлялось в ленту… Я никогда не встречался, не говорил и не переписывался с Рэнди. „Разоблачения“, которые он приписывает мне, являются полной фикцией».

«Неужели мы отказываемся от научных идей рационализма, беспристрастного исследования факта и трезвого эксперимен-, та, которые сделали современную цивилизацию такой, какая она есть сегодня?» — задавались вопросом учредители Комитета в своем обращении. Их собственное поведение иногда заставляет меня думать, что это действительно так.

Рэнди выражается особенно точно, когда говорит о себе. «Я актер, играющий роль, и я делаю это ради развлечения», — сказал он1 июля 1982 года в телевизионном интервью. Роль научного исследователя была не самой удачной его ролью.

Если бы мне предложили разобраться в методах деятельности противников парапсихологии, я бы предложил весьма упрощенный сценарий. Например, как известно, одна из задач КГБ состоит в подрыве западного общества. Часто это делается с помощью внедрения в группы диссидентов и использования их —

часто без их ведома — в собственных целях. Что может быть лучшей целью для проникновения, чем гуманистическая ассоциация, многие члены которой являются марксистами? Что может быть удобнее организации издательства, которое печатает пропагандистскую продукцию гуманистов и их агентов из Комитета (примеры заголовков: «Атеизм — довод против бога», «Этика без бога», «Проблема бога», «Секс без любви»).

Зачем же наживать столько проблем и тратить столько средств для дискредитации всей парапсихологии? Конечно, для того, чтобы отвлечь внимание от идущей вовсю работы в таких местах, как, скажем, Институт космической биологии в Обнинске, неподалеку от Москвы, или бесчисленные лаборатории академгородка в Сибири или Алма-Ате.

Но этот же сценарий можно переписать так, чтобы доказать, что ЦРУ, а не КГБ направляет деятельность противников парапсихологии. Известный парапсихолог недавно сделал публичное заявление о том, что спустя S лет, прошедших после завершения одного из его проектов, он выяснил, что субсидировалось оно ЦРУ. Эта контора известна не хуже, чем ее советская родственница, и каждый, кто заявляет подобные вещи, сразу получает ярлык «охотника на ведьм».

Догадки о внедрении агентов КГБ или ЦРУ в их организацию могут быть отклонены официальными лицами Комитета, как это и было сделано, например, 23 июня 19&5 года в газете «Санди тайме» после того, как колумнист Генри Портер намекнул на это. Если Комитетом манипулируют секретные службы, об этом станет известно в последнюю очередь.

Снова повторю, что предыдущие четыре параграфа являются на самом деле нонсенсом. Я написал их только для того, чтобы показать, как «тщательное расследование», которое так любит Комитет, может обернуться против него.

Для критиков Геллера все средства хороши. Даже «Ридерс Дайджест» предпочитает домыслы фокусников научным доказательствам. В опубликованной на его страницах книге «Загадки необъяснимого» читателю внушается, что «достижения Ури оказались на поверку сплошным обманом и надувательством». Выяснилось, что это заявление сделано двумя фокусниками, один из которых был процитирован из журнала «Гуманист», в то время как второй, Милбурн Кристофер, утверждал, что Ури использовал для остановки часов магний, натертый на ладонь, которым Ури никогда даже не пытался пользоваться. Почему же мы должны верить голословным утверждениям Кристофера или кого-то другого?

К счастью, факт существования необъяснимых до сих пор

способностей в человеке не замыкается на одном Ури Геллере. Как заметил Уильям Джеймс, есть общее и типическое. То, что делает Геллер, за ним повторяют другие, хотя еще никому не удалось повторить буквально все или сделать это с тем же изяществом. Поэтому, прежде чем привести мои собственные доказательства и умозаключения, я уделю отдельную главу деятельности этих «других».

Глава 15. Состояние искусства

С 30 ноября по 1 декабря 1983 года в городе Лизбург, штат Вирджиния, прошел семинар на тему «Использование феномена аномальности». Он был организован организацией «Каман Темпо», являющейся филиалом («мозговым центром») научного общества «Каман» в Санта-Барбаре, штат Калифорния. Симпозиум ставил своей целью «создание такого места, где независимые исследователи могли бы знакомить государственных чиновников и ученых с деталями своих исследований и обсуждать возможности их применения на практике». На симпозиуме выступило 19 человек, среди которых было несколько деканов различных университетов, а также гости, о которых было сказано, что они являются «ведущими учеными, гражданскими и военными чиновниками». Список участников не был опубликован.

Во всех странах довольно часто устраиваются встречи, на которых ученые коротко информируют членов правительства и работников разведывательных служб о результатах последних исследований в различных областях знания. Но эта встреча была необычной. Ее цель, как сказал в коротком вступительном слове ведущий симпозиума доктор Скотт Джонс из «Каман Темпо», заключалась в том, чтобы «делегировать группу ведущих исследователей в Вашингтон, где они дали бы свою оценку ситуации по изучению психического феномена, существующей на 1983 год, и сделали свой прогноз на 1990 г.».

Дискуссии велись по широкому кругу вопросов, начиная от телепатии, ясновидения, предсказательства и психокинеза и кончая «взаимодействием человека и техники» (т. е. воздействие на компьютеры) и вопросами «бесконечности жизни». Обсуждалась и проблема использования феномена аномальности в военных целях. Доставить 19 человек со всех концов страны и обслуживать их в течение 2–3 дней — дорогое удовольствие, и надо подчеркнуть, что участников просили не рассуждать о возможности существования психического феномена, а обсудить то, как его можно использовать на практике.

В опубликованных «Записках Лизбургкого симпозиума» имя Геллера не упоминается, однако в них запротоколированы дискуссии обо всем, что он когда-либо демонстрировал, начиная от сгибания ложек и чтения мыслей и кончая нахождением предметов и исчезнувших людей, определением местоположения природных ресурсов и порчей компьютеров. Я разделю их на две части:

феномен аномальных явлений умственного порядка:

телепатия, ясновидение, предсказательство и дистанционное обнаружение предметов;

феномен аномальных явлений физического порядка: психокинез или взаимодействие между мозгом и материальными вещами на любом уровне — от микро — до макроскопических.

Первое явление умственного порядка, которое обсудили участники симпозиума, было ясновидение, или «видение на расстоянии», как предпочитают говорить в СИИ Интернейшнл, где 29 мая 1973 года началось исследование под названием «Проджект Сканате» (Проект Сканате). Его проводили Харольд Путхофф и Рассел Тарг, два физика-лазерщика, которые начали изучать аномальные явления, экспериментируя с Ури Геллером. Объектом их исследований стал житель Нью-Йорка по имени Инго Свонн, художник и писатель по профессии, чьи книги о парапсихологии широко читались и у которого было масса идей о том, как могут быть исследованы его способности. Он заслуживает того, чтобы быть названным инициатором начала «Проекта Сканате», поскольку именно ему пришла в голову идея попытаться получить полезную информацию на расстоянии — любом расстоянии — с помощью географических координат того или иного места. Пристально изучая эти координаты, он надеялся предоставить более детальную информацию, чем на любой доступной карте.

Свонн не впадал в транс и не бил в барабан. Он просто удобно уселся в кресле, закурил сигару, сделал глоток кофе и начал без запинки выдавать точное описание места, отдаленного на расстояние многих тысяч миль, о котором Путхофф и Тарг знали только одно — его широту и долготу. Одним из таких мест, точную словесную карту которого составил Свонн, был отдаленный остров в Тихом океане — Кергулен, где, по официальным сведениям, находится лаборатория по изучению климата. На самом же деле там располагается советская ракетная установка.

Координировал «Проект Сканате», в котором позже участвовало еще шесть экспериментируемых, человек, который, по словам репортера Рона МакРаэ, был офицером ЦРУ, отвечающим за контроль всего, что происходит в области изучения психики. В своей книге «Война умов» (1984) МакРаэ описывает, как позже этот агент сам участвовал в одном из опытов и получил такие же результаты, как Свонн и другие. Он выразил свою реакцию следующими словами: «Бог мой, это действительно происходит!»

Более ста опытов было проведено в рамках проекта, который продолжался два года. Среди целей, намеченных ЦРУ и

Национальным агенством безопасности, было несколько военных точек на территории Советского Союза. Их описание, данное участниками проекта, было позже подтверждено — в некоторых случаях совершенно точно — с помощью спутников. Одна из целей была выбрана достаточно недалеко: объект в районе Вашингтона. Один из экспериментируемых с точностью описал не только общий вид объекта, но и детали его помещений.

В ходе экспериментов в СИИ и Принстоне выяснились интересные особенности. Оказалось, что почти каждый может видеть на расстоянии и что возможно развивать эту способность, как и любую другую, постоянно практикуясь и учась избегать простых ошибок. Одна из наиболее распространенных ошибок заключается в том, что экспериментируемый слишком замыкается на форме предмета, который он видит. Путхофф говорил об этом так: «Экспериментируемый говорит: „Я вижу то, что летает и имеет крылья, но это не птица. В ЭТО превращается червяк, но я не могу сказать, как оно называется“. Когда экспериментируемому в качестве версии предлагается бабочка, он тут же соглашается».

Существует множество замечательных совпадений между открытиями исследователей «видения на расстоянии» и работами тех ученых, которые первыми взялись за изучение функционирования полушарий человеческого мозга. Роджер Сперри, получивший Нобелевскую премию за работы в этой области, обнаружил, что две половины человеческого мозга по-разному реагируют на внешнюю информацию. Если функционирует только левое полушарие мозга, то человек воспринимает только словесную информацию о предмете, но не может идентифицировать его по форме или прикоснувшись к нему рукой. При функционировании одного правого полушария человек узнает предмет по форме, но не может описать его словами.

Неверно думать, как делают некоторые, что нормальный человек способен пользоваться одним полушарием мозга независимо от другого. Наш мозг устроен так, что способен функционировать только как единая система. В то же время известно, что все мы обладаем двумя моделями мышления, одна из которых логическая и аналитическая, а другая — интуитивная. В своей книге «Если это магия» (1985) я подчеркиваю, что, хотя в нормальном мозге работают оба полушария, иногда бывает так, что одно из них скорее мешает, чем помогает. Например, мы часто чувствуем, что наша интуиция вступает в противоречие с нашей логикой. Бывает и так, что мы подавляем интуицию (или, чаще всего, чью-то интуицию), действуя логически, и

обнаруживаем, что допустили ошибку, поскольку именно интуитивный путь был верным.

Именно это происходило вновь и вновь во время экспериментов по видению на расстоянии. Некоторые экспериментируемые воспринимали в сознании предметы с замечательной точностью, но описывали их словами или изображали на бумаге неправильно из-за того, что Инго Свонн назвал «аналитическим покрывалом», а я называю подавлением правого полушария левым.

Один из подходов к решению этой проблемы заключается в использовании одновременно нескольких экспериментируемых, что и было проделано Стефаном Шварцем и его «Группой Мобиус» в Лос-Анджелесе. Он собрал вместе команду ясновидящих с различным уровнем интеллектуальной подготовки, среди которых были фотограф, банкир, бывший егерь, домохозяйка, и вскоре обнаружил, что в подобных опытах два мозга лучше, чем один, а три — еще лучше. В некоторых его экспериментах участвовало до 11 человек.

Один из самых удачных опытов был описан им на симпозиуме в Лизбурге. К нему обратился районный прокурор из Ланкастер Каунти, штат Пенсильвания, с просьбой помочь в розыске пропавшей 14-летней девочки. Кроме фотографии девочки и факта ее исчезновения, никакой другой информации он не получил. Имея дочь того же возраста, Шварц испытывал сильное желание помочь, однако смог привлечь к этому делу только двоих ясновидящих.

Оба заявили, что девочка мертва. Один из них сообщил, что ее ударили по голове, второй — что она была задушена. Оба сошлись на том, что это было нападение на сексуальной почве и что напавший хорошо знаком девочке. Все это выглядит как, вполне достоверная догадка в подобных случаях. Однако ясновидящие пошли дальше и составили картину преступления, которая была достаточно детальной, чтобы побудить полицию исследовать район, который они описывали.

«Описание места, где было найдено тело, было великолепным, — сообщал Шварц. — Поэтому они и нашли тело».

Преступник был вскоре арестован и осужден. Он и раньше был под подозрением, но без тела полиция мало что могла предпринять. Девушка, между прочим, получила удар по голове, а потом была задушена.

Следующим, кто описал успешные открытия в области психиатрии, был доктор Карлис Осис, научный руководитель в Американском обществе психических исследований в Нью-Йорке.

В то время как Ури Геллер расследовал дело «сына Сэма», Осис независимо занимался тем же с группой из шести человек. Это было одно из самых нерезультативных дел, поскольку пятеро из группы вообще не выдали никакой полезной информации, в то время как шестой представил детали, которые, если оглянуться назад, могли бы способствовать более раннему аресту подозреваемого, если бы они были увязаны с информацией, полученной от Геллера. Этот шестой, вернее, шестая, так как это была женщина, заявила, что убийца был почтовым служащим, и даже частично назвала номер его водительского удостоверения.

Осис пытался разработать версию с почтовым служащим, однако не получил доступа к личным делам. Тем не менее он сохранил оптимизм в отношении возможности определения личности преступника с помощью телепатии.

«Мы знаем, что делать, какие гипотезы проверять, как извлекать максимум из наших опытов, как отбирать и обучать талантливых людей, какое использовать оборудование для того, чтобы облегчать наши усилия, — сказал он, обращаясь к участникам симпозиума в Лизбурге. — Когда методы ЕСП получат практическое применение, преступникам некуда будет деваться». Все, что сейчас необходимо, так это «воля и желание к работе», сказал он в заключение.

Примерно в это же время я столкнулся с примером такого желания. Однажды, когда я занимался в библиотеке Общества по исследованию психики в Лондоне, ко мне обратилась молодая женщина-полицейский с просьбой найти материал для ее исследовательской работы «Использование психики в полицейской работе». Надеюсь, сегодня все библиотеки полицейских училищ обладают экземпляром книги У.С.Хиббарда и Р.У.Уо-ринга «Психическая криминология: руководство по использованию психики во время криминальных расследований», опубликованной в 1982 году.

Я также встретился с сотрудником канадской королевской конной полиции, познакомившим меня с женщиной, которая, как он убеждал меня, обладала способностью давать точную и полезную информацию, касающуюся тяжких преступлений, включая убийства. Сама она не раскрыла ни одного дела, добавил он, однако признал, что телепат наравне с другими специалистами может принести пользу в раскрытии преступления.

«Гражданские и военные» руководящие чины, которые провели неделю в Лизбурге, должно быть, пришли к выводу, что феномен аномальности на умственном уровне не только имеег широкое распространение и потенциально большую пользу, но и

что в этом легко убедиться. Если бы кто-нибудь из них проследил историю исследований в области телепатии и ясновидения, то он не обнаружил бы недостатка в трудах, в которых основные положения изложены простым языком. Книга Элтона Синклера «Мысленное радио» (1930) и книга Рене Варкольера «Умом к уму» (1948) дают достаточно учебного материала для использования его во время судебных процессов по гражданским и военным делам. Это, решили бы они, как раз то, с чем мы можем работать.

Другое дело, когда речь заходит о психокинезе, или, другими словами, аномальном явлении физического порядка. Никто с точностью не знает, какие правила здесь действуют, и именно этот непредсказуемый характер явления привел к тому, что многие ученые не занимаются им в своих лабораториях, как это будет видно в следующем примере.

Ури Геллер не был первым человеком, заставившим дорогую аппаратуру странно вести себя в помещении СИИ. Эта честь принадлежит Инго Свонну, а эксперимент, в котором он участвовал, имел более научный характер, чем случай с Геллером и компьютером Д-ARPA, поскольку Своин делал именно то, что его просили. Дело происходило в подвале одного из зданий Станфордского университета, а руководил экспериментом Харольд Путхофф. Было это в июне 1972 года, когда Рассел Тарг еще не присоединился к его экспериментам с Геллером.

Вначале Путхофф попросил Свонна настроить себя резко против машины, которая была сконструирована так, что не реагировала ни на один внешний раздражитель, кроме единственного: магнитного поля пусть даже самой малой мощности. Улавливающее устройство было вмонтировано в железобетонный пол. Свою собственную версию того, что произошло вслед за этим, Свонн изложил во время лекции в Обществе физических исследований в Лондоне в апреле 1978 года. До сих пор эта версия не была обнародована. Это не только страшно интересно, но и дает хорошее представление о том, какие психологические условия необходимы для успешного эксперимента по психокинезу. Это также дает некоторое представление и о том, какие проблемы могут возникнуть в этой связи.

Когда Свонн узнал о том, что устройство, на которое он должен был воздействовать, спрятано от глаз под железобетонной плитой, он подумал, что над ним смеются. Первым его желанием было двинуть Путхоффу в челюсть и улететь обратно в Нью-Йорк. Но потом он подумал: если ничего не будет, я все брошу, а если будет… то будет интересно. Итак, доведя себя до состояния «полного бешенства», как его просили, он холодно

поинтересовался, что он должен делать.

«Мысленно воздействуй магнитным полем», — сказал Путхофф, объясняя, что все изменения будут сниматься аппаратом, вычерчивающим диаграмму, которая без остановки работала уже час и показывала абсолютный покой.

Свонн приступил к работе.

«Я не знал, что буду делать, — говорил он, — но мне очень хотелось „сделать“ этих ребят, и я решил постараться так, как-будто это была последняя вещь, которую мне оставалось сделать в этой жизни». После чего он изумил трех наблюдавших за экспериментом ученых, среди которых был создатель магнитометра, заявив, что видит, как работает инструмент. И в доказательство этого он в общих чертах об этом рассказал.

«О, Господи, — произнес один из ученых, — у меня есть патент на изобретение этой штуки. Никто другой не может знать о ее устройстве». Затем, по свидетельству Путхоффа, в течение 30 секунд датчик регистрировал магнитные колебания. Это хорошо видно на диаграмме, которая позже была опубликована.

В помещении, где проводился опыт, послышался нервный смешок. Свонн поинтересовался, удалось ли ему убедить наблюдателей.

«М-да-а… — ответили ему. — А не могли бы вы повторить это еще раз?» Так всегда говорят телепатам, и, понятное дело, это раздражает их.

«Давайте говорить прямо, — произнес Свонн сквозь стиснутые зубы. — Если я снова сделаю это, вы признаете, что я действительно сделал это». Изобретатель магнитометра доктор Артур Хебард предположил, что с его машиной что-то не в порядке, но признался, что будет поражен, если Свонн остановит сигнал.

Спустя пять секунд либо сам магнитометр, либо описывающее устройство — невозможно было определить точно, что именно, — пришли в состояние «механической смерти», которое длилось три четверти минуты. Вместо графика на ленте появлялась сплошная прямая линия. Один из наблюдавших нервно смеялся, и сам Свонн начал хихикать. «Я понял, что „сделал“ их», — радовался он.

Однако они хотели все-таки знать: сможет ли он повторить все снова.

Со старанием, достойным всяческой похвалы, Свонн попытался, но не мог. «Я своего добился, — говорил он, — и проучил их». После того как он преподал этот урок, его телепатические возможности резко пошли на убыль. По его собственному замечанию, лучших результатов он добился тогда,

когда хотел проучить тех, кто занимался его изучением.

Путхофф свидетельствует, что 45 секунд, в течение которых на диаграмме шла прямая линия, совпали по времени с периодом, когда Свонн пытался сделать то, о чем его просили. Затем он отвлек на несколько минут внимание Свонна разговором на постороннюю тему, и в это время записывающее устройство стало снова выписывать обычный график. Однако, когда он вернулся к магнитометру, датчик показал необычный сильный взрыв высокочастотной активности. После окончания эксперимента аппарат вернулся к нормальной работе и работал так в присутствии исследователей в течение следующего часа.

В течение десяти лет был проведен в общей сложности 281 эксперимент по психокинезу. Большинство удачных работ осуществлены в СИИ, где в 1976 году к Путхоффу и Таргу присоединился физик-ядерщик доктор Эдвин К.Мей, работавший на инженерном факультете, возглавляемом Робертом Яном в Принстонском университете.

Выступая перед аудиторией в Лизбурге, Мей и Ян сообщили, что с того времени, когда такие «звезды», как Геллер и Свонн, начали «сводить с ума» дорогостоящую технологию, не говоря уже о ее создателях и владельцах, в этом деле наметился существенный прогресс. Сегодня наметилась тенденция к использованию специально сконструированных генераторов РНГ-типа, позволяющих физикам заниматься исследованием знакомого им предмета: распадом радиоактивного вещества. Известно, что кусок породы определенного внутреннего строения при распаде испускает поток частиц, которых достаточно для того, чтобы зажечь свет или включить вычислительную машину. Правда, не существует надежного способа предсказать, выберет ли машина «О» или «1», «вкл.» или «выкл.».

Ученые полагали, что если мысль способна сгибать ложку, то она может контролировать и движение отдельного атома что легко проверить и зафиксировать. Первым этим занялся доктор Хельмут Шмидт, физик из компании «Боинг» в Сиэтле, который опубликовал свои первые результаты в 1969 году, задолго до того, как РНГ заменили игральные карты и кости парапсихологов, использовавшиеся в качестве аппаратуры для исследования психокинеза (ПК).

Группа в Принстоне провела серию экспериментов (часть из них длилась несколько недель и даже месяцев), в которых в качестве испытуемых участвовало 8 человек. Некоторые из них могли по желанию передвигать шкалу результатов в любом направлении для регистрации того, что Ян назвал ПК-плюс или ПК-минус, и общие статистические данные проведенных

экспериментов были весьма важны. Один шанс из 10 тысяч на то, что все происходило случайно. Некоторые участники эксперимента, проведенного Эдвином Меем в СИИ, выдали даже лучшие результаты, которые никак не назовешь случайными.

«Минуточку! — могут подумать гражданские и военные руководящие чины. — Если человек может управлять движением атомов на расстоянии, с таким же успехом он может вывести из строя компьютеры».

Конечно, может. Возьмем, к примеру, случай с «человеком, который сводит с ума компьютеры, того не желая», описанный в апрельском номере журнала «Компьютинг уиз Амстрад» известной фирмы по производству компьютеров.

У работника текстильной промышленности Петера Стрикланда необычная проблема. «Если речь идет о компьютере, то будьте уверены, что он выйдет из строя, если рядом окажусь я», — говорит он. Во время посещения фабрики он стал причиной хаоса на производственной линии, поскольку компьютер, который контролировал ее работу, «сходил с ума» каждый раз, когда он к нему приближался. Но стоило ему отойти немного в сторону, компьютер возвращался в нормальное рабочее состояние. Бедный парень не мог даже пользоваться своим микрокалькулятором. Он прекрасно работал в руках любого другого, но только не своего хозяина, для которого он не мог произвести даже простейшую операцию по сложению.

Электрические поля, особенно если они излучают на очень низких частотах, безусловно, воздействуют на людей. Я провел несколько неприятных уикендов в деревне Дорсет (графство Фишпонд), жители которой уже в течение 10 лет пытаются добиться переноса линии высоковольтных передач, вызывающей ряд неприятных симптомов. Возможно, эти линии являются одной из причин высокого уровня сердечных болезней и дорожных происшествий в этом районе. Такие же неприятные ощущения были у меня и на территории Гринэм-Коммон, ракетной базы НАТО, ставшей объектом длительной компании протеста, в которой участвовали женщины. Там находятся мощные радарные установки, которые направлены не в небо, а по земле. Когда я подошел к забору, ограждавшему базу, я почувствовал характерную потерю остроты зрения, как и мой коллега, сопровождавший меня. Многие из обитателей лагеря рядом с базой страдали от более неприятных явлений. Было ли это случайно или нет, установить нам не удалось.

Должны существовать нормальные объяснения подобного влияния электричества на людей, и мне хотелось бы, чтобы оно было изучено более углубленно. Влияние же человека на

электричество — другое и более загадочное дело. На встрече в Лизбурге эту тему затронул доктор Роберт Моррис из Сиракузского университета.

Он подчеркнул, что, несмотря на многочисленные документированные свидетельства о людях, которые вызывают необъяснимые явления, мало сделано для их изучения. Один из самых известных людей такого рода — физик-теоретик Вольфганг Паули, о котором его коллега Георг Гамов писал, что тому стоило только войти в лабораторию, как сразу же «аппаратура падала на пол… ломалась, перегорала или разбивалась вдребезги».

Моррис описал и другой случай, прямо противоположный «эффекту Паули», когда неисправный магнитометр приходил в рабочее состояние, как только в комнату входил монтер, не успевавший еще даже дотронуться до него. Стоило ему выйти из комнаты, как аппарат снова приходил в негодность. Сотрудник, обративший внимание на эту странность, трижды просил монтера войти и выйти, и каждый раз повторялось то же самое. В результате ремонт аппаратуры был поручен другому человеку.

Затем Моррис рассказал об эксперименте, проведенном им самим для подтверждения гипотезы, которая до сих пор не была соответствующим образом проверена: необъяснимое поведение научной аппаратуры может объясняться стрессовым состоянием того, кто с ней работает.

Используя в качестве подопытных 32 аспирантов, он разделил их на две группы, одна из которых состояла из любителей спорта и разного рода состязаний, а другая из тех, кто был по натуре более спокоен.

Испытуемых усадили за компьютеры, на экране которых беспорядочно двигались точки, находящиеся на очень небольшом расстоянии друг от друга. Испытуемые должны были выстроить точки в одну линию.

Одним при этом были даны следующие инструкции: попытаться «побить» компьютер любой ценой, ведя себя при этом так, как-будто дело происходило во время футбольного матча. Другим было предложено вести себя спокойно, расслаблено, сняв ботинки, — просто помочь компьютеру сделать то, что им хотелось.

Моррис одновременно проверял две гипотезы. Добьются ли азартные испытуемые больших успехов, чем их более уравновешенные коллеги? Повлияют ли на результаты различия в инструкциях, которые получили испытуемые? Моррис перетасовал листки бумаги, на которых были написаны инструкции, поэтому было не ясно, кому какие достались.

Когда настало время подводить итоги, первая гипотеза

отпала, так как между результатами азартных и уравновешенных не было сколько-нибудь значительных различий. Между тем вторая гипотеза требовала более тщательной проверки. Из 16 человек, получивших «решительные» инструкции «побить» компьютер, 13 не смогли набрать контрольного результата, в то время как из 16 остальных, получивших «спокойные» инструкции, 14 превысили этот результат. Таким образом, те, кто старался изо всех сил, добились худшего результата.

Это требовало немедленного подтверждения, поэтому Моррис повторил эксперимент, вдвое увеличив количество участников. На этот раз он усилил момент расслабления, использовав легкий гипноз в отношении группы, получившей «спокойные» инструкции.

Результат: никакой статистической разницы между обеими группами.

Однако те, кто участвуют в подобных экспериментах, хорошо знают, что они часто приводят к незапланированному результату. В данном случае случилось то, что компьютер сломался. И продолжал ломаться.

«Мы убедились в том, что провели эксперимент в чистом виде», — говорил Моррис. Изучая опросники испытуемых, он заметил, что большинство тех, кто выводил компьютеры из строя, скептически относились к своей задаче и были «более предрасположены к беспокойному состоянию во время эксперимента», нежели их менее склонные к выводу техники из строя коллеги.

«Наши компьютерные системы выходили из строя в присутствии людей, которые не очень-то заботились о том, что они делают, и были склонны к беспокойному поведению во время опыта», — делает вывод Моррис.

В свете этих фактов выступление Геллера в Токио представляет особый интерес. Можно сказать, что во время этого эксперимента он выступал безусловно в роли «решительного» человека. Действительно, большинство людей, которые знают Ури, наверное, согласятся, что он всегда выступает в роли «решительного» человека. Однако, как только он прекращал быть таковым, картинка на экране университета Токай тут же замирала. Внимательное изучение техники сгибания ложек доказывает, что и здесь происходит то же самое. Начиная гнуть металл, он действует решительно, с нажимом, я потом расслабляется. Это происходит тогда, когда ложка начинает гнуться, часто продолжая гнуться тогда, когда он выпускает ее из рук.

Может оказаться, что «спокойные» могут добиться больших

успехов в опытах на психокинез, если некоторое время они находились в «решительном» состоянии, в то время как «решительные» могут добиться успеха только в том случае, если поменяют свой метод.

Участники симпозиума в Лизбурге имели возможность пройти краткий учебный курс по сгибанию металла. В роли инструктора выступил Джек Хоук, инженер по аэрокосмической технике компании «МакДональд Дуглас», которому помогал профессиональный металлург Северин Дален.

Цель этих сеансов, получивших название ПК-вечеров, заключалась не в том, чтобы, усевшись за стол, обсуждать проблему психокинеза, а чтобы демонстрировать его. Первый такой вечер состоялся в доме Хоука в Калифорнии 19 января 1981 года, и присутствовали на нем 20 друзей Хоука. В то время он еще не встречался с Геллером и никогда не присутствовал на его представлениях. Используя свои глубокие познания в области техники, Хоук разработал свой собственный метод.

Первый вечер, как рассказал он мне в 1985 году, был, по сути, экспериментом по проверке концептуальной модели, которую он выработал в течение предыдущих лет.

«Я остановился на феномене психокинеза просто потому, что люди начинали смеяться, когда я вкратце объяснял им свою концептуальную модель и говорил, что, по моему мнению, все феномены, связанные с мозгом, проявляются каждый раз одинаково. Я предсказывал, что если в такое-то время вы достигнете эмоционального пика, то в это же время наступит нужное вам состояние».

Согласно его модели, любой простой смертный может достичь состояния, которое веками приписывалось исключительно мистическим личностям, и может испытать одно из паранормальных явлений. Среди них — способность видеть на расстоянии, вступать в контакт с мыслями другого человека, достигать взаимопонимания с «мыслями» любых физических объектов.

Хоук и его гости садились в кружок, сжимая в своих руках ложки, и Дален зачитывал простые инструкции.

Сконцентрируйте свое внимание на одной точке в вашей голове.

Представьте себе эту точку очень явственно.

Схватите ее, протащите ее через шею, плечи, руки и зафиксируйте в том месте ложки, где вы хотели бы, чтобы она гнулась.

Дайте команду сгибаться.

Передайте команду, и это произойдет.

Должен подчеркнуть, что команды должны отдаваться вслух сидящей группе, а не просто зачитываться по бумажке. Как обнаружил Батчелдор, только в группе можно достичь состояния непоколебимой веры и ожидания, которое и приводит к проявлению эффекта ПК. Это тот самый эксперимент, участвовать в котором должны все с полной и безусловной убежденностью.

Новичкам говорилось, что они должны ощутить «тепловые» сигналы, предшествующие тому моменту, когда ложка должна начать гнуться. Получив такой сигнал, достаточно приложить небольшое физическое усилие, чтобы согнуть ложку. Это то, что Хоук назвал сгибанием ложки на уровне детсада. Такой эксперимент не имеет никакой научной ценности, поскольку сгибание производится вручную, по крайней мере частично, несмотря на то что при этом прилагается гораздо меньше усилий, чем обычно требуется для этого. Ценность этого эксперимента состоит в том, что участвующие в нем ощущают, как ложка нагревается и становится пластичной, и они могут придавать ей любую форму, что невозможно сделать обычными методами.

«Все чувствовали себя в глупом положении, сидя и держа в руках столовое серебро, до тех пор пока вилка, которую держал в руках 14-летний мальчик, вдруг не начала гнуться сама по себе», — рассказывал Хоук участникам симпозиума в Лиз-бурге. Это вселило уверенность в других участников. Как только они убедились в том, что металл можно заставить гнуться, и гнуться немедленно, они почувствовали, что ложки и вилки в течение 20 секунд находились в таком размягченном состоянии, что их можно было крутить, как если бы они были сделаны из пластилина.

К концу вечера согнуть что-либо удалось всем, за исключением двоих: леди, которая заранее предупредила, что не видит смысла в сгибании ложек, и самого Хоука, который был слишком занят тем, что наблюдал за правильным выполнением своих инструкций. После участия в двух ПК-вечерах в Кембридже (1982) и Базеле (1983), я сделал вывод, что невозможно одновременно участвовать и наблюдать за происходящим.

Вспоминая свой первый ПК-вечер, Хоук замечает: «Не думал я тогда, что спустя 4,5 года я проведу 128 ПК-вечеров с участием более 5 тысяч людей. Любой может провести подобный вечер, если у него хватит мужества выстоять перед группой людей. В мире сейчас по меньшей мере 35 человек могут проводить такие вечера. На таких вечерах возникает атмосфера, когда каждый может проявить свои способности к психокинезу, если он допускает саму возможность существования такой способности».

Одной из тех, кто проводит подобные вечера, является Диана

Газес, работающая в нью-йоркской телевизионной компании. Она утверждает, что 80 % участников ее еженедельных сеансов достигают успешного результата. Почти каждый, убеждена она, может научиться делать это. Сама она училась этому искусству у Элдона Берда, который, в свою очередь, обучался у Геллера. Берд был первым ученым, позитивно отозвавшимся о лабораторных опытах Геллера по ПК и ставшим впоследствии мастером по сгибанию ложек.

После одного из сеансов Газес в 1985 году президент одной из издательских компаний сказала ей следующее: «Я провела удивительный вечер, присутствуя на вашем семинаре по сгибанию металла. Когда видишь, как невозможное становится возможным, — это расширяет твой кругозор. Сгибание металла сводит на нет утверждение „этого не может быть“. Металл нельзя согнуть, но вы говорите, что это можно легко сделать, и это действительно происходит».

Деннис Стиллингс, чей журнал «Архивариус» опубликовал несколько работ Берда, Хоука и Далена, также пришел к выводу, что сгибание металла достаточно простое дело, коль скоро понятен способ психологической подготовки к нему.

12-летняя девочка, которая участвовала в одном из вечеров Берда, во время которого 3/4 присутствовавших смогли согнуть что-нибудь, указала своим пальчиком на основной момент в психологической подготовке. После того как, по словам писательницы Элизабет Фуллер, «она переломила ложку легким движением руки», Берд заметил, что детям лучше всего удаются подобные вещи.

«Ага. Потому что никто не говорил нам, что этого нельзя сделать. Правильно?» — спросила девочка. «Совершенно верно», — ответил Берд.

Связь между сгибанием ложек и окружающим миром не столь очевидна, но она существует. В 1983 году выпускница Университета Джона Ф.Кеннеди в Оринде, штат Калифорния, разослала опросник 800 участникам ПК-вечеров, которые устраивали Хоук и Дален. Она получила ответы от 311, 3/4 из которых написали, что они, следуя инструкциям, ощущали еще большую веру в существование феномена ПК, даже несмотря на то, что самим им не удалось вызвать это явление.

Те же, кому это удалось, обнаружили, что они могут использовать открытую силу для контроля над своим состоянием, здоровьем. Убедившись однажды в том, что мысль способна изменять форму металлического предмета, следующим логическим шагом было бы использовать ту же мысль — а лучше несколько таких мыслей, — для того чтобы изменять сложные

структуры, будь то физические, социальные или политические.

Джек Хоук провел несколько интересных экспериментов с использованием зерен вместо столовых принадлежностей. Задача состояния не в том, чтобы гнуть, а в том, чтобы заставить зерна прорастать. Он впервые попробовал сделать это по совету Элдона Берда, который присутствовал на выступлении Геллера по японскому телевидению, когда он проращивал зерна. Ученики Хоука смогли ускорить процесс проращивания зерен сои, используя многое из техники сгибания ложек. В этом случае они вызывали тот процесс, который произошел бы сам собой, однако если возможно использовать приемы ПК для ускорения естественного процесса, то их использование в лечении с помощью рук еще более очевидно.

Ученик Месмера маркиз де Пуйсегюр, который открыл явление гипнотического транса в 1784 году, описал лечение руками как «действие мысли на жизненные принципы тела». Хилеры, говорил он, кладут свои руки на тело пациента, чтобы «вызвать в нем тепло». Внезапное появление тепла в той или иной точке тела по-прежнему является характерной чертой техники лечения руками. Я сам ощутил это, когда проходил курс лечения у Мэтью Мэннинга, специалиста-хилера, который в течение недолгого времени в начале 70-х был также искусным мастером по сгибанию металла.

Сегодня много таких, кто утверждает, что «аномальные» явления телепатии, ясновидения и ПК являются не более чем «аномальными». Но эти явления есть и получают практическое применение, во многом благодаря прорыву, который осуществил Геллер.

«Я думаю, что Ури Геллер сослужил огромную службу человечеству, — говорил мне Хоук, — тем, что открыл глаза многим на возможности психокинеза». Именно это, как он часто говорил, он и стремился всегда делать.

Глава 16. Волшебство крупным планом

С Ури всегда происходили какие-то странности.

Когда ему было 4 или 5 лет, его мать и крестная, миссис Сюзан Элизабет Корн, как-то раз, по своему обыкновению, зашли в одно из уличных кафе Тель-Авива, где они любили сидеть, смотреть по сторонам и обмениваться сплетнями. Поначалу они и не заметили, как Ури взял ложечку, положил ее на ладонь вытянутой рукой и пристально стал на нее смотреть.

После этого наступила очередь миссис Корн смотреть на происходящее с широко раскрытыми от удивления глазами. Спустя 30 с лишним лет она смогла так же ярко пересказать случившееся, как будто все это происходило накануне.

«Он просто смотрел на ложечку, — рассказывала она мне. — И она вдруг начала сгибаться». Руки Ури не двигались. Интересуясь, как это ему удалось, миссис Корн отреагировала так же, как позже реагировали в подобных ситуациях сотни других людей, то есть попросила его проделать то же самое с другой ложечкой.

Ури попробовал, и ему это удалось, как удалось ему еще несколько раз в присутствии крестной, которая была, наверное, первой из неродственников, кто наблюдал паранормальные способности Ури. Его мать еще раньше убедилась в этом, а вскоре убедились в этом и все остальные родственники. Однажды, когда она и миссис Корн, как обычно, играли в карты, мать Ури заметила, что ее часы на руке остановились. Она сняла их и положила рядом.

Ури тут же схватил их, потер своим пальчиком защитное стекло, после чего почти мгновенно часы пошли.

Примерно в то же время миссис Корн привели в жуткое замешательство таинственные телепатические способности ее крестника. «Он говорил мне такое, как будто заглядывал в душу или мозги, — говорила она мне. — Он всегда знал, что мы собираемся делать или куда мы собираемся идти». Имея собственного сына, который был на несколько месяцев младше Ури (сейчас он имеет высокий офицерский чин в армии Израиля), она клялась, что прекрасно знает, какое поведение ребенка можно назвать нормальным, а какое нет.

Играть в карты в присутствии Ури было неинтересно. Казалось, он всегда знал, кто выиграет, что давало повод миссис Корн думать, что он мог видеть сквозь спину, какие карты были у нее на руках. (Много лет спустя Ури подтвердил, что так и было, но только тогда, когда у крестной на руках был джокер.)

Однажды она решила проверить его таинственные способности.

«Он попросил меня что-нибудь нарисовать, — вспоминает она, — и сказал, что опишет мне мой рисунок. Тогда я попросила его выйти из комнаты и нарисовала собаку. Потом я положила рисунок в конверт и заклеила его. Протянув его Ури, я спросила, что там внутри. Он взял конверт, мгновение подержал его в руке и ответил: „Вы нарисовали собаку“».

«Ты должна следить за ребенком, — говорила миссис Корн матери Ури. — Я не знаю, каким он вырастет». Со своей стороны Ури, казалось, прекрасно это знал. Миссис Корн вспоминает, как он убеждал ее, что она еще о нем услышит, и когда 20 с лишним лет спустя она прочитала его книгу «Моя история», то воскликнула: «Господи боже, как он предполагал, так и вышло!»

Миссис Корн не единственный свидетель, который может подтвердить, что Ури был не таким, как все мальчики.

Вот, к примеру, Дональд Вуд. Это удачливый предприниматель, интересы которого простираются от электронного инженеринга и компьютерного бизнеса до организации собственного мозгового центра, который специализируется на изобретении новых технологий. Он один из двух бывших учащихся колледжа Терра Санта в Никосии, которых я без труда разыскал в 1985 году в Англии. Несмотря на то что он был на два года младше Ури, он очень хорошо помнит его.

«Ури был замечательным парнем, который любил быть заводилой, — сказал он мне. — Если что-то надо было сделать, он прекрасно справлялся с заданием». Он вспоминает, как Ури учил его стрелять из воздушки, играть в баскетбол и как он руководил экспедициями по лабиринтам подземных пещер, находившихся рядом со школой, чего не решался делать никто другой. Однажды двое мальчиков залезли на крышу самого высокого здания в Никосии, стоящего неподалеку от «зеленой линии», разделявшей греческую и турецкую половины города. Когда они перелезали через парапет, их заметил турецкий патруль, который тут же открыл по ним огонь. Дональд был в ужасе, а Ури спокойно оттащил его от опасного места и вывел наружу. В обычное время они любили собирать марки и клеить модели аэропланов. А вот как он вспоминает действия Ури на баскетбольной площадке.

«Он бросал мяч в кольцо с очень дальних расстояний и всегда попадал, даже если смотрел в другую сторону. Я совершенно убежден, что он обладает телепатическими способностями, которые ученым следовало бы изучать, а не отвергать их существование».

Шесть лет провел в одном классе с Ури Джозеф Чарльз. Он вспоминает:

«Много необъяснимого было связано с Ури. Взять, к примеру, эти пещеры. Их было 60 или 70, они находились глубоко под землей, расходясь в разные стороны на расстоянии во многие мили, и были абсолютно темными. Сами бы мы никогда не решились туда спускаться. Но с Ури мы всегда чувствовали себя уверенно — всегда он шел впереди, всегда доводил нас до конца пещеры, а потом и обратно».

Демонстрации способностей Ури, срывавшие уроки, стали обычным делом в колледже.

«Он просил меня сделать рисунок в его отсутствие и сложить лист бумаги. Мы убеждались, что он не подглядывает в замочную скважину или через окно. Затем он входил в класс и рисовал именно то, что нарисовал я. Он делал это несколько раз и всегда правильно.

Он разбрасывал карты на полу лицом вверх и просил меня запомнить одну из них. Когда я говорил „готово“, он брал меня за руку и подводил к нужной карте. Вначале я не верил, думал, что это просто совпадение, но он повторял это несколько раз. Это было великолепно.

А потом эти часы… Он мог заставить стрелки идти вперед или назад, не прикоснувшись к ним».

Джозеф после школы пошел работать на торговый флот и работал в качестве курьера до тех пор, пока не открыл свою собственную транспортную фирму в Ист-Энде в Лондоне. Вот как он рассказывает о памятной поездке Ури в Нью-Йорк в 1974 году:

«Мы обедали вместе и вспоминали старые времена. Он ел фруктовый салат обычно ресторанной ложкой, как вдруг она начала гнуться. „Вот видишь, Джозеф, с какой проблемой сталкиваюсь я каждый раз, когда ем“, — сказал он, бросил ложку на стол, и она продолжала гнуться сама по себе, пока не сломалась. Я до сих пор храню обе части у себя дома. Я также попросил его согнуть очень короткий и толстый ключ, и он сделал это. Я сам достаточно силен, но разогнуть его не смог.

Ури шарлатан? Ничего подобного!»

* * *

На каждое утверждение, что Ури является телепатом-шарлатаном, есть масса свидетельств, что приведены выше как теми, кто хорошо знает его на протяжении многих лет, так и теми, кто только однажды повстречал его. Возможно ли, подумал я, чтобы кто-нибудь смог дурачить стольких людей так долго и так часто?

Теоретически возможно. Фокусники частенько дурачат как друг друга, так и публику. Иногда они платят большие деньги, чтобы узнать секрет нового фокуса.

Меня самого несколько раз здорово разыгрывали. Покойный Мильбурн Кристофер продемонстрировал прекрасную скрытую от глаз манипуляцию руками, когда я взял его с собой, чтобы показать место, где был полтергейст Инфилда (этот случай я описал в 1980 году в моей книге «В этом доме живут привидения»). Он проделывал свои штучки с обрывками газет так же впечатляюще, как это делал на сцене Ури, и если бы он убеждал меня в тот момент, что обладает телепатическими способностями, я бы не мог не поверить ему. Обрывки газет, казалось, передвигались по комнате сами по себе, в то время как я стоял у него за спиной. До сих пор я не помню, что он с ними сделал.

Все просто на самом деле, поскольку, как и всякий опытный фокусник, Кристофер прекрасно знал, что он будет делать и когда, а я не знал. Я видел только то, что он хотел, чтобы я видел. Ни я, никто другой не могут доказать, что Геллер — гений (или фальшивка) в одиночку, основываясь только на том, что видели или думали, что видели. Мы должны подойти к этому вопросу с нескольких разных сторон.

Я уже доказал, что необычные способности Ури проявились задолго до того, как он встретился с Шипи и Ханной Штранг, и что почти все, что он когда-либо делал, было сделано другими людьми. Это увеличивает вероятность того, что его способности являются настоящими, хотя и не являются доказательством. Доказать это можно будет только тогда, когда значительное число простых людей обнаружат, что они тоже могут гнуть металлические вещи и получать телепатическую информацию. В этой весьма странной области доказательства должны носить индивидуальный характер.

Во «Введении» я описывал первый из нескольких удивительных случаев, свидетелем которых я был в последующие месяцы в лондонской квартире Ури. Сейчас я хочу рассказать о других, начиная с тех, в которых проявлялись скорее его нормальные, нежели паранормальные, способности.

Однажды когда я пришел к нему домой, то обнаружил Ури согнувшимся над крупномасштабной картой района, куда позже, в 1985 году, он поехал на поиски минералов. На одном из концов карты лежал морской компас, указывавший то же направление, что и на карте.

«Зачем тебе это?» — спросил я.

«О, эта вещь приносит счастье, — небрежно ответил он. —

Смотри».

Я сел на пол позади него, заметив, что широкая стрелка компаса даже не покачнулась, несмотря на то что я произвел достаточно сильное сотрясение в нескольких дюймах от компаса. Ури сжал кулак и покачал им в воздухе на расстоянии шести дюймов от компаса. И тут же хоть и медленно, но стрелка компаса начала сдвигаться.

«Попробуй», — сказал он мне. Я попробовал, напрягая все силы в руке и запястье, однако это не произвело никакого эффекта на маятник. Мускулы генерируют слабые магнитные поля, но моих было явно недостаточно, чтобы воздействовать на компас.

Удовлетворившись реакцией компаса, он отложил его в сторону и протянул ладони на картой, на которую он нанес несколько кружочков карандашом и один или два кружочка цветными чернилами. Это были точки, держа ладони над которыми он всегда ощущал некий импульс. В ноябре 1985 года он показал мне тонкую пластинку золота, которую он лично извлек из механизмов, установленных в одном из мест, помеченных им кружком на карте.

Некоторое время спустя я принес мой личный карманный компас и попросил Ури показать мне, как он заставляет стрелки двигаться. «Я не прошу тебя делать это, — сказал я ему. — Я просто хочу посмотреть, как ты это делаешь».

«Я никогда не пробовал делать это с такой дешевой штукой», — ответил он довольно пренебрежительно. Его собственный корабельный компас был дорогостоящей моделью, стрелки которого работали на масле. Мой же обошелся мне всего в один фунт стерлингов, и его стрелка была закреплена на тонкой проволочке. Однако он имел одно преимущество перед своим дорогостоящим собратом: при воздействии на него магнитным полем стрелка начинала колебаться слабее или сильнее в зависимости от интенсивности магнитного поля. То же самое происходило и при физическом воздействии на него. Поэтому, если я был прав, полагая, что способность Ури заставлять стрелку компаса колебаться вызвана влиянием магнитного поля, мой дешевый инструмент зафиксирует это лучше, чем его дорогой.

Вот как я это делаю, — сказал он. Он сжал оба кулака и поднес их на расстояние шести дюймов от компаса, одновременно наклонив к нему голову.

Наверно, это эффект магнитного поля, — сказал я. — Мускулы вырабатывают слабые магнитные поля, а ты достаточно мускулист.

Нет, ты ошибаешься, — ответил он. — Смотри, я не могу

полностью сжать мой левый кулак и не могу полностью вытянуть вперед мою левую руку. — И он показал мне большой шрам на месте, где ему была сделана операция по поводу ранения, которое он получил во время Шестидневной войны. Шрам доходил почти до локтя, были хорошо заметны швы.

— Эта рука у меня не так сильна, — добавил он. — Ею я не могу даже поднять легкий чемодан.

Я и многие другие считали, что Ури физически сильнее многих. Это миф, который был сокрушен самим Геллером.

— Я делаю это с помощью моей мысленной энергии, а не с помощью рук. Я вообще могу делать это без рук. Смотри.

Он встал на колени, двумя руками оперся о пол, в течение нескольких минут усиленно концентрировал внимание, затем резко наклонив голову к компасу, словно он был собакой и собирался его укусить, издав при этом легкое ворчание. Я смотрел на стрелку с расстояния в несколько дюймов.

— Да, — сказал я, — она немного качнулась.

На самом деле, она не шелохнулась, но я подумал, что легкий обман только вдохновит его, как, собственно, и произошло.

Он попробовал снова, и на этот раз стрелка довольно медленно изменила положение, перешла на расстояние примерно 15° и замерла. С того места, где я сидел, мне было видно, что он не дотронулся до стола. В любом случае, если бы он сделал это, стрелка начала бы колебаться, а не перешла плавно в другое положение.

Позже я попытался повторить то, что он сделал, приложив к этому гораздо большее усилие, но безуспешно. В большей или меньшей степени я мог повторить этот опыт, используя 9-вольтовый магнитный генератор для измерения пульса, поднося его к компасу на расстояние 4–5 дюймов — на то же расстояние, что и Ури, когда он демонстрировал мне этот эксперимент. Таким образом, есть вероятность существования магнитных нолей, испускаемых человеком, что уже само по себе интересно. Как оно включается или выключается по приказу — выше моего понимания.

Сам же Ури утверждает, что выделяемая в этом случае энергия не носит магнитной природы, даже если она производит действие, схожее с действием магнитного поля. Он уверен, что эта энергия исходит из точки, находящейся в середине лба, в месте расположения «третьего глаза», долгое время ассоциировавшегося с разного рода загадочными возможностями человека. Все, что я могу сказать, — Ури может заставить двигаться стрелку компаса, поднося к нему голову. Он может сделать то же движение и не добиться желаемого, что говорит о

том, что работает теория «скрытого магнита», находящегося в волосах, на шее или во рту.

Другой случай того, что может классифицироваться как нормальная или паранормальная способность, произошел летом 1985 года. Однажды Ури позвонил мне и спросил, могу ли я связаться с кем-нибудь из службы безопасности или разведки. Вкратце эта длинная история, о деталях которой в данный момент я не могу распространяться, звучит так: он повстречал человека, который, как он чувствовал, был не в ладах с законом, и хотел, чтобы его проверили, но не знал никого из соответствующих ведомств. Я сделал то, о чем он просил, и спустя некоторое время мне позвонили по телефону и сообщили, что подозреваемый человек был арестован и ему было предъявлено серьезное обвинение. (Затем его посадили в тюрьму.) Ури поблагодарил меня за помощь.

* * *

Первый неформальный сеанс телепатии между Ури и мной был проведен за кухонным столом, где была проделана большая часть работы над этой книгой. Мы говорили о мысленной передаче простейших рисунков или отдельных слов.

«Задумай букву из алфавита», — неожиданно обратился ко мне Ури. Я закрыл глаза и сразу же увидел букву P и несколько параллельных линий, проходящих через нее. Когда я открыл глаза, Ури что-то нацарапал на газете и протянул мне. В нижней части полосы он написал букву Q и обвел ее кружочком. Над ней он написал букву P и перечеркнул ее. Я ничего не писал и не говорил.

«А сейчас задумай город», — сказал он. Я задумал Братиславу, где побывал в 1983 году. Я вспомнил восхитительный вечер, который я провел в открытом ресторанчике с друзьями, участвовавшими вместе со мной в конференции. Потом я вспомнил, что ужинали мы не в Братиславе, а в Вене, где мы остановились по пути домой. Два города находятся друг от друга на расстоянии всего 40 миль и соединены неспокойным, мутным (вовсе не голубым) Дунаем. Мне показалось, что я сорвал эксперимент и собрался было предложить начать все сначала, как Ури уже протягивал мне мою записную книжку, в которой он что-то написал.

Он нарисовал две волнистые параллельные линии через всю страницу, которые напоминали вид реки сверху. Однако внизу он подписал: «Стена? Китай?» То, что он сделал, подтверждает

закономерность, подмеченную многими, кто когда-либо проводил подобные эксперименты: он воспроизвел очень точно то, что я мысленно изобразил, однако неправильно интерпретировал, за что я не имею права его обвинять, поскольку в голове у меня царил сумбур. Интересно было и то, что он не упомянул и не написал название города, о котором просил меня подумать, что я не мог сделать соответствующим образом.

Наш следующий спонтанный эксперимент мы провели уже по моей просьбе. Я получил почтовую открытку с видом темного коридора в доме Зигмунда Фрейда в Вене, и однажды вечером я захватил ее с собой, чтобы показать Ури. Я показал ему ее на расстоянии в несколько футов и дал ему «щедрую» информацию.

«Это имеет отношение к тебе», — сказал я. Под «этим» имелась в виду фамилия Фрейд, девичья фамилия его матери. Ури внимательно посмотрел на открытку, но ничего не сказал. Поздно вечером я снова вытащил ее, на этот раз не привлекая внимания, и вновь теперь уже при тусклом свете держал ее на расстоянии в несколько футов. Мысленно я старался как можно явственнее представить суровые черты лица Фрейда.

«Я вижу только старика с бородой», — сказал Ури, рисуя что-то на листке бумаги. Я наклонился вперед и прочитал слова «Фрейд. Вена». Это, подумал я, может быть простой догадкой, а может быть и телепатией. Или, может быть, он был в доме Фрейда, кто знает. Я ничего не сказал, не желая, чтобы он подумал, что я проверяю его способности, — он уже высказал свой взгляд на научные эксперименты. Я проверял их, но с помощью лично своей методы, позволяя им проявляться естественно и непосредственно.

В лучшем из моих неформальных экспериментов, проведенных несколько месяцев спустя, также был задействован бородач. Снова мне удалось вовлечь в него Ури, не вызывая у него раздражения. Пока он говорил по телефону, я нарисовал нечто похожее на Санта-Клауса на внутренней стороне ладони, держа ладонь параллельно груди. Я уже собирался подрисовать традиционную шапку Санта-Клауса, когда Ури повесил трубку. В этот момент я решил, что шапку слишком трудно рисовать, и поэтому не стал этого делать.

Ури заметил, что я что-то заготовил. «Что ты рисуешь?» — спросил он. «Скажи сам», — предложил ему я.

Меньше чем за минуту он нарисовал лицо с жирными прямыми линиями, изображавшими нос и брови, точно как у меня. Он не нарисовал бороду, но в верхней части лица добавил несколько прямых линий, очень похожих на мои. Внизу он подписал: «Шапка на голове».

«Я только подумал о шапке», — сказал он мне, когда я показал ему свой рисунок, но до того, как я сказал ему о своих мыслях об этом колпаке.

Все это было довольно таинственно, как и тот факт, что наши рисунки совпадали по размерам.

5 августа 1985 года произошел случай несколько иного порядка. Утром я позвонил Ури и сказал, что загляну к нему в середине дня, когда пойду в свой банк. Примерно неделю назад я поинтересовался, может ли он определить номер счета в Швейцарском банке, принадлежавшего отцу моей знакомой, который скончался, не успев назвать его ей. Она находилась в затруднительном положении и нуждалась в деньгах, которые, она знала, были там, но швейцарские банкиры есть швейцарские банкиры, и они не допустили бы ее до сейфов без номера. Ури сказал, что он не уверен, что может быть чем-то полезен, и я об этом больше не упоминал.

По дороге к нему домой я подумал о том, не попросить ли его вместо этого попробовать прочитать мой банковский номер. Он никогда не встречался с моей знакомой, но знал меня, и это вносило разницу.

Когда я пришел, Ури принимал душ, поэтому, чтобы занять меня, Ханна принесла мне кофе и бисквиты и на несколько минут оставила меня в комнате одного. Вскоре вошел Ури, вытиравшей голову полотенцем.

«Пока я принимал душ, меня осенило, — сказал он мне. — Номер банковского счета твоей знакомой 88. Хочешь, я назову твой банковский счет?»

Именно это я и хотел его попросить. Цифры 8 по совпадению нет ни в одном из моих двух банковских счетов, хотя две последние цифры в кодовом номере были 86. Можно предположить, что Ури вспомнил, как я упоминал о банковском номере отца моей знакомой, а также тот факт, что я только что заходил в банк, и это привело к счастливой догадке. Даже если так, то точность построений весьма впечатляющая.

То же самое можно сказать и о телепатических способностях жизнерадостного сына Ури — Даниэля. К своим 4 с небольшим годам он успел полетать на самолетах различных авиакомпаний и мог без запинки с ходу перечислить по меньшей мере 20 из них. Ури попросил меня написать на листке бумаги название авиакомпании и предложить Даниэлю назвать ее.

Я написал «САС», название авиакомпании, услугами которой мне предстояло воспользоваться через неделю, и постарался как можно сильнее представить ее мысленно. С двух попыток Даниэлю не удалось назвать ее.

— Нет, ты делаешь это неправильно, — сказал Ури. — Смотри.

Он повернулся к Даниэлю.

Самолет какой авиакомпании ты хочешь, чтобы я подарил тебе на день рождения? — спросил он у сына, когда я показал ему листок с написанным названием. Даниэль сидел на другом конце большого обеденного стола.

САС, — тут же ответил он.

Видишь, ты должен подать свою просьбу в такой форме, чтобы он понял, — объяснил мне Ури.

Предчувствую, что в свое время мы еще услышим о Даниэле Геллере.

* * *

Но ни один из этих эпизодов не произвел на меня такого сильного впечатления, как чтение мыслей на расстоянии, в котором так знаменит Геллер. Я упоминаю о них просто для того, чтобы показать, что некоторые вещи происходят чаще в доме семьи Геллеров, чем где-либо еще, как показывает мой опыт. Было еще три эпизода, которые дали обильную пищу для размышлений, и я до сих пор не могу подыскать нормального объяснения ни для одного из них.

17 октября 1985 года около 7 часов вечера я сидел в гостиной и болтал на разные темы с Ури и Шипи, как вдруг мы услышали, что в находящейся рядом туалетной комнате, в которую последним заходил я, что-то упало.

«Что бы это могло быть?» — равнодушно произнес Шипи. Мы поднялись со своих мест, открыли дверь в туалет и включили свет. На полу лежала пластмассовая щетка для волос. Размером комната была 6 на 8 футов. Когда несколько минут назад я выходил из туалета, на кафельному полу, могу поклясться, ничего не было.

Я попросил Ури оставаться на месте, закрыть дверь и открыть ее снова, когда я вернусь и сяду в кресло, в котором я сидел. Он сделал это, и снова раздался тот же звук. Щетка для волос, по нашему общему убеждению, лежала на полке за ванной, когда в последний раз мы ее видели. Я не мог предположить сколько-нибудь правдоподобного объяснения тому, как она могла самостоятельно пропутешествовать 3 или 4 фута, что, она, бесспорно, проделала.

* * *

20 августа 1985 года мы сидели с Ури за небольшим столом на кухне и закусывали. Между нами сидел Шипи, а Ханна что-то готовила за кухонным столом. Ури сказал, что в ванной комнате он обнаружил ручку, которую не помнит, чтобы покупал, после чего я припомнил несколько случаев из моей собственной практики, когда незнакомые предметы обнаруживались без какого-либо объяснения. Я подробно остановился на одном из наиболее удивительных случаев такого рода, который произошел с моим коллегой Моррисом Гроссе.

Несколько лет назад и много лет спустя после известного случая полтергейста Инфилда, который мы вместе с ним изучали в 1977 и 1978 годах, жена Морриса потеряла драгоценное кольцо. Как-то раз перед сном она сняла его с пальца и положила на обычное место на ночном столике, а утром его на месте не оказалось. Они обыскали всю комнату, потом несколько раз обшарили весь дом и даже мусорные пакеты. Они выпотрошили содержимое ящиков в туалетном столике, прочесали каждый дюйм спальни, но кольца не обнаружили. В конце концов Моррис с неохотой написал заявление в свою страховую компанию с просьбой о компенсации. Было это спустя три месяца после пропажи кольца.

Он послал письмо по почте в пятницу, а в субботу утром он и его жена, к великому своему изумлению, обнаружили кольцо на прежнем месте на туалетном столике.

Пока я рассказывал эту историю, Шипи составлял список покупок на клочке старой бумаги, который он выудил из мусорного пакета, не найдя поблизости ничего более подходящего.

Когда я произнес фразу «он написал в страховую компанию», я заметил странное выражение на лице Ури. Он не мигая смотрел на стол глазами, раскрытыми так, как будто он только что увидел привидение или червяка, который вылез из хлебницы, стоявшей перед ним.

«С тобой все нормально?» — спросил я у него.

Он не сразу ответил. Он просто сидел, уставившись на стол. В конце концов он вытащил смятый листок бумаги и протянул его мне. Это был документ от страховой компании, датированный 1 мая 1985 года, в котором упоминалось о чеке на имя мистера М.Гроссе, адрес которого был указан ниже.

Я знал, что Моррис должен был навестить Ури примерно неделю назад. Позже он рассказывал мне, что совершенно точно не входил на кухню. Он предположил, что этот листок находился в его папке в тот момент, но у него не было причин его доставать.

В конце концов я получил связный рассказ от самого Ури.

«Когда ты сказал „страховка“, я посмотрел вниз и увидел этот документ, — сказал он. — Он лежал здесь, между тарелкой и корзинкой с бисквитами».

Кухонный стол был, как обычно, заставлен посудой. Мне показалось, что я заметил листок бумаги, когда мы вошли на кухню, но я не был уверен в этом. С большей уверенностью я могу сказать, что Ури сидел, откинувшись на своем стуле, пока я рассказывал эту историю, и не нагибался к столу.

Даже если предположить, что Ури разыграл меня, я не мог понять, как ему удалось заставить меня начать рассказывать историю о страховке Морриса Гроссе. Более того, если бы ему хотелось пошутить, он постарался бы повторить нечто подобное снова, но ничего похожего он не делал, хотя я приходил к нему 3–4 раза в неделю в течение нескольких месяцев в 1985 году.

Это был один из тех случаев, которые не поддаются детальному изучению. Ури клялся, что листок бумаги просто возник перед ним, и я должен был принять его слова на веру. Поскольку случай, который будет описан, произошел месяцем раньше, я должен признать, что неожиданная материализация вещей в квартире Ури была не только возможна, но и объяснима.

* * *

Этот случай, о котором я буду всегда помнить как о «великом», произошел 18 июля 1985 года. Была четверть четвертого дня, стоял безоблачный летний лень, и свет заливал гостиную. Ури неподвижно сидел в седле своего велоэргометра и читал черновик одной из глав этой книги. Я сидел на расстоянии около 4 футов от него, спинка моего стула находилась в положении около 45° по отношению к окну, что позволяло мне видеть входную дверь передо мной, гостиную и Ури боковым зрением своего правого глаза.

Я сидел и ждал, когда он дочитает черновик, смотрел перед собой и ни о чем не думал, как я обычно делаю, когда мне хочется передохнуть во время работы. Я был в расслабленном состоянии. В этот день я ничего не пил, за исключением кофе и воды. Вскоре я погрузился в мечтательное состояние.

Предмет появился в воздухе, прямо напротив меня, на высоте примерно в 8 футов от пола и 2 футов от потолка. Мгновение он висел в воздухе, а затем упал на толстый ковер с мягким звуком. Он упал не по прямой, а под углом 75°.

Я не произнес ни слова. Ури, казалось, ничего не заметил. Он продолжал читать черновик, держа его перед лицом и

сконцентрировав на нем все свое внимание.

Я думал про себя: действительно ли я видел то, что видел? Я решил, что видел. Предмет, похожий на маленькое зеркальце для бритья, лежал на полу под кофейным столиком. Таким образом, он не мог свалиться или упасть по прямой. Он приземлился в пяти футах от меня и минимум в 9-10 футах от Ури.

Я был уверен, что он точно не бросил его. Он не шевелился уже в течение нескольких минут, и в любом случае угол падения был другим. Он упал так, как будто он влетел в комнату сквозь арку, преодолев значительное расстояние перед этим.

Я хранил молчание, чтобы убедиться в том, что Ури не собирался ничего говорить об этом внезапном появлении. Затем я кашлянул.

— Извини Ури, — произнес я, — а что это?

Он поднял глаза и посмотрел туда, куда я показывал.

А, это мое зеркальце для бритья. Что оно тут делает? Может быть, дети…

Они гуляют в парке с Ханной и Шипи, — ответил я. — Это не дети. Оно свалилось с потолка.

Забавно, — сказал он. — Я ничего не слышал. Брось его еще раз, и послушаем, с каким звуком оно упадет.

Я сделал это с высоты, на которой я заметил его. Зеркальце упало с более громким стуком и приземлилось достаточно далеко от столика. (Позже я определил, что размером оно было в 2,5 на 3,5 дюйма и весило 48 граммов.)

Ури был заинтригован происшедшим, однако не так сильно, как в предыдущем случае с обнаруженным листком бумаги. Чувствовалось, что он допускает возможность того, что подобные случаи время от времени происходят. Он подошел к ванной комнате, открыл дверь и показал мне упаковку с дорожным набором бритвенных принадлежностей, где обычно находилось зеркальце. Место, где оно должно было лежать, пустовало.

«Это первый подобный случай после появления серебряной монеты на кухне, — сказал Ури. — Это произошло тремя месяцами ранее. Иногда это происходит 5–6 раз в день, как это было в Нью-Йорке, когда ко мне приезжал журналист из журнала „Эсквайр“. Потом ничего подобного не происходит в течение полугода».

* * *

В моей книге «Путеводитель по барам с привидениями» (1985) я описал эффект, который можно определить фразой:

«Разве я что-нибудь сказал?», когда со стен или полок начинают падать вещи сразу после того, как кто-нибудь произносит пренебрежительное замечание по поводу привидений. Об этом часто сообщалось, и, помимо этого, существуют доказательства, полученные из первых рук, включая и мои собственные.

В 1980 году, например, репортер Барри Лейтон и фотокорреспондент Боб Нейлор из газеты «Ивнинг адвитайзер» из г. Уилтшир побывали в баре «Корона» в Пьюси, в котором происходили подобные загадочные вещи. Дочь хозяина бара получила по носу крышкой от горчичницы, которая ни с того ни с сего подпрыгнула на глазах у нее и ее матери, а последняя, в свою очередь, еле увернулась от взлетевшей поджаренной булочки. Пачка банкнот достоинством в пять фунтов стерлингов исчезла из кассы и обнаружилась в спальне, разбросанная словно колода карт, и т. д.

Пока хозяин бара описывал эти происшествия, Боб Нейлор снимал старинный пистолет, висевший на стене.

«Иногда все это надоедает, — жаловался хозяин бара, — особенно когда вещи падают на пол ни с того ни с сего». В тот момент на пол тут же упал пистолет, а за ним некоторые другие вещи, находившиеся в баре.

«Это произошло на моих глазах, — писал Барри Лейтон в своем репортаже. — Это не могло быть подстроено. Это вселяло страх».

То же самое произошло и с корреспондентом радио Би-би-си, бравшим у меня интервью вечером в баре «Семь звезд» в г. Робертс-бридж, графство Сасекс, который, как говорили, был полон привидений. Мы сидели одни в кабинете наверху, и я излагал мою собственную теорию о том, что привидения выполняют те или иные приказания, руководствуясь своими собственными соображениями. «Все начинается либо со стука…» — успел сказать я.

Прежде чем я успел добавить «или грохота», в нескольких футах от нас что-то со страшным стуком ударилось о пол. Мой друг — охотник за привидениями Эндрю Грин, который в этот момент был внизу и пил кофе с хозяином бара и его женой, клялся мне, что не слышал этого звука и что никто не мог его произвести.

В предыдущем эпизоде с появлением зеркальца для бритья, однако, ни я, ни Геллер ничего не произносили в течение нескольких минут. Я предположил, что, может быть, то, что он читал в тот момент, могло иметь какое-то отношение к происшедшему, однако это оказалось не так. Он читал текст на странице 4(7-й главы в черновом варианте, сейчас 8-я глава), где

речь шла о его работе с СИИ. Я обратил внимание, что 7 + 4 дает в сумме 11 — магическое число. Конечно, эта привязка была достаточно надуманной, хотя, должен признать, что магическое число Ури всегда приводило к результату. Примерно неделю спустя он выиграл призы по обоим лотерейным билетам с цифрами 11 и 121 на вечере у Клемента Фрейда.

Возможно, существовала еще одна связь. Во время одной из видеозаписей, производившейся в то время, когда Ури находился в Станфорде, произошел похожий эпизод, когда в воздухе вокруг возникли часы и упали перед камерой. Сам я не видел этот кусок в фильме, однако те, кто видел его, утверждают, что часы появляются из кадра в кадр.

Просматривая свои записи, я обнаружил, что за три дня до этого случая беседовал об этом феномене с Байроном Джанисом, который был свидетелем многих таких происшествий с тех пор, как встретился с Ури в 1972 году.

«Они появляются тремя путями, — рассказывал он мне. — Иногда они влетали в комнату так, как будто их кто-то бросал, или могли появиться в комнате совершенно бесшумно, или могли просто свалиться тебе на голову». И он привел мне несколько случаев всех трех категорий, свидетелями которых он был.

«Ничего подобного я не видел», — сказал я, имея в виду третью категорию случаев. Случаи первой и второй категории я наблюдал во время изучения явлений полтергейста. «Надеюсь, однажды это произойдет», — добавил я.

* * *

18 января 1986 года я стоял на коленях, склонившись над картами, которыми пользовался, расследуя дело об исчезновении Бронфмана. Карта Нью-Йорка напомнила мне одно из его ранних дел.

Я указал пальцем на район Йонкерс. «Здесь жил сын Сэма», — сказал я. Как только я произнес слово «Сэм», за моей спиной послышался громкий звук. Ури сидел на велоэргометре передо мной. Никто из нас не заметил, что что-нибудь сдвинулось с места. Но в столовой мы обнаружили, что на обратной стороне зеркальца для бритья, стоявшего там, полосы на пластинке, а само зеркало в одном месте треснуло. Это было как раз то зеркальце, которое появилось перед моими глазами в июле.

Мы пошли в ванную, чтобы посмотреть, не исчезло ли оттуда еще что-нибудь с полки. Вроде бы все было в порядке. Я последним выходил из ванной и закрыл за собой дверь. Ури

пошел обратно в гостиную, я шел за ним. Когда я захлопнул дверь в коридор, под моими ногами неожиданно раздался сильный удар. Большая пластиковая бутыль с жидким мылом лежала на полу напротив ванной, рядом с картонной коробкой. Коробка была здесь, когда я выходил из ванной. Бутыли не было. Если бы она стояла здесь, я бы наткнулся на нее.

В том же месяце произошел случай, который еще более тесно был связан с произнесенными словами и с тем, что за этим последовало. Мы сидели на кухне, и я рассказывал о случаях загадочных перемещений предметов в пространстве, которые наблюдал Моррис Гроссе. Я помнил, что, когда в прошлый раз я рассказывал об этом, на столе появилось уведомление о страховке, и мне любопытно было знать, что же произойдет на сей раз. В этот раз раздался звук, который заставил меня заглянуть под стол, где я обнаружил зубную щетку, которая непонятно как туда попала. Она была еще влажной, и позднее израильская девушка, которая приехала в гости из Израиля, убеждала, что это ее щетка и что последний раз она видела ее в ванной и пользовалась ею утром. Она давно знала Ури и поэтому ничему не удивилась.

И снова 15 февраля 1986 года я заметил, что то, что я пишу, производит такой же эффект, как и то, что я говорю. Я показал Ури то, что, как я надеялся, было заключительным вариантом этой главы, и попросил его прокомментировать текст. Он ограничился словом «о'кей» и, вернув рукопись, отправился в спальню, оставив меня в гостиной с Шипи, который звонил по телефону.

Пока длился телефонный разговор, а Ури находился в спальне, раздался знакомый звук. Я сразу узнал его и увидел два маленьких золотых предмета, которые были похожи на небольшие шарики. Пока я искал их на полу, позади меня раздался сильный звук, и еще один шарик показался на ковре примерно на расстоянии фута от того места, где я находился. В этот же момент в комнату вошел Ури и сказал, что только что мимо него «что-то» пролетело. Что именно, ни он ни я найти не смогли.

Я показал ему три шарика (вскоре я нашел на полу и четвертый). «Откуда они могли взяться?» — спросил я.

Секунду он рассматривал их. «Они являются частью устройства Меира, — ответил он. — Последний раз я видел их на фабрике в Израиле».

Он немедленно позвонил Меиру и попросил его открыть сейф, где хранились шарики, и пересчитать их. Их должно было быть 100. Вскоре перезвонил Меир и сообщил, что шесть шариков

отсутствовали. Даже спустя несколько месяцев мы так и не смогли обнаружить еще два.

Так или иначе, я убедился в том, в чем до меня убедились многие: необъяснимые вещи происходят в присутствии Ури Геллера.

Глава 17. Что бы это ни было

Кто же он, Ури Геллер? Шарлатан, хитрый фокусник, который так одурачил тысячи людей в мире, что они считают его величайшим телепатом всех времен? Или же он действительно величайший телепат всех времен, несмотря на все обвинения в свой адрес и домыслы? Безусловно, он должен быть кем-то одним из двух, но вот как нам определить кем?

Для некоторых это не представляет никакой сложности. Нет никакой «психической энергии», говорят они, следовательно, любой, кто заявляет о том, что пользуется ею, является обманщиком. Любое действие на расстоянии или обмен информацией с помощью неизвестных нам органов чувств невозможны. Конечно, у людей есть интуиция и предчувствие, однако нет никакой необходимости употреблять для их описания слова «телепатия» и «ясновидение». Что касается телекинеза, то мы достаточно осведомлены о мозге человека, чтобы утверждать, что любое воздействие мысли на предмет вне тела человека является чепухой. Не существует естественной силы, которая была бы применима в этом случае. Если бы она существовала, мы могли бы ее измерить. Все так называемые психические феномены могут быть отнесены к одному из трех хорошо известных факторов: совпадение, ошибочное наблюдение, обман.

Если вы примите эти взгляды, как это делают многие, тогда Геллер должен быть фокусником. Он начинал с шоу-бизнеса и никогда не бросал его. Сегодня, вместо того чтобы выступать перед большими аудиториями, он выступает перед отдельными людьми, которые лучше осведомлены о том, что он из себя представляет. Он обладает неким великим даром и совершенствовал его в течение 15 лет путем беспрерывных тренировок. Но, говорят фокусники, он один из нас. Мы увидели его насквозь, стоило ему только выйти на сцену. Мы дали ему возможность вступить в наше секретное братство. Он отверг это и начал дурачить людей, но не нас.

Если бы «энергия» Геллера стала объектом судебного разбирательства, примерно так звучали бы доводы обвинения. Протестуя, защита приводила бы в качестве аргументов свидетельства многих известных ученых, которые убеждали в том, что обвиняемый обладает необычными способностями. Разве не демонстрировал он их снова и снова в лабораториях так же убедительно, как на сцене или в телевизионной студии?

Обвинение не приняло бы во внимание ни один из этих доводов. Ведь ученых легче всего обмануть. Они не обучены тому,

чтобы иметь дело с профессиональными обманщиками. Что же касается тех одураченных бизнесменов, которые платили Геллеру миллионы на поиски золота, то им бы лучше повесить свои карты на стену и метать в них дротики…

В общем, аргументы приводились бы без устали. В конце концов суд пришел бы в такое замешательство, что не смог бы вынести единодушного решения и все разошлись бы по домам при своем мнении.

Сегодня трудно что-либо доказать даже на суде. Я сам был заседателем и участвовал в разбирательстве двух дел, одно из которых продолжалось несколько дней. В обоих случаях обвиняемый был признан невиновным. В одном случае — я могу с гордостью сказать — это произошло во многом благодаря моим энергичным аргументам и аргументам моего коллеги, которые заключались в том, что все дело было построено на догадках, слухах и свидетельствах, полученных от полиции, которая надеялась на их подтверждение, хотя каким-то образом умудрилась «потерять» то единственное доказательство, которое объяснило бы все дело.

Дело как для обвинения, так и для защиты было достаточно ясным. Обе стороны произносили красноречивые и долгие речи. Решить, кому же из них верить, было непростой задачей для нас. Обвиняемый был иммигрант из Азии, что осложняло дело. Один из присяжных сказал мне в приватной обстановке, что «все они жулики», однако не решился повторить это в комнате для присяжных в присутствии пяти не белых присяжных, которые могли испытывать дружеские чувства к обвиняемому (как, впрочем, и я, родившийся в Индии). У каждого из нас был свой собственный взгляд на преступление вообще и на то, как к нему относиться, включая и чрезвычайные способы. Однако, когда мне удалось сконцентрировать внимание коллег именно на рассматриваемом деле и внушить, что мы должны вынести приговор только на основе доказательств, мы все пришли к единодушному мнению, что обвинений не достаточно для того, чтобы отправить человека в тюрьму. Таким образом, к великому моему удовлетворению, мы отпустили его с богом.

Суд над Геллером начался в 1970 году, когда впервые на него донесли публично, и он до сих пор продолжается. Обвинение настаивает на том, что он фокусник по двум причинам: то, что он делает (во всяком случае, большинство из этого), могут повторить иллюзионисты, а значит, не существует никакой психической энергии.

Даже те ученые, которые тщательно изучали его, за одним или двумя исключениями, не подтвердили безоговорочно

существования его энергии. Они корректно указывали, что наука не имеет ничего общего с тем, во что верят люди, она базируется на постоянных экспериментах и объясняющих теориях, и у них нет ничего такого, о чем можно было бы объявить.

С другой стороны, миллионы людей во всем мире не сомневались в том, что Ури является настоящим телепатом. Как он и предсказывал, в их домах происходили странные вещи: сломанные часы и будильники начинали снова идти, ложки и вилки начинали гнуться непонятно почему. Возможно ли дурачить стольких людей так долго? И вправе ли мы игнорировать свидетельства ближайших друзей Ури, каждый из которых может привести длинный список удивительных вещей, которые они наблюдали в его присутствии?

Аргументы «за» Геллера так же оправданны, как и аргументы «против». Причина, по которой ни один из этих аргументов не удовлетворил всех, очень проста: затронуто слишком много интересов и предубеждений. Многие уже вынесли свой собственный вердикт, и никакие доводы противоположной стороны не изменят их позиции. То, что я скажу, тоже мало что изменит, поэтому я ничего не стану доказывать тем, кто уже сделал свой выбор, за исключением того что аргументы, на которых они основывают свое мнение, могут оказаться не такими уж вескими, как на первый взгляд кажутся. Поэтому далее я буду обращаться только к тем, кто, как и я, по-настоящему околдован Ури Геллером и одинаково готов к тому, чтобы поверить в любую из этих версий. Именно так я чувствовал себя, когда начинал работу над этой книгой. Тот факт, что мне приходилось наблюдать проявление телепатических способностей и у других людей, склоняло меня к первому убеждению. Как и всякому коллекционеру, мне не хотелось заполучить фальшивку.

Однако позвольте мне на некоторое время вернуться к судебному разбирательству, в котором я участвовал. Во время суда я внимательно наблюдал за обвиняемым, который находился всего в нескольких футах от меня. Он был лаконичен, когда ему давали слово, отвечал на вопросы тихим голосом и вежливо и постоянно казался смущенным.

«Видишь, ему есть что скрывать», — проворчал как-то во время перерыва на ленч мой коллега, не любивший азиатов. На что я ответил, что, по моему мнению, он просто выглядит испуганным.

«А как бы вы чувствовали себя на его месте?» — спросил я. Мы оба наблюдали за одним и тем же человеком, но пришли к совершенно противоположным выводам относительно него. Если вы кого-то подозреваете, то все, что он говорит или делает,

выглядит подозрительным.

С самого начала так было и с Геллером. Фокусники, которые были уверены, что знают, как он проделывает свои номера, пытались разглядеть быстрые движения руками, отвлекающие внимание, которыми пользовался Ури. И они разглядели-таки их! Во всяком случае, им так казалось и они пытались нас в этом убедить.

Однако необходимо учесть два момента. Во-первых, фокусников можно обмануть, как любого из нас. Рэнди «Великолепного» без особых усилий провел вовсе не фокусник Деннис Стиллингс, который для убедительности проделал эту штучку с ним еще раз. Второе — это то, что фокусники являются профессиональными обманщиками, за которыми нужен глаз да глаз, хотя трудно предположить, какими мотивами руководствовались такие фокусники, как Диксон, Зорка, Кокс и Лесли, положительно отзывавшиеся о Геллере, кроме желания говорить правду. Необходимо помнить, что эти четверо изучали его гораздо внимательнее, чем большинство его клеветников. В целом свидетельства, полученные от фокусников, не являются решающими, однако они были явно в пользу Геллера.

То же можно сказать и о свидетельствах, полученных от ученых, чьи позитивные выводы превалируют над негативными. Хотя никто из них не взял на себя смелость твердо заявить, что все доказано, но большинство из них убеждено, что необычайные вещи происходили в лаборатории, когда там находился Ури. Ну а что касается общественности, то подавляющее большинство находится на его стороне. Миллионы людей во всем мире могут не знать, что такое психическая энергия, могут даже не интересоваться этим, но в то же время они почувствовали ее. Как и Ури, они живут немного таинственной жизнью. В какие-то моменты они начинают понимать, что в человеке скрыто нечто большее, чем то, что описывается в научных журналах и учебниках.

Существует слишком много резких суждений за и против Геллера, некоторые из них — выше всякого понимания. Например, некоторые из тех, кто не сомневается в его способностях, считают слишком неудобоваримой теорию Пухарича о ее внеземном происхождении. В их числе и я. Однако я и не отмахнулся от нее, поскольку, будучи на первый взгляд недостоверной, она не может быть просто отброшена. У Пухарича есть впечатляющие работы в различных областях науки, и, если мы принимаем одни его взгляды, почему мы должны отмахиваться от других? Мы можем сожалеть, что некоторые его теории в отношении Ури усложнили и без того сложный предмет,

но лично я не могу утверждать, что они являются ложными.

Гораздо проще, как это показали мы с Ури, разоблачить некоторые дезориентирующие материалы, которые были опубликованы о нем. Было бы слишком утомительно перечислить все подобные примеры. Приведем всего лишь один из них: Гренден Ориган писал в «Нью саэнтист» (20 ноября 1974), что статья о Геллере в номере журнала от 17 октября того же года содержала по меньшей мере 42 ошибочных заявления, 17 из которых представляли собой «вызывающие искажения фактов», а другие были либо «беспредметными намеками», либо «крупными искажениями». Если уж научные журналы не могут достоверно излагать факты, то что говорить о популярных изданиях? В сентябре 1985 года я с интересом прочел в израильском журнале «Бул» (номер от 13 сентября 1986 года), что к публикации готовится еще один антигеллеровский опус, озаглавленный «Жулик из космоса». Вот какие сенсационные откровения можно было в нее прочесть:

«Израильский комедиант прошлого» живет в состоянии постоянного страха, словно «загипнотизированная мышь», занесенная в «черный» список неизвестного человека, и круглые сутки находится под охраной «команды испуганных горилл». Ури перевел мне эту статью с удивительным чувством юмора и с готовностью разрешил мне покопаться в досье, где были собраны антигеллеровские материалы, которых у него, я уверен, больше, чем у кого-либо. Приходя к нему в дом по нескольку раз в неделю в течение полугода, я не увидел там ничего более страшного, чем игрушки, изображавшие монстров, в которые играли его дети, и это было до того, как я осознал, что меры безопасности, принимаемые им, настолько же благоразумны, насколько эффективны.

Теперь я попробую, с одной стороны, смыв грязь, а с другой — ничего не приукрашивая, составить свое собственное мнение об Ури Геллере.

Не поддается сомнению тот факт, что сегодня он имеет такое же сильное влияние, какое имели в свое время медиум Дэниел Хоум и фокусник Гудини (1874–1926), которых знали в каждом доме, но по разным причинам. Хоум изумлял и приводил в недоумение лондонское общество и ряд королевских фамилий в Европе в течение более 20 лет тем, что демонстрировал полный набор салонных феноменов, начиная от поворачивания стола и общения с духами, кончая собственной левитацией. Спустя сотни лет после смерти его имя и репутация остаются безупречными. Гудини большую часть своей жизни боролся со спиритами, пародируя их на сцене, хотя некоторые из тех, кто наблюдал его

знаменитые номера, когда он освобождался от наручников и цепей, полагали, что он пользуется при этом психической энергией и есть основания полагать, что и он так считал. По иронии судьбы, именно Гудини, а не Хоум был обвинен в мошенничестве и в 1921 ему пришлось затеять судебный процесс, чтобы вернуть себе честное имя «честного» обманщика публики.

Геллер создал себе репутацию, на которую можно взглянуть с двух сторон в зависимости от вашей точки зрения. Для некоторых он является вторым Хоумом, для других — Гудини своего времени. Его манера выступления может показаться отличной и от одного, и от другого, но все-таки он объединил в себе то, что может показаться несовместимым: демонстратор телепатического феномена и поставщик зрелищ для толпы. Как и Хоум, он так долго демонстрировал различные психические феномены, что для некоторых он может быть был фокусником. Как и Гудини, он с таким постоянством озадачивает зрителей, что другим он может казаться настоящим телепатом.

Сравнения не могут быть бесконечными. Геллер не есть второй Хоум или второй Гудини. Он — Геллер, и по многим стандартам не имеет себе аналога. Лучшее свидетельство уникальности личности Геллера — включение его имени в знаменитые крестословицы «Нью-Йорк тайме» и «ТВ гайд» — ведь этой чести удостаиваются лишь люди, ставшие при жизни легендарными. Он не замкнулся на сцене, студии или лаборатории. Он использовал свой талант там, где психическая энергия, если она, конечно, есть, может быть наиболее полезна, и он в буквальном смысле добыл золото. Надо помнить, что он сделал это не по своей инициативе, а по инициативе своих работодателей, из которых он нескольких назвал.

Существует множество свидетельств того, как люди добивались успеха в той или иной профессии, извлекая максимум из того, что называется предчувствием или интуицией. В 1962 году три сотрудника Инженерного колледжа в Ньюарке в г. Нью-Джерси приступили к тщательному изучению этого предмета. Двое из них, Дуглас Дин и Джон Михальски, позже написали в соавторстве книгу «Executive ESP» и ко времени ее публикации в 1974 году располагали статистическими данными, показывавшими, что президенты процветающих компаний добиваются лучших результатов в компьютерных тестах по угадыванию номеров, нежели их менее удачливые коллеги. Они сделали вывод, что «вероятность заполучить полезного сотрудника многократно увеличивается, если выбирать его из тех, кто добивается лучших результатов в предугадывании». Любопытно, что ряд участников эксперимента заявили, что они

не питают особого интереса к телепатии. «Я не знаю, что такое телепатия, — сказал один из них. — Я верю в нее по одной причине — потому что я пользуюсь ей».

В декабре 1974 года журнал «Психиатрия» опубликовал интервью с девятью ведущими бизнесменами Америки, которые описали множество случаев, когда они заставляли работать на себя энергию мозга. Среди них были основатель корпорации Ампекс, бывший директор Филлипс Петролеум, владелец сталелитейной компании, книгоиздатель, консультант по менеджменту и руководитель фирмы по строительству крупной недвижимости. В числе их комментариев было одно (принадлежащее владельцу сталелитейной компании) касающееся парапсихологической энергии: «Я осознал ее, почувствовал и увидел — что бы это ни было».

Если люди на верху выражаются о психической энергии та* неопределенно, то можно ли ожидать большей точности от того, кто зарабатывает на жизнь с ее помощью. Но на деле Геллер изъясняется гораздо яснее, чем многие из тех, кто распространяется по поводу его способностей и того, как он ими пользуется. В этой книге он сказал все, что мог о том, как он сгибает ложки, получает и передает мысленные импульсы и обнаруживает предметы. Все звучит достаточно просто, однако, к сожалению, большинство из тех, кто попытается следовать инструкциям в том виде, в котором они изложены здесь, обнаружат, что не могут сделать то же самое. Поскольку совсем не просто объяснить, как пользоваться психической энергией. Это зависит не столько от того, что вы делаете, а от того, кто вы.

Каким же надо быть, чтобы стать Ури Геллером? В истории его жизни можно обнаружить несколько ключей для разгадки этого вопроса, на которых стоит немного остановиться. Для начала вспомним эпизод, когда ложка, которой он ел, когда ему было чуть больше четырех лет, согнулась и переломилась у него на глазах. Это видела его мать, которая убеждала меня в том, что все происходило именно так, как он это описал. Она так же подтвердила, что Ури мог читать ее мысли в самом юном возрасте. Таким образом, складывается впечатление, что он рос, убеждаясь, что подобные вещи возможны.

Известно, что у детей не возникает способности к логическому и критическому осмыслению происходящего до тех пор, пока полностью не сформируются оба полушария мозга, что происходит обычно к 8 годам. До этого момента, как знают все гипнотизеры, дети очень доверчивы и воспринимают все происходящее как часть своего видения реальности.

Новому поколению парапсихологов, больше интересующихся

спонтанным проявлением телепатического феномена, чем контролируемым в ходе эксперимента, хорошо известно, что первым важным условием для его проявления является отсутствие сопротивления. Стоит только появиться такому сопротивлению, и его уже очень трудно разрушить. При рассмотрении парапсихологических явлений важно не задавать вопрос, как это происходит, и не принимать на веру утверждения, что этого не может быть.

Парапсихологические явления не настолько загадочны, как их часто представляют. Американский психиатр Ян Эренвальд продемонстрировал, что такие «гиперфункции» человека, как телепатия, ясновидение и телекинез, являются отражением «функционального дефицита», вызванного синдромом преобразования истеричности. Этот синдром приводит к ограничению человеческих возможностей, обычно в форме «истерической» слепоты, паралича; «гиперфункция» расширяет возможности личности, позволяя ей передавать или принимать информацию на расстоянии или ощущать движение физических объектов при отсутствии контакта с ними. Описывая характеристики «психического синдрома» в своей книге «Новые измерения глубокого анализа» (1954), он отмечает:

«Мы вновь и вновь видим, что, несмотр на свою капризную и непостоянную природу, он управляется теми же законами, которые применимы ко сну, невротическому симптому и бессознательным процессам вообще. Фактически они являются предметом, к которым применимы психодинамические принципы».

Таким образом, мы можем рассматривать телепатическую энергию как продолжение нормальных способностей, а не что-то сверхобычное, присущие тем, кто прибыл к нам из космоса. Когда мы говорим о ком-то, кто родился телепатом, мы на самом деле имеем в виду, что он, а чаще она, родился с теми же способностями, которыми, возможно, обладаем и мы, но которые были лучше развиты. Общество гораздо чаще приписывает чувство интуиции женщине, чем мужчине. Факты, однако, свидетельствуют, что чувство интуиции развито в женщинах отнюдь не сильней, чем у мужчин, как и другие внутренние способности, однако они в меньшей степени сопротивляются им. Большинство «медиумов, таким образом, женщины, однако это не говорит о том, что психические возможности в неравной степени распределены между полами». (В журнальной статье, упомянутой выше, среди интервьюируемых была только одна женщина-издатель Элеонора Фрид.)

Эренвальд наблюдал многочисленные случаи проявления

телепатии и предвидения и предполагает, что отношения доктор-пациент похожи на «символические» отношения матери и ребенка. В данном контексте симбиоз предполагает тесные и взаимовыгодные отношения между двумя живыми существами. Такие отношения, естественно, гораздо сильнее между матерью и ребенком, но они могут проявиться у ребенка впоследствии не зависимо от того, совпадают ли его интересы с интересами другого человека, имеют ли место личные эмоции. Это отношения, которые не зависят от сексуальных или интеллектуальных привязанностей.

Будучи единственным ребенком в семье, отец которого часто отсутствовал по причине военной службы, Ури, естественно, проводил большую часть своей жизни с матерью, чем если бы он рос в многодетной семье, глава которой постоянно находился рядом. Это, однако, не привело к неестественно долгой зависимости от матери, как это часто случается в подобных семьях. Наоборот, детство Ури протекало совершенно нормально. Лично мне интересно, что его психические способности, проявившиеся столь рано, развивались без каких-либо внешних препятствий. Он рос с этими способностями и не имел причин отвергать их.

Я постоянно задавался вопросом, не переломилась ли гнущаяся ложка в руках четырехлетнего Ури естественным образом? Это могла быть ложка, сделанная из некачественного послевоенного металла, которая заканчивала свою полезную жизнь, и ее конец надолго запечатлелся в памяти Ури?

Психолог Кеннет Батчелдор в течение более 20 лет изучал психологические предпосылки, необходимые для проявления телекинеза, и, как я писал в книге «Если это волшебство?», он с большим успехом применил свою теорию на практике. Одно из его наиболее важных открытий заключается в том, что такой необъяснимый феномен, как сдвигание стола, может проявиться и в том случае, когда человек убежден даже ошибочно, что это происходит. Он назвал этот процесс «индукцией искусственного ложного факта». Я сам проверил истинность этого утверждения на практике, когда говорил Ури, что он сдвинул с места стрелку компаса. На самом деле он не мог сделать это до тех пор, пока я не выдал желаемое за действительное. Сразу после этого у него все получилось. Ложка, сломавшаяся сама по себе, могла стать идеальным «ложным фактом», утвердившим уверенность в том, что возможно сгибать ложки нетрадиционными способами.

Важной характеристикой симбиотических отношений является то, что Эренвальд назвал «подчиненностью чьей-то воле», при которой пациент выполняет то, что, по его мнению,

ожидает от него врач, психоаналитик или гипнотизер.

Нечто подобное, видимо, произошло в 1971 году, когда Андриа Пухарич прибыл в Израиль. Впервые в своей жизни Ури почувствовал, что им всерьез заинтересовался опытный ученый-исследователь, бывший к тому же и гипнотизером со стажем. Ури пишет, как после этой встречи он всерьез заинтересовался космическими путешествиями и возможностью существования внеземных цивилизаций. Сам же Пухарич в предисловии к книге «Ури» пишет об объекте своего интереса:

«Долгие годы научных исследований укрепили во мне уверенность, что человек находится в контакте с внеземными цивилизациями в течение тысячи лет. Этот вывод я сделал на основе изучения следов древних цивилизаций и результатов моих собственных наблюдений и опытов».

Последние включали в себя и интереснейшую информацию, полученную от индуса по имени Др. Винод, когда тот находился в состоянии транса, предположительно вызванного представителем цивилизации «Девять».

Буквально на следующий день после своей встречи Пухарич и Геллер обсудили космические проблемы. Ури подробно рассказал о своем давнишнем интересе к этому предмету. Во время одного из первых сеансов гипноза Пухарич задал вопрос в лоб: «Ты один из представителей цивилизации „Девять“, который говорил устами Винода?» На что Ури ответил: «Да». «Подчиненность воле» была достигнута, и после этого произошло неизбежное: неожиданный и мощный всплеск космической фантазии, которая сидела внутри Ури всю его жизнь.

Следует уточнить, что эти фантазии были совершенно естественными. У нас есть свидетельства миссис Агротис и Джозефа Чарльза, и нет сомнения в том, что многие ученики и учителя колледжа Терра Санта в Никосии до сих пор помнят, какое неизгладимое впечатление производили на них рассказы и номера Ури. Ни Пухарич, ни Геллер их не придумывали. Они просто были внутри и вырвались наружу благодаря благотворному воздействию гипнотического транса. Вполне вероятно, что они не являются правдивыми на все сто процентов, как не являются реальными сновидения, однако, без сомнения, они были внутри Ури. Повторю, что для меня загадкой является то, как они туда попали.

Как только между исследователем и испытуемым установилось взаимопонимание, крепнущее с каждым днем благодаря общему интересу к внеземным проблемам, парапсихические возможности Ури стали развиваться с невероятной быстротой. То же происходило и с его и без того

крепкой уверенностью в самом себе. Он был окончательно подготовлен к тому, чтобы начать карьеру «звезды» парапсихологии.

Однако с самого начала совместной работы с Пухаричем Ури дал понять, что в этой жизни он по-настоящему желает одного — стать богатым и знаменитым. Тут нет ничего удивительного, поскольку это были амбиции единственного ребенка в семье, где привыкли к скромности, в то время как он уже больше года выступал на эстраде, и выступал весьма успешно.

Что бы мы не думали о внеземных теориях Пухарича, мы обязаны ему многим. Именно благодаря его усилиям Геллер переступил порог научной лаборатории, чего ему никогда не хотелось. А почему, собственно, он должен был хотеть этого? Это все равно что попросить, скажем, Ицхака Перльмана принять участие в серии лабораторных опытов по изучению звука вместо того, чтобы слушать его игру на скрипке на сценах всего мира?

Начиная с 1971 года карьера Геллера представляла собой прежде всего успешные ответы на вызовы других. Хотя на протяжении 15 лет сценарий его выступлений на сцене не менялся, он не мог не ответить на вызов, сделанный в форме вежливого предложения, а не в форме, не терпящего возражения приказа «сейчас или никогда», который так любят люди из враждебного лагеря. Но ему первому пришла в голову мысль выступать перед публикой — его сценическая карьера складывалась постепенно, начиная с выступлений перед Шипи и Ханной Штранг, экспромтом в домах друзей, выступлений в школе, организованных Шипи (которому в то время было 14), и кончая выступлениями перед публикой, которые бы он, вероятно, продолжал бы всю оставшуюся жизнь, не направь Пухарич его карьеру в другую сторону.

Идея использовать талант Ури в серьезных делах, таких, как разведка нефти и минералов, принадлежала сэру Валу Дункану из Рио Тинто-Цинк. Позже это предложение настойчиво повторили несколько серьезных бизнесменов, из которых двое, Клив Менелл и Питер Стерлинг, разрешили делать ссылку на них. Я встретился и с третьим, прилетевшим в Лондон в 1985 году, проделав путь в несколько тысяч миль с единственной целью обеспечить безопасность деятельности Ури. Он не разрешил цитировать себя, позволив только обнародовать тот факт, что он даже не предупредил свое начальство об этой поездке. У меня создалось такое впечатление, что он прекрасно знал, что делал, подтвердив тем самым наблюдение Ури, что люди «наверху» не задаются вопросом об истинности его способностей, они просто делают так, чтобы эти способности приносили практическую

выгоду.

Человек, назвавшийся Майком, пытался втянуть Геллера в шпионскую деятельность, а множество американских таможенников, агентов ФБР и работников службы по борьбе с наркотиками по своей собственной инициативе обращались к нему с просьбой помогать в розысках похищенных, трупов и злодеев. Его успехи в этих областях были не столь впечатляющими по вполне понятным причинам: по натуре он артист, а не секретный агент, и у него появились бы основательные причины беспокоиться о своей безопасности, если бы стало известно, что он является детективом-телепатом, который не имеет право на ошибку.

Карт-бланш на то, чтобы Ури расширил горизонт своей деятельности, был получен благодаря двум влиятельным израильтянам: Амнону Рубинштейну, ставшему впоследствии министром связи, и министру обороны Моше Даяну. Рубинштейн, в доме которого Ури провел один из первых публичных сеансов, выступал в роли советчика и до сих пор поддерживает дружеские отношения с Ури. Что касается Даяна, то мы должны учитывать, что он обращал внимание только на тех, о которых, как он считал, ему следует все знать. Единственная услуга со стороны Ури, которую он позволил тому оказать, заключалась в том, что Ури помог отыскать несколько гончарных изделий во время археологических раскопок. Я бы сильно удивился, если бы Даян отказался от дальнейшего использования способностей такого рода.

Ричард Диксон, хорошо информированный писатель, пишущий роман о шпионах, в своей книге «Израильская секретная служба» (1978) уделил главу телепатическому шпионажу. Он дал понять, что в этой области израильтяне обогнали многие европейские страны. По свидетельству одного из его источников информации, деятельность Геллера находилась под пристальным вниманием агентов просоветских блоков сразу после его приезда в США; а еще раньше им заинтересовались агенты службы «Моссад».

Идея телепатического шпионажа является весьма привлекательной, и вокруг нее гораздо больше примитивных спекуляций, чем веских доказательств. Единственная область, в которой использование телепатически талантливых шпионов было признано полезным, — дистанционное видение. В 1984 году колумнист Джек Андерсон опубликовал серию материалов о проекте ЦРУ под кодовым названием «Грилл флэйм», ставшим продолжением работ, начатых в 1972 году в СИИ Инго Своном, Харольдом Путхоффом и Расселом Таргом. С помощью этого

проекта, писал Андерсон, была получена информация, позже подтвержденная с помощью спутника о ядерном испытании малой мощности в Семипалатинске в Казахстане и о месте гибели советского бомбардировщика Ту-95 в одном из районов Африки.

Тарг вместе с коллегой Кейт Харари в 1983 году посетили Советский Союз, вернувшись оттуда в октябре 1984 года, чтобы провести эксперимент с дистанционным видением между Москвой и Калифорнией, в котором участвовала Джуна Давиташвили. Во время этого эксперимента, который снимался на видео, она выдала достоверную информацию о двух объектах, выбранных наугад в Сан-Франциско, на которых позже побывала Харари.

Использование подобных экспериментов в военных целях кажется вполне резонньтм. Однако, если бы мне поручили сформировать команду шпионов телепатов, Геллер был бы последним, которого бы я в нее включил. Не только потому, что он слишком хорошо известен газетчикам, но и по тому, что он всегда отказывался участвовать в любых экспериментах, которые могли бы привести к деструктивному использованию психической энергии. Теоретически телепатическая война вполне возможна, однако на практике проблема будет заключаться в том, как найти тех, кто согласился бы в ней участвовать.

Другое дело — мирная телепатическая кампания, описанная Ури в 12-й главе. Здесь перспективы являются многообещающими. Во время моих поездок в Восточную Европу ко мне постоянно обращались с просьбой помочь в исследовании возможностей использования психической энергии в мирных целях. Я думаю, этого бы не произошло, если бы заинтересованные люди не были хорошо осведомлены в том, что ведутся работы по изучению возможности использования этой энергии в других, не столь полезных целях.

Последние события показывают, что перемена в личном отношении к этому вопросу может иметь далеко идущие последствия. Прошло всего три года после войны 1973 года, когда президент Египта Садат совершил свой исторический визит в Израиль, перевернув сознание миллионов только тем, что ступил на землю с трапа самолета. За этим последовал длительный период мирного сосуществования между Израилем и Египтом, которого не было с момента создания государства Израиль. Встреча в Женеве в 1985 году между руководителями США и СССР стала событием, оказавшим более сильное влияние на сознание как Рональда Рейгана, так и Михаила Горбачева, чем все то, что они когда-то говорили друг другу. Этим же можно объяснить и неудачу двухсторонней встречи в Исландии в 1986

году. Мысль о том, что люди типа Ури Геллера могут изменить ход событий в мире, обменявшись рукопожатием с Аднаном Хашогти, не столь убедительна, как это может показаться. События происходят под влиянием мыслей, а мысли могут менять и их владелец, и кто-нибудь другой.

В современном мире есть место настоящему волшебству. На самом деле оно просто необходимо, хотя надо различать потребительское и деспотическое волшебство. Если волшебник стремится распространить свое влияние на окружающих, как доктор Фаустус, он будет уничтожен силами, которые он вызвал в жизни. Если же он стремится изменить окружающую действительность, взывая к уже существующей созидательной силе и сотрудничая с ней во имя общей пользы, он может сотворить настоящие чудеса.

«Волшебство — это отнюдь не просто набор обрядов, церемоний и сверхъестественного искусства, как многие неправильно думают. Это гораздо больше. В двух словах — это способ видения мира. В сущности, оно заключает в себе духовное состояние».

Я прошу прощения за то, что вырвал эту цитату, принадлежащую одному из наиболее ярых критиков всего паранормального, из общего контекста обзора восьмитомной «Истории магии и экспериментальной науки» профессора Линна Торндике, сделанного Эриком Дж. Дингваллом в первом выпуске (1959) журнала «Интернэйшнл джорнэл оф парапсихолоджи». Монументальный труд Торндике, на который он потратил 50 лет, по словам Дингвалла, является не только историей, но и «иллюстрацией опасностей, которые неизбежно возникают, если смотреть на мир с позиций магии и трудностей, с которыми сталкивается человечество, пытаясь уйти от восприятия мира с этих позиций».

То, что подобные опасения существуют, не поддается сомнению. Как не поддается сомнению и утверждение Дингвалла о том, что «там, где возникает игнорирование факта, как говорил в XYI веке Монтень, увеличиваются шансы для проявления жульничества и обмана».

«Медленное бегство от магии», если пользоваться терминами Дингвалла, ассоциируется с возникновением современной науки и триумфом таких демистификаторов природы, как Ньютон, Декарт и Галилей. Тем не менее магия не собиралась сдавать свои позиции, частично потому, что наука, несмотря на все свои достижения, до сих пор не смогла ответить на вопросы, на которые большинство из нас хотело бы получить ответ. Во многих областях, как, например, ограниченность человеческого сознания

и возможность его выживания в случае физической смерти, она предпочитала даже не искать ответов. В то же время именно ученые, а не маги придумали множество способов того, как можно нанести нам вред, убить нас или нанести ущерб окружающей среде. У ученых не так много причин для того, чтобы поздравлять себя с успехами, как могут думать некоторые из них.

Мысль о том что средневековая магия перешла или была заменена современной наукой, — миф. Если человечество до сих пор верит в чудеса, это говорит о том, что и сегодня повсеместно существует глубокая вера в то, что доля правды в ней есть. Сегодня феномен парапсихологии является, по словам Эренвальда, «производной от магии, которая была лишена плоти и крови и приспособлена для нужд науки». Термин «пара», говорит он, «является антисептиком, применяемым для того, чтобы устранить нежелательное действие магии».

Экстраординарная реакция, вызванная появлением на сцене Ури Геллера, как положительная, так и враждебная, свидетельствует о том, что и сегодня существует как повсеместный интерес к чудесам, так и страх перед ними, как этот было во все времена. И вот появился талантливый и привлекательный молодой артист, который утверждал, что демонстрирует настоящее волшебство в отличие от выхолощенной профессии фокусника. Он вызвал гнев среди профессиональных фокусников, заявив, что умеет делать то, что они только имитируют. Кроме того, он разочаровал многих ученых, показав, что парапсихологический феномен не может быть изучен научными методами.

«Необходим ли хаос?» — так озаглавлена глава в книге Тарга и Путхоффа «Постижение разума», в которой они описывают исследования Ури, проведенные в СИИ (с тех пор они всячески пытались избегать упоминания имени Ури). Объективности ради необходимо сказать, что они так же были не подготовлены, не считая своей впечатляющей научной подготовки, к встречи с таким объектом научных лабораторных исследований, как Ури, как и он не был подготовлен к встрече с такими учеными, как они. Хаос необходим — Геллер знает это, и он обладает замечательной способностью производить его практически в любой обстановке. Настоящий маг не может работать только в повседневной реальности; он должен разрушать ее и заменять на собственную.

Ури часто критикуют за то, что он видит нечто таинственное там, где другие не видят ничего. Если во время беседы с репортером что-то глухо ударяет по потолку, он обязательно

скажет что это «странно». Или если кто-нибудь в разговоре упоминает чье-то имя или название места, он может воскликнуть: «Только что хотел сказать то же самое — я читаю ваши мысли!» И так далее.

Это может быть ошибкой для «шарлатана», однако это является существенной частью дестабилизирующего процесса, который был сформулирован Кенетом Батчелдором nocyie теоретических и практических исследований парапсихологического феномена. Ури знал «индукции ложного факта» задолго до того, как Батчелдор дал ему имя.

«Как только возникает вера в сверхъестественный мир и убежденность, что с помощью соответствующих методов этот мир можно изучить и подчинить воле экспериментатора, то чудеса начинаются с такой неизбежностью, как неизбежно ночь сменяет день», — писал Дингвалл в вышеупомянутой статье. «Но, — продолжает он, — как только вера в сверхъестественный ход вещей ослабевает, возникают сомнения в правильности интерпретации непонятных явлений, приходит очередь научного взгляда на мир».

Время от времени я замечал, что парапсихологический феномен не проявляется до тех пор, пока заинтересованные в нем не начинали с нетерпением ждать, что он вот-вот возникнет, или были уверены, что он уже возник. Это я наблюдал во время нескольких сеансов полтергейта, экспериментов в группе Батчеддора и множество раз в компании Ури. Его способности вызывать парапсихологический феномен с помощью ложного факта не имеют себе равных.

Если это так, то может возникнуть вопрос, почему фокусники не демонстрируют случайно настоящие чудеса по ошибке, убедив в этом зрителей. Отвечая на этот вопрос, можно сказать, что есть основания полагать, что время от времени это происходит. Гудини, к примеру, частенько в своей жизни мучился вопросом, правда ли, что это произошло с ним, и он часто беседовал на эту тему с медиумами и со своими коллегами-фокусниками. К сожалению, ответа он никогда не получал, а если и получал, то держал при себе. Эту сторону сложной и противоречивой фигуры Гудини хорошо изложил в книге «Смерть и фокусник» его биограф Раймонд Фитц Симоне.

Дэвид Берглас, один из наиболее известных фокусников в Англии, был президентом Международного Братства Фокусников и действующим председателем Британского филиала Комитета по научным исследованиям паранормальных явлений. Он рассказывал мне, что многие его коллеги верят в существование парапсихологии (включая и его самого) и что все они сами не

могут часто объяснить, как они добиваются того или иного эффекта.

Внимательно наблюдая за карьерой Геллера в течение 12 с лишним лет и став одним из немногих фокусников, которым удалось установить с ним дружеские отношения, Бергас написал в журнале «Сайкик Ньюс» (13 декабря 1986): «Если он настоящий парапсихолог и если он действительно делает то, в чем убеждает нас, действительно теми методами, о которых говорит, то в таком случае он единственный человек в мире, который умеет это делать. Он единственный, кто демонстрирует это постоянно. Он феноменальная личность, и мы обязаны уважать его за это. Если, с другой стороны, он фокусник или ловкач, он опять же фономенален — лучший из тех, кто когда-либо был. Итак, с какой бы стороны мы ни взглянули на него, мы должны уважать его или за одно, или за другое».

Когда я спроси Бергласа, с какой стороны он сам предпочел бы взглянуть на Ури, он ответил достаточно загадочно: «Я могу делать то, что делает он. Делаю ли я это так же, как и он, я не знаю».

Геллера часто упрекают в том, что он отказывается выступать перед фокусниками и подвергать себя тестированию с их стороны. Это не совсем так. В 11 главе Ури уже рассказывал о тех из них, кто в корне изменил свои взгляды на феномен Геллера, после того, как лично убедился в его возможностях. В году 1987 к этому списку присоединился еще один известный профессиональный колдун — Гарри Меир (Диабелли), который встретился с Ури в Швейцарии и попросил продемонстрировать свои способности под его наблюдением.

«Если вы сумеете доказать мне реальность того, что делаете, — сказал он, — я изменю свое мнение». Ури согласился, и Меир публично признал, что теперь полностью доверяет Геллеру. А спустя несколько месяцев популярный итальянский фокусник Раймонди пришел к такому же заключению после того, как Ури точно воспроизвел его рисунок.

Но некоторые люди никогда и ни при каких обстоятельствах не будут удовлетворены, чтобы Ури ни делал. В интервью в «Парад мэгэзин» 18 июня 1989 года фокусник Дэвид Копперфильд высказался относительно «иллюзионистов», подобных Геллеру: «Если кто-нибудь обладает магическими силами, то ему незачем заниматься сгибанием ложек, он должен излечивать рак». По удивительному стечению обстоятельств, как раз в это время Геллер занимался изучением влияния своей энергии на пораженные раком клетки в контролируемых лабораторных экспериментах, о ходе которых он отказался давать какие-либо

комментарии, до тех пор пока ученый, проводивший исследование, сам не опубликует их результаты. Ури только согласился показать мне письмо от ученого, написанное на специальном фирменном бланке весьма респектабильного исследовательского института. В нем были и такие слова: «Лично вам я могу сказать, что расцениваю предварительные итоги эксперимента как поразительные и заслуживающие самого пристального внимания. Надеюсь, вскоре мы сумеем использовать ваши достижения в повседневной жизни». К сожалению, до этого дело не дошло, потому что вскоре Ури отказался продолжать серию экспериментов по уничтожению живых раковых клеток. Он всегда очень неохотно использует свои силы на чем-либо живом, будь то даже разрушительные раковые клетки, и неохотно объясняет причины своего нежелания. «Я еще не готов к этому», — вот и все, что он сказал по этому поводу.

Ури Геллер — фокусник. В том смысле, что он практикует то, что является настоящим иллюзионизмом по определению Дингвалла. Если он и проделывал несколько трюков, чтобы создать соответствующую атмосферу, это никоим образом не обесценивает конечный результат. По моему мнению, его инстинктивная способность схватывать происходящее — обычно хаотично, — необходимая для проявления парапсихологического феномена, является лучшим доказательством того, что он делает все взаправду. Другие в ответ возражают, что это умение подчинять своей воле окружающих говорит о том, что он «ненастоящий». Как же нам все-таки сойтись на чем-то одном? Я могу настаивать, что Ури убедил меня в том, что необъяснимые вещи происходят в его присутствии — достаточно одного эпизода с зеркальцем для бритья. Другие, однако, могут утверждать, что раз уж профессиональных фокусников можно водить за нос, то кто я такой, чтобы решать, кто является настоящим парапсихологом, а кто — шарлатаном?

Я могу утверждать только, что у меня нет причин верить в то, что он когда-либо пытался обмануть меня или кого-либо другого. Аргументы против него основаны на шатких доказательствах, не говоря уже о постоянно повторяемых лживых утверждениях. Те, кто клеветал на него, не пожелали хоть немного потрудиться, предпочтя инсинуации, домыслы их трезвому анализу и спокойному изучению фактов. Они отвергли доказательства, которые считались бы приемлемыми в любой области научного исследования, и использовали методы, которые считались бы при этом неприемлемыми. Меня не убедили ни выдвинутое против него обвинения, ни то, как они пытались его доказать. На основе изученных мной свидетельств, из которых только малая часть

приведена в моей книге, можно вынести единственный приговор: Геллер невиновен в том, в чем его обвиняют.

«Охотники на ведьм» целили не в ту мишень. Им не удалось понять очевидное: если существует то, что получило название парапсихологической энергии, ее можно наблюдать, как всякую другую. Если кто-то может продемонстрировать ее в позитивном духе, другие могут демонстрировать в негативном, и, таким образом, подавлять эффект, который они пытались изучать.

Решить для себя, существует парапсихологическая энергия или нет, на самом деле достаточно просто. Трудно, а иногда и невозможно для некоторых принять на веру тот факт, что она может существовать. Покойный сэр Алистер Гарди однажды провел эксперимент, во время которого агностик и даже атеист могли проверить на себе воздействие священника, которое можно выразить словами: «Верите вы или нет, попробуйте сами, допуская, что это может сработать. Скрупулезно следуйте правилам и после этого посмотрите, достигли ли вы результата». Священник, говорил он, является «формулой, генерирующей религиозный опыт» — «религиозны» вы или нет.

Подобный эксперимент может осуществить любой, кто интересуется тем, существует ли такие явления, как телепатия, ясновидение или телекинез. Ожидать, что они проявятся при ваших условиях и при вашей готовности, дело ненастоящее. Они проявятся, только когда им это надо и в свое время. Внимательный исследователь воссоздаст эти условия и позволит им проявиться снова.

История исследований психики полна шарлатанов и самозванцев, которые отняли уйму времени у многих людей, серьезно занимающихся этой проблемой. Ури Геллер не из их числа. Не является он и еще одним «медиумом» из категории Хоум-Палладино-Снайдер, который существует для тех редких людей, которые демонстрируют необыкновенные и необъяснимые возможности и которые не были уличены в мошенничестве.

Тогда кто же он?

К нему применимо определение «первый». Он стал первым артистом, который открыл доступ психическому феномену в дома миллионов людей. Он также первым заставил психическую энергию успешно работать в широких масштабах и в интересах большого бизнеса.

Он лишил спокойствия многих из нас. Он показал нам, что может произойти. Некоторые из нас, только взглянув на это, отшатнулись в страхе и растерянности. Другие отвергли это как нечто, что не должно существовать. Кое-кто взглянул на это более пристально.

То, что они увидели, заставило их спросить самих себя о том, как ведут себя физический мир и человеческое сознание. Ученые сделали все от них зависящее, чтобы вернуться к нормальной работе после того, как их тихие лаборатории посетил странствующий Геллер со своим шоу. Миллионы телезрителей наблюдали, как этот загадочный и озорной парень занимался тем, что переделывал реальность.

Погнутые ложки можно запереть в кабинетах. Лицо может исчезнуть с экрана, но в коллективном подсознании затаится подрывная мысль: вещи вокруг нас не такие, какими, как нас учили, они являются.

Это мысль, как я подозреваю, останется похороненной в подсознании ненадолго.

ЭПИЛОГ
Разум выше ракет? (Ури Геллер)

Я был поражен так, как, наверно, никто другой, открыв 4 мая 1987 года журнал «Ю.С. ньюсэнд уорлд рипорт» и прочитав в разделе «Вашингтонские слухи»:

«Председатель Комиссии по международным отношениям сенатор Клейборн Пелл на прошлой неделе зарезервировал знаменитую мансарду в Капитолии — комнату, часто использовавшуюся дл изучения и проверки сверхсекретных документов. Цель: созыв представителей правительственных организаций для заслушивания сообщения на тему, связанную с предсказаниями израильского экстрасенса Ури Геллера, касающимися советских стратегических военных целей. Геллер, утверждавший, что способен гнуть ложки с помощью умственной энергии, однажды передал краткое телепатическое послание бывшему президенту Джимми Картеру».

* * *

Я удивился не тому, что еще одна невероятная история рассказана обо мне в прессе. Ведь в данном случае это была правда. А поразило меня то, как эта информация просочилась в печать.

Понятия не имею, кто проговорился об этой истории. Знаю только, что не я. То, что я умею хранить чужие тайны, могут засвидетельствовать все те люди, которые имели со мной даже самые щекотливые дела.

В короткой статье ничего не говорилось о том, принесли ли какую-нибудь пользу мои предположения относительно стратегических намерений Советского Союза. Неудивительно, что многие средства массовой информации решили раскрыть для себя эту тайну. Первым откликнулся «Ньюсуик», приславший репортера ко мне в Англию, где я находился, только что вернувшись после очень утомительной трехнедельной поездки, связанной с рекламой американского издания этой книги, и, откровенно говоря, я надеялся провести несколько дней для восстановления сил под весенним солнышком.

Но это мне, увы, так и не удалось. Через неделю, 11 мая,

одновременно вышли в свет обозрение в «Ньюсуик», полосный сенсационный материал в «Ньюс оф зе уорлд» и 15-колоноч-ная статья на первой полосе ведущей британской воскресной газеты «Санди тайме». Все эти три публикации были сделаны добротно и основывались на реальных фактах, хотя опять же большая часть информации исходила не от меня.

Правда постепенно прояснилась, и заключалась она в том, что я встретился с главой советской группы, ведущей переговоры в Женеве, а также с представителями американской стороны на переговорах — послом Максом Кампельманом и почтенным сенатором Клейборном Пеллом, исполняющим свои обязанности председателя Комиссии по международным отношениям уже пятый срок подряд.

Я был даже удостоен чести стать персонажем еженедельной сатирической радиопрограммы Би-би-си «Конец недели», вышедшей в эфир 1 мая. В ней, в частности, был эпизод, в котором Ури Геллера знакомят с президентом Рейганом, представляя меня как парня, который мог бы использовать «свои устрашающие сверхъестественные силы против Советов». Вот небольшой отрывок этого диалога:

Рейган. Чепуха! Бьюсь об заклад, что вы не сможете сказать, о чем я сейчас думаю.

Я. Вы думаете: «Бьюсь об заклад, что он не сможет догадаться, о чем я сейчас думаю».

Рейган. Здорово. Этот парень и в самом деле не промах. О'кей, Геллер, вы попали в точку!

* * *

Все это было достаточно забавно, хотя голос актера, исполнявшего мою роль, совершенно не был похож на мой. Необходимо учесть при этом, что я никогда не видел президента Рейгана и ни разу не использовал свои «устрашающие силы» против кого бы то ни было, за исключением разве что ложек.

«Нью-Йорк пост» опубликовала карикатуру, изображавшую строй согнутых и искривленных советских ракет.

Я люблю хорошую шутку, особенно если в ней заключен глубокий смысл. Однако проблемы мира во всем мире и ядерного разоружения слишком серьезная вещь, и поэтому я считаю себя обязанным рассказать, что же произошло в действительности. Тем более что секретность моего участия в этой истории уже частично раскрыта средствами массовой информации. Но главное — я делаю это для того, чтобы избежать каких-то спекулятивных

домыслов, которые могли бы нанести ущерб карьерам нескольких очень симпатичных мне людей, находящихся на государственной службе США и, возможно, также Советского Союза.

* * *

Я не знаю, с чего все началось. Понятия не имею кто, что и кому сказал, когда и где, так что, увы, не могу всесторонне осветить вам эту историю. Расскажу только о том, что знаю.

Вскоре после первой публикации этой книги в Британии в октябре 1986 года я понял, что ко мне вновь неожиданно оживился интерес. Отрывки информации, доходившие до меня от моих друзей и от друзей друзей, свидетельствовали о том, что кое-кто из моих бывших коллег по работе в спецслужбах и системе обороны США весьма сожалел, что я отошел от этой деятельности и перестал на них работать.

А еще через пару месяцев, в декабре, раздался необычный телефонный звонок. Диалог, который я привожу по памяти, выглядел следующим образом:

— Мистер Геллер? Меня зовут Кейси. Вы, должно быть, читали обо мне в газетах. А я о вас знаю уже на протяжении многих лет.

Кто-то, видно, решил меня разыграть, ведь единственный Кейси, о котором я мог прочитать, был недавно назначенный директор Центрального разведывательного управления Уильям Кейси. Не помню точно, что я ответил, но голос, должно быть, выдал мои подозрения.

— Если вы психолог, то поймете, что это не шутка и не розыгрыш, — сказал мой неожиданный собеседник.

По голосу мне показалось, говорил со мной пожилой человек, обладавший некоторой властью. В конце концов, почему он и в самом деле не мог быть шефом ЦРУ, подумал я, и решил продолжить разговор и посмотреть, что будет дальше.

О'кей, — ответил я. — *Я* вам верю. Чем могу быть полезен? Признаюсь, я удивлен и польщен тем, что вы обращаетесь ко мне напрямую. Кто-то порекомендовал вам со мной связаться?

Нет, нет, мистер Геллер. Я только хотел попросить, если это, конечно, вас не затруднит, об одной небольшой услуге лично для меня и прямо сейчас, по телефону.

Хорошо, мне приходилось этим заниматься и раньше, хотя никаких гарантий успеха дать не могу, — я подумал, что речь пойдет о каком-нибудь телепатическом опыте, и вспомнил, что мой первый контакт с ЦРУ был очень похож на этот.

Я сейчас смотрю на один предмет, — продолжил он. — Не могли бы вы описать мне его?

Я закрыл глаза и при помощи своего обычного метода представил себе изображаемый предмет. Затем нарисовал на листке бумаги то, что мне удалось увидеть, и передал это описание моему собеседнику. Я сказал, что мне кажется, перед ним лежит кинжал с массивной ручкой, инкрустированной то ли панцирем черепахи, то ли слоновой костью.

Наступило полное молчание. Я даже подумал, что нас разъединили. Но тут, наконец, последовал ответ.

— Черт возьми! Вы абсолютно правы. О'кей, окей, этого мне вполне достаточно. Очень приятно было поговорить с вами, мистер Геллер. — И он поспешно повесил трубку.

Мне уже приходилось встречаться с сенатором Клейборном Пеллом в обществе. У нас с ним оказалось немало общих друзей, так что ничего удивительного не было в том, что дело вскоре дошло и до личного знакомства. Оно произошло после того, как моя старая знакомая, принцесса Лучиана Пигнателли, представила меня другой царственной особе, принадлежащей к британской королевской семье, уроженке Германии принцессе Мишель Кентской.

Во время моего разговора с принцессой Мишель (который носил сугубо личный характер, и поэтому я не буду его пересказывать), она упомянула имя сенатора, с которым имела давнишние дружеские отношения, охарактеризовав его не только как выдающегося общественного деятеля — в то время он уже был председателем Комитета по международным отношениям США, — но и как человека, очень интересующегося телепатией и спиритуальными явлениями. Для меня это было новостью, хотя, как выяснилось, сообщение об этом впервые промелькнуло в январе 1984 года, когда «Нью-Йорк тайме» упомянула, что он «обсуждал вопросы парапсихологии с советскими исследователями во время своего августовского визита в Советский Союз…».

Мы с самого начала понравились друг другу. Сенатор Пелл, без всякого сомнения, человек очень достойный и мудрый, и, хотя его можно описать как представителя старой школы политиков, он произвел на меня впечатление одного из наиболее дальновидных и интеллектуально развитых государственных людей, которых я когда-либо встречал. Особенно произвело на меня впечатление то, что он неподдельно интересовался моим мнением насчет возможностей использования психической энергии в мирных целях.

Мы провели очень приятный вечер. Я, по обыкновению,

согнул для него ложку и воспроизвел рисунок, — словом, ничего особенного не происходило и я, естественно, не мог себе представить, что мы встретимся с ним вновь так скоро и при таких интересных обстоятельствах.

Через некоторое время после таинственного телефонного разговора с человеком, утверждавшим, что он глава ЦРУ, так же внезапно раздался и еще один звонок весьма влиятельной политической фигуры. Разговаривал со мной секретарь посла Кампельмана, передавший мне официальное пожелание посла встретиться со мной в каком-либо подходящем для этого месте.

Я понял, что им не хотелось бы афишировать нашу встречу, и поэтому договорился со своим другом, владельцем одной лондонской компании, что сниму у него комнату, где могу быть уверенным в сохранении тайны содержания нашего разговора, который мы вели наедине.

Макс Кампельман оказался одним из тех немногих людей, кто при первой встрече не просил меня согнуть ложку или прочитать его мысли. Он произвел на меня впечатление человека, не любящего попусту тратить время, и я не сомневался в том, что он заранее все знал о моих возможностях. Его, как и сенатора Пелла, очень интересовало влияние телепатического внушения на расстоянии, позитивное воздействие на умонастроение других людей. Мне он показался человеком сердечным и весьма прогрессивным. Наша беседа продолжалась около часа, и во время нее мы в числе многих других коснулись также вопроса советских евреев, который, как выяснилось, волновал нас обоих, но, когда мы, прощаясь, пожали друг другу руки, ни слова не было сказано насчет дальнейших встреч и сотрудничества.

В феврале 1987 года издание этой книги на немецком языке было осуществлено «Аристоном», известным швейцарским издательством, расположенным в Женеве. Его владельцы договорились со мной о широком рекламном турне по Западной Германии, Австрии и германоязычным районам Швейцарии. И вот когда я находился уже в Цюрихе, то неожиданно получил еще одно приглашение, на этот раз — в Женеву.

Советско-американские переговоры по разоружению уже начались, и мне предложили прямо по ходу дела примкнуть к американской делегации. Было это 27 февраля, а передал приглашение помощник Макса Кампельмана. (Не знаю, было ли все это организовано самим послом или кем-то еще). Условились, что если пресса обратит на меня внимание, то все сделают вид, будто я приглашен для развлечения участников переговоров, хотя едва ли кто-нибудь когда-либо слышал о подобном.

Таким образом, едва я вступил на землю Женевы, как тотчас

же оказался в центре сцены, на которой разыгрывалась реальная жизненная драма, способная значительно повлиять на развитие событий в мире.

Утренние официальные мероприятия того дня были окончены (я на них не был приглашен), а вечерний прием для американских и советских представителей и их жен проводился в Американской миссии. На первый взгляд, в особенности непосвященного человека, это мероприятие могло показаться рядовым и не заслуживающим особенного внимания. Но любой дипломат знает, насколько важны эти «неофициальные» приемы, насколько серьезные дела, подчас огромной государственной важности, обсуждаются и вершатся иной раз между легкой болтовней и звоном бокалов.

Я был искренне рад увидеть два знакомых лица — сенатора Пелла и посла Кампельмана, а вскоре познакомиться и еще с пятью сенаторами — Тедом Стивенсом, Ричардом Люгаром, Арленом Спектором, Доном Никлсом и Альбертом Гором, который, возможно, в будущем станет одним из реальных кандидатов на пост президента США. Представили меня и первому заместителю министра иностранных дел Советского Союза, главе миссии СССР Юлию Воронцову.

Вот такой длинный путь по политическому коридору прошел я за короткое время, встретив этого человека примерно через пару месяцев после загадочного телефонного звонка от незнакомца, который утверждал, что он Уильям Кейси. (Я до сих пор не получил доказательств, подтверждающих либо опровергающих это.) Как мне объяснили, Воронцов был одним из самых влиятельных политических деятелей Советского Союза в вопросах международной политики наряду с министром Эдуардом Шеварнадзе и, разумеется, Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым.

Воронцов мне сразу понравился. С его стороны я ни разу не ощутил какой-либо настороженности или враждебности, и мы сразу же повели приятную и неформальную беседу по поводу развития событий в мире и возможностей отдельных индивидуумов изменить их ход в сторону добра и согласия, руководствуясь новым мышлением и стремлением к миру.

Я был уверен, что у него есть такое стремление. Вообще, несмотря на кровопролитный характер российских войн, революций и насилия, я чувствую, что в русском национальном характере преобладает миролюбивая сторона (хотя, возможно, это относится не ко всем национальностям в Советском Союзе), которая в сочетании с его внутренней энергией и волей к жизни не так уж часто встречается в других нациях.

Воронцов поинтересовался, кто я, и по договоренности меня представили в качестве специалиста по развлечениям. Пришлось приступить к демонстрации своих возможностей. Я начал с проращивания зерна, а затем начал гнуть при помощи моего обычного визуального метода ложку, которую держал в своей руке Воронцов. К его нескрываемому удовольствию и моему величайшему облегчению, все прошло очень удачно.

Мне показалось, что после этого короткого показа его отношение ко мне стало даже более сердечным. Он улыбнулся и со словами: «Я знаю, что подобные энергии реально существуют», — рассказал мне о советской исцелительнице Джуне Давиташвили, которая, как говорили, лечила в последние годы жизни Леонида Брежнева. Но обсуждать эту тему подробно из-за недостатка времени мы не стали.

После приема я получил приглашение присутствовать на обеде в ресторане «Роберто», где сидел за столиком прямо напротив Воронцова вместе с Кампельманом, Пеллом и еще двумя сенаторами.

Во время обеда также продолжались деловые разговоры, из которых я сделал вывод, что обе стороны пришли в ходе обмена мнениями в Женеве к взаимовыгодному соглашению в отличие от большинства предыдущих встреч, что в общем-то неудивительно, имея в виду позицию предыдущего советского руководства. История вершилась, можно сказать, прямо на моих глазах, и жизнь десятков миллионов людей зависела во многом от того, насколько хорошо мои новые знакомые договорятся друг с другом за этим обедом.

В процессе трапезы я тоже пытался воздействовать на их сознание, посылая сильные образы добра и мира. В прошлом году у меня в распоряжении было всего несколько минут общения с первой «жертвой» моей кампании борьбы за мир Аднаном Хашогги, и тем не менее я уверен, что он получил мое послание. С Воронцовым же мне пришлось провести три или четыре часа, на протяжении которых я время от времени направлял свои призывы, и не сомневаюсь, что они также достигли цели.

Я подписал экземпляр моей книги Воронцову и его жене, сказав при этом, что он хорошо посмеется, когда прочтет ее, поскольку наверняка подумает: «Как этого парня до сих пор терпят в США, Ведь книга в известной степени дискредитирует ЦРУ?»

Воронцов рассмеялся. «Не беспокойтесь, — сказал он. — Они никогда не читают книг!»

Три дня спустя, в понедельник 2 марта 1987 года, все издания пестрели огромными заголовками типа: «Запад

приветствует предложения Горбачева по ядерному вооружению» («Файненшнл таймс»).

Не утверждаю, что здесь есть какая-то связь, отмечу все-таки, что удивительные предложения Горбачева были сделаны на следующий день после описанного мной обеда в Женеве. А когда я прощался с Воронцовым, то попросил его рассказать о нашей встрече Горбачеву, и он уверял меня, что обязательно это сделает. Не сомневаюсь в том, что он сдержал свое слово. Хотя, конечно, общеизвестно, что советский лидер запланировал свои основные инициативы еще в процессе двусторонней Рейкъявикской встречи с Рейганом в 1986 году. С этим уже ничего не поделаешь.

И тем не менее заголовок в «Санди тайме» за 3 мая гласил: «Ури Геллер согнул волю Горбачева?» Может быть, и в самом деле это сделал я? Кто знает? Только Воронцов и Горбачев, но они об этом не рассказывают.

* * *

Вернувшись домой после стремительного и глубокого погружения в международные события, я занялся массой скопившихся за это время дел. Вышло французское издание моей книги, потребовавшее новой рекламной поездки, и у меня оставалось слишком мало времени на то, чтобы подготовить себя физически и психологически к трехнедельному турне по США, запланированному на апрель.

Поездка по Соединенным Штатам ознаменовалась для меня новыми встречами с известными политическими и общественными деятелями этой страны, такими, как Мильтон Фридман, Джеймс Райт, Чарли Роуз, Алан Крэнстон.

Я не применул воспользоваться возможностью сказать им о моем отношении к проблемам мира во всем мире и о настоятельной необходимости попыток отдельных людей влиять на них к общей пользе. Моя короткая лекция на эту тему была уже неплохо обкатана к этому времени, и я имел все основания надеяться, что она останется в памяти кого-то из этих влиятельных политических лидеров и найдет отклик в их сердцах и душах.

А под самый конец моего путешествия из конца в конец Америки я получил еще одно очень лестное приглашение, от которого, конечно, не мог отказаться. Намечалась представительная встреча в Капитолии, где, как сообщалось, в «Ю.С. Ньюс энд уорлд рипорт», меня просили рассказать ряду государственных деятелей США о своих «предсказаниях»

относительно советских стратегических намерений.

Я вылетел туда из Миннеаполиса и был встречен в аэропорту помощником сенатора Пелла, который повез меня прямо в Капитолий. Когда мы подъехали к месту стоянки, я вдруг понял, что по-прежнему одет в обычную свою спортивную одежду, и подумал, что нужно, наверное, переодеться во что-то более подходящее для подобной встрече с некоторыми лидерами самой могущественной державы мира. Времени у меня оставалось очень мало, так что я на месте парковки прямо у стен Капитолия переоделся в костюм и повязал галстук, надеясь, что какой-нибудь дотошный полицейский не остановит меня и не полюбопытствует, что происходит!

Встреча получилась явно не самой успешной для меня. Аудитория, по словам обозревателя журнала «Ньюсуик», состояла из «сорока правительственных работников, включая штат Капитолия, сотрудников Пентагона и различных служб министерства обороны, собравшихся в надежно охраняемой комнате, чтобы послушать сообщение Геллера об его невероятных возможностях». Это было не совсем верно — речь не шла о моих способностях, я изложил свою концепцию достижения реального мира во всем мире, подчеркнул необходимость новых крупных капиталовложений в образование и всестороннее развитие умственных способностей человека. А в заключение напомнил официальным представителям о том, что в Советском Союзе очень активно занимаются исследованиями в области парапсихологии, о чем свидетельствовал и мой разговор с Юлием Воронцовым, давший, думаю, нам обоим серьезную пищу для размышлений.

Дальше — больше: по весьма корректному определению журнала «Ньюсуик», «психолог пытался угадать — но безуспешно — изображение, нарисованное участниками встречи в своих блокнотах». У меня действительно ничего не получалось. Скорее всего, потому, что я просто устал после долгих и утомительных выступлений по всей стране. Ведь начиная с октября я постоянно был на колесах, почти не имея возможности отдохнуть, а в довершение всего внезапно попал на такое важное международное событие. Неудивительно, все мои мысли были направлены на дом, жену и детей, по которым я очень скучал.

В апреле, в самом начале турне по Америке, у меня состоялся разговор с одним израильтянином, которого я даже не знаю как зовут — он не представился, а я не стал расспрашивать. По всему было видно, что он очень хорошо информирован обо всех моих действиях, в том числе и в тех сферах, которые не слишком широко афишировались. Его миссия по отношению ко мне

заключалась в предостережении, которое я понял так: мне следует очень внимательно следить за каждым своим шагом, иначе я могу нажить серьезные неприятности.

Возможно, он и преувеличивал опасность, но, зная людей, на которых, как я предполагал, этот человек работает, я понял, что шутки плохи. У меня даже появилась мания преследования: вдруг кто-то и в самом деле собирается меня похитить или прикончить — «убрать», как они выражаются. Все это казалось нелепым, но…

Такие вещи, увы, действительно случаются. Мой добрый приятель Джон Леннон был застрелен на улице возле собственного дома каким-то психически ненормальным парнем. Великий борец за мир Терри Уэйт попросту исчез в лабиринтах ливанской политической «кухни», отчаянно пытаясь в одиночку решить проблемы этого региона. А кто знает, что случилось с тремя британскими учеными, работавшими в секретной лаборатории оборонной промышленности, трупы которых были обнаружены при весьма странных обстоятельствах? Люди и в самом деле исчезают. Их похищают, а иногда и «убирают». Всегда находятся подонки, способные на это. А главное, есть очень могущественные силы, интересы которых направлены на предотвращение мира, и жертвами этих подстрекателей войны почти всегда становятся те, кто посвящает себя борьбе за мир, любовь и духовный прогресс.

Как только я вернулся домой, то сразу же написал три коротких письма, запечатал их в конверты и передал в советское посольство в Лондоне. Одно их них адресовалось Генеральному секретарю Михаилу Горбачеву, другое — Юлию Воронцову, а третье — руководству КГБ. Содержание их было идентичным. Вот что я написал:

«После моего выступления в Американской миссии в Женеве перед представителями советской и американской делегаций до меня дошли слухи, что КГБ планирует похитить либо убить меня.

Я всего лишь популярный исполнитель необычных шоу и абсолютно безвреден политически. Искренне надеюсь, что слухи эти ложные.

С наилучшими пожеланиями мира Ури Геллер».

Был ли я слишком мнительным, или это таинственное предупреждение от безымянного израильтянина так сильно на меня подействовало? Зная стиль работы сотрудников израильских секретных служб, я очень сомневался в том, что он стал бы понапрасну тратить свое и мое время.

Меня продолжали мучать вопросы: написал ли я письма тем людям, кому надо? Поставил ли кто-нибудь цель убрать меня с дороги? Ответов я не находил, но все же на всякий случай усилил

меры по своей безопасности, воспользовавшись для этого самыми современными средствами.

Я пытался представить себе сцену, как Воронцов отчитывался своему представительству после Женевских переговоров. Возможно, он ив правду решил, что США подписали со мной какое-то секретное соглашение? В Кремле, должно быть, недоумевали, зачем я был приглашен американцами для участия в переговорах по разоружению? Что скрывалось за этим? Может быть, меня использовали в качестве секретного оружия?

Наверняка, смутили их и мои соображения, которыми я поделился с Воронцовым по поводу того, что, на мой взгляд, человеческий разум значительно могущественнее ядерных ракет и вместо того, чтобы вкладывать миллионы в их производство, лучше направить эти средства на развитие интеллекта.

Вскоре стало ясно, что я не одинок в этом убеждении, так как, вернувшись в Лондон после встречи в Женеве и в Вашингтоне, я получил официальные приглашения на посещение четырех крупнейших держав с целью дальнейшего обсуждения путей достижения мира во всем мире.

Я, не раздумывая, принял эти приглашения, сопроводив ответы подборкой материалов, как положительных, так и остро критических, написанных моими яростными недоброжелателями. Мне хотелось, чтобы моя деятельность было оценена беспристрастно.

Все четыре страны после тщательного изучения материала, который я прислал, подтвердили свое желание, чтобы я нанес визит. Предстоял принципиально новый этап миротворческого движения. Если раньше все усилия были сфокусированы на пути снижения опасности войны, то теперь мы делаем первые шаги в принципиально ином направлении — возрастания и укрепления мира.

Просматривая свой архив критических статей, я не могу все-таки избавиться от чувства, что пройден уже долгий и небесполезный путь. Вот, к примеру, «Нью саэнтист» (16 апреля 1987 года) согласился наконец десять лет спустя с тем, что «вопреки попыткам CSICOP дискредитировать экстрасенса из Израиля Ури Геллера он зарабатывает до 250 тысяч долларов в день, помогая компаниям по добыче полезных ископаемых искать золото или нефть». В 1978, если вы помните, тот же журнал называл меня «мошенником». И вот теперь я добился статуса «экстрасенса»!

Удивительно, но даже концерн «Тайм-лайф», постоянно разоблачавший меня в журнале «Тайм», выпустил в 1988 году серию книг под общим заглавием «Тайны неизвестного». Первая

из них, «Разум над материей», стала вскоре одним из бестселлеров компании. В этой книге мне посвящено 15 страниц с фотографиями, подтверждающими процесс сгибания ключей.

«Бесплатная реклама» моей деятельности со стороны CSICOP продолжается в летнем номере на 1989 год принадлежащего им журнала «Скэптикал инквайрер», в котором книги «Тайм-лайф» преподносятся читателям как нечто ужасное и антинаучное в обозрении Кендрика Фрейзиера (который, кстати говоря, сам написал книгу для этого концерна). Хотя в целом он считает, что «Тайм-лайф» проводит огромную работу по обеспечению подлинной объективности своих научных книг, но в этом случае, по его убеждению, издатели отошли от своих принципов и допустили серьезный просчет. «Есть очевидные свидетельства того, что Геллер — трюкач, — пишет он без всякой ссылки на то, что же это за свидетельства. — И издателям не хватило силы воли и смелости, чтобы признаться в этом». А может быть, все-таки «Тайм-лайф» получше разбирается в научных проблемах, чем он думает?

А в следующем своем номере за тот же год они порадовали меня тем, что поместили обзор того самого телешоу, в котором «Великолепный» Рэнди впервые оказался на одной сцене с «неугомонным Ури Геллером». Слово «неугомонный» особенно привлекло мое внимание. Я думаю, в этом они правы.

Сегодня больше не стоит вопрос, реален Ури Геллер или нет. Зато возникает значительно более важный — может ли улучшить мир широкое понимание и использование парапсихологической энергии человеческого ума.

Я горжусь тем, что делал в Женеве, и благодаря тем смелым общественным деятелям, которые пригласили меня, не считая это смешным, ведь они знали, насколько насмешливо-критически может отреагировать пресса (хотя справедливости ради надо признать, что на этот раз все было описано очень объективно и честно). Двое из них даже выразили мне благодарность за оказанные услуги после того, как история стала достоянием широкой общественности.

Я написал письмо сенатору Пеллу, поблагодарив его за поддержку, которую он оказал мне, несмотря на неизбежность столкновений со скептически настроенной частью публики. Он ответил, что считает самым главным в любом деле верить самому себе, своим ощущениям. «И я по-прежнему очень верю в вас и в подлинную ценность нашей дружбы», — добавил он.

Мне приятно осознавать, что эта дружба во многом способствовала появлению билля, провозглашавшего особое значение «высших уровней человеческого сознания», который он

подписал вместе с сенатором Альбертом Гором и Нэнси Кассебаум. Их цель заключалась в том, чтобы создать частную комиссию для всестороннего изучения парапсихологического феномена, и я надеюсь, что скептики, которые весьма иронично окрестили его как «билль сгибателей ложек», в конечном счете вынуждены будут признать, что интерес к этим явлениям возрастает с каждым годом и находит сторонников на всех уровнях политической власти в стране, вплоть до самого высшего.

Я не знаю, кто конкретно нес ответственность за мое приглашение в Женеву, но надеюсь, что не подвел этого человека и тот эффект, который я сумел произвести на советских представителей, будет положительным.

Мне кажется, что, когда они вернулись домой, у них было о чем подумать. Не исключено, что они провели после этого встречу с представителями различных направлений парапсихологического воздействия со всех уголков Советского Союза — из Москвы и Ленинграда, Минска, Харькова, Киева, Пушкино, Краснодара, Новосибирска, Алма-Аты, Таганрога, Еревана и Тбилиси, то есть отовсюду, где экстрасенсы (так в СССР чаще всего называют этих людей) уже исследовались. И возможно, расходы на их изучение будут увеличены, возникнут новые лаборатории, будут вовлечены научные ведущие силы страны.

Кто знает, быть может, именно в результате подобной миссии в 1989 году меня посетил известный советский космический ученый, который приехал в Лондон специально для того, чтобы обсудить со мной одну очень важную проблему. Речь шла о небезызвестном беспилотном космическом аппарате «Фобос», посланном на орбиту планеты Марс для сбора научной информации и проб грунта с поверхности спутника этой планеты, но из-за какой-то компьютерной ошибки сошедшем со своего курса. Ученый поинтересовался, смог бы я им чем-нибудь помочь? Поскольку это был мирный эксперимент с чисто научными целями, я согласился попытаться. А вскоре после этого визита дал первое интервью советскому журналисту — лондонскому корреспонденту газеты «Труд» Алексею Бурмистенко.

Я пробил и еще одну брешь в железном занавесе, когда в том же 1989 году съемочная группа венгерского телевидения переступила порог моего дома, чтобы в течение двух дней снимать обо мне фильм. Я был настолько поражен их энтузиазмом и высоким профессионализмом, что помог им подобрать полную коллекцию видеоклипов, сделанных на основе моих предыдущих телевизионных выступлений.

И в довершение всего в конце 1989 года я получил неожиданное удовольствие предстать на экране перед 200 миллионами советских телезрителей, которые имели возможность видеть нашу беседу с корреспондентом Гостелерадио СССР в Лондоне Всеволодом Шишковским. Чем же я заслужил такую честь? Как было сказано во вступительном слове, мне незадолго до этого удалось остановить Биг Бен — знаменитые часы на башне Дома парламента. Позвольте мне объяснить, как все это произошло.

14 декабря я получил послание от Джей Бартлетт, директора американской компании, занимавшейся рекламой и продажей моей новой настольной игры «Умом к уму». Письмо пришло поздно вечером, и я, разумеется, ничего не предпринимал до следующего утра, только внимательно ознакомился с его содержанием. Джей спрашивала у меня, не мог бы я удивить публику чем-нибудь совершенно неожиданным, и предложила, к примеру, попытаться остановить Биг Бен на Рождество. Я знал, что часы за всю свою 130-летнюю историю останавливались всего лишь один раз, и, честно говоря, особенно не надеялся, что сумею остановить их во второй раз. Но тем не менее решил, что должен попытаться. Что я терял от этого? Поэтому около 9 утра 15 декабря я нашел почтовую открытку с изображением Биг Бена и, взяв ее с собой, направился в небольшую беседку в глубине моего зимнего сада, где я обычно провожу свои регулярные медитации. Около десяти минут я концентрировался на часы и затем приказал: «Остановись! Остановись! Остановись!» Час спустя я снова вернулся в беседку и повторил весь сеанс, чувствуя себя при этом довольно глупым и смешным. Я в общем-то не собирался останавливать часы именно в этот день, просто хотел провести небольшую тренировку — что-то вроде согревающей разминки. Примерно в половине одиннадцатого я вышел из беседки и начал ежедневную пробежку, начисто забыв о Биг Бене.

И вдруг в вечерних новостях объявляют, что Биг Бен остановился в 11.07 утра! Я не мог в это поверить и тут же позвонил Джей Бартлетт, чтобы рассказать ей, что случилось. Она впоследствии подтвердила британским репортерам, что это была ее идея, а не моя, к тому же у меня сохранилось датированное факс-письмо, доказывающее это.

Интересно, что вдобавок ко всему этому несколько месяцев назад я получил приглашение от одного из членов парламента посетить Биг Бен со своей семьей 18 декабря. По ошибке я записал в своей записной книжке-календаре дату 16 декабря и вот благодаря курьезному стечению обстоятельств именно в этот день оказался там по многочисленным просьбам

фотокорреспондентов.

Была у меня мысль остановить Биг Бен еще раз 31 декабря, но мой адвокат посоветовал мне не делать этого во избежание неприятных столкновений с законом, грозящих мне за нанесение ущерба государственной собственности. Словом, я решил оставить эту идею.

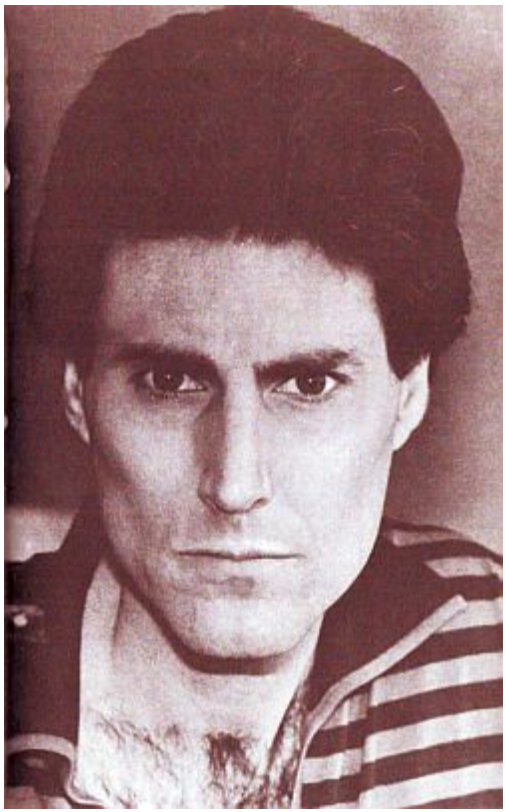
С другой стороны, мое краткое появление на Советском телевидении произвело такой грандиозный эффект на телезрителей, что в считанные дни телестудия получила более 30 тысяч писем от людей, чьи сломанные часы пошли, были даже такие, кто утверждал, что их часы не работали уже сто лет и внезапно снова ожили. Результаты были настолько ошеломляющие, что руководство Гостелерадио СССР решило повторить мое интервью неделю спустя для тех, кто по тем или иным причинам не имел возможности увидеть программу или подготовить свои сломанные часы во время показа.

И снова студия получила более 20 тысяч писем. А я все никак не мог поверить в свой успех и в ту теплоту и дружелюбие, которые так неожиданно пришли ко мне из России.

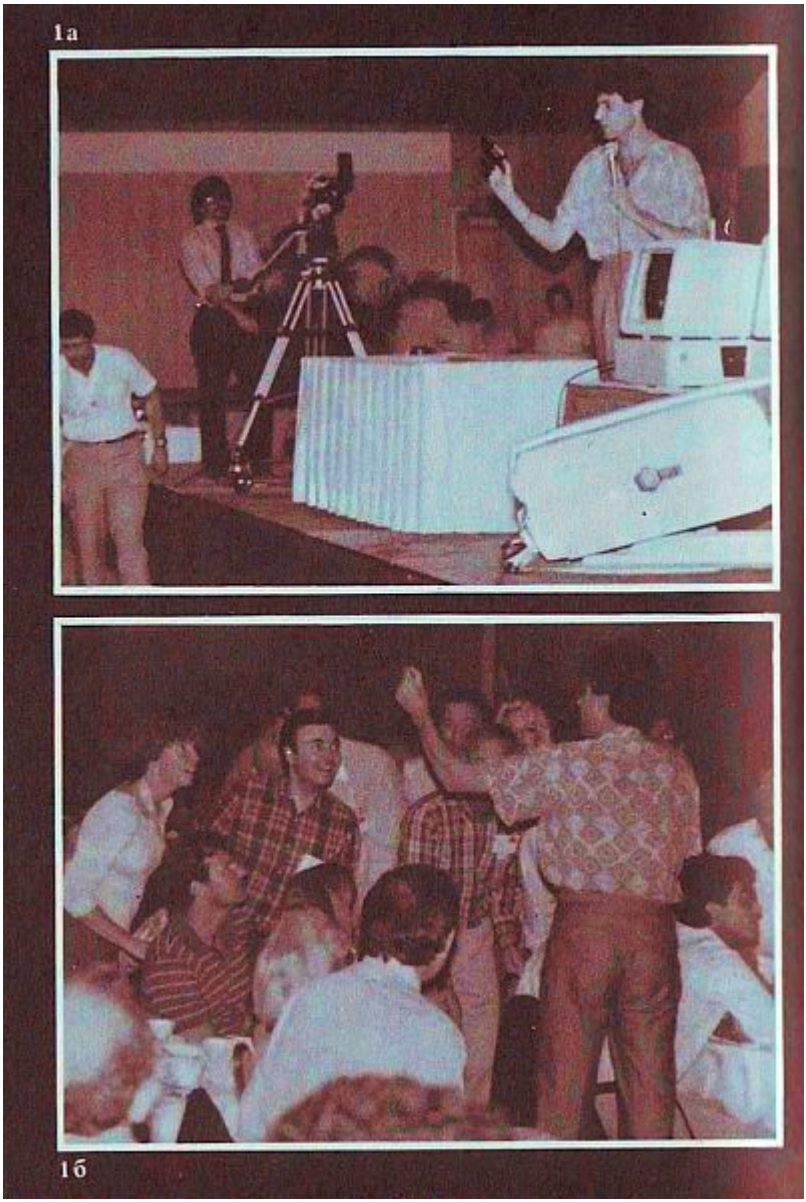
1989 год принес уникальные изменения в мировой истории, огромные успехи и достижения во всем мире, укрепление демократии и взаимопонимания. Девяностые годы XX века обещают стать первым десятилетием реального мира, и как новогодний подарок я с огромным счастьем воспринял приглашение впервые посетить страну, где берут истоки большинство новых мирных инициатив, — Советский Союз.

Там, уверен, я обязательно встречу много прекрасных людей, которые, так же как и их смелый президент, все свои усилия направляют на гуманное переустройство общества и построение долговременного прочного мира, что, конечно же, куда более важно, нежели сгибание ложек или остановка часов!

ИЛЛЮСТРАЦИИ



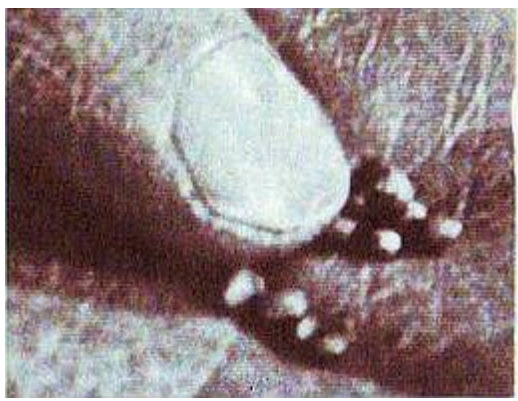
Ури Геллер.



Четко засвидетельствованная демонстрация по остановке компьютера на семинаре Организации молодых президентов в Сан-Диего, 1985 год.

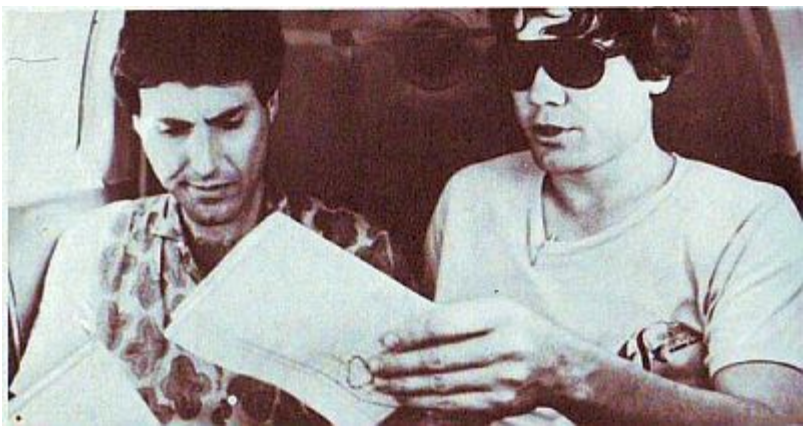
Влияние на компьютерную ленту в Японии при помощи способов, похожих на те, что были показаны Геллером в 1983 году на японском телевидении.

С космонавтом Эдгаром Митчеллом (*слева*) и ученым-металловедом из Кентстейского университета Уилбором Франклином. Капитан Митчелл учит Геллера, как проращивать семя, используя только энергию своего ума.



Проращивание семени красной редиски на глазах у 17 млн. западных немцев во время телевизионного шоу Томаса Готшалка.

Одно и то же семя до и после проращивания.

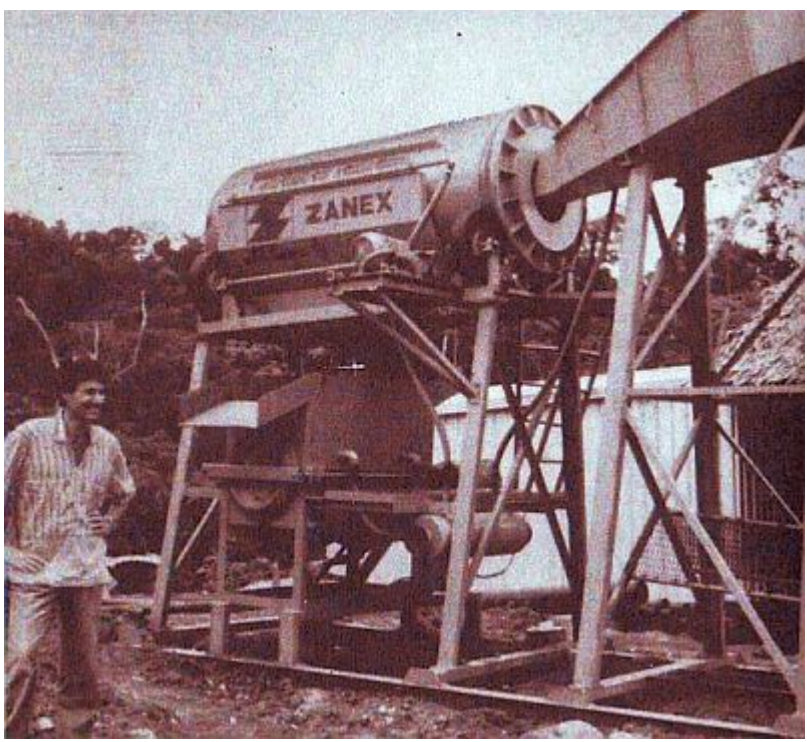


Воздушная разведка над Соломоновыми островами вместе с директором фирмы «Занекс» Питером Стерлингом (*справа*).

Премьер-министр Соломоновых островов Сэр Питер

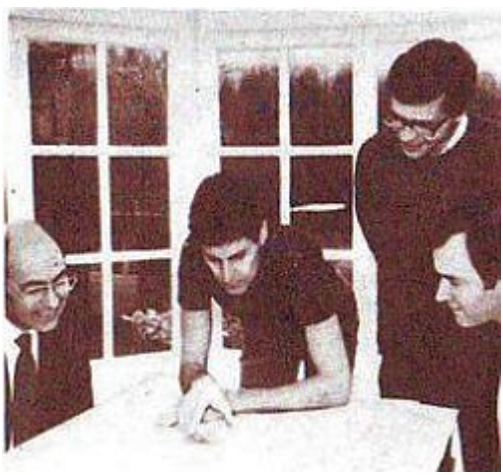
Кенилореа становится свидетелем деформации фамильной ложки во время торжественного открытия золотодобывающей шахты.

Технология воздушного «лозоискательства» Геллера во время полета над Соломоновыми островами в 1985 году.



Первое золото, добываемое на Гуадалканале, недалеко от одного из мест, указанных Геллером.

Поиски золота в бассейне Амазонки в Бразилии: *вверху* — изучение карт, *внизу* — проверка отобранного места.

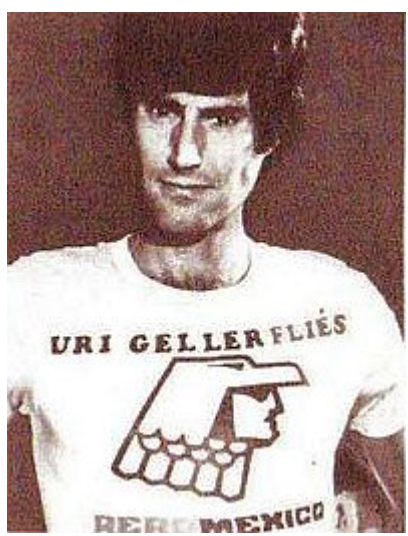


Слева направо: Барри Томпсон, Геллер, Тоннии Хаммонд и Денис Томас в офисе Ассоциации Ури Геллера изучают карту перед полетом для определения места возможного обнаружения золота.

Развлечение офицеров и военных на передней линии фронта. *Вверху* — в Ливане; *внизу* — гражданского населения во время турне Геллера в 1984 году по Израилю, самого интенсивного в его карьере.

Мексиканский и американский президенты Хосе Лопес Портильо и Джимми Картер в Белом доме в 1979 году.

Два наиболее успешных изобретения Геллера — «Диамонтрон» и пользующий большим покупательским спросом «Манитрон».

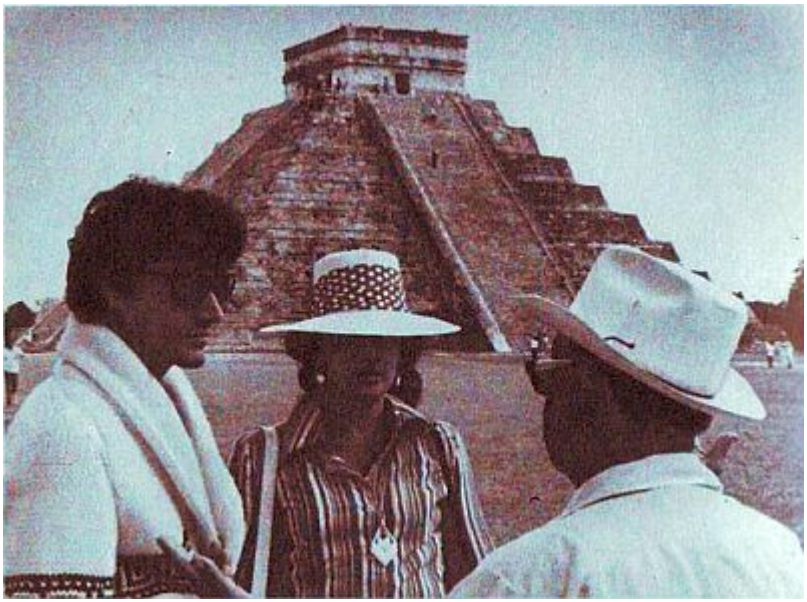


Геллер в майке «Аэромексико».

Пистолет, подаренный ему Лопесом Партильо.

Сэр Вал Дункан, председатель и исполнительный директор Рио Тинто-Цинк корпорации.

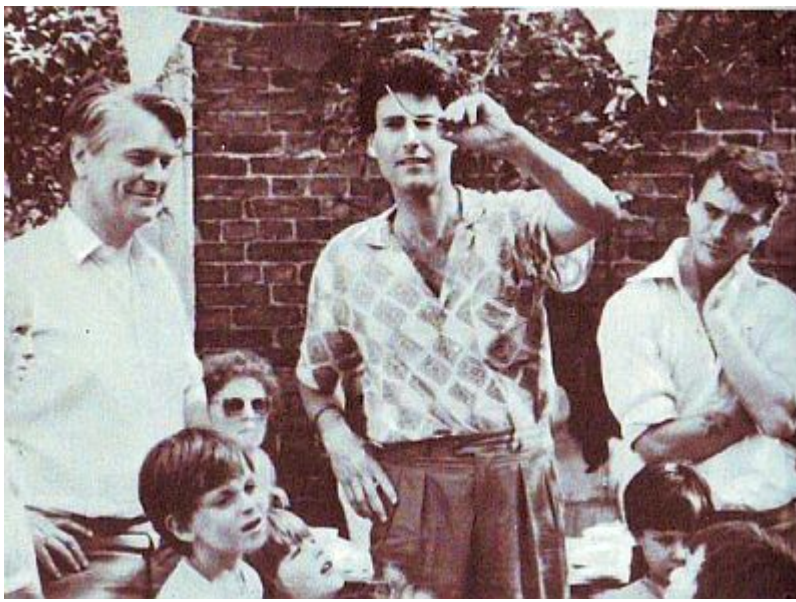
С израильским политиком Эзером Вейсманом (*центр*) и другом-изобретателем Меиром Гитлисом (*слева*).



Осматривая достопримечательности с первой леди Мексики.

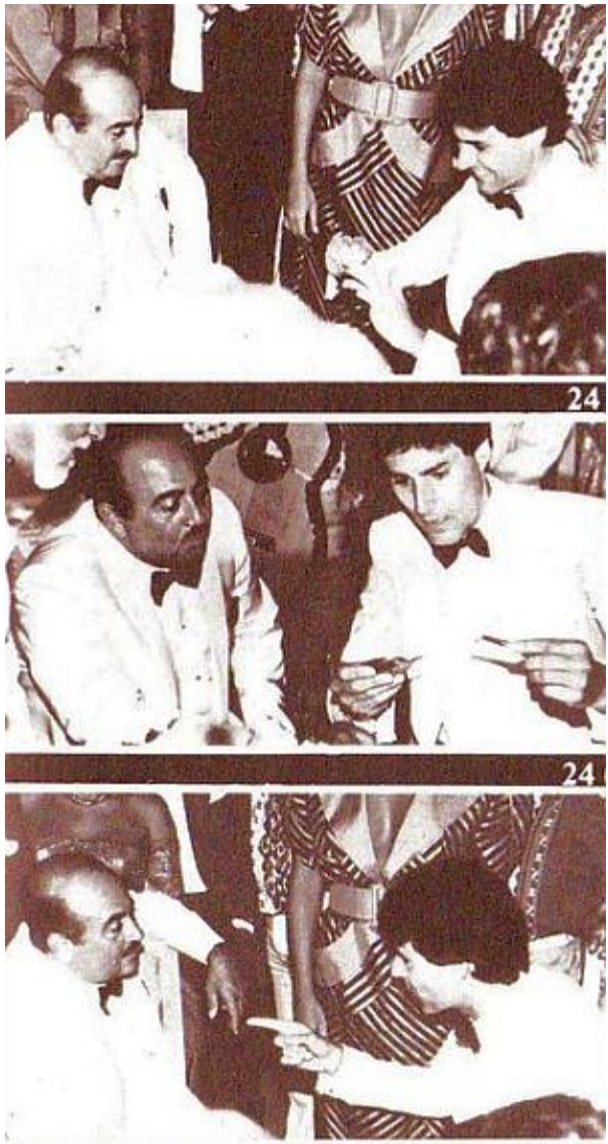
Чтение мыслей Генри Киссинджера. Розалин Картер (*справа от Геллера*) держит в руках недавно согнутую ложку, которая продолжает сгибаться в ее руке. Слева от нее Кармен Романо де Лопес Портильо.

Адвокат, профессор Амнон Рубинштейн, впоследствии министр в израильском правительстве.



Доктор Дэвид Оуэн, лидер социал-демократов, наблюдает за процессом сгибания ложки в 1985 году.

Пикник в саду Клемента Фрейда, на котором Геллер ведет беседу с лидером либералов Дэвидом Стилом в 1986 году.



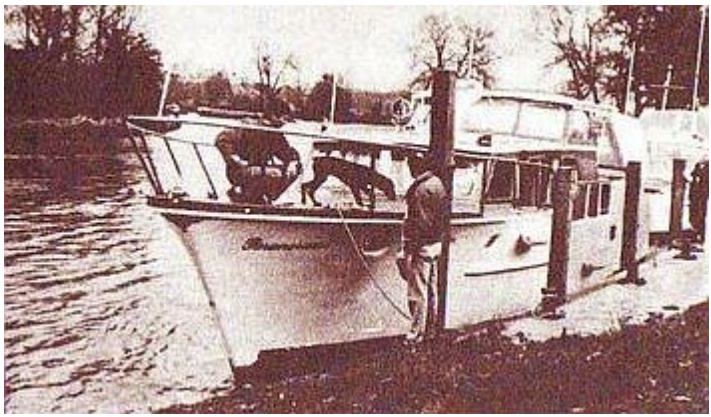
После демонстрации своих возможностей на 50-летии Аднана Хашогги, Геллер ведет основательный разговор об отношениях на Ближнем Востоке.

Проращивание семени во время визита Геллера в Американскую миссию на переговорах в Женеве по разоружению.

Ури и его семья во время отдыха перед своим домом в Беркшире.

С охотником за нацистами Симоном Визенталем — конфиденциальная встреча в Лондоне.

Возвращение из командировки на частном вертолете Геллера.



На борту катера Ури «Паранормаль» на его частном причале на Темзе.

С сыном Даниэлем в одном из американских домов Ури: *на заднем плане* — скульптура Дали.

ПОСЛЕСЛОВИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ

Начало этому спору было положено в Израиле где-то лет пять назад, когда я выступал с лекциями-демонстрациями в городе Беершебе. Через несколько дней после этого выступления я прочитал в местной газете, что кто-то из зрителей пошел в суд потребовать назад свои деньги за билет. Что-то около двух долларов. Этот человек утверждал, что мои рекламные плакаты обещали то, чего он так и не увидел на сцене. Он был убежден, что его обманули и то, что показали, было не настоящей телепатией или психокинезом. Я, по правде говоря, не принял это слишком близко к сердцу, а потом узнал, что один из моих поклонников отослал этому недоверчивому человеку деньги вместе с коротким стихотворением.

Но чем популярнее я становился в Израиле, тем больше недоброжелателей у меня появлялось.

Однажды я стал объектом обсуждения в сенсационном еженедельнике под названием «Хаолам Хазе», который начал публиковать обо мне все негативные сообщения. Так, в одном из номеров на первой странице появился заголовок «Ури Геллер — плут и обманщик». Это было мое первое знакомство с критикой в прессе. На самом деле это даже способствовало расширению моей популярности, помогало людям узнать обо мне. Все эти даже самые неприятные публикации никогда не влияли на мою позицию и мое мировоззрение. Но все это дало толчок к тому, что в спор вступили некоторые закрытые засекреченные израильские ученые и профессора, также утверждавшие, что я шарлатан. Среди этих ученых, как вскоре выяснилось, был один фокусник-любитель. Именно тогда я понял, что, куда бы я ни поехал, где бы ни оказался, всюду меня будут преследовать такие фокусники. Менеджеры в Израиле зарабатывали на мне очень много денег, и, думаю, поэтому, когда я бросил их, они тоже встали против меня. Один из них даже угрожал мне шантажом в том случае, если я ему не выплачу 20 тысяч долларов, — он пообещал, что выдумает самое грязное вранье, порочащее меня, и ни перед чем не остановится.

Мой друг Шипи тоже оказался затянут во весь этот спор и стал для них удобной мишенью из-за того, что он якобы помогал Ури обманывать зрителей, хотя я сотни раз выступал перед публикой в то время, когда он находился в тысячах милях от меня. Ему и сейчас не разрешают находиться в лабораториях,

когда проходят эксперименты и контрольные тесты.

Позже «Хаолам Хазе» пошел еще дальше, опубликовав от первой до последней строки сфабрикованное интервью с Ханной Штранг, сестрой Шипи. Заголовок гласил: «Вот как мы помогали ему обманывать».

Меня бесконечно проверяли, мной занимались несколько профессиональных фокусников. Вот заключение одного из них:

> «Официальное сообщение.
>
> Исполнительному комитету общества американских фокусников „Ассамблея-30“ от:
>
> Оккультного исследовательского комитета,
>
> Общества американских фокусников,
>
> „Ассамблея-30“ — председатель Артур Зорка.
>
> Тема — исследование способностей Ури Геллера.
>
> Как председатель комитета этого общества, я передаю вам результаты исследований Ури Геллера. 2 июля 1975 года я, Артур Зорка, и несколько моих коллег-фокусников наблюдали за записью телевизионной программы, в которой господин Геллер принимал участие в качестве гостя. Господин Геллер не знал то, что пять фокусников-экспертов сидели в разных точках зала среди зрителей с целью определить методы, которыми он достигает этого феномена. Хотя у нас сложилось достаточно высокое мнение об его артистическом даровании, условия контроля были далеки от идеальных, для того чтобы сделать какие-то окончательные выводы.
>
> После окончания записи господин Аббон Диксон — член нашей комиссии — и я встретились с Ури Геллером в частной беседе, в процессе которой были также проведены контролируемые эксперименты. Я подчеркиваю — контролируемые, потому что наш контроль отличается от того, каким будет пользоваться научный исследователь. Это контроль, направленный на то, чтобы предотвратить обман, мошенничество и подделку. Являясь специалистом в этой области, я специально подготовил тесты таким образом, что положительные результаты не могут быть достигнуты с помощью каких-либо фокусов.
>
> Тесты проходили в комнате, где не было ни зеркал, ни окон и лишь одна дверь, через которую мы вошли, плотно закрыв ее за собой. Господин Диксон, Ури Геллер и я сели, глядя друг на друга. Больше никого не было как

в самом помещении, так и рядом с местом, где происходили эксперименты. В первом эксперименте Ури Геллер должен был согнуть вилку, которую я ему дал. Вилка была сделана из железа, с пластмассовой ручкой. Я выбрал именно эту вилку, потому что знал, что она обладает большим сопротивлением физическим нагрузкам. Я передал вилку Ури Геллеру, и он взял ее в левую руку. Его пальцы обхватили вилку и через какое-то мгновение вилка, которая постоянно находилась под моим наблюдением, буквально взорвалась. Осколки ее пластмассовой ручки разлетелись по всей комнате. В тестах, где подвергались контролю телепатические способности Ури Геллера, мы попросили его повернуться спиной к нам и по очереди сделали какие-то несложные рисунки. Мистер Геллер должен был повторить эти изображения. После двух неудачных попыток Геллеру удалось сделать почти точное воспроизведение рисунков. Пока рисунки готовились, за Геллером внимательно следили члены нашего комитета, чтобы убедиться в том, что он никак не может их увидеть.

В других тестах Геллер смог довольно точно продублировать на бумаге те рисунки, о которых я только думал. Я никаких рисунков в этих тестах не делал и вообще не пользовался бумагой.

Во время следующего эксперимента я смотрел с расстояния около пяти фунтов, как гнулся металлический ключ под прикосновением руки Геллера, и со всей очевидностью наблюдал процесс сгибания.

Таким образом, наш комитет приходит к общему выводу, что, несмотря на то что некоторые фокусники могут показать сходные результаты этих тестов, пользуясь различными трюками и при определенных условиях, нет такого известного им способа, которым можно было бы воспользоваться, чтобы добиться этих эффектов в условиях того контроля, которому подвергался Ури Геллер.

Артур Зорка,
председатель.
2685, Харрингтон-драйв.
Декатур, Штат Джорджия, 30033
(404). 634-6950».

Разумеется, он был проклят Обществом американских фокусников за то, что написал такое заключение. Еще один

профессиональный иллюзионист написал про меня положительную книгу. После того как он провел несколько экспериментов со мной, он пришел к твердому убеждению, что этот эффект — подлинный феномен.

Я скажу просто: если бы я занимался обманом, пользовался химикатами или лазерными лучами, если бы мне кто-то помогал во время сеансов, меня давно поймали бы уже тысячу раз во время телевизионных передач, интервью с прессой, в лабораториях, в ходе лекций-демонстраций перед тысячами людей. Насколько я знаю, меня очень часто снимают скрытой камерой, не сводя объектив с моих рук. И все впустую. Все обвинения против меня безосновательны. Меня даже удивляет, что до сих пор еще находятся люди, которые пытаются связать мое имя с каким-то мошенничеством и жульничеством. Думаю, что это просто цена, которую приходится платить за свою известность и популярность.

Те читатели, которые заинтересовались научными экспериментами, пройденными мной, смогут найти все документы, сообщения и заключения из разных институтов и университетов в книге «Бумаги Геллера» под редакцией Чарльза Панати, вышедшей в издательстве «Хоугтон Миффлин» в Бостоне в 1976 году.

Я пытался понять, какие чувства движут моими противниками. Иногда их действия выглядят как заговор, иногда мне кажется, что кто-то из очень влиятельных людей прикладывает колоссальные усилия, чтобы доказать, что «эффект Геллера» — это лишь детское волшебство. Но зачем? Разве им что-то угрожает? Или они просто фанатики? А может быть, у них есть какие-то политические мотивации?

Я не нашел ответа, но надеюсь, что когда-нибудь найду.

И в заключение мне хотелось бы привести письмо, которое я написал для телепередачи «Туморроу», где его прочитал ведущий Том Снайдер:

> «Дорогой Том и все зрители программы „Туморроу“.
>
> Скорее всего, те два мага, которые примут участие в сегодняшней передаче, попытаются при помощи своих трюков повторить те вещи, которые я делаю по-настоящему, без обмана. Мне очень часто бросают таким образом вызов, но я отказываюсь принимать его от этих людей — завистливых, недоброжелательных. Они искажают факты, неправильно меня цитируют, называют меня шарлатаном. Один из них — мистер Рэнди — не погнушался даже тем, что упомянул мое имя рядом с

именем Адольфа Гитлера, посадив нас как бы на одну скамейку. Сами они отказываются подвергать себя научно контролируемым экспериментам. Как-то раз они попытались это сделать, но у них ничего не получилось, и с тех пор они обходят эту тему молчанием. Я же в свою очередь подверг себя по крайней мере десятку сложнейших исследований в различных институтах и университетах по всему миру. Среди них такие известные центры науки, как Станфордский, Калифорнийский, Кентстейтский, Лондонский исследовательские институты. В большинстве случаев итоговые работы по результатам экспериментов были опубликованы в престижных научных журналах.

Вам, наверно, будет интересно знать, что один известный американский иллюзионист, который тоже будет сегодня гостем телепрограммы, подверг меня своим собственным тестам, с успехом пройдя которые я доказал, что все мои демонстрации подлинные. Кстати, многие 5-6-летние дети в разных странах сейчас исследуются учеными в связи с тем, что им тоже удается проявить тот же феномен, при котором гнется металл. Они, что же, тоже фокусники, у которых где-то припрятаны лазерные лучи и химикаты?

Я не фокусник, я им никогда не был и не собирала, конкурировать с магами и иллюзионистами когда-либо в будущем.

Тысячи лет назад Моисей всеми силами, которые были ему даны, превратил свой жезл в змею на глазах у Фараона, и некоторым умелым фокусникам удалось повторить это при помощи хитрого трюка. Но змея Моисея съела этих волшебников. Я верю в то, что правда и факты когда-нибудь также съедят вранье и фокусы.

А поэтому всем своим клеветникам и завистникам я посылаю любовь и самые добрые пожелания, обращаясь только с просьбой правильно произносить и писать мое имя, когда вы изливаете на меня свою злость, клевету и вранье. Потому что благодаря всему этому мое имя и истинный феномен становятся известны всем.

Спасибо.

С любовью и миром, Ури Геллер».

Эти последние несколько страниц я включил в книгу не для того, чтобы защитить себя. Я не считаю, что в этом есть необходимость. Просто мне хотелось, чтобы читатель знал все и

сам во всем разобрался. Если то, что я делаю, находит сегодня такое мощное противодействие, то, значит, во всем этом есть глубокий смысл. А люди либо примут мою историю, либо нет. Третьего не дано.

Апрель 1976 года

БЛАГОДАРНОСТИ

В работе над второй книгой мне помогали: Ури Авнери, Моше Бен-Хаим, Майкл Бентайн, Роберт Болт и Сара Майлс, Аурелия и Хаинц Бундшух, Элдон Берд, Джозеф Чарльз, Рон и Никола Коллин, Луис Конде, Яков и Шоши Давид, Айрис Давидеско, Филип Доннисон, Леди Мэри Фейрфакс, Поль Фэнтон, Вольфганг Фогес, Клемент и Джил Фрейд, Мэттью Фрейд, Дэвид Фрост, Джон и Элизабет Фуллер, Илонка Фуллоп, Эва Геллер, Маргарет Геро, Мэйр и Анат Гитлис, Беверли Горди, Тони Хаммонд, Джон Хастед, Рон Хоук и его семья, Рэни Хирш, Вольгайэс Хьюгоун, Брайан Инглис, Байрон и Мария Джанис, Яша Кац, Бетти Кенворси, Аднан Кашогги, Уолтер Клеппер, Ульрих Кохли и его семья, Сьюзен Элизабет Корн, Ричард Катнер, Стюарт Катнер, Анита Лагеркранц, Джесси и Пэт Ласки, Бенджамино Леви и Роберта, Ларри и Глория Лайтер, Хосе Лопес Портильо, Кармен Романо до Лопес Портильо, Том Машлер, Джефф Мишлоф, Эдгар Митчелл, Брендан О'Риган, Гончи Палн, Чарльз Панати, Ян Патен, Гидеон, Офра и Леа Пелег, принцесса Лучиана Пигнателли, Гай Лайон Плэйфайр, Сантьяго Полларски, Андриа Пухарич, Хал Путхофф, Расел Тарг, Алиса и Марта Розенберг, Майкл и Джеки Розенберг, Амнон, Рони и Таль Рубинштейн, Айбуа и Дениз Шнер, Дик и Джоанн Сивер, Ави Сеттон, Дани Шалем, Ари и Хава Штранг, Шипи Штранг, Эли Тавор, Деннис Томас, Барри Томпсон и его семья, Тибор, Джон Тишман, Уолтер и Мэри Джо Апхофф, Маргарет Ван Хаттен, Боб Ворс, Эзер Вейсман, Сэр Джон Вайтмор, Боб и Кандэйс Вильямсон, Колин Уильсон, Дональд Вуд, Хун-Ихи Джао, Хези и Тали Закаи, Артур Зорка, а также мои новые советские друзья Алексей Бурмистенко и его семья, Николай Ямбуренко, Всеволод Шишковский и его семья и Ханна, благодаря которой я прочно стою на земле.

Ури Геллер, 1987 год.

Я хочу поблагодарить за помощь в работе над книгой: Дэвида Болта, Энтони Колвела, Манди Гринфилд, Маурицию Гросс, Джека Хоука, Марчелло Трущи, профессора Роберта Ван де Кастла.

Особые благодарности Ури, Ханне и Шипи за их сотрудничество, терпимость и внимательность во время написания книги.

Гай Лайон Плэйфайр.

Мне также хотелось бы поблагодарить за большой вклад в подготовку перевода этой книги Гульнару Давлетшину, Александра Егорова, Юрия и Марину Панкратовых, Андрея Полещука, Ларису Соболеву и Василия Стрельникова.

Владимир Толстой.